Ломакина Ольга Валентиновна

Доктор филологических наук, доцент кафедры
иностранных языков филологического факультета
Российского университета дружбы народов,
профессор кафедры современного русского языка
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета,
специалист в области фразеологии, лингвистики текста,
писательской фразеографии, автор более 170 печатных работ.

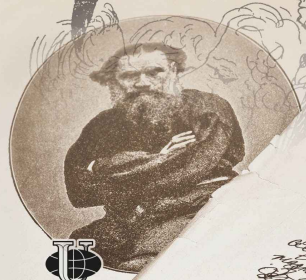
9 785209 088530

О.В. Ломакина

ФРАЗЕОЛОГИЯ В ТЕКСТЕ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ИДИОСТИЛЬ

О.В. Ломакина

ФРАЗЕОЛОГИЯ В ТЕКСТЕ:
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ИДИОСТИЛЬ



Москва
Российский университет
дружбы народов
2018

О.В. Ломакина

ФРАЗЕОЛОГИЯ В ТЕКСТЕ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ИДИОСТИЛЬ

Москва
Российский университет дружбы народов
2019

УДК 811.161.1'373.7(035.3)
ББК -3*81.2Рус
Л74

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 17-29-09064

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор *Т.Г. Никитина*
(Псковский государственный университет);
доктор филологических наук, профессор *А.Р. Попова*
(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева)

Научный редактор –
доктор филологических наук, профессор ***В.М. Мокиенко***
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Ломакина, О. В.

Л74 Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль : монография / О. В. Ломакина ; под ред. В. М. Мокиенко. – Москва : РУДН, 2019. – 344 с. : ил.

ISBN 978-5-209-08853-0

Монография посвящена анализу роли фразеологии в формировании идиостиля писателя. На примере языка Л.Н. Толстого показан функциональный аспект фразеологических единиц, пословиц, крылатых выражений, дан лингвистический комментарий фразеологической инноватики Л.Н. Толстого.

В книге рассматриваются языковые единицы в системе современной гуманитарной парадигмы, перечисляются основные направления изучения фразеологии в целом и фразеологии языка Л.Н. Толстого в частности. Текст представлен как объект филологического анализа, внимание читателей сфокусировано на методологии работы с текстом. Изучение фразеоконтекста и анализ проблематики изучения фразеоресурсов языка предваряет выявление роли фразеологических актуализаторов в смысловой репрезентации фразеологических единиц и пословиц в рассматриваемых текстах. Отдельно представлено употребление толстовской фразеологии в Интернет-дискурсе.

Издание предназначено для ученых-исследователей, аспирантов, а также всех, кто интересуется вопросами языка и стиля писателя, исследованиями фразеологии.

УДК 811.161.1'373.7(035.3)
ББК -3*81.2Рус

ISBN 978-5-209-08853-0

© Ломакина О.В., 2019
© Российский университет дружбы народов, 2019

Светлой памяти

моих любимых бабушек и дедушки

Шичаниной (Ломакиной) Анны Максимовны

(1919–1997),

Андриановой (Пивоваровой) Татьяны Сергеевны

(1930–1997),

Андрианова Владимира Васильевича

(1927–2017)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 8

Раздел 1. Фразеология в языке писателя и актуальные проблемы современной лингвистики 12

Глава 1. Язык и языковые единицы в системе современной гуманитарной парадигмы. Основные направления изучения фразеологии 12

Глава 2. Текст как объект филологического анализа. Методология работы с текстом 29

Глава 3. Современная лексикография: традиции и тенденции развития 39

Глава 4. Основные направления изучения фразеологии языка Л.Н. Толстого 45

Выводы к разделу 1 52

Раздел 2. Фразеология в языке Л.Н. Толстого: особенности функционирования 54

Глава 1. Фразеоконтекст: от теории изучения к практике интерпретации 54

§ 1. Современное понимание термина фразеоконтекст. Проблематика изучения фразеоресурсов языка в контексте 54

§ 2. Роль фразеологических актуализаторов в смысловой репрезентации фразеологических единиц и пословиц 60

Глава 2. Типология функций фразеологических единиц, пословиц, крылатых выражений и их реализация в языке Л.Н. Толстого 72

§ 1. Описание функционального потенциала фразеологических единиц, пословиц, крылатых выражений: анализ классификаций 72

§ 2. Реализация функций фразеологических единиц, паремий, крылатых выражений в языке Л.Н. Толстого: от общеязыкового к индивидуальному 77

2.1. Прагматический потенциал пословиц: способы экспликации коммуникативного намерения в языке Л.Н. Толстого 77

2.2. Употребление паремий с компонентами-этнолингвомаркёрами в языке Л.Н. Толстого – пример реализации кумулятивной функции 84

2.3. Функциональный потенциал фразеологических единиц и крылатых выражений в языке Л.Н. Толстого: монофункциональность и полифукциональность 93
Глава 3. Композиционная и жанрово-стилистическая обусловленность употребления фразеосредств в языке Л.Н. Толстого 105
§ 1. Роль заглавия-паремии в народных рассказах Л.Н. Толстого 109
§ 2. Фразеология в роли смысловых доминант языка Л.Н. Толстого 113
§ 3. Фразеология в речи автора и персонажей художественных произведений Л.Н. Толстого 154
Выводы к разделу 2 168

Раздел 3. Фразеологическое варьирование в языке Л.Н. Толстого: лингвистический комментарий 173
Глава 1. Фразеологическое варьирование как языковая проблема. Типология трансформаций фразеологических единиц 173
Глава 2. Реализация трансформационного потенциала фразеологии в языке Л.Н. Толстого: характеристика преобразований 178
§ 1. Формальное варьирование фразеологических единиц 178
§ 2. Семантическое варьирование фразеологических единиц 182
§ 3. Структурно-семантические преобразования фразеологических единиц 186
§ 4. Комплексные преобразования фразеологических единиц 219
Выводы к разделу 3 227

Раздел 4. Лексикографическое описание фразеологической системы языка Л.Н. Толстого 229
Глава 1. Параметризация фразеологических единиц, пословиц, крылатых выражений: основные тенденции в связи с общими вопросами лексикографии 229
§ 1. Фразеография: традиции и новые подходы 229
§ 2. Лексикографическая параметризация русских пословиц 238
§ 3. Отражение крылатых единиц в лексикографии. Язык Л.Н. Толстого как объект крылатографии 248
Глава 2. Язык писателя как предмет лексикографии. Описание фразеологических средств языка в авторском словаре 252

Глава 3. Представление языка Л.Н. Толстого в авторском словаре: обзор словарей и описание лексикографических анонсов 259
Глава 4. «Фразеологический словарь языка Л.Н. Толстого»: принципы создания словника, построение словаря, трудности лексикографического описания, структура словарной статьи 263
Выводы к разделу 4 276

Раздел 5. Фразеология Л.Н. Толстого: современные рецепции 279
Глава 1. Толстовская крылатика в современных публицистических текстах 279
Глава 2. Реализация текстообразующего потенциала толстовской крылатики в Интернет-дискурсе 284
Выводы к разделу 5 288

Заключение 290

Библиографический список 293

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, предлагаемая читателю, посвящена изучению фразеологической системы в языке Л.Н. Толстого и подводит промежуточный итог исследования, проводимого автором в течение двадцати лет.

В современной лингвистике язык понимается как культурный код нации, а не просто как средство коммуникации, и функциональное описание в данных исследованиях совмещается с когнитивным подходом, осуществляется на широком социо-историко-культурном фоне. Признание текстов формой существования языка [Супрун, 1974: 13] показывает смещение вектора от его теоретического описания к практической интерпретации, функционализм же «стал характерной чертой для языкознания во 2-й половине XX в.» [Александрова, 2007: 11].

Идея о том, что «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 2010: 7], подтверждает необходимость изучения языка того или иного писателя во всей общности созданных им текстов. Одним из аспектов подобных исследований становится комплексный анализ фразеологической составляющей языка писателя. Современные учёные выявляют особенности употребления фразеологических ресурсов языка в текстах, описывая характер трансформаций, авторские предпочтения в выборе фразеосредств.

Русская литература, названная «молитвенником человечества» (И. Золотусский), «псалмом, обращаемым к Богу» (А. Проханов), способствующая «очеловечиванию человека» (Ф. Искандер), представляет собой уникальное явление: имеет национальное своеобразие, носит православный характер, отражает культурную идентичность, является претекстом для новых художественных произведений и источником крылатики.

Внимание к творческому наследию Л.Н. Толстого не ослабевает в течение полутора веков и в России, и за рубежом. Это имя,

по наблюдениям В.В. Леденёвой, стало символом эпохи [Леденёва 2010: 78]. Регулярно проводимые на Родине писателя в Ясной Поляне Толстовские чтения способствуют формированию научной проблематики будущих исследований. Язык писателя служит авторитетным источником для изучения русского литературного языка XIX – начала XX в., поэтому описание особенностей языка Л.Н. Толстого дополнит сведения о языке XIX – начала XX в., позволит всецело охарактеризовать языковую личность писателя. Выход монографии приурочен к 190-летию со дня рождения писателя.

Интерес к народному языку сформировался у писателя к началу 1860-х гг., и до конца жизни он был собирателем народных песен, сказок, пословиц и поговорок. Л.Н. Толстой считал, что опыт народа, выраженный в различных жанрах устного народного творчества, выявляет мировоззрение русского народа в целом. Любовь к «россыпям народной мудрости», умение органично включать их в тексты как в исходном, так и в трансформированном виде отличает его язык. Писатель работал с известными и популярными сборниками пословиц, а также сам собирал эти произведения устного народного творчества, записывал их, чтобы включать в художественные, эпистолярные и мемуарные тексты. Так, Л.Н. Толстой в текстах разных жанров использовал более 1200 паремий. Писатель считал, что народная мудрость, выраженная в пословицах, поговорках, легендах, сказках рассеяна по всей России, частицы ее можно услышать от разных людей, а в целом они, дополняя друг друга, выявляют мировоззрение русского народа. По мнению Л.Н. Толстого, «некоторые кажутся столь незначительными, взятые отдельно, …получают вдруг значение глубокой мудрости, когда они сказаны кстати» («Война и мир», т. IV, ч. 1, гл. XIII; 12: 50).

Л.Н. Толстой всегда стремился к достижению единства литературного языка и народной речи. Многие годы писатель внимательно наблюдал за жизнью крестьян, слушая их речь. По свидетельству Н.Н. Страхова, в 1870-е гг. писатель «стал удивительно чувствовать красоту народного языка и каждый день делает открытия новых слов и оборотов…» [Страхов, 1901: 138]. Хотя Л.Н. Толстой хорошо знал паремиологический фонд как русского, так и иностранных языков, он не разграничивал понятие послови-

ца и поговорка, а иногда вообще называл паремию речением, народной мудростью, изречением. Для писателя важна мысль, которую выражает паремия, прагматический смысл пословицы, ее авторитет. Кроме того, Л.Н. Толстой тщательно подбирал литературный материал из древних, медиевистических источников и источников Нового времени для «Круга чтения», впоследствии называя этот свод мыслей лучшим произведением. В данном собрании «чужого» писатель предстаёт не только как знаток литературы, просветитель, адаптировавший сложные тексты для читателя из народа, но и как проповедник и идеолог христианства. В свете этого перспективным представляется не просто классический анализ текста, включающий определение темы, идеи, основных художественных средств, но и поиск «текста в тексте», паспортизация источника и определение авторства в сборниках «На каждый день», «Круг чтения», «Мысли мудрых людей на каждый день», т.е. подтверждение статуса автоинтертекстуальности.

Активное использование фразеологии в качестве сильной позиции текста, тезаурусообразующих единиц, а также реализация потенциальных свойств фразеологических единиц (ФЕ) позволяет судить о богатстве фразеологического вокабуляра писателя и его умении им пользоваться. Поэтому постановка вопроса об описании фразеологической системы в языке писателя и выявлении роли фразеологии в тезаурусе Л.Н. Толстого кажется значимой, а языковая личность (ЯЛ) писателя, безусловно, может быть отнесена к элитарному типу речевой культуры.

Предпринимаемые с 50-х гг. прошлого века исследования, посвящённые изучению фразеологической составляющей языка Л.Н. Толстого, носили фрагментарный характер, хотя содержали важные сведения, помогающие охарактеризовать фразеологические особенности языка писателя. Материалом для настоящего научного исследования послужили тексты Л.Н. Толстого, содержащиеся в «Полном собрании сочинений» (1928-1958 гг.). В основу исследования положена авторская картотека, насчитывающая около 3000 единиц в более чем 12000 фразеоупотреблений. Верификация фразеологического корпуса проводилась по лексикографическим источникам: Бабкин А.М., Шендецов В.В. «Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода»; Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.

«Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка»; Даль В. «Толковый словарь живого великорусского языка»; Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. «Большой словарь русских пословиц»; Николаюк Н.Г. «Библейское слово в нашей речи»; «Фразеологический словарь русского литературного языка» (сост. А.И. Федоров) и др.

В заключение выскажем слова благодарности научному редактору В.М. Мокиенко за предложенное направление работы и возможность обсуждать промежуточные итоги исследования; рецензентам Т.Г. Никитиной и А.Р. Поповой за внимательное прочтение рукописи и добрые советы; наставникам Ю.В. Архангельской, В.Т. Бондаренко, Р.Н. Попову за выбор вектора исследовательской работы; коллегам – членам фразеологического семинара А.С. Алёшину, Х. Вальтеру, Е.И. Зиновьевой, Е.Е. Иванову, Ю.А. Кузнецову, А.С. Макаровой, Е.К. Николаевой, Е.И. Селиверстовой, К.П. Сидоренко, принимавшим активное участие в обсуждении проекта книги. Особая признательность профессорам Санкт-Петербургского государственного университета, хранителям ларинской традиции Л.А. Ивашко и Д.М. Поцепне за доброе отношение во время обучения в докторантуре и рекомендации, которые помогли в создании концепции авторского словаря.

Раздел 1

ФРАЗЕОЛОГИЯ В ЯЗЫКЕ ПИСАТЕЛЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Глава 1. Язык и языковые единицы в системе современной гуманитарной парадигмы. Основные направления изучения фразеологии

Прежде чем обратиться к современному состоянию фразеологии как разделу лингвистики, назовём основные этапы становления этой науки и представим их развитие в отечественной фразеологии.

Хотя отдельные справедливые суждения о фразеологии как науке и ее объектах высказывали А.А. Потебня, А.А. Шахматов, Е.Д. Поливанов, теоретической основой современной фразеологии традиционно считают следующие труды акад. В.В. Виноградова 40-х гг. XX в. «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины» (1946), «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» (1947). Идеи учёного во многом определили развитие современной фразеологии. В.В. Виноградов, восприняв идеи Шарля Балли, дал определение ФЕ, представил синхронную классификацию ФЕ, выделил три типа ФЕ по степени семантической слитности компонентов *фразеологическое сращение*, *фразеологическое единство*, *фразеологическое сочетание*[1]. Эта классификация спустя два десятилетия была дополнена Н.М. Шанским, предложившим термин *фразеологическое выражение*.

[1] Из всех типов подробнее всего изучены фразеологические сочетания [Гвоздарёв, 1973].

В 1950-е гг. Б.А. Ларин рассматривает фразеологию в диахроническом аспекте, что позволяет последователям учёного в дальнейшем проводить историко-этимологические изыскания в области русского и иностранных языков с целью выявления как общего, так и национального во фразеосистеме.

Во 2-й половине XX в. происходит выделение фразеологического значения как семасиологической категории [Алефиренко, 2004: 4], что важно для получения фразеологией статуса отдельного от лексикологии раздела лингвистики. Труды В.Л. Архангельского, В.П. Жукова, А.В. Кунина, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия стали прочным фундаментом для изучения фразеосемантики [Архангельский, 1964; Жуков, 1978; Кунин, 1964; Мелерович, 1979; Мокиенко, 1980 – 1-е изд., 1989 – 2-е изд.; Телия, 1968], для описания которой был создан и обоснован метод структурно-семантического анализа ФЕ, строящийся на соотношении плана содержания и плана выражения семантической структуры ФЕ [Мелерович, 2008, 2011].

1960-е – 1970-е гг. ознаменованы становлением фразеологии, чему способствовало издание многочисленных теоретических работ, организация научных симпозиумов и конференций, где намечались направления будущих исследований. С этого времени «фразеология рассматривается как наука, изучающая значение, форму и употребление постоянных комбинаций словесных знаков речи носителей данного языка» [Архангельский, 1964: 3]. Самостоятельность фразеологии связана с выделением дифференциальных признаков ФЕ, становлением терминологического аппарата, разработкой ряда классификаций ФЕ. Ядерно-периферийные отношения во фразеологии позволили С.И. Ожегову (1957) выделить узкое и широкое понимание объёма фразеологии. Несмотря на разногласия в осмыслении отдельных языковых явлений, ряд теоретических положений поддерживают большинство учёных. Назовём основные из них. ФЕ обладает такими признаками, как устойчивость, воспроизводимость, раздельнооформленность компонентов, целостность значения (resp. неделимость), образность, экспрессивность, способность сочетаться со словами (В.П. Жуков, М.Т. Тагиев, В.Н. Телия, Н.М. Шанский и др.), в соответствии с чем сформулировано определение, которое мы принимаем как рабочее: ФЕ – это «относительно устойчивое, воспроизводимое экс-

прессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением» [Мокиенко, 1989: 5].

В основе разработанных классификаций лежат различные признаки ФЕ. Так, В.Л. Архангельский, опираясь на синтаксическую природу ФЕ, выделил *фраземы* (ФЕ со структурой сочетания слов) и *устойчивые фразы* (ФЕ со структурой предложения) [Архангельский, 1964]. Разработка структурной классификации продолжена Н.М. Шанским, который для определения типа ФЕ использовал понятие *грамматически опорного компонента* – организующего ФЕ «как структурное целое определённой модели» [Шанский, 1996: 50]. Установление *семантически опорного компонента* дало основание выделить следующие семантико-грамматические классы: 1) глагольные, субстантивные, наречные, адъективные, междометные, модальные, союзные [Шанский, 1996: 52], объединение в которые происходит на основании категориального значения или типа семантики [Чепасова, 1983: 10]. А.И. Молотков при распределении ФЕ по лексико-грамматическим группам принимает во внимание такие признаки, как грамматическая сочетаемость, набор грамматических категорий, наличие парадигматических форм. На основании совпадения этих признаков происходит объединение ФЕ в именные, глагольные, адъективные, адвербиальные, глагольно-пропозициональные, междометные группы [Молотков, 1977: 127].

Следует признать, что наибольшей продуктивности по изучению семантико-грамматических свойств ФЕ добились А.М. Чепасова, В.А. Лебединская и их ученики: усилиями представителей челябинской школы уточнены и описаны все типы ФЕ [см., например: Чепасова, 1974, 1983; Лебединская, 1999, 2007; Структурно-грамматические… 2002].

Классификация, основанная на определении природы ФЕ, является к настоящему времени одной из наиболее разработанных. Генетическая классификация предполагает рассмотрение источников фразеологического знака. В соответствии с этим можно выделить *фольклорную фразеологию* (термин Л.И. Ройзензона), которая описывает ФЕ, пришедшие из фольклора. Детальное изучение различных фольклорных произведений малых жанров с лингвистических позиций даёт возможность говорить о *паремиологии* как разделе фразеологии. Изучение крылатых единиц, имеющих «печать

авторства» (С.Г. Шулежкова), т.е. источник которых определён, позволяет выделить такой раздел, как *крылатика* (В.М. Мокиенко) / *крылатология* (С.Г. Шулежкова) / *эптолология* (Л.П. Дядечко). Впоследствии все обозначенные группы ФЕ подверглись разностороннему анализу.

Назовём наиболее важные для нашего исследования теоретические положения.

Н.Ф. Алефиренко, учитывая многообразие направлений лингвистики, современную фразеологию называет полипарадигмальной и выделяет лингвистический компаративизм, а также системно-структурную, коммуникативно-прагматическую, дискурсивно-когнитивную парадигмы [Алефиренко, 2008: 9-10]. Обозначенные направления нашли отражения в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей.

Смена общегуманитарной парадигмы со структурной на антропоцентрическую повлекла за собой изменение характера лингвистических исследований, хотя стремление считать человека центром вселенной восходит к искусству и философии античности, интерес к личности человека возобновляется в эпоху Ренессанса и продолжается в настоящее время. В. Гумбольдт в работе «Язык и философия культуры», говоря о национальной специфике языковой личности, рассматривал языковую способность как врожденную, а языки называл органами «оригинального мышления наций» [Гумбольдт, 1985]. В триаде *человек – окружающий мир – язык* центральное место принадлежит человеку. Информация о мире, окружающем человека, перерабатываясь в его сознании, вербализуется в языке как хранилище информации.

Идея антропоцентричности отражается на разных языковых уровнях в процессе ретрансляции сходных смыслов [Болдырев, 2001], что нашло свой отклик в лингвистике XX в. [Будагов, 1974, Щерба, 1957 и др.]. В последние десятилетия проблема человеческого фактора в языке изучалась Н.Д. Арутюновой, Ю.Н. Карауловым, Н.В. Уфимцевой и др. [Арутюнова, 1999, Караулов, 2010, Уфимцева, 1998].

Язык стал рассматриваться не только как средство коммуникации, но и как средство познания мира. Проблеме взаимоотношения познания и культуры посвящают труды исследователи разных областей гуманитарного знания, что говорит о междисциплинар-

ном характере подобных работ, опирающихся на антропоцентрические принципы, в соответствии с которыми в качестве центрального объекта и субъекта языка выступает *человек*, наделенный рядом достоинств и недостатков, его внешность, характер и привычки. Интерес к культурным кодам и стереотипам, ментальным образованиям, выявление национального и индивидуального отличает современную лингвистическую науку. «Вопрос о классификации фразеологизмов тесно связывается с тем, что эти языковые знаки должны подлежать подробнейшему анализу, т.к. они отражают специфические особенности, присущие данной языковой культуре, а также мировоззрению носителей языка» [Гишкаева, 2012: 20].

Появление новых отраслей лингвистики – лингвокультурологии и когнитивистики – открывает ряд перспективных направлений. «Целесообразность выявления универсалий, объединяющих представителей различных лингвокультурных общностей, обусловлена тем, что восприятие существенно общего в культуре другого народа способствует пониманию его уникальных особенностей» [Владимирова, 2018: 56]. Выявление и лингвистическое описание языковых средств репрезентации национальной картины мира, среди которых значимое место занимает экспрессивная, оценочная, модальная лексика, метафоры, метонимии, ФЕ [Маслова, 2005: 14], паремии, помогают осознать национальную специфику и дополнить данные о языковой картине мира.

Современную лингвистику отличает интерес к отражению в языке особенностей восприятия и устройства мира, что называется *языковой картиной мира* (ЯКМ), которой свойственны и консерватизм, и изменчивость. Изучение ЯКМ ведется в нескольких направлениях: 1) лингвистическая реконструкция фрагментов действительности (И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон), 2) концептуальный анализ языковых явлений (В.З. Демьянков, В.В. Карасик, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов), 3) этнолингвистические исследования (А.А. Плотникова, Н.И. Толстой, С.М. Толстая, В.Н. Топоров). Перечисленные направления нашли отражение и в работах по фразеологии: с 1990-х появляются исследования особенностей вербализации концептов, аксиологических дихотомий фразеологическими средствами.

В.А. Маслова ЯКМ называет метафорой, поскольку «в реальности специфические особенности национального языка, в ко-

торых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определённой национальной общности людей, создают для носителей этого языка… специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [Маслова, 2001: 66]. Таким образом, знания и представления о действительности каждого народа, формируясь в процессе познания окружающего мира и вербализуясь различными способами, находят воплощение в *национальной картине мира* (НКМ).

К языковым составляющим НКМ относятся ФЕ как «зеркало национальной культуры, психологии и философии» [Толстой, 1991: 5], пословицы, констатирующие «различные стороны жизни» и обладающие высокой степенью «кумулятивности» [Мокиенко, 2001: 7]. Нельзя не согласиться с мнением В.Н. Телия: «фразеологический состав любого языка наиболее культурно-национален, поскольку система образов, закрепленных в нем, служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения... связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности» [Телия, 1996: 215]. В связи с этим можно говорить о *фразеологической картине мире* (ФКМ) и *пословичной (паремиологической) картине мире* (ПКМ) как языковых формах фиксации НКМ.

В русле антропоцентрической парадигмы развиваются отдельные направления фразеологии.

Общегуманитарная установка *человек в языке* выявила необходимость определения социальных ролей, в том числе исследования гендерных различий, идентификация которых может происходить как вербально, так и невербально. Исследования в области современной гендерной лингвистики посвящены репрезентации гендера в системе языка и выявлению «гендерной специфики речевого поведения человека, исследуемой с учетом его дискурсивных практик» [Демешкина, 2017: 84]. На фразеологическом уровне характеризуются «возрастные свойства, психофизические свойства, функциональные, интеллектуальные свойства и состояния, характеристика речевого поведения, различные формы деятельности, связанные со свойствами личности» [Малишевская, 1999: 181].

Рассмотрению онтологической оппозиции *мужчина-женщина*, выраженной фразеологическими средствами, посвящены исследования последних десятилетий (см., например: [Алексеенко, 2006; Архангельская, 2008; Георгиева, 2005; Коваль, 2007; Малишевская, 1999; Маслова, 2000; Телия, 1996]). В русской ПКМ *женское начало* имеет устойчивую негативную оценку, что находит отражение в художественных и публицистических текстах.

Аксиологический подход позволил выдвинуть постулат, опирающийся на идеи антропоцентризма: «Мир человека – это всегда мир ценностей» [Гусев, 1985: 49]. М.С. Каган отмечает всеобщий характер ценностного осмысления [Каган, 1997: 88]. Детальное изучение материалов письменных памятников Средневековья позволило Т.И. Вендиной выявить типологию ценностей, которая может быть полезна при интерпретации фразеологического материала [Вендина, 2002: 275-304]. Связь пословиц с системой ценностей раскрывают Л.К. Байрамова, М.А. Бредис, Л.Б. Савенкова, Н.Н. Семененко, в работах которых посредством анализа паремиологической семантики выявлены ценностные ориентиры, формирующие сознание народа [Байрамова, 2014; Бредис, 2016, 2017; Савенкова, 2002; Семененко, 2012]. Л.К. Байрамова, выделяя список ценностей и антиценностей, называет 10 диад (*жизнь-смерть, богатство-бедность* и др.) и показывает, как они вербализуются фразеологическими средствами языка [Байрамова, 2014]. М.А. Бредис указывет на амбивалентность пословиц, «поскольку сами ценности по своей природе амбивалентны, а паремии можно считать непосредственным их отражением» [Бредис, 2017: 4]. Исследования, проводимые в данном направлении, позволяют как охарактеризовать ИКМ, так и дополнить сведения о НКМ того или иного народа, выявить *своё – чужое*. По словам И.С. Карабулатовой и её соавторов, этот архетип интерпретируется в аксиологическом плане «*хорошее* vs *плохое*, причём *своё* – это хорошее, а *чужое* – это плохое, потому что чуждость отрицательна уже потому, что она чужая» [Карабулатова, 2017: 16].

В лингвистических исследованиях последних десятилетий фразеоресурсы языка рассматриваются как элемент НКМ [Зимин, 2000; Зыкова, 2014; Ковшова, 2013; Телия, 2006 и др.]. Через интерпретацию значения ФЕ и при соотнесении их с характером прототипической ситуации обнаруживаются национально-культурные

особенности анализируемых единиц. Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых, М.Л. Ковшова, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко сходятся во мнении, что для выявления особенностей фразеологической семантики необходимо проанализировать внутреннюю форму – общий элемент этимологического и общеизвестного значения ФЕ, «формирующийся в её семантической структуре путём взаимодействия фраземообразующих элементов» [Алефиренко, 2004: 266]. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский считают, что гипотеза о семантической реальности внутренней формы помогает в интерпретации значения ФЕ, в т.ч. и во фразеографической практике [Баранов, 2008]. В основе семантики ряда ФЕ лежит фразеологический образ, который, будучи одним из компонентов плана содержания, «является "хранителем" национальной специфики фразеологизма, выражается же этот образ лексическим составом и грамматической структурой ФЕ, позволяющими сопоставить первоначальный смысл словесного комплекса-прототипа с результатом его семантической трансформации и создающими необходимые условия для двойственного видения мира, на чём и основано само явление образности» [Солодуб, 1990: 61].

ПКМ, как и ФКМ, отражает национальную самобытность народа, его менталитет. Вместе с тем поиск проявлений национального в различных языковых единицах, в том числе в ФЕ и паремиях, был продиктован «лингвистической модой», поэтому не стоит обобщать и субъективно интерпретировать языковые факты, выдаваемые за национальные стереотипы: паремии любого языка, отражая систему ценностей конкретного народа, представляют собой универсалии, представленные в каждом языке определенным образом. Справедливо наблюдение Л.Б. Савенковой: «Паремиологический фонд отдельного языка "инвентаризирует" набор моделей ситуаций и отношений, возникающих в сообществе его носителей» [Савенкова, 2002: 16]. Представляется, что при составлении новых паремиологических многоязычных словарей следует сопровождать статьи подробным историко-культурологическим комментарием, созданием лингвокультурологического «портрета» паремии, что упростит межкультурную коммуникацию.

Паремии, будучи малыми жанрами устного народного творчества, содержат комплекс знаний об этносе, его культуре и обычаях. В XX в. пословицы – предмет изучения не только фолькло-

ристов и литературоведов, но и лингвистов. Методологическую базу исследования паремий составляют работы по проблемам этимологии, истории языка, языкознания, а также научные труды, написанные в русле молодых научных отраслей – лингвокультурологии и лингвофилософии. Языковые свойства и принципы построения паремий, особенности употребления в различных текстах, сопоставление пословичного материала разных языков, наблюдения о приметах, загадках и других малоизученных жанрах – предмет изучения паремиологов (см., например: [Паремиологический… 1978; Паремиология… 2015; Русская и сопоставительная паремиология… 2013; Русские паремии, 2008; Scala Naturae, 2014 и др.])

В последние годы паремиология стала одним из перспективных направлений современной лингвистики: интересу способствуют разноплановые исследования паремиологического фонда отдельных языков. В.М. Мокиенко в программной работе «Аспекты исследования славянской паремиологии» называет ряд спорных вопросов, связанных с лингвистическим изучением этих языковых единиц. Так, со временем меняется понимание терминов *пословица* и *поговорка*, активно используется термин *паремия*, являющийся родовым по отношению к различным малым жанрам фольклора, возникает необходимость паспортизации паремий «во времени и пространстве» [Мокиенко, 2015: 5].

Изучение паремий может проводиться в разных направлениях, обозначим основные из них. Первые работы, посвящённые изучению и определению пословиц, появились ещё в античности (Аристотель), что даёт основание В. Мидеру одним из источников пословиц назвать греко-римскую античную культуру, а также Библию и средневековую латынь [Mieder, 2004: 10]. Хотя европейская паремиологическая традиция сложилась в древности, на Руси сначала занимались собиранием пословиц и лишь в XIX в. начали их изучение [Бредис, 2015] в лингвокультурологическом (Ф.И. Буслаев, И.М. Снегирёв), грамматическом ключе (П. Глаголевский, И. Деркачев). Эти направления исследования нашли развитие в работах 2-й пол. XX-XXI вв. (Н.Ф. Алефиренко, Т.Е. Владимирова, М.Л. Ковшова, В.М. Мокиенко, Л.Б. Савенкова, Н.Н. Семененко и др.), где учёные рассматривают паремии как репрезентанты конкретных концептов, подчеркивая, что для лин-

гвокультурологического анализа «весьма продуктивным является привлечение паремических языковых единиц, в которых не только запечатлены народная мудрость, ценностная картина мира этноса, но и в афористичной форме содержится сумма активных и пассивных знаний о внешнем порядке вещей и внутреннем мире человека» [Фархутдинова, 2000: 100–101]. Анализ семантики паремий позволяет заключить: «Отсутствие личной, временной и пространственной конкретизации значения пословицы, а также её поликонцептуальные свойства позволяют восстановить… ряд особенностей национальной картины мира» [Семененко, 2000: 101].

Проблеме формирования и функционирования паремий в особой среде – паремиологическом пространстве языка – посвящена работа Ю.И. Левина «Провербиальное пространство» (1984), в которой автор вводит термин *паремиологическое пространство языка* – среду, в которой формируются и функционируют паремии и которые её образуют. Ю.И. Левин рассматривает различные типы отношений между паремиями: синонимию, антонимию, квазиосинонимию, омонимию, вариантность, предметную близость [Левин, 1984: 110-117]. Этим термином пользуется и Е.И. Селиверстова, изучающая языковую вариантность пословицы в паремиологическом пространстве, под которым понимается «система пословиц, связанных различными типами отношений (паремиологическое пространство охватывает парадигматику самих паремий и их составляющих и выходит за ее пределы) и обнаруживающих разной степени общность и различия на разных уровнях (лексическом, семантическом, синтаксическом), и единиц иного порядка – с одной стороны, более дробных (общих формульных фрагментов, типичных паремийных компонентов, структурных моделей единиц) и, с другой, – более обобщенных, “надпословичных” (паремийных конденсатов)» [Селиверстова, 2017: 6]. Понятие *паремиологическое пространство языка* может применяться и по отношению к языку отдельного автора, текстам определённого жанра.

Вопрос функционирования паремий в художественном тексте рассматривается в работах О.В. Ломакиной [Ломакина, 2014, 2015], Т.А. Наймушиной [Наймушина, 1984], Л.Б. Савенковой [Савенкова, 1992, 1995, 1996, 1997, 2000, 2002], М.А. Фокиной [Фокина, 2008] и др. Чаще всего исследователи рассматривают паремиологию в текстах писателя наряду с фразеологией, чем можно объ-

яснить небольшое количество исследований, посвященных анализу употребления только паремий в текстах художественной литературы. Такой подход кажется более оправданным, поскольку он помогает сделать выводы о писательских предпочтениях при выборе фразеологических средств.

Функционирование паремий, их количественный состав, тематическое разнообразие также зависят от времени создания художественного произведения. «Если в художественных текстах XIX в. по большей части обращение к пословицам и поговоркам обусловливалось стремлением сверить ситуацию с неким общеизвестным образцом, квалифицировать факт, указать на эталон поведения, то в XX в. эта тенденция оперирования паремиями перестаёт быть единственной. Интеллектуальная, думающая личность должна быть способной на творческое мышление, на формулирование собственных обобщений, которые опираются на её же жизненный и культурный опыт. Традиционным формулам народной мудрости при этом отводится третьестепенная роль» [Савенкова, 2002а: 34]. В.М. Мокиенко не соглашается с констатацией того, что паремии устаревают, поскольку не соответствуют реалиям. «Сейчас наблюдается мощное возрастание продуктивности употребления пословиц во всех разновидностях национальных языковых систем» [Мокиенко, 2009: 174]. Исследование судьбы паремий в художественном произведении предполагает изучение авторских приемов употребления пословиц и поговорок для усиления образности и выразительности, а также рассмотрение этих единиц в авторской речи и речи персонажей, что позволит сделать выводы о роли паремиологии в идиостиле писателя, о креативном начале ЯЛ.

Прагматический поворот в мировой лингвистике отразился и на паремиологии. В трудах О. Лаухакангас, В. Мидера изучается роль пословиц в определённом типе дискурса (пророческом, Интернет-дискурсе), что позволяет говорить о коммуникативном потенциале паремиологии [Лаухакангас, 2015; Мидер, 2015]. В этом же направлении выполнена докторская диссертация О.Б. Абакумовой, которая описывает референциальный и прагматический потенциал паремий в пределах коммуникативно-дискурсивной модели [Абакумова, 2012]. О.Е. Фролова рассматривает, как пословица участвует в отображении и создании внеязыковой действительно-

сти и заключает: пословица может менять референцию в зависимости от ситуации, её отличает ситуативность, антропоцентричность, клишированность [Фролова, 2007: 141].

В отличие от паремиологии, крылатология – относительно молодая научная отрасль: годом появления можно считать 1995 г., когда была издана монография С.Г. Шулежковой «Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие». Наиболее полным является обзор научных подходов к крылатологии, предпринятый С.Г. Шулежковой, а позже и её последователем Л.П. Дядечко, показавшими степень изученности проблемы и обнаружившими «белые пятна» этого фразеонаправления, что позволило сформулировать и впоследствии решить ряд научных задач, касающихся изучения разных языков [Дядечко, 2006, Шулежкова, 2002].

Статус единицы крылатологии долгое время был неопределённым, и не существовало термина для обозначения этой языковой реалии: включались единицы разных уровней языка, что дало основание К.П. Сидоренко говорить о существовании «межуровневого реляционного сегмента содержательной структуры текста…, вовлеченного в межтекстовые связи» [Сидоренко, 2003: 317]. В современной лингвистике сосуществуют различные термины для номинации данного понятия: *крылатые слова* (Ашукины, В.П. Берков), *интертекстемы* (К.П. Сидоренко, В.М. Мокиенко), *крылатые выражения* (В.В. Виноградов, Л.И. Ройзензон), *крылатые единицы* (С.Г. Шулежкова), *крылатые афоризмы* (Е.Е. Иванов), *прецедентные тексты* (Ю.Н. Караулов), *эптонимы* (Л.П. Дядечко), *текстовые реминисценции* (А.Е. Супрун), *логоэпистемы* (В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова) [Ашукин, 1988; Виноградов, 1977; Ройзензон, 1973; Шулежкова 2002; Иванов, 2011; Караулов, 1987; Дядечко, 2006; Супрун, 1995; Костомаров, 1999]. Наиболее точно, на наш взгляд, этот класс обозначила С.Г. Шулежкова термином *крылатая единица* (КЕ): он носит родовой характер, включая крылатые слова и крылатые выражения (КВ), и показывает различие состава КЕ языка. Исходя из широкого понимания объема фразеологии, КВ являются частью фразеологического фонда языка, так как обладают раздельнооформленностью, воспроизводимостью, устойчивостью структуры, стабильностью семантики [Шулежкова, 2002: 28-29], а связь с источником является отличительным признаком большей части фразеологиче-

ского состава языка. Поскольку лишь КВ обладают рядом признаков ФЕ и относятся к фразеологическому фонду языка, то этот термин мы используем как рабочий в данном исследовании.

Среди источников крылатологии называют античную мифологию, Священное Писание, художественную литературу, высказывания известных лиц, синтетические виды искусства, (см.: [Абакумов, 1936; Бабкин, 1970; Кунин, 1996; Назарян, 1987; Шулежкова, 2002]). Вхождение КЕ в язык происходило в разное время, нередко благодаря конкретному автору та или иная единица обретала второе рождение. Одной из наиболее ассимилированных и распространённых групп КЕ в русском языке являются библеизмы (лексемы и ФЕ), особый научный интерес к которым смог сформироваться лишь в последние десятилетия, что связано с социально-политическими факторами. В связи с этим необходима «инвентаризация» языка писателей XVIII-XX вв. на предмет изучения роли библеизмов в их индивидуальном стиле, что до недавнего времени не проводилось (см., например: [Ломакина, 2013; Шулежкова, 2013]).

Интерес к Библии как источнику образования ФЕ сохраняется в отечественном языковедении на протяжении последних двадцати лет. Неоднократно отмечалось, что в русском и европейских языках библейские фразеологизмы не имеют полного соответствия ни в плане содержания, ни в плане выражения; разнится количественный состав библейской фразеологии [Гак, 1997; Листрова-Правда, 2004]. З.К. Адамия считает, что «Библия – текст исключительно ортодоксальный и канонизированный. Это обстоятельство должно было, кажется, гарантировать большое однообразие и сходство между собой, различных переводов. Однако это далеко не так. <…> Русские и грузинские переводы библейских фразеологизмов намного больше совпадают между собой, чем, скажем, грузинские и английские или русские и английские» [Адамия, 2013: 67]. В.Г. Гак называет два основных фактора расхождений между ФЕ в разных языках: объективный и субъективный. К объективным обстоятельствам он относит «природные и культурные реальности, свойственные одной стране и отсутствующие в другой», «субъективный фактор заключается в самой произвольной избирательности, когда одни и те же реальности, равно свойственные двум цивилизациям, трактуются по-разному во фразеологии двух

языков» [Гак, 1997: 55]. Несмотря на своеобразную «лингвистическую» моду, коснувшуюся и библейской фразеологии, проведение многочисленных исследований, предпринятых в этом направлении, до настоящего времени до конца не сформирован терминологический аппарат, отсутствует четкое определение понятия *библеизм*.

В современной российской фразеологии параллельно используются следующие термины: *библейские слова* (Н. Николаюк), *библейские изречения* (А.В. Медведев), *библейские выражения* (А. Бирих, Й. Матешич), *библейские крылатые слова, крылатые выражения* (А.К. Бирих, Й. Матешич, В.Л. Ширяев, С.Г. Шулежкова), *библейские обороты, библейские цитаты* (Е.М. Верещагин), *библейские фразеологизмы* (В.Г. Гак, Л.М. Грановская, И. Гури, К.Н. Дубровина, Л.В. Жильцова Л.Г. Кочедыков), *фразеологические библеизмы* (В.М. Мокиенко, Т.М. Шихова), *библейские ФЕ* (Ю.А. Гвоздарев, В.А. Мендельсон), *ФЕ, восходящие к Библии* (З.И. Семенова), *ФЕ / фразеологизмы библейского происхождения* (В.Г. Дидковская, Г.А. Лилич, Т.И. Кошелева, А.О. Жолобова, Е.П. Прокофьева, Я.С. Зайцева), *коммуникативные фрагменты* (К.С. Суслова), *библейская реминисценция* (Ю.Т. Листрова-Правда) – для обозначения любой связи некоего элемента текста с Библией.

В качестве рабочего мы будем использовать термин *библейская фразеологическая единица* (БФЕ) – устойчивое сочетание слов, обладающее целостным значением и восходящее по своему происхождению к Библии. К числу БФЕ мы не относим собственно библеизмы – отдельные слова, восходящие к текстам Священного Писания, в том числе топонимы (*Вавилон, Назарет* и др.), антропонимы (*Ной, Каин* и др.), которые имеют прецедентный характер, но односложны и являются *крылатыми словами*.

Количественный состав БФЕ до настоящего времени окончательно не определен и зависит от понимания объемов библейской фразеологии. По подсчетам А.В. Григорьева, в русском языке к Библии восходит свыше 200 ФЕ [Григорьев, 2006], С.Г. Шулежкова указывает на более чем 800 единиц (включая крылатые) [Шулежкова, 2002], в «Словарь иноязычных выражений и слов» А.М. Бабкина и В.В. Шендецова [Бабкин, 1994] включено почти

140 иноязычных библеизмов. Составители современных словарей фиксируют паремии, крылатые выражения, перифразы – все устойчивые единицы, восходящие к Библии, поэтому количественный состав представлен большим числом единиц. Например, «Толковый словарь библейских выражений и слов» В.М. Мокиенко, Г.А. Лилич, О.И. Трофимкиной (2010) [Мокиенко, 2010] содержит около 2000 единиц.

Корпус библейской фразеологии зависит от степени связи единицы с текстом Священного Писания – от аллюзии и реминисценции до КВ и паремии. В зависимости от характера связи БФЕ с текстом Библии Ю.А. Гвоздарев выделил четыре группы БФЕ, детерминированных семантически общим содержанием Библии; семантически конкретным сюжетом, но не представленных данным лексическим составом в текстах Библии; лексически, т.е. образованных на базе свободных библейских словосочетаний, но получивших во фразеологии новое, фразеологическое значение, и лексико-семантически, т.е. выступающих в Библии как ФЕ [Гвоздарёв, 1991: 59].

Говоря о специфике библейской фразеологии, В.Г. Гак выделяет пять групп с точки зрения соотношения библейского текста и ФЕ: 1) контекстуальные (цитатные) / ситуативные – с точки зрения соотношения с текстом Библии, 2) имеющиеся / отсутствующие в том или ином языке, 3) первичные (непосредственно отражающие фрагмент текста Библии или ситуацию) / вторичные – в зависимости от непосредственной связи с библейским текстом, 4) непосредственные / опосредованные (заимствованные из другого языка или из творчества отдельных авторов) – по отношению к источнику, 5) прямые / переосмысленные – с учётом значения ФЕ [Гак, 1997: 55-60].

Иногда связь с Библией как источником образования ФЕ условна. О.В. Шкуран, проанализировав современные употребления, указывает на десакрализацию библеизмов, произошедшую вследствие переоценки ценностей [Шкуран, 2017]. Такие языковые единицы были названы псевдобиблеизмами (В. Хлебда), максимально проявляющими национальное своеобразие любого языка. Перспективным представляется изучение БФЕ в сравнительно-сопоставительном аспекте, в синхронии и диахронии, определение роли библейской фразеологии в языке конкретного писателя.

Другим активно описываемым вектором крылатологии является изучение КЕ, источником которого стали произведения художественной литературы, где можно наметить два основных направления – фиксация КЕ и описание поведения этих КЕ в другом тексте, т.е. поиск «текста в тексте». Наиболее разработанным в теоретическом и лексикографическом плане можно считать фонд КЕ языка А.С. Пушкина [Сидоренко, 1998, 1999], Н.В. Гоголя [Дядечко, Петренко, Прадид, 2012], А.В. Кольцова [Чуриков, 2011], В. Войновича [Зыкова, 1997]. Кроме того, существуют исследования [Высочина, 2007; Кузьмицкая, 2006; Ломакина, 2006; Сычёва, 2015; Фокина, 2008; Шаталова, 2000; Яковлев, 2011], выполненные в функциональном аспекте, однако они, как правило, носят фрагментарный характер, имея целью изучение КЕ как составляющей фразеологии языка писателя или отдельных произведений, что предполагает анализ особенностей их употребления в текстах различных стилей и жанров.

Вопрос о составе и происхождении фразеоресурсов языка является одним из дискуссионных и связан с определением природы анализируемой единицы. Пополнению фразеологического фонда способствует заимствование из других языков различных ФЕ (см., например: [Бабкин, 1970; Гужанова, 1992; Листрова-Правда, 1986, 2001; Пономаренко, 1965, 1978; Солодухо, 2008; Шевченко, 1986; Шихова, 2005]). На протяжении веков в русский язык попадали ФЕ, заимствованные из разных языков. С хронологической точки зрения самыми ранними среди заимствованных считаются ФЕ античного происхождения, которые входят в международный (интернациональный) фразеологический фонд: культурная традиция и преемственность в течение сотен лет удерживают их во многих европейских языках, в том числе в русском.

Особое место в русском языке занимают ФЕ-галлицизмы, поскольку с середины XVIII по начало XIX в. французский язык оказывал влияние на русскую культуру: это было время наибольшего взаимовлияния французской и русской социокультур, когда французский язык использовался в различных функциональных стилях, был языком международной дипломатии, научных и философских трудов, а люди не только говорили, но и мыслили на нём [Лотман, 1992: 350].

А.М. Бабкин выделил два типа ФЕ иноязычного происхождения в зависимости от ассимиляции в языке-заимствователе: 1) переводные (калькированные) и 2) нетранслитерированные (употребляющиеся без перевода и в иноязычном написании) [Бабкин, 1970].

З.К. Адамия считает, что ФЕ в целом можно разделить на две большие группы: 1) ФЕ, которые имеют «потребительскую ценность только в рамках своего языка», и 2) ФЕ, «которые в силу своей уникальности, ценности, значимости вышли за пределы языка источника и стали, таким образом, достоянием для говорящих на другом языке. Энергия проникновения фразеологизмов в другие языки иногда настолько велика, что со временем они признаются собственностью заимствующего языка» [Адамия, 2013: 62–63].

Иноязычные по происхождению единицы, употребляемые в исходном виде (без перевода), принято называть *иноязычными вкраплениями* (ИВ). Разнородность состава ИВ (слова, словосочетания, ФЕ) даёт основание говорить об их принадлежности разным уровням языковой системы, в том числе фразеологическому.

Чаще исследователи (Н.В. Габдреева, Л.П. Крысин и др.) бóльшее внимание уделяют словам, работы же, посвященные ИВ фразеологического и паремиологического характера, единичны (А.М. Бабкин, Ю.Т. Листрова-Правда). С XIX в. ИВ стали одной из стилистических черт русской художественной литературы, что Ю.Т. Листрова-Правда объясняет появлением двуязычия и связывает с фактором демократизации русского языка, начатой А.С. Пушкиным [Листрова-Правда, 2001]. В свете описания ЯЛ представляется актуальным не просто фиксация фразеологической составляющей ИВ, но и дискурсивное изучение: выявление функционального потенциала, составление индекса ИВ в языке определённого автора или временного отрезка.

Современная фразеология, опираясь на научные достижения прошлого века, продолжает своё развитие: исследователи для решения поставленных задач привлекают данные в области смежных наук – лингвокультурологии, когнитивистики, аксиологии. С уверенностью можно говорить о становлении отдельных направлений фразеологии – паремиологии и крылатологии. Новые труды, выполненные в дискурсивном русле, показывают функциональный

потенциал фразеологии, демонстрируя стилистические и жанровые нюансы используемых фразеоресурсов.

Глава 2. Текст как объект филологического анализа. Методология работы с текстом

В течение долгого времени текст был объектом как литературоведческого, так и лингвистического анализа. «Утвердившаяся во второй половине XX в. теория текста как научная дисциплина позволила рассмотреть тексты разной стилистической и жанровой принадлежности не только в единстве формы и содержания, но и как междисциплинарную единицу, охватывающую “любые знаковые последовательности” (Н.С. Валгина) и находящуюся на стыке психологии, лингвистики, риторики, прагматики, семиотики, герменевтики и других гуманитарных наук» [Ломакина, 2016: 129], что дало основание А.А. Чувакину сделать вывод о появлении в современной филологии *коммуникативной парадигмы*, в соответствии с которой текст рассматривается в пространстве филологических и коммуникативных наук [Чувакин, 2011: 10].

Н.С. Болотнова, суммировав исследования учёных в данной области, в стилистическом словаре-тезаурусе предлагает рассматривать текст как дидактический материал, как единицу обучения, как феномен культуры, как форму коммуникации [Болотнова, 2009: 226-233]. Изучение текста можно проводить в различных направлениях: в русле лингвистики текста, стилистики текста, коммуникативной стилистики текста. Исходя из задач исследования, филологи меняют проблематику и определяют задачи изучения текста, однако мысль о междисциплинарном подходе при анализе текста кажется более убедительной: филология накопила достаточный теоретический концептуарий, который необходимо использовать на практике – при анализе текстов.

В конце 1980-х гг. отечественные учёные, развивая идеи антропоцентризма, продолжили вслед за В.В. Виноградовым исследовать ЯЛ в рамках лингвистической персонологии (термин В.П. Нерознака) (см. труды Ю.Д. Апресяна, М.М. Бахтина, Г.И. Богина, В.В. Виноградова, А.А. Леонтьева, Ю.С. Степанова, Ю.Н. Караулова, В.И. Карасика и др.). Благодаря трудам Ю.Н. Ка-

раулова, прежде всего – монографии «Русский язык и языковая личность», понятие ЯЛ стало широкоупотребительным в современной лингвистике. Впоследствии этот термин лишь уточнялся, были описаны различные типы ЯЛ: *русская ЯЛ* [Владимирова, 2018; Караулов, 2010], *женская / мужская ЯЛ* [Хачмафова, 2013], *элитарная ЯЛ* [Сиротинина, 2001; Мякшева, 2012], *региональная ЯЛ* [Юдина, 2012], *прецедентная ЯЛ* [Антонова, 2005], *эмоциональная ЯЛ* [Шилина, 2003; Шилина, 2017в]) *ЯЛ советской и постсоветской эпох* [Шилина, 2018; Шилина, 2016; Шилина, 2017а,б] и др. Исследователи при создании типологии ЯЛ принимали за основу различные доминирующие признаки (национальность, пол и т.п.).

Поскольку «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [Караулов, 1987: 27], то в качестве материала исследования учёные в первую очередь привлекали тексты, относящиеся к различным функциональным разновидностям, а также результаты ассоциативного эксперимента и зафиксированную разговорную речь.

В современной лингвистике наиболее распространена следующая дефиниция: ЯЛ – «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений, различающихся степенью структурно-языковой сложности, точностью и глубиной отражения действительности, определенной целенаправленностью» [Караулов, 2010: 245]. При анализе текста следует учитывать, что ЯЛ выступает в качестве носителя языкового сознания, существует «в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [Карасик, 2002: 7]. Возникающие в процессе употребления языковых единиц смысловые интерпретации, важные для данной ЯЛ, становятся фактом языкового сознания.

Понятие *элитарной ЯЛ*, введённое и успешно разрабатываемое представителями лингвоперсонологии, в первую очередь саратовскими исследователями О.Б. Сиротининой (2001), О.В. Мякшевой (2012), занимает особое место в приведённой типологии. Критериями оценки является знание литературного языка, его функциональных разновидностей, системы ортологических норм, фонда прецедентных текстов [Сиротинина, 2001].

Трансляция знаний о мире может носить индивидуальный характер: воспроизводить индивидуальные воззрения, представлять систему ценностей конкретного человека. Каждый носитель языка репрезентует в языке собственную систему ценностей, опираясь на коллективный опыт целого народа. В связи с этим возникает необходимость изучения системы ценностей и оценок – *индивидуальной картины мира* (ИКМ).

Согласно теории Ю.Н. Караулова, для полного описания ЯЛ необходимо, опираясь на созданные тексты, реконструировать языковую модель мира, описать семантико-строевой уровень организации ЯЛ, выявить важные для анализа смыслового содержания текстов доминанты ЯЛ [Караулов, 2010: 43]. Структура ЯЛ включает три уровня: 1) вербально-грамматический, 2) когнитивный, 3) прагматический. К единицам первого уровня относятся единицы и отношения, которые используются при описании лексического и грамматического строя языка (слова, словоформы, морфемы и др.). Когнитивный уровень создают единицы, организующие «статичную и относительно стабильную картину мира» (ФЕ, генерализованные высказывания, метафоры и др.). Третий уровень отражает интенции и цели говорящего, а также его жизненное кредо и включает единицы, характеризующие динамику картины мира языковой личности [Караулов, 2003: 6].

Анализ любого текста включает определение жанрово-стилистических особенностей, от которых зависит выбор языковых средств. Отнесение текста к функциональному стилю объясняет наличие языковых единиц, помогающих дифференцировать научный, официально-деловой, публицистический стили и особую стилистическую разновидность – язык художественной литературы.

Вопросам интерпретации художественного текста посвящены исследования как отечественных, так и зарубежных учёных: «понятие интерпретации становится реальным инструментом не только при осуществлении проектов лингвистического исследования, но и при анализе филологических теорий» [Демьянков, 1989: 38], а уровень интерпретации неразрывно связан с уровнем сложности текста. В связи с этим справедливо замечание, что «художественный текст допускает множественность толкований, которые зависят как от самого текста, так и от информационного тезауруса

читателей, уровня их духовной, психологической и речевой культуры, социального опыта» [Болотнова, 2009: 80]. Кроме того, своеобразие художественного произведения зависит от идиостиля писателя и средств выражения авторской позиции. К вопросу соотношения понятий текста и произведения обращался М.Я. Дымарский в монографии «Проблемы текстообразования и художественный текст». По мнению учёного, «текст… оказывается формой осуществления и существования речемыслительного произведения» [Дымарский, 2001: 151], что даёт основание использовать термины *текст художественного произведения* и *художественный текст* в качестве синонимов. М.Н. Кожина считает художественно-образную речевую конкретизацию главной особенностью художественного текста [Кожина, 1993: 204-208].

Изучение особенностей языка произведений художественной литературы предполагает рассмотрение таких понятий, как *языковая художественная картина мира* [Аюпова, 2012] и *картина мира художественного произведения* [Воронцова, 1987], которые иногда употребляются как синонимические. По мнению Е.П. Воронцовой, существует общая художественная картина мира, которая отражает картину мира данной исторической эпохи, состоит из индивидуальных картин мира отдельных авторов и представляет собой определенный тип реальности, преобразованной по законам искусства и обладающей своими собственными измерениями и своим собственным смыслом [Воронцова, 1987: 57]. С.Б. Аюпова называет следующие признаки языковой художественной картины мира: интенциональность, способность художественного слова к трансформации и его синтетизм, неисчерпаемость смыслов [Аюпова, 2012: 9]. Справедливо, что «изучение языковой художественной картины мира предполагает обращение к более сложному предмету – инвариантному и неповторимому художественному миру творца словесного произведения искусства, опосредующему его опыт и формирующему его тексты» [Аюпова, 2012: 3].

Н.А. Николина, суммировав точки зрения лингвистов и литературоведов, перечислила контрапункты анализа художественного текста: определение жанра, характеристика внешней композиции и субъектной организации, описание хронотопа и интертекстуальных особенностей [Николина, 2003: 8].

Одним из видов анализа текста художественного произведения является интертекстуальный анализ, получивший широкое распространение в последние десятилетия (Р. Барт, Ж. Даррида, А.К. Жолковский, Ю. Кристева, Н.А. Кузьмина, Р. Тименчик, Н.А. Фатеева и др.), хотя проблема взаимодействия автора с предшествующими текстами существует давно. Так, понятие *интертекст* восходит к работе М.М. Бахтина «Проблемы содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924). По словам учёного, «высказывание… предполагает предшествующие ему и следующие за ним высказывания. Ни одно высказывание не может быть ни первым, ни последним. Оно только звено в цепи других и вне этой цепи не может быть изучено» [Бахтин, 1979: 340].

Интертекстуальный анализ со временем стал применяться и литературоведами, и лингвистами. Если литературоведов интересовала проблема заимствований и влияний одного текста на другой, то лингвисты изучали употребление писателями цитат, реминисценций, паремий. Однако нельзя сводить интертекстуальный анализ лишь к поиску «текста в тексте», интересно рассмотреть все творчество одного писателя в динамике с учетом жанрово-стилистической характеристики и хронологических рамок, выявить мифологическую и психологическую основу произведения (мифологема – архетип – психологический портрет), определить взаимовлияние культурного контекста и писателя. В последние годы наметилась тенденция к интертекстуальному анализу не только произведений художественной литературы, но и текстов других жанров и стилей (например, рекламных текстов, газетных статей) [Кузьмина, 2011; Терских, 2003; Скнарёв, 2015; Фокина, 2006]. Это справедливо, поскольку «максимумом интертекстуального потенциала обладает вовсе не художественный текст», а учебный, юридический и научные тексты [Лукин, 2005: 113]. Однако исследования текстов различных функциональных стилей, прежде всего относящихся к научному и официально-деловому, в этом ключе не так информативно, в отличие от публицистических и художественных текстов, где высока «степень приращения смысла» (Н.А. Фатеева).

По мнению Ю. Кристевой, текст художественной литературы должен рассматриваться «не как точка, но как место пересече-

ния текстовых плоскостей, как диалог различных типов письма – самого писателя, получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим культурным текстом» [цит. по: Николина, 2003: 226].

С интертекстом тесно связан термин *интертекстуальность*. Н.А. Кузьмина интертекстуальностью называет «онтологическое свойство любого текста (прежде всего художественного), определяющее его вписанность в процесс литературной эволюции» [Кузьмина, 2007: 25]. Различают две стороны интертекстуальности: читательскую (исследовательскую) и авторскую. По словам Н.А. Фатеевой, «для читателя всегда существует альтернатива: либо продолжать чтение, рассматривая некоторую языковую формулу лишь как фрагмент данного текста, …либо для адекватного понимания данного текста ему необходимо обратиться к тексту-источнику, осуществив своего рода “интеллектуальный анамнез”» [Фатеева, 2007: 17]. В.М. Мокиенко одним из свойств интертекстуальности называет амбивалентность, т.е. «принадлежность новому тексту с сохранением реминисценций старого, прецедентного текста, на котором созданный вновь текст строится» [Мокиенко, 2007: 224].

Каждый текст, будучи звеном цепи национальной и мировой литературы, создается с опорой на уже существующие тексты, а «любое интертекстуальное отношение строится на взаимопроникновении текстов разных временных слоев, и каждый новый слой преобразует старый» [Фатеева, 2007: 13]. Так, литературоведы широко говорят о феномене цитатности Ахматовой, сравнивают «Памятники» Державина и Ломоносова, спорят об истоках «Мертвых душ» и «Анны Карениной». И «если… в начале XX в. авторы стремились ассимилировать интертекст в своем тексте, …то конец века отличает стремление к диссимиляции» [Фатеева, 2007: 31]. В свете этого важным представляется не просто классический анализ текста, включающий определение темы, идеи, основных художественных средств, но и поиск «текста в тексте». Нельзя не согласиться с мнением А. Эткинда, что «интертекстуальный анализ… размыкает границы текста, связывая его с многообразием других текстов, его предшественников и последователей» [Эткинд, 2001]. Например, в свете изучения языка Л.Н. Толстого важным является паспортизация источника и опре-

деление авторства в сборниках «На каждый день», «Круг чтения», «Мысли мудрых людей на каждый день», т.е. подтверждение статуса автоинтертекстуальности.

Исследования текстов художественных произведений, проводимые в русле лингвокультурологии и когнитивистики, помогают интерпретировать художественные тексты. По справедливому наблюдению Е.А. Огневой, текст художественной литературы «занимает особое место в системе речевых реализаций концепта, так как является фиксированным вариантом индивидуально-авторского концепта, задающего смысловую конфигурацию концептосферы художественного произведения» [Огнева, 2009: 3]. Концепты как составные части концептуальности конкретного произведения входят в сознание человека и преобразуют его через эмоции, симпатии, антипатии, ассоциативные ряды. Через концепт читатель постигает идею художественного произведения и знакомится с мировидением писателя. Концептосфера литературного произведения состоит из нескольких уровней: концепт – идея, концепт – авторский замысел, концепт – образ, концепт – художественный прием, концепт – языковой элемент [Ломакина, 2006: 22]. В центре находится художественный концепт – компонент художественной концептосферы автора, включающий те ментальные признаки и явления, которые сохранены исторической памятью народа и являются в сознании автора когнитивно-прагматически значимыми для развития сюжета; создают когнитивную ауру произведения [Огнева, 2009: 7].

Фразеологические ресурсы языка, как и лексические, участвуют в реализации авторского замысла и являются одним из средств вербализации концепта, поэтому методика концептуального анализа включает выявление фразеологических средств как репрезентантов концепта и определение их роли в создании произведения. Кроме того, для полноты концептуального анализа важен анализ лексической структуры текста, элементом которой является фразеологический запас. Отражение идеи художественного произведения происходит благодаря богатству лексики и фразеологии. Однако следует помнить, что лексические и фразеологические единицы в пространстве художественного произведения наполняются смыслом в соответствии с авторскими интенциями. Г.О. Винокур утверждал, что «действительный смысл художественного

слова никогда не замыкается в его буквальном смысле» [Винокур, 1990: 142]. Языковые единицы, преломляясь в художественном произведении, образуют особый «стилистический контекст» (И.В. Арнольд), в котором они не только реализуют узуальные значения, но и получают новые смысловые приращения, иногда – окказиональные значения. Верификация значений опирается на лексикографические источники.

Понятие контекста представляет интерес для различных направлений гуманитаристики в течение многих десятилетий. И.Т. Касавин, проводя обзор работ, анализирующих теорию контекста в русле современных гуманитарных наук, указывает на недостатки междисциплинарной методологической программы изучения контекстуализма, виды которого соотносятся и находятся в тесном взаимодействии друг с другом [Касавин, 2005: 8-9].

Исследование различных языковых единиц тесно связано с изучением текста и его фрагментов, объединенных этими языковыми единицами, т.е. контекстов. Поэтому необходимо рассматривать языковые единицы в целостности, а не разобщённо: связность и цельность являются основными свойствами текста. Потенциал системы языка более широко проявляется в контексте, который «не рождает сам какого-либо значения языковой единицы; он лишь реализует, другими словами, дает статус существования подлинного значения соответствующей языковой единицы» [Колшанский, 2010: 33]. Контекст оценивается лингвистами с разных сторон: 1) в качестве стимула для использования «речевого сигнала для выражения обозначаемого», 2) «как психологические условия, обеспечивающие понимание данного знака в данном содержании» [Амосова, 1963: 22].

Поворот в современной лингвистике в сторону прагматики усилил интерес к рассмотрению проблем функционирования языковых единиц различных уровней. В соответствии с прагматическим подходом исследуется коммуникативное назначение языковых единиц, употреблённых с определённой целью и оказывающих воздействие на адресата. Объектом изучения прагмалингвистики является речевой акт – минимальная единица речи, речевое действие, осуществляемое в процессе общения и рассматриваемое в рамках прагматической ситуации. Речевой акт представляет собой триединство локуции – акта говорения, иллокуции – целена-

правленности и перлокуции – воздействия, которое высказывание оказывает на адресата [Кобозева, Демьянков, 1986].

Прагматическое значение выражается интенционально, речевые интенции развиваются по линии «намерение → смысл → высказывание / текст» [Котовская, 2012: 19]. Целью речевой деятельности является создание определённого текста, дискурса [Лурия, 1975: 176], чем и объясняется внимание лингвистов к изучению понятий дискурса, текста, контекста (см. работы Г.В. Колшанского, М.Л. Макарова, Е.В. Падучевой и др.).

Контекст рассматривается представителями различных направлений лингвистики. В зависимости от научной школы меняется трактовка данного понятия, однако исследователи сходятся во мнении, что контекст принадлежит лингвистике – функциональной или коммуникативной. Так, М.Л. Макаров связывает понятия дискурс и контекст, выделяя внешний и внутренний контекст высказывания. По мнению учёного, дискурс может быть обращён «вовне», т.е. к системе междисциплинарного знания, к внешнему контексту высказываний, а может – «вовнутрь», т.е. к ментальной сфере говорящего и слушающего, к внутреннему контексту [Макаров, 2003: 147].

Представители коммуникативной лингвистики отделяют себя от прагмалингвистики, изучающей «прагматический контекст» (термин Г.В. Колшанского). Согласно определению И.Г. Торсуевой, контекст – «фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы» [Торсуева, 1998: 238]. Н.С. Болотнова говорит о двух пониманиях этого термина – широком и узком контексте, а в качестве дифференциальных признаков называет «объём и масштаб окружения, в рамках которого изучается языковое или литературное явление» [Болотнова, 2009: 74].

Выделяют два типа контекста – микроконтекст, или контактный контекст (термин Г.В. Колшанского), макроконтекст, или дистантный контекст (термин Г.В. Колшанского). Микроконтекст – «минимальное окружение единицы, в котором она, включаясь в общий смысл фрагмента, реализует своё значение плюс дополнительное кодирование в виде ассоциаций, коннотаций», в макроконтексте окружение единицы позволяет установить её функцию в тексте в целом [Торсуева, 1998: 238].

При изучении особенностей функционирования тех или иных языковых единиц будем опираться на понимание контекста вслед за сторонниками коммуникативной лингвистики: «функционирование собственных языковых единиц должно рассматриваться в рамках языковых отрезков, достаточных для однозначного восприятия конкретных языковых единиц, требующих лишь знаний, непосредственно относящихся к данному речевому акту» [Колшанский, 2010: 38-39].

Согласно И.Р. Гальперину, текст включает следующие категории: информация (информативность), членимость, проспекция, ретроспекция, когезия, континуум, модальность, автосемантия, завершённость [Гальперин, 2007: 38]. К одному из видов разделения художественного текста относится контекстно-вариативное членение, в котором учёный выделяет следующие формы речетворческих актов: 1) речь автора: повествование, описание, рассуждение; 2) чужую речь: диалог с вкраплениями авторских ремарок, цитацию; 3) несобственно-прямую речь [Гальперин, 2007: 51]. Тексты различных функциональных стилей имеют иное членение, так как они логически организованы, выполняют информативную, а не эстетическую функцию.

Несомненно, в процессе лингвистического анализа художественного текста исследователь использует широкий, *социо-историко-культурный*, так называемый «вертикальный контекст» (термин О.С. Ахмановой, И.В. Гюббенет) – контекст, находящийся за пределами текста и позволяющий выявить его интертекстуальные связи и смысловое наполнение, это «информация историко-филологического характера, объективно заложенная в конкретном литературном произведении» [Ахманова, 1977: 47]. Подобная «инвентаризация», проводимая с опорой на фоновые знания, помогает читателю понять содержание произведения, воспринять текст во всей его полноте[2]. В результате И.В. Гюббенет ставит глобальную задачу сопоставить и сравнить изучение двух понятий *вертикальный контекст – контекст эпохи* для решения вопроса о «глобаль-

[2] В этой связи следует упомянуть точку зрения А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского о роли культурных знаний для понимания смысла КВ в составе высказывания [Баранов, Добровольский, 2008: 71-72].

ном» вертикальном контексте и методах его изучения [Гюббенет, 1980: 102].

Выбор языковых средств зависит от коммуникативного намерения говорящего / пишущего (иллокуции), функционально-стилевой и жанровой принадлежности созданного текста. Результатом контекстуального взаимодействия языковых единиц является их тематическое, композиционное единство. Текст – сфера реализации значений как лексических, так и фразеологических ресурсов языка, анализировать которые необходимо с учётом парадигматических и синтагматических связей. Парадигматический контекст узуса выделяется с учётом класса слов – тематических и лексико-семантических групп, семантических полей, синтагматический – правила их сочетаемости [Болотнова, 2009: 75].

Несмотря на появление новых направлений исследования художественного текста, нельзя забывать о методах анализа, ставших классическими. Как справедливо отмечает Н.К. Онипенко, «смена научной парадигмы не отменяет достижений описательной грамматики» [Онипенко, 2001: 9]: традиционно анализ художественного текста включал рассмотрение его структуры (абзацное членение, определение связи между абзацами и др.)

Достижения современной гуманитаристики и междисциплинарный характер филологии предопределяют выбор исследователя: наиболее полным является комплексный анализ текста, учитывающий место данного текста в творчестве автора, стилистическую и жанровую отнесённость текста, архитектонику; включающий определение способов выражения авторской позиции, выделение смысловых доминант, выявление текстообразующих единиц, а также наблюдение, как слово-понятие становится словом-образом при помощи языкового инструментария как родного, так и иностранных языков (согласно Н.С. Болотновой – анализ художественно-образной конкретизации).

Глава 3. Современная лексикография: традиции и тенденции развития

Деятельность по составлению словарей имеет богатую историю. Существуют различные варианты периодизации развития

лексикографии. Выделение этапов происходило с учётом хронологического принципа [История… 1998], функциональных позиций (В.Г. Гак). Периодизация, предложенная В.Г. Гаком, включает: 1) дословарный период (с XXV в. до н.э.), когда происходило объяснение малопонятных слов; 2) ранний словарный период (с VI в.), когда с помощью словарей изучались национальные языки; 3) период развитой лексикографии (с XVII в.), который характеризовался описанием и нормализацией лексики языка, повышением языковой культуры общества, а также появлением разных типов словарей – фразеологических, терминологических, синонимических и др.; именно с XVIII в. утверждается, а впоследствии получает развитие новая функция лексикографии – сбор и обработка данных для исследований в разных областях лингвистики [Гак, 1998: 258], что позволяет говорить о зарождении метаязыковой функции словаря.

С XIX в. отечественная и зарубежная лексикография опирается на понимание языка как целостной системы, описываемой лексикографами в разных аспектах, включающей множество пересекающихся языковых единиц и представляющей закономерности их употребления.

Одним из основоположников теории отечественной лексикографии был Л.В. Щерба, который подчеркивал комплексный характер работы по составлению словарей, считая словарь источником для дальнейших лингвистических исследований, так как он содержит различные представления о слове как основной структурно-семантической языковой единице [Щерба, 1974].

Словарь фиксирует не просто слово, ФЕ или паремию, а запечатлевает языковую реальность, помогает представить ЯКМ, являясь источником культурологической информации. Современная лексикография представляет собой многостороннее образование, развивающееся в теоретическом и практическом направлениях, отвечающее запросам адресата относительно различной информации об описываемой единице. В зависимости от интересов адресата выбирается лексикографический жанр [Бытева, 2012: 16].

В теории лексикографии обосновано противопоставление антропоцентрического и лингвоцентрического подходов [Морковкин, 1988], в широкий научный оборот введены понятия *антропоцентрический словарь*, *антропоцентрический принцип*. Антропо-

центрическую ориентацию и системное представление языковых единиц называют среди основных тенденций современной отечественной лексикографии В.А. Козырев и В.Д. Черняк в обзорной критической статье «Современные ориентации отечественной лексикографии» [Козырев, Черняк, 2014], хотя чёткая концепция создания антропоцентрического словаря не сформулирована [Цой, 2007: 247].

Интерес филологов, культурологов, этнологов к лексикографическим изданиям возрастает с каждым годом, что объясняется огромным информативным потенциалом словаря. Вопросы описания языковых национальных картин мира находят отражение в лексикографии. Если в словаре имя концепта отправляет к иерархизованной совокупности семантических признаков – дефиниционных, энциклопедических, выводных и пр., то при употреблении его в составе предикативных единиц, очевидно, актуализуется в идеале какой-то один из них, помещаемый говорящим в коммуникативный фокус высказывания [Воркачев, 2003: 191].

Отечественные исследователи по-разному рассматривают словарь в системе языка, называя его «памятником своего времени, выдающимся архитектурным сооружением» (А.М. Бабкин), текстом (А.С. Герд), гипертекстом (Е.Л. Гинзбург, Ю.Н. Караулов, А.А. Хуснутдинов), дискурсом (Е.В. Каламбет), вторичным высказыванием (Т.И. Бытева).

К настоящему времени лексикография накопила большой и необычайно полезный опыт в представлении языковых единиц различных уровней языка, который, безусловно, должен учитываться при создании новых словарных проектов. Тщательно классифицированы типы словарей (см.: [Гак, 1990; Дёвкин, 2000, 2005; Дубичинский, 2008; Карпова, 2010; Козырев, Черняк, 2004, 2014; Лексикография, 2009]), однако требуют дальнейшего утверждения некоторые термины (например, *авторская* vs *писательская*, *детская* vs *учебная* лексикография), необходимо доработать критерии разграничения понятий *тип* и *жанр* словаря. Нельзя не согласиться с мнением Л.В. Алёшиной: «На современном этапе создание каждого нового лексикографического произведения должно базироваться на разработке целого ряда лингвистических проблем: лексикологических, семасиологических, грамматических, стилистических и др.» [Алёшина, 2002: 9].

Изменение предмета словарного описания может быть связано с утверждением в лингвистике новых понятий. Например, рассмотрение лексико-фразеологического комплекса и определение его места в системе языка позволило А.Р. Поповой заявить о «Словаре одного слова» как новом типе словаря, где представлен креативный потенциал лексемы [Попова, 2017:161].

Важным и основополагающим для лингвистики является выработка метаязыка современных словарей разных типов – лексикографическая параметризация с учетом современной научной парадигмы. Сегодня лексикография характеризуется многоаспектностью, богатством энциклопедических сведений при лаконизме формы, структурированностью и системностью информации, сообщаемой о единице описания [Герд, 1997]. Кроме того, из отличительных черт отмечается комплексность (согласно Ю.Д. Апресяну, синтез филологии и культуры в широком смысле слова [Апресян, 1993: 6]) и серийность (например, серийное издание «Словаря языка Достоевского»). В словарной форме находят выражение фрагменты ЯКМ, конкретные концепты, единицы всех уровней языковой системы. Словари содержат знания определенного периода, играют важную роль в духовной культуре, выполняют различные социальные функции: информативную, коммуникативную и нормативную [Гак, 1990: 462].

Словарная статья получает разные номинации-характеристики: лингвистический жанр [Козырев, Черняк, 2004], текст [Байрамукова, 2008], способ коммуникации [Каламбет, 2007]. При этом «в каждом случае следует различать, что отражено в словаре и как это отражено, то есть содержание и способ представления, метаязык и дискурс словаря» [Гак, 2001: 3]. По мнению П.Н. Денисова, универсальные функции и принципы макроструктуры словаря определяют следующие универсальные черты любой словарной статьи: 1) требование четкой адресации (справочная функция); 2) описание сочетаемостных потенций слова (принцип экономности, полноты, эффективности); 3) описание смысловых связей слова в лексической системе языка (систематизирующая функция); 4) наличие иллюстративных примеров, речевых контекстов (принцип полноты, эффективности, традиционности) [Денисов, 1980].

Л.П. Дядечко отмечает стремление современных лексикографов к тому, чтобы «словарное описание раскрывало онтологи-

ческую природу языковых образований», а его классифицирующие признаки указывали на различные свойства описываемых слов / выражений: системные, прагматические, функциональные, этимологические [Дядечко, 2006: 188].

В.Д. Табанакова и Н.А. Сивакова связывают основную задачу теории лексикографии с разработкой методов описания каждого отдельного словаря как типа с учётом прагматических целей и формированием обоснований и требований соответствия определенного метаязыка определённому типу словаря [Табанакова, Сивакова, 2003: 119].

В связи с развитием научно-технического прогресса, распространением сетевых технологий лексикографы говорят о необходимости создания электронных словарей [Сулак, 2010, Цой, 2007], что, безусловно, расширит аудиторию пользователей – потенциальных «читателей», а словарный продукт станет более доступным.

В последние десятилетия в отечественной и зарубежной лингвистике вырос интерес к лексикографическому описанию ФЕ, паремий, КВ, терминов, перифрастических выражений. Поскольку эти единицы имеют специфические черты, то будет отличаться и метаязык словаря, разниться составляющие элементы словарной статьи, меняться адресант словаря.

Сравнительно-сопоставительный анализ показал, что сегодня отечественная лексикография в целом и фразеография и паремиография в частности развиваются в русле общеевропейской науки, доказательством чего служат многочисленные обзоры, посвященные национальным лексикографиям: сборник научных материалов «Теория и история славянской лексикографии» (2008), коллективная монография «Славянская лексикография (2013), а также материалы международных симпозиумов «Русская лексикография и фразеография в контексте славистики: теория и практика» (2009, 2011), «Русская культура как объект современной лексикографии и фразеографии» (2014).

Отрадно, что ряд теоретических положений и практических наработок зарубежных коллег находит отражение в современных словарях и лексикографических анонсах. Современная лексикографическая практика доказывает, что ФЕ и паремии имеют эквиваленты в разных, даже неблизкородственных языках (например,

созданные международными научными коллективами словари «Russich – Deutsch – Spanisches Wörterbuch aktueller Sprichwörter», «Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русск., англ., белорусск., немецк., словацк. и украинск. яз.», «Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями)».

Е.И. Зиновьева и А.Е. Маточкина, проанализировав современные паремиографические издания, выявили ориентированность одноязычных словарей на адресата-носителя языка, обладающего пресуппозитивными знаниями, наличие переводческих эквивалентов в двуязычных словарях, однако, по словам лингвистов, до настоящего времени нет «лингвокультурологического словаря русских пословиц, толкующего значение, ситуацию употребления, содержащего исторический и социокультурный комментарий», что позволило исследователям поставить вопрос о необходимости создания подобного свода, отвечающего современной научной парадигме [Зиновьева, 2017: 29-30].

С учётом европейской фразеографической и паремиографической традиции В.М. Мокиенко считает необходимым создание паремиологического тезауруса – «словаря с алфавитным или идеографическим расположением материала, задачей которого является максимально полное отражение всего корпуса пословиц и поговорок данного языка» [Мокиенко, 2014: 11]. Подобную идею выдвинула А.М. Чепасова в проблемной статье «Фразеография – зеркало фразеологии» (2011). Челябинский учёный ставит глобальную задачу создания единого национального фразеологического свода, для решения которой следует создать широкую картотеку ФЕ от Пушкина до начала XXI в., а также выработать методику их описания [Чепасова, 2011: 261]. Большую помощь в этом может оказать постоянно пополняемый НКРЯ, существующий в пространстве Интернета.

В настоящее время фразеологи формулируют задачи в соответствии с тенденциями современной лексикографии. Л.П. Дядечко говорит о создании мультимедийного варианта словаря КВ, что расширит объем подаваемой информации, а также в полной мере представит иллюстративный материал – текстовый, аудиовизуальный и т.п. [Дядечко, 2006: 190].

Вместе с тем не стоит снижать важность теоретического решения практических задач. В.М. Мокиенко в предисловии к «Словарю русской фразеологии» вопрос о стилистической квалификации ФЕ называет одним из спорных [Мокиенко, 1998: 8]. Е.И. Рогалёва, учитывая использование инновационных лексикографических технологий, обращает внимание на актуальность определения исходной формы ФЕ и структурирования заголовочной зоны словарной статьи [Рогалёва, 2014: 61]. В русле теоретической и практической лексикографии А.М. Чепасова говорит о необходимости решения проблемы варьирования ФЕ [Чепасова, 2000].

Одним из тезисов антропоцентрического направления лексикографии является высказанная Ю.Н. Карауловым мысль о необходимости соединения «словаря в личности и личности в словаре» [Караулов, 2010: 27]. Всестороннее изучение ЯЛ писателя становится возможным благодаря созданию как одноаспектных, так и разноаспектных словарей языка писателя, концепция которых, на наш взгляд, должна опираться на опыт отечественной и зарубежной лексикографии и решать перечисленные фразеографами текущие задачи, находящиеся в русле тенденций современной лингвистики.

Сегодня с уверенностью можно констатировать, что к концу 2-го десятилетия XXI в. словари являются одним из способов отражения действительности, поскольку чутко реагируют на происходящие социально-гуманитарные события в обществе. Однако нельзя не отметить следующее: сложившиеся традиции отечественной лексикографии продолжаются и развиваются в создаваемых словарях различных типов. Меняется адресат словаря и способы подачи материала (например, правомочно введение терминов *детская лексикография*, *компьютерная лексикография*), претерпевает изменения метаязык современного словаря.

Глава 4. Основные направления изучения фразеологии языка Л.Н. Толстого

Язык Л.Н. Толстого в течение полутора веков изучается отечественными и зарубежными лингвистами. Со временем менялся объект и векторы исследования, что объяснялось временем проведения анализа, господствующей научной парадигмой, социально-

политическими условиями. В.В. Виноградов, отмечая влияние на язык писателя «веяний» XVIII в. и пушкинской традиции, включение в художественные произведения разговорной, профессиональной, жаргонной лексики, народной речи, а также использование новых приёмов психологического анализа, признавал значимость вклада писателя в развитие русского литературного языка [Виноградов, 1939: 117-118]. Согласимся с мнением Е.М. Галкиной-Федорук, подчеркнувшей жанровое богатство, «организацию словесного массива», богатство лексики и фразеологии языка Л.Н. Толстого [Галкина-Федорук, 1960: 1]. На наш взгляд, наблюдения такого рода не только расширяют представления о языке XIX в., но и помогают охарактеризовать особенности авторского мировидения.

Фразеология языка Л.Н. Толстого была предметом ряда лингвистических исследований. Изучение фразеологических ресурсов велось в нескольких направлениях: 1) описание фразеологии отдельных (чаще – художественных) текстов или рассмотрение функционирования отдельных ФЕ с учётом их классификации, 2) анализ фразеологических особенностей текстов определённого стиля и жанра, 3) выявление тенденций в употреблении фразеологических средств с учётом периода творчества. Следует отметить, что решение лингвистических задач соответствовало времени исследования и проводилось с учётом парадигмы науки.

В середине XX в. возрос интерес исследователей к изучению языка художественных произведений, увеличилось внимание к стилистическому расслоению языка, появилась необходимость в лексикографическом описании языка писателей, что связано с выходом академических словарей, «Словаря языка Пушкина».

С 50-х гг. XX в. лингвисты стали активно изучать фразеологию художественных произведений Л.Н. Толстого, что объяснялось несколькими причинами: в эти годы языковедов интересовало исследование фразеологии языка различных писателей, к 1958 г. было закончено издание Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, а с 1960 г. с определённой периодичностью стали проводиться Толстовские чтения. География исследований простиралась на всю территорию СССР. Работы этого периода содержали используемые до настоящего времени классификации ФЕ, кроме то-

го, в исследованиях формулировались задачи их научного изучения, актуальные и для современной фразеологии.

Для 50-х – 60-х гг. XX в. характерно изучение фразеологии художественных произведений. Обстоятельно изучены языковые особенности пьес «Власть тьмы» и «Плоды просвещения», что можно объяснить совпадением взглядов писателя и обличительных настроений советского общества. Е.П. Артеменко в кандидатской диссертации «Изобразительная роль речевых средств в драме Л.Н. Толстого "Власть тьмы"» предприняла попытку выявить индивидуальное своеобразие писателя в использовании разговорной речи, описав в том числе и ФЕ [Артеменко, 1962]. Н.П. Гринкова, М.В. Крылова, Р.Н. Попов проанализировали фразеологические средства, используемые писателем для индивидуализации речи героев драмы «Власть тьмы» [Гринкова, 1960; Крылова, 1963; Попов, 1971[3]], которая «способствует созданию характерного, запоминающегося индивидуального образа» [Крылова, 1963: 210]. Одной из наиболее полных работ, посвященных анализу языка народных драм, была статья Р.Н. Попова «Народная речь в пьесе "Власть тьмы"». По мнению учёного, «народную колоритность языку пьесы придает насыщенность ее лексикой разговорно-бытового и просторечного характера, а также фразеологическим и пословичным материалом»; а «индивидуализация языка действующих лиц пьесы достигается автором главным образом в результате частого повторения в их речи тех или иных языковых деталей, ярких штрихов» [Попов, 1971: 140]. Изучению фразеологического состава пьесы Л.Н. Толстого «Плоды просвещения» посвящены статьи А.Е. Супруна, Д.Д. Ильина [Супрун, 1956; Ильин, 1967]. А.Е. Супрун отметил, что благодаря фразеологическим ресурсам языка писатель создаёт индивидуальность персонажей [Супрун, 1956: 229], различие между которыми обеспечивается посредством противопоставления речевых партий [Ильин, 1966: 40]. Таким образом, основным средством речевой характеристики в народных драмах является подбор лексических и фразеологических средств [Ломакина, 2006].

Фразеологическим особенностям романа «Война и мир» посвящены исследования Н.М. Шанского (1953, 1953а), Е.Н. Борисо-

[3] Фактически статья была написана в 1967 г., а опубликована позже.

вой (1960), В.М. Цапниковой (1967). Если в статьях Н.М. Шанского фразеология романа рассматривается фрагментарно, наряду с другими языковыми средствами (например, перечисляются паремии в речи Платона Каратаева), в статье Е.Н. Борисовой фразеология представлена как средство создания речевых характеристик [Борисова, 1960], то в работе В.М. Цапниковой охарактеризованы структурно-грамматические типы ФЕ, дана их стилистическая характеристика, выделены функции ФЕ. Исследователь заключает, что в количественном отношении преобладают глагольные ФЕ разговорно-бытового характера, имеющие экспрессивно-стилистическую окраску и подчёркивает их стилистическое богатство [Цапникова, 1967]. Согласимся с учёным: писатель в романе использует экспрессивный потенциал разговорной фразеологии, позволяющей представить авторскую оценку и выполняющей «аккордную» роль.

В.В. Попов в статье «О традициях и новаторстве в раннем творчестве Толстого» обращается к лексическим и фразеологическим особенностям трилогии «Детство. Отрочество. Юность». Исследователь делится меткими наблюдениями о подаче писателем диалектного материала, характеризует употребления как архаичных, так и новых для XIX в. лексем. Уделено внимание и фразеологическим особенностям трилогии: Л.Н. Толстой выбирает ФЕ, исходя из художественной задачи: для усиления динамики повествования, оценки, создания юмористических ситуаций. Для характеристики языка писателя важен вывод: стремление писателя варьировать ФЕ вызвано желанием «разрушить устоявшиеся скрепы, наметить новые линии опосредствований в экспрессивном плане [Попов, 1962: 187].

Обзор исследований 1960-х гг. будет неполным, если не назвать статью сотрудника Государственного музея Л.Н. Толстого Э.Е. Зайденшнур «Пословицы и поговорки в произведениях, дневниках и письмах Толстого» (1961), в которой была предпринята попытка собрать все пословично-поговорочные выражения (в том числе нетранслитерированные), извлеченные из различных текстов писателя.

Проведя анализ публикаций 1950–1960-х гг., посвященных языку Л.Н. Толстого, В.Л. Архангельский в программной статье «О лингвистической проблематике Толстовских чтений» обратил

внимание исследователей на актуальные, на его взгляд, темы и проблемы, нуждающиеся в изучении. Особое внимание он уделил исследованию фразеологии произведений, писем и дневников Л.Н. Толстого, подчеркнув необходимость создания указателей ФЕ, частотных фразеологических словарей к отдельным произведениям писателя, монографических исследований о фразеологии произведений Л.Н. Толстого. Кроме того, учёный предложил использовать новые методы при изучении фразеологии языка писателя, в том числе статистические [Архангельский, 1971: 7–8]. Ряд проблем, предложенных к рассмотрению В.Л. Архангельским, остаётся актуальным и для современной лингвистики.

В 1970–1980-е гг. в связи с развитием функциональной лингвистики, описанием типологии варьирования появились работы, выполненные в таком русле. Фразеологическое новаторство Толстого показано Ю.А. Гвоздарёвым на материале романа «Анна Каренина» (1971), А.М. Мелерович – романа «Воскресение» (1974), В.М. Глуховым – пьесы «Власть тьмы» (1971). В данных работах произведения Л.Н. Толстого служат иллюстративным материалом для теоретических изысканий, посвящённых способности ряда ФЕ к варьированию. М.Г. Шатух анализирует типы варьирования ФЕ в драматических произведениях Л.Н. Толстого (1974). Продолжая идеи, высказанные ранее, учёный связывает трансформации ФЕ с авторской задачей индивидуализации речи персонажей [Шатух, 1974]. Кроме того, в этот период проводились исследования, иллюстрирующие теоретические положения фразеологии. Так, М.М. Копыленко, опираясь на примеры из романа «Анна Каренина», показал, какие фразеомодели не употребляются в современном русском языке [Копыленко, 1971]. Е.Г. Панасенко проанализированы ФЕ с модальным значением в романе «Война и мир» [Панасенко, 1971]. Фразеологии батальных сцен в романе «Война и мир» посвящена статья Г.А. Селиванова, ценность которой – в фиксации и описании не только общеупотребительных, но и «авторских» оборотов [Селиванов, 1971]. Все перечисленные работы ценны примерами и комментариями к ним, однако носят фрагментарный характер и не направлены на целостное описание особенностей фразеологии языка писателя.

С 1980-х гг. впервые предметом интереса фразеологов стали письма Л.Н. Толстого. Серия научных работ И.А. Ерёменко, в том

числе кандидатская диссертация «Фразеология писем Л.Н. Толстого» [Ерёменко, 1988], содержала анализ стилистической характеристики фразеологического состава эпистолярия Л.Н. Толстого, описание способов преобразования ФЕ. Представляется, что наиболее ценным является выделенный исследователем фонд фразеологии писем, который, к сожалению, так и не был лексикографически описан автором: приложение диссертации содержит лишь алфавитный перечень ФЕ.

Начиная с 1990-х гг. – времени появления новой научной парадигмы – изменяется как объект рассмотрения (из числа текстов Л.Н. Толстого), так и методы их исследования. Это коснулось и анализа фразеологии языка писателя: наряду с традиционным направлением – изучением семантики и грамматики, особенностей функционирования ФЕ, употребляемых Л.Н. Толстым [Авдеева, 1995; Баженова, 1998; Бичурина, 1995; Гужанов, 1992; Ломакина, 1997, 1998б], публикуются наблюдения о паремиологическом пространстве романа «Война и мир» [Савенкова, 1995], «Азбуке» и «Новой азбуке» [Лисицына, 1998], об особенностях употребления крылатики [Ломакина, 1998] и БФЕ [Архангельская, 1998], текстообразующей роли ФЕ в романе «Воскресение» [Багатурова, 1992].

В 1-е десятилетие XXI в. изучение фразеологии языка Л.Н. Толстого было продолжено, что нашло отражение в различных научных жанрах – диссертациях, монографиях, статьях. С учётом тенденций современной науки рассмотрены как отдельные тексты Л.Н. Толстого, так и всё творчество. Ю.В. Архангельская в статьях, кандидатской диссертации, а потом и в монографии описала роль фразеологии в идиостиле Л.Н. Толстого [Архангельская, 2005, 2008, 2009]. Исследователь, анализируя ряд художественных, публицистических, дневниковых, эпистолярных, учебно-методических текстов, приходит к следующим выводам: для языка писателя характерно наличие «фразеологических пристрастий» в разные периоды творчества, среди структурно-семантических вариантов наиболее частотна замена компонента ФЕ, важную роль играют нетранслитерированные иноязычные ФЕ [Архангельская, 2008: 176-177].

Тщательной лингвистической «инвентаризации» подвергся фразеологический состав народных драм Л.Н. Толстого («Власть тьмы», «Плоды просвещения», «От ней все качества», «Первый

винокур, или Как чертенок краюшку заслужил», «Проезжий и крестьянин»): рассмотрено функционирование ФЕ, выделены семантико-грамматические и стилистические свойства ФЕ, выявлена их роль в формировании концептуального пространства, представлена концептосфера как способ моделирования мира. Выбор фразеологии продиктован жанровой спецификой анализируемых текстов пьес, что показано в серии статей, посвящённых языку народных драм [Ломакина, 2003, 2006, 2006а].

Кандидатская диссертация Л.Ш. Мигрaновой посвящена рассмотрению фразеологии романа «Анна Каренина» как фрагмента языковой картины мира Л.Н. Толстого. Фразеологический состав романа проанализирован комплексно: описаны образы ФЕ с позиций лингвокультурологии в рамках культурных кодов, обнаружены интертекстуальные связи романа, обусловленные фразеологическими средствами, определено место фразеологии в концептуальной структуре романа, составлен лингвокультурологический словарь-комментарий «Полнота страдания и пустота счастья», отражающий ФКМ романа [Мигранова, 2010].

Впервые интерес учёных приковывает и афористика языка Л.Н. Толстого. Так, Ю.В. Архангельская отмечает роль Толстого во фразеологизации БФЕ *единое на потребу* [Архангельская, 2011], а Н.А. Карлик ряд ФЕ и паремий рассматривает как афоризмы, доказывая это наблюдениями над толстовскими текстами [Карлик, 2012].

В ряде статей фразеология рассматривается как текстообразующий фактор [Архангельская, 2012, Ломакина, 2011], что находится в русле не только современной фразеологии, но и лингвистики текста.

Обзор представленных научных трудов XXI в., посвящённых изучению фразеологии языка Л.Н. Толстого, показал: комплексное изучение фразеологии помогает «раскодировать» текст, выявив авторские интенции, способствуя более полному описанию языковой личности писателя. Проведение исследований с учётом жанрово-стилистической характеристики опирается на филологическую теорию, но позволяет выделить языковые предпочтения Л.Н. Толстого. Использование новых методов в изучении языка, тенденций современной лингвистики, тяготеющей к комплексности и междисциплинарности, помогает иначе «прочитать» автор-

ский текст. Однако остаётся актуальным детальное изучение фразеологических особенностей публицистических, педагогических, и мемуарных текстов. Вместе с тем нельзя не принимать во внимание положительный опыт фразеологов XX в.

Выводы к разделу 1

Развитие современной фразеологии определяется актуальными в последние годы тенденциями гуманитарных наук. Антропоцентрический подход к изучению языковых единиц, в том числе фразеологических, выдвинул ряд новых научных направлений (лингвокультурологию, когнитивистику, лингвоаксиологию и др.), которые приняты во внимание фразеологами.

Вместе с тем анализ фразеологического состава как русского, так и других языков учитывает узкое / широкое понимание объёма фразеологии и использует существующие в отечественной лингвистики основные классификации: классификацию по степени семантической слитности, а также семантико-грамматическую и генетическую классификации.

Выделение паремиологии и крылатологии как разделов фразеологии способствует появлению исследований, проводимых в различных направлениях. Определение пословичного значения, этимологии и национальной самобытности или общеязыковой сущности, выделение тематических групп паремий, их изучение с учётом жанровых особенностей, концептуальная вербализация определённых понятий при помощи пословичного знака, особенности функционирования в текстах с учётом жанрово-стилистической дифференциации – перечень основных вопросов, поставленных паремиологами. Несмотря на расплывчатые рамки крылатологии, приблизительный количественный состав, терминологическую размытость, учёные обращаются к источникам появления КВ, определяют их пути проникновения в язык, устанавливают функции, выполняемые КВ в тексте, устанавливают преобразовательный потенциал крылатологии. Обозначенная проблематика позволяет говорить о значительных успехах в данных сферах фразеологического знания.

В настоящее время текст рассматривается как объект разностороннего анализа. Развитие антропоцентризма повлияло на актуализацию и детальную разработку понятия ЯЛ. Многоаспектное исследование различных текстов, принадлежащих конкретному писателю, позволяет охарактеризовать его ЯЛ, выделив черты индивидуального стиля. Анализу в первую очередь подвергаются художественные тексты, репрезентирующие как ИКМ, так и ХКМ. Тексты художественной литературы изучаются с разных научных позиций и с применением различных методов. Современный лингвистический анализ отличает комплексность: от вертикального (социо-историко-культурного) контекста к горизонтальному с привлечением материала о функциональном потенциале языковых единиц различных уровней. Такой вектор исследования, несмотря на проблему определения границ минимального контекста, позволяет многосторонне охарактеризовать текст.

Комплексность отличает и современную лексикографию. При решении проблемы адресации словарей, при выработке чёткой методологии словарного описания и метаязыка словарной статьи можно добиться максимальной действенности и полезности словарного труда. Поскольку фразеоресурсы языка имеют ряд специфических черт, то фразеологические и паремиологические словари будет отличать свой метаязык. Современная писательская лексикография опирается на традиции отечественной и зарубежной лексикографии, а также учитывает словарную специфику описываемых единиц.

Язык Л.Н. Толстого исследовался многими лингвистами, которые единодушно отмечают богатство лексических и фразеологических средств. Проблематика изучения фразеологии языка писателя включает выявление фразеологических особенностей текстов, рассмотрение функционального потенциала отдельных ФЕ, анализ фразеологических особенностей текстов с учётом жанрово-стилистической дифференциации, периода творчества. Использование современных методов исследования, комплексность и междисциплинарность позволяют более полно охарактеризовать язык Л.Н. Толстого, в том числе фразеологический корпус его текстов.

Раздел 2

ФРАЗЕОЛОГИЯ В ЯЗЫКЕ Л.Н. ТОЛСТОГО: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Глава 1. ФРАЗЕОКОНТЕКСТ: ОТ ТЕОРИИ ИЗУЧЕНИЯ К ПРАКТИКЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

§ 1. Современное понимание термина *фразеоконтекст*. Проблематика изучения фразеоресурсов языка в контексте

Исследованию контекстуального употребления ФЕ посвящены работы Ю.Ю. Авалиани, Н.Н. Амосовой, В.Л. Архангельского, Р.А. Аюповой, В.П. Жукова, А.В. Кунина, О.В. Ломакиной, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, Л.И. Ройзензона, М.Т. Тагиева и др. [Авалиани, 1961; Амосова, 1968; Аюпова, 2008; Жуков, Кунин 1996; Ломакина, 2015; Мелерович, 2008; Тагиев, 1966; Фокина, 2007]. Охарактеризуем наиболее значимые положения.

В.Л. Архангельский, упоминая предложенный Н.Н. Амосовой контекстологический метод, при использовании устойчивых фраз выделяет УФ, зависимые от типового контекста речи и определённой ситуации, и УФ, свободно употребляемые в речи. На этом основании была разработана следующая классификация: 1) контекстуальные УФ, 2) ситуативные УФ, использование которых зависит от типовых ситуаций речевого общения [Архангельский, 1964: 251-254].

Продолжая идеи Н.Н. Амосовой и перенеся их на фразеологию английского языка, А.В. Кунин обращает внимание на такие признаки ФЕ, как раздельнооформленность и устойчивость, наличие которых объясняет склонность ФЕ к варьированию, проявляющемуся в контексте. Вслед за В.И. Кодуховым А.В. Кунин предлагает разделять контекст функционирования и контекст порождения. Под контекстом он понимает «отрезок текста, вычле-

няемый и объединённый языковой единицей или речевой единицей, могущей перейти в языковую, которые детерминированы актуализатором при узуальном или окказиональном использовании», а под фразеологическим актуализатором – «слово, словосочетание, предложение или группу предложений, семантически связанных с употребляющимися в данных контекстах фразеологизмами, вводящих их в речь при узуальном или окказиональном использовании» [Кунин, 1996: 199].

В.П. Жуков при характеристике ФЕ и её окружения объясняет обусловленность сочетаемости ФЕ их валентными свойствами. По его мнению, без слов-сопроводителей, т.е. слов свободного употребления, выполняющих отдельную синтаксическую функцию, невозможна семантическая реализация ФЕ [Жуков, 1986: 19].

В этом же русле находятся рассуждения М.Т. Тагиева, который предлагает анализировать ФЕ, опираясь на их лексико-семантическое и морфолого-синтаксическое окружение [Тагиев, 1966]. Р.Н. Попов не пренебрегает этим методом, однако справедливо оценивает роль внутриструктурных отношений и связей в определении сущности ФЕ [Попов, 2010: 233].

Г.В. Колшанский обращает внимание, что в пределах микроконтекста происходит переход слова из словарной единицы в языковую, который обеспечивается связью с другими словами в пределах высказывания [Колшанский, 2010: 46], ведь по лексикографическим определениям «можно судить о том, как понимались те или иные слова… в ходе исторического развития социума, можно изучать историю науки и историю познания человеком окружающего мира» [Бабушкин, 1996: 32], а дефиниция представляет собой лишь «усреднённое понимание социумом значения единицы» [Иванова, 2006: 28][4]. На смысловые модификации лексико-семантического варианта многозначного слова в контексте указывает Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко, 2005: 75]. Н.Н. Амосова считает, что изучение слова изолированно не дает полной информации о нём, что обнаруживается лишь благодаря анализу конструктивных связей. «Контекст или ситуация именно конкретизируют,

[4] О некорректности рассмотрения слова с опорой лишь на словарное значения без понимания, т.е. без возможных случаев «применений» см.: [Потебня, 1976: 465-466, 511-512].

но не изменяют и не элиминируют широкое значение слова, которое остаётся основой любого своего суженного варианта (подзначения)» [Амосова, 1963: 114]. Приведённые нами рассуждения лингвистов можно отнести и к употреблению фразоресурсов языка (о приобретении ФЕ окказиональных значений см. [Ломакина, 2011; Мелерович, 2009]).

Возникает необходимость рассмотрения понятий *системное значение* vs *смысл*. Действительно, и слово, и ФЕ вне контекста представляют собой абстрактные единицы, лишь в процессе функционирования – языковой реальности – они показывают своё смысловое наполнение, реализуя значение во всей полноте семантических вариантов, обнаруживая как узуальные, так и авторские синонимы и антонимы. Этот тезис доказала М.А. Фокина в результате наблюдений над художественным текстом [Фокина 2007]. В рамках текста информация в сознании читателей преобразуется в смысл, наполняясь оттенками и / или рождая новое значение.

На зависимость фразеологического значения и его раскрытия в контексте обратил внимание А.В. Жуков. Значение многозначных ФЕ может быть не только выявлено, но и уточнено благодаря контексту или коммуникативной ситуации, в отличие от ФЕ с диффузным значением, которые при употреблении «остаются неопределенными» [Жуков, 2008: 70]. С этим связаны и проблемы представления фразеологического значения лексикографом, пытающимся как можно точнее описать контекстуальное значение слова или ФЕ. Анализ поэтической фразеологии, функционирующей в произведениях В.М. Гаршина и Н.С. Лескова, позволил Е.И. Алещенко говорить о расширении и сужении значения поэтических ФЕ [Алещенко, 1998]. Кроме того, благодаря контексту можно представить дефиниции авторских ФЕ [Доронина, 2004: 15-19].

Т.М. Шихова ставит вопрос о соотношении и взаимовлиянии понятий *фразеологическое значение* и *контекст*. Обобщение научных исследований и собственные наблюдения позволили Т.М. Шиховой прийти к следующим выводам: в контексте происходит актуализация, трансформация, преобразование фразеологического значения в смысл. Эврисемичность фразеологического значения предопределяет его актуализацию, окказиональное использование и появление окказиональных ФЕ [Шихова, 2009: 93].

Стоит наметить и другие направления изучения фразеоресурсов в контексте – определение зависимости жанрово-стилевой принадлежности текста и особенностей функционирования в нём фразеологического фонда языка. О.П. Фесенко выявляет корреляцию между частотностью употребления разговорных ФЕ в эпистолярии А.С. Пушкина и жанром письма, объясняя это тем, что разговорные ФЕ обладают дополнительной эмоционально-экспрессивной окраской, необходимой адресанту для выражения отношения к предмету речи, и помогают создать неформальный тон высказывания [Фесенко, 2003: 16–17]. Характеризуя фразеологию художественных произведений А. Аверченко, Н. Тэффи, С. Чёрного, А.В. Щербакова выявляет взаимосвязь между жанром художественного произведения юмористической тематики и выбором ФЕ: в юмористическом рассказе писатели предпочитают разговорную фразеологию, в отличие от других эпических жанров [Щербакова, 2007: 12].

Анализ употребления паремиологических ресурсов языка позволил Л.Б. Савенковой получить ряд выводов: наличие взаимосвязи между использованием паремий и родом литературного произведения на основе количественных данных. Исследователь отмечает, что количество паремий в эпическом произведении зависит от его объёма: в малых эпических жанрах паремии, подобно лирическим произведениям, могут выражать идею рассказа, выступая в качестве заглавия или включаясь в авторскую речь. В драматургии паремии приобретают особое значение и нередко демонстрируют жизненную позицию персонажа. По мнению учёного, в поэзии пословицы и поговорки употребляются редко, выступая эксплицитно или имплицитно в качестве мотива или лейтмотива стихотворения [Савенкова, 2002 а: 24–34].

Наблюдений, касающихся жанровой детерминированности при выборе фразеологических средств в поэзии, для их полной характеристики недостаточно. В процессе работы над словарём «Фразеология в русской поэзии» А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко приходят к выводу, что ФЕ в поэзии создают замкнутый контекст, стремятся к автономности словных компонентов, которая достигается путём трансформации ФЕ, а ведущим способом трансформации является двойная актуализация. Фразеографы выделяют высокочастотные ФЕ, отражающие особенности идиостиля

поэтов и представляющие поэтические константы русской литературы [Мелерович, 2009: 811]. О факторе уместности при использовании поэтической фразеологии в лирической прозе говорит Е.Г. Озерова, подчёркивая тематику произведений, отражающую индивидуально-субъективное восприятие мира. Благодаря символическому компоненту, лежащему в основе поэтической фразеологии, происходит расширение значения ФЕ [Озерова, 2012: 126-128].

На наш взгляд, существует и обратная корреляция. Мысль А.А. Потебни о «свёртывании» текста басни в пословицу или КВ, выступающего в роли пословицы, пословицы в поговорку, а поговорки в слово получает широкую репрезентацию при употреблении фразеоресурсов языка Подобная трансформация позволяет «замещать массу разнообразных мыслей относительно небольшими умственными величинами» [Потебня, 1976]. К сожалению, исследований, посвящённых зависимости контекста и выделения роли в нём «отфразеологической лексики» (термин М.А. Алексеенко, Т.П. Белоусовой, О.И. Литвинниковой), фразеологических «осколков» (термин А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко), немного. Е.Н. Ермакова отмечает, что в произведениях художественной литературы вычленение отдельного компонента ФЕ, вбирающее всё фразеологическое значение или его отдельные семы, писатели используют, чтобы избежать повтора ФЕ. Вычленение отдельного компонента ФЕ «снижает силу оценочности, притупляет остроту и меткость характеристики», однако придаёт образу ёмкость и точность [Ермакова, 2007: 59]. Вместе с тем вне контекста смысловое наполнение «осколков» ФЕ, как правило, затруднено и может быть отнесено к другому ЛСВ этой лексемы или лексическому значению омонима, т.е. ошибочно понято и / или употреблено.

Противоположный процесс, обозначенный А.А. Потебнёй как «развёртывание», получил в современной функциональной фразеологии импульс в виде монографии М.А. Фокиной «Фразеология в русской повествовательной прозе XIX-XX веков» (2007) и ряда подобных исследований [Баскакова, 2010; Ломакина, 2011; Мелерович, 2008], посвящённых изучению текстообразующей функции фразеологических средств языка.

Другим направлением изучения может быть определение взаимосвязи выбора фразеологических средств и форм осуществ-

ления речевой деятельности в художественном произведении. Ряд исследователей фразеологии языка отдельных писателей объясняют выбор определённых ФЕ при включении их в состав произведений художественной литературы. По наблюдениям Е.В. Лаврушиной, в художественных произведениях И.С. Тургенева ФЕ преобладают в прямой и несобственно-прямой речи персонажей, в отличие от авторской речи, имеющей менее экспрессивный характер [Лаврушина, 1999: 7]. Анализ фразеологии романа И.А. Гончарова «Обрыв» позволяет Е.Ю. Поповой выявить ту же закономерность, так как авторская речь выступает как фон, поэтому преобладают нейтральные ФЕ в узуальном значении в единичном употреблении. Кроме того, установлена связь художественных функций в авторской речи, речевых характеристиках и типов трансформаций ФЕ [Попова, 1998: 8-9].

Итак, контекст изучается в русле различных гуманитарных наук. Наиболее распространённым является анализ контекста с позиций функциональной и коммуникативной лингвистики. В настоящее время текст рассматривается в двух плоскостях: 1) анализ вертикального контекста; 2) анализ горизонтального контекста, включающий описание особенностей функционирования языковых единиц различных уровней. Изучение вертикального контекста проводится в рамках глобальной интерпретации текста, горизонтального – локальной интерпретации (термин Т.А. ван Дейка).

Смысловые реализации значения как ФЕ, так и паремии осуществляются в составе микро- или макроконтекста. В этой связи следует продолжить изучение влияния фразеологического и пословичного знака на выбор жанра художественного произведения, выявлять роль фразеоресурсов языка в текстообразовании и сюжетообразовании художественных произведений и публицистических текстов. Несмотря на диапазон проблематики проведённых исследований, выявивших взаимосвязь родовой, жанрово-стилистической характеристики текста, форм речи, однако носящих, как правило, фрагментарный характер, существует необходимость выявления перечисленных корреляций в языке конкретного писателя.

§ 2. Роль фразеологических актуализаторов в смысловой реализации фразеологических единиц и пословиц

Несмотря на кажущуюся разработанность проблемы фразеоконтекста во 2-й половине XX в., учёные продолжают исследовать фразеоконтекст и отвечать на спорные вопросы, возникающие при описании ФЕ в связи с их контекстуальным употреблением.

А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко дополнили разработанную теорию фразеологического контекста А.В. Кунина, указав на необходимость рассмотрения терминологической триады *фразеологическая конфигурация = фразеологический контекст* + ФЕ + *фразеологический актуализатор*, в которой под фразеологической конфигурацией учёные понимают «структурно-семантическое и стилистическое единство, образуемое ФЕ и фразеологическим контекстом» [Мелерович, 2008: 346].

В своём исследовании под *фразеологическим актуализатором* мы понимаем набор лексико-фразеологических средств, помогающих говорящему / пишущему представить фразеологическое значение или его смысловые нюансы. Реализация значений происходит в рамках *фразеоконтекста* – отрезка текста, необходимого для смысловой реализации фразеосредств.

Как и большинство авторов, А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко рассматривают функционирование ФЕ в семантическом ключе, а при изучении контекста опираются на метод семантического анализа ФЕ, одним из этапов которого является обнаружение элементов изоморфизма ФЕ с целью выявления их системных преобразований как узуального, так и окказионального характера. В соответствии с этим были обозначены узуальные фразеологические актуализаторы, выполняющие функцию специализации фразеологического значения с представлением контекстов функционирования ФЕ, и окказиональные фразеологические актуализаторы, влияющие на появление окказионального смыслового содержания ФЕ и окказиональных фразеологизмов с представлением контекста порождения [Мелерович, 2008: 356].

Движение от речи к языку характеризует динамические процессы в области фразеологии, паремиологии, крылатологии, проявляющиеся в первую очередь в контексте, который обнаруживает новые смыслы единицы, впоследствии фиксируемые лексикогра-

фами. «Семантические определения должны с максимальной полнотой передавать контекстуальное осмысление ФЕ, отражая его обусловленность особенностями стиля, мировоззрением автора» [Мелерович, 2011: 324]. Это высказывание кажется актуальным при фразеографировании ФЕ, у которых в процессе употребления произошло расширение значения, что отразилось в контексте. Важно описывать и новые значения, и появившиеся смысловые нюансы. В этой же плоскости находится точное замечание Е.В. Радченко: «При индивидуальном, не свойственном единице употреблении возникают новые, своеобразные смысловые оттенки, не образующие пока самостоятельного значения. Следовательно, вопрос о динамичности языковой и ФЕ должен решаться на основе взаимодействия языкового (системного) значения и смысла» [Радченко, 2011: 129].

Анализ примеров из произведений художественной литературы и публицистических текстов позволил А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко выделить два типа фразеологических конфигураций, зависящих от основной функции фразеологического актуализатора:

1) фразеологические конфигурации, служащие семантизации, определению смыслового содержания ФЕ в контексте;

2) фразеологические конфигурации, реализующие стилистический контекст ФЕ, служащие определению видоизменений семантико-стилистической тональности ФЕ [Мелерович, 2008: 352].

Л.Н. Толстой в произведениях разных стилей и жанров сочетает различные устойчивые единицы, создавая фразеологически насыщенный контекст – фразеологическую конфигурацию.

При изучении языка писателя особый интерес вызывают различные индивидуально-авторские приёмы использования фразеологических ресурсов языка. Одним из способов экспликации коммуникативного намерения писателя является *авторская самодефиниция* (термин А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко), т.е. толкование единиц с целью уточнения, конкретизации общеизвестного, узуального значения. Приведем примеры фразеологических конфигураций, служащих определению смыслового содержания пословиц, где Толстой прибегает к авторской самодефиниции:

Да, ***праздность*** *–* ***мать всех пороков****, в особенности умственных: ложных рассуждений: политика, наука, богословие* (Дневники, 22 ноября 1907 г.; 56: 79).

– ***В тесноте, да не в обиде****, – сказал певучим голосом улыбающийся Тарас и, как пёрышко, своими сильными руками поднял свой двухпудовый мешок и перенёс его к окну. – Места много, а то и постоять можно, и под лавкой можно. Уж на что покойно. А то вздорить! – говорил он, сияя добродушием и ласковостью* («Воскресение», ч. 2, гл. XLI; 32: 355).

В первом примере пословица *Праздность – мать пороков* подвергается экспликации за счёт определительного местоимения *всех*, выступающего в качестве обобщающего понятия. Семантизация представлена посредством присоединительной конструкции, включающей обобщающее слово и ряд однородных определений. Так писатель выражает своё отношение к изображаемому и наполняет его индивидуально-авторским смыслом: существительные *политика, наука, богословие* выступают как контекстные синонимы, а атрибутивное словосочетание *ложные рассуждения* – в роли обобщающего слова.

Проанализируем второй пример. Пословица *В тесноте, да не в обиде* обычно используется, если говорится о переполненном помещении, при этом такая ситуация всех устраивает. Контекст употребления этой паремии представляет собой реплику диалога и состоит из четырёх предложений. Предложение, включающее пословицу, и следующее за ним предложение не только противопоставлены друг другу по квантитативному признаку ‘мало – много’, но и связаны с предыдущим общей семой ‘пространство’. Таким образом, несмотря на формальные показатели, этот пример, на наш взгляд, стоит трактовать как способ окказиональной семантизации: для писателя важно не просто «видимое» свободное место, а необходима реализация более глубинной семантики – «довольствуясь малым, стремиться к гармоничным отношениям, к миру и взаимопониманию».

Ряд фразеологических конфигураций в языке Л.Н. Толстого помогает семантизации, т.е. раскрытию значения единицы с писательской точки зрения, что важно для уточнения семантики ФЕ и пословиц и находит отражение при создании авторского фразеологического словаря: подчас писатель не просто реализует узуальное

значение, а привносит смысловые оттенки. В контекстуальном употреблении семантизация может осуществляться разными способами, язык Л.Н. Толстого содержит подобные доказательства.

Как показывают наши наблюдения, преобладают случаи, когда семантизация производится при помощи синонимов, в роли которых могут выступать разного рода устойчивые единицы.

В приведённых ниже примерах для семантизации одной паремии писатель приводит другую пословицу, выступающую в качестве контекстуального синонима:

Матрёна. ***Бог души не вынет, сама душа не выйдет***. ***В смерти и животе Бог волен****, Петр Игнатьич. Тоже и смерти не угадаешь. Бывает, и поднимешься. Так-то вот у нас в деревне мужик совсем уж было помирал...* («Власть тьмы», д. 2, явл. XII; 26: 161).

Мужик (присаживается на порог). *Отчего же доброму человеку не дать?*

Работник. ***Дать-то – дашь, да назад не возьмёшь***. ***Долги давать – под гору кидать, а собирать – на гору вытягивать***. *Так-то старики говорят* («Первый винокур», д. 3, явл. 5; 26: 46).

Приведённый ниже минимальный контекст представляет собой фразеологическую конфигурацию, где наблюдаем семантизацию книжной ФЕ *наставлять / наставить на путь истинный* в значении «Воздействуя каким-либо образом, побуждать кого-либо изменить поведение в хорошую сторону, склонить к хорошему» (ФСРЛЯ, т. 2: 17) посредством ряда контекстуальных синонимов, в т.ч. ФЕ-латинизма *золотая середина* «Образ действия, поведения, лишённый крайностей» (ФСРЛЯ, т. 2: 235), что увеличивает экспрессивный характер ФЕ:

Старец получил письмо от старого Еропкина, предупреждающее его о приезде дочери и об её ненормальном, возбуждённом состоянии и выражающее уверенность в том, что старец ***наставит*** *её* ***на путь истинный*** *–* ***золотой середины****, доброй христианской жизни, без нарушения существующих условий* («Фальшивый купон, ч. 2, гл. XII; 36: 47).

Представленный ниже пример включает ФЕ *дело прикрыть*, для семантизации которой Л.Н. Толстой использует ФЕ *концы в воду* со значением «Сделать так, чтобы не осталось никаких улик, следов чего-л.» (ФСРЛЯ, т. 1: 315). Примечательно, что следую-

щее за этим предложением – парцеллированная конструкция, также включающая «осколок» ФЕ *спихнуть со двора*, сохраняющий узуальное значение «прогнать», и ФЕ *без греха*:

М а т р ё н а . *Тоже острабучилась как баба. Да и то сказать, обидно. Ну, да слава богу, дай это* ***дело прикроем***, ***и концы в воду***. *Спихнём девку без греха. Останется сынок жить покойно* («Власть тьмы», д. 4, явл. XIII; 26: 209).

Следующий контекст содержит ФЕ *сколько воды утекло* и трансформ пословицы *Времени не воротишь*, которые образуют фразеологическую конфигурацию, эксплицирующую временную семантику, а семантизация ФЕ происходит при помощи паремии:

– Да, княжна, – сказал, наконец, Николай, грустно улыбаясь, – недавно кажется, а ***сколько воды утекло*** *с тех пор, как мы с вами в первый раз виделись в Богучарове. Как мы все казались в несчастии, – а я бы дорого дал, чтобы* ***воротить это время... да не воротишь*** («Война и мир», эпилог, ч. 1, гл. VI; 12: 253).

В приведённом ниже примере семантизация пословицы *Десять раз примерь, а раз отрежь* происходит посредством ФЕ *резать по живому*, а также лексем-синонимов *надрезан*, *разорвать*, которые выступают актуализатором и уточняют значение пословицы:

А н н а П а в л о в н а . *Еще бы, разумеется. Переживать всё, что было, ещё раз, было бы ужасно.*

К а р е н и н . *Да, вот где* ***десять раз примерь, а раз отрежь***. ***Резать по живому*** *очень трудно.*

А н н а П а в л о в н а . *Разумеется, трудно. Но ведь их брак уже давно был надрезан. Так что разорвать было менее трудно, чем кажется. Он сам понимает, что после всего, что было, ему уже самому нельзя вернуться* («Живой труп» д. 1, явл. 9; 34: 14).

Кроме перечисленного писатель использует обратный приём, употребляя ФЕ в качестве актуализатора лексического значения слова. В следующем предложении ФЕ *море по колено* (Ср.: *Пьяному море по колено, а лужа по уши*) и *трын-трава* выступают в качестве контекстуальных синонимов и служат в романе «Война и мир» для уточнения значения лексемы *размашистость*:

Губернская жизнь в 1812 году была точно такая же, как и всегда, только с тою разницею, что в городе было оживлённее по случаю прибытия многих богатых семей из Москвы и что, как и во

*всём, что происходило в то время в России, была заметна какая-то особенная размашистость – **море по колено**, **трын-трава** в жизни, да ещё в том, что тот пошлый разговор, который необходим между людьми и который прежде вёлся о погоде и об общих знакомых, теперь вёлся о Москве, о войске и Наполеоне* («Война и мир», т. IV, ч. 1, гл. IV; 12: 16-17).

В контексте статьи о вегетарианстве «Первая ступень» ФЕ *сажать / посадить на хлеб и воду* получает концептуальное значение. Здесь также происходит обратная семантизация, когда писатель включает ФЕ в вопросно-ответное единство с целью актуализации высказывания: ФЕ со значением «Наказывать лишением пищи, ограничениями в еде» (ФСРЛЯ, т. 2: 212) получает дополнительный семантический оттенок, вербализованный в вопросе:

*В чём наказание самое жестокое с детства? **Посадить на хлеб и воду**. Кто получает из мастеровых наибольшее жалованье?* («Первая ступень», VIII; 29: 75)

Семантизация может происходить за счёт контекстуальных синонимов. В повести «Крейцерова соната» писатель использует амплификацию, где в качестве контекстуальных синонимов выступают глагольные лексемы *победить, смять, перекрутить* и ФЕ *свить верёвку*, употребляемые в функции однородных членов, обобщающим словом при которых выступает предложение *всё, что захочет*, благодаря этому ФЕ получает окказиональное значение:

*Мучался я особенно тем, что я видел несомненно, что ко мне у ней не было другого чувства, кроме постоянного раздражения, только изредка прерываемого привычной чувственностью, а что этот человек, и по своей внешней элегантности и новизне и, главное, по несомненному большому таланту к музыке, по сближению, возникающему из совместной игры, по влиянию, производимому на впечатлительные натуры музыкой, особенно скрипкой, что этот человек должен был не то что нравиться, а несомненно без малейшего колебания должен был победить, смять, перекрутить её, **свить** из нее **верёвку**, сделать из нее всё, что захочет* («Крейцерова соната», гл. XXI; 27: 55).

В следующем контексте ФЕ употребляется с сопроводительным существительным *картошку*, имеющим конкретное значение, что расширяет семантический объем ФЕ для выражения эмоцио-

нально-психической сферы человека: в парцеллированной конструкции писатель параллельно употребляет другие ФЕ, выступающие как контекстуальные синонимы и помогающие раскрыть семантику фразеологического новообразования, появившегося на метафорической основе.

М и т р и ч . *Запил, так запил! Теперь недели две смолить буду, картошку* ***под орех разделаю****. До креста пропьюсь, шапку пропью, билет заложу и не боюсь никого* («Власть тьмы», д. 1., явл. X; 26: 237).

ФЕ *разделывать / разделать под орех* зафиксирована в трех значениях: «1. Зло и беспощадно ругать, распекать, критиковать за что-либо. 2. Полностью побеждать в игре, в драке, в сражении. 3. Делать мастерски, хорошо, безупречно» (ФСРЛЯ, т. 2: 180). ФЕ в данном примере приобретает новое значение «сплошь, полностью, целиком». Использование этого приема подчёркивает напряжённость эмоционального состояния персонажа, динамичность действия.

Другим способом семантизации является употребление однотипных по структуре синтаксических конструкций, «определяющих, конкретизирующих, развивающих» значение ФЕ или пословицы [Мелерович, 2008: 352]. Приведём примеры:

Вспоминаю все сотни и тысячи людей городских, – и хорошо живущих, и бедствующих, – с которыми я говорил о том, зачем они пришли сюда, и все без исключения говорят, что они пришли сюда из деревни кормиться, что ***Москва не сеет, не жнёт, а богато живёт****, что в Москве всего много и что потому только в Москве можно добыть те деньги, которые им нужны в деревне, на хлеб, на избу, на лошадь, на предметы первой необходимости.* («Так что же нам делать?», XIII; 25: 228).

Много воды утекло *с тех пор, много людей умерло, много родилось, много выросло и состарилось, ещё более родилось и умерло мыслей* («Два гусара», IX; 3: 174).

В первом примере, представляющем собой сложное предложение, паремия *Москва не сеет, не жнёт, а богато живёт* употребляется наряду с другими однородными придаточными предложениями (*в Москве всего много*, *только в Москве можно добыть… деньги*), которые служат отражению писательского видения. Кроме того, Толстой частично дополняет значение паремии,

напоминая, что в деревне источник всяческого богатства. Во втором примере семантизации ФЕ *много воды утекло* служат другие, похожие по структуре простые предложения, которые объединены в бессоюзное сложное предложение.

Другой вид фразеологических конфигураций приводит к изменению семантико-стилистической тональности единиц.

В следующем примере наблюдаем изменение стилистической характеристики ФЕ. Контекст обусловливает изменение коннотации ФЕ и объясняет замену компонента ФЕ *обетованная земля*, позволяя не только уточнить значение единицы, но и объяснить писательский замысел:

Здесь много тех самых людей, которых я видел у входа в Ляпинский дом, но эти люди разбросаны здесь между рабочим народом. Да и кроме того, тех я видел в самое их несчастное время, когда проедено и пропито всё, и они, холодные, голодные, гоняемые из трактиров, ***ждут, как манны небесной****, впуска в бесплатный ночлежный дом и оттуда в* ***обетованный острог*** *для отправления на место жительства; здесь же я видел этих среди большинства рабочих и в то время, когда этим или другим средством приобретены 3 или 5 копеек на ночлег и иногда рубли для пищи и питья* («Так что же нам делать?», VI; 25: 203).

В зависимости от способа актуализации значения единиц А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко предлагают дифференцировать фразеологические актуализаторы, выделяя узуальные и окказиональные. Узуальные актуализаторы служат раскрытию значения единиц, а окказиональные, представляя собой структурно-семантические варианты, способствуют выявлению окказионального смыслового содержания употребляемых в контексте единиц [Мелерович, 2008: 352].

Обратимся к примерам, включающим узуальные фразеологические актуализаторы. Значение пословицы *Человек ходит, Бог водит* «Всё зависит от высших сил, божьего промысла» выявляется при помощи узуальных актуализаторов понятий *высшая воля, судьба*, имеющих общую сему «Складывающийся независимо от воли человека ход событий»:

Источник всех бедствий, от которых страдают люди, в том, что они хотят предвидеть будущее: сначала для себя каждый и для него работать, потом для семьи, потом для народа. Человек

может только делать то, что́ должно, предоставляя жизни складываться так, как того хочет высшая воля или судьба. ***Человек ходит, Бог водит*** (Дневники, 7 сентября 1900 г.; 54: 41).

В составе реплики героя романа «Война и мир» реализация значения пословицы *Снявши голову, по волосам не плачут* «Совершив что-л. непоправимое, бессмысленно сожалеть о мелочах, выражать сочувствие. Говорится тогда, когда поздно и бесполезно жалеть о чём-л.» [Жуков, 1967: 430] происходит при помощи наречия *попусту*, являющегося синонимом слова *бесполезно*, что способствует раскрытию узуальной семантики этой паремии:

Несколько купцов столпилось около офицера.

– Э! ***попусту*** *брехать-то! – сказал один из них, худощавый, с строгим лицом. –* ***Снявши голову, по волосам не плачут****. Бери, что кому любо! – И он энергическим жестом махнул рукой и боком повернулся к офицеру* («Война и мир», т. III, ч. 3, гл. XXI; 11: 330).

Приведённый ниже контекст состоит из трёх парцеллированных предложений, первое из которых представляет собой пословицу *Дело серёдкой крепко*, а второе и третье – её авторскую семантизацию, в составе которой контекстуальные контрарные антонимы *начать – доделывать*, где «средним» членом парадигмы является паремия, включающая концептуально важный компонент *серёдка*:

Дело серёдкой крепко*. И начать легко и доделывать легко. А вот серёдка!* (Письмо Л.Л. и Т.Л. Толстым, 6 марта 1894 г.; 67: 73).

Языку Л.Н. Толстого присущи различные структурно-семантические преобразования, поэтому окказиональные фразеологические актуализаторы представлены различно.

Использование ФЕ *толочь воду в ступе* в эксплицированном виде представляет собой пример окказионального фразеологического актуализатора. Как известно, расширение компонентного состава ФЕ используется с целью актуализации высказывания. Кроме того, во втором примере писатель прибегает к «самодефиниции». Расширение в приводимых контекстах происходит за счет определения, выбор которого связан с работой Л.Н. Толстого в 1894 г. над статьей «Христианство и патриотизм», получившей

условное название «Тулон». Таким образом писатель добивается уточнения, конкретизации высказывания, а ФЕ получает экспрессивную окраску:

Я всё ***толку воду в Тулонской ступе****. Должно быть, я отупел и ничего не выйдет* (Письмо Е.И. Попову, ? февраля 1894 г.; 67: 31).

Я всё продолжаю ***толочь воду в Тулонской ступе****, т.е. не могу кончить. Верно есть что-то недодуманное* (Письмо В.Г. Черткову, 8 февраля 1894; 87: 255).

Другим примером порождения окказиональной ФЕ является образование ФЕ по структурно-семантической модели на основе антонимии путём замены стержневого компонента (Ср. *тянуть канитель* – «Медленно делать что-либо; затягивать начатое дело» (ФСРЛЯ, т. 2: 317).

Никита. *Нужно мне очень жениться, и так не хуже женатого живу, завидуют люди. И как это толкнул кто, как я на образ перекрестился. Так сразу всю* ***канитель*** *и* ***оборвал*** («Власть тьмы», д. 1, явл. XVI; 26: 143).

Следующий контекст содержит пример образования окказиональной пословицы, противоположной по значению паремии *Бедному жениться и ночь коротка*:

– Это как есть, – певучим голосом говорила сторожиха. – ***Бедному жениться и ночь коротка****, богатому только задумал, загадал, – всё тебе, как пожелал, так и сбудется. У нас такой, касатка, почтенный, так что сделал...* («Воскресение», ч. 1, гл. XLIX; 32: 167)

Определение границ контекста для толкования как фразеологического значения в целом, так и семантических оттенков – одна из проблем, стоящих перед исследователем и лексикографом.

Для анализа ФЕ *заговорила свиная кровь* приведем контекст, состоящий из нескольких реплик персонажей пьесы:

Работник. *Видел? Теперь* ***заговорила свиная кровь****. Из волков свиньями поделались.* (Показывает на хозяина.) *Лежит, как боров в грязи, хрюкает.*

Старшой. *Заслужил! Сначала как лисицы, потом как волки, а теперь как свиньи сделались. Ну, уж питьё! Скажи ж, как ты такое питьё сделал? Должно, ты туда* ***лисьей, волчьей и свиной крови пустил****.*

Работник. *Нет, я только хлеба лишнего зародил. Как было у него хлеба с нужду, так ему краюшки не жаль было; а как стало девать некуда, и* ***поднялась в нём лисья, волчья и свиная кровь***. ***Звериная кровь*** *всегда в нём была, только ходу ей не было*.

Старшой. *Ну, молодец! Заслужил краюшку. Теперь только бы вино пили, а они у нас в руках всегда будут!* («Первый винокур», д. 6, сц. 3; 26: 60).

Необходимо отметить, что в пьесе «Первый винокур, или Как чертёнок краюшку заслужил» Л.Н. Толстого чётко просматривается антиалкогольная мораль. Писатель старается привлечь различные языковые средства, чтобы показать, как чертёнок, потерпев крах в других попытках одурачивания человека, пытается внушить мужику пристрастие к выпивке. В приведённом примере ФЕ автор ставит в препозицию к дополняющему его семантическое содержание ряду, что отражает идею произведения и предвосхищает характер дальнейшего высказывания. В первой реплике Работника фразеоконфигурация включает актуализатор-предложение *Из волков свиньями поделались*, связанное с последующей репликой Старшого и использованием градационных сравнений *как лисицы, как волки, как свиньи*. В реплике Работника используется ФЕ *поднялась лисья, волчья и свиная кровь*, являющаяся субститутом по отношению к анализируемому ФЕ, и ФЕ-окказионализм *звериная кровь*, выступающая здесь родовой единицей по отношению к видовым. В данном случае для интерпретации примера стоит учитывать и вертикальный контекст: здесь представлено авторское видение концепта «Пьянство», осуждение этого явления.

В контексте драмы «Власть тьмы» тема греха имеет концептуальное значение: греховной сущностью наделены многие герои. Следующий макроконтекст представляет собой диалог разнополярных персонажей – праведника Акима и грешника Никиты:

Аким. *Говорил я тебе, Тае, про сироту, что обидел ты сироту, Марину, значит, обидел*.

Никита. *Эк помянул. Про старые дрожжи не поминать двожды, то дело прошло…*

Аким. *Прошло? Не, брат, это не прошло.* ***Грех****, значит,* ***за грех цепляет, за собою тянет****, и завяз ты, Микишка, в грехе.*

Завяз ты, смотрю, в грехе. Завяз ты, погруз ты, значит («Власть тьмы», д. 3, явл. XV; 26: 196).

Если в первой реплике Аким говорит об обиде, то после ответа Никиты в уста Акима писатель вкладывает пословицу *Грех за грех цепляет, за собою тянет*, значение которой актуализирует ФЕ *завязнуть в грехе* и повторение формы глагола *завязнуть*, представляющей собой «осколок» этой ФЕ.

Следующий пример также доказывает, что корректное выделение границ для контекстуального анализа необходимо для раскрытия характеров героев, понимания содержания произведения. В авторское повествование повести «Хаджи-Мурат» включена ФЕ *менять / променять кукушку на ястреба* со значением «Выбирать из плохого худшее» (ФСРЛЯ, т. 1: 371), которая точно характеризует описываемую ситуацию:

Нелады между отцом и сыном начались уже давно, почти со времени отдачи Петра в солдаты. Уже тогда старик почувствовал, что он ***променял кукушку на ястреба****. Правда, что по закону, как разумел его старик, надо было бездетному идти за семейного. У Акима было четверо детей, у Петра никого, но работник Петр был такой же, как и отец: ловкий, сметливый, сильный, выносливый и, главное, трудолюбивый. Он всегда работал. Если он проходил мимо работающих, так же как и делывал старик, он тотчас же брался помогать – или пройдёт ряда два с косой, или навьёт воз, или срубит дерево, или порубит дров. Старик жалел его, но делать было нечего* («Хаджи-Мурат», VIII; 35: 38).

Представленные примеры показывают, насколько важно определять объёмы контекста при вычленении фразеологических конфигураций, что помогает правильно интерпретировать и более точно представлять значения как ФЕ, так и пословиц, потому что реализация значений, зафиксированных в словарных статьях, происходит в первую очередь в художественных текстах, где единицы приобретают «эмоциональные оттенки, связанные с замыслами и трактовками авторов» [Безкоровайная, 2016:10]. Таким образом, в основе определения границ контекста лежит не формальный (синтаксический) признак, а необходимость раскрытия семантики [Ларин, 2003].

В контексте смысловая реализация значения ФЕ и пословиц происходит благодаря фразеологическим актуализаторам в составе фразеологических конфигураций. Именно фразеоконтекст позволяет выявить все смысловые нюансы при употреблении фразеоресурсов языка, характеризуя писательские предпочтения.

Глава 2. Типология функций фразеологических единиц, пословиц, крылатых выражений и их реализация в языке Л.Н. Толстого

§ 1. Описание функционального потенциала фразеологических единиц, пословиц, крылатых выражений: анализ классификаций

Научный интерес к языку как к средству познания, к фразеологическому составу языка как «нише» для хранения культурной информации (М.Л. Ковшова, В.Н. Телия), прагматическому потенциалу фразеоресурсов языка обусловил изучение проблемы функционального описания для полного представления о потенциальных возможностях фразеологического знака.

Как неоднократно отмечалось нами выше, смысловая реализация значения фразеологических ресурсов языка происходит в процессе речевого общения. Так как ФЕ, паремии, КВ имеют не только общие (устойчивость, воспроизводимость и т.п.), но и присущие лишь им характерологические черты, то перечень функций этих единиц будет отличаться, однако коммуникативный и познавательный потенциал раскрывают все единицы фразеологического фонда языка. Хотя говорящий традиционно воспринимает ФЕ как эквивалент слова, в речи и ФЕ, и паремии выступают как коммуникативные единицы и средства познания мира, «выигрывая у слова своей семантической и стилистической информативностью» [Литвинникова, 2009: 135]. На необходимость обособленного изучения клишированных, в отличие от лексических, единиц указывает С.В. Сидорков (2003). А.В. Кунин справедливо выделяет терминологическую пару *константные и вариативные функции*. К первым относит следующие функции, характерные для всего фразео-

логического состава в любой коммуникативной ситуации: номинативная, познавательная, коммуникативная; вариативные же, по справедливому наблюдению учёного, присущи лишь некоторым разрядам ФЕ [Кунин, 1996: 111].

Представим существующие в научной литературе классификации фразеологических функций.

Наиболее полно функции разных фразеологических средств языка перечислил и пояснил В.М. Савицкий в монографии «Основы общей теории идиоматики» (2006). Учёный выделил следующие функции: 1) идентифицирующую; 2) дефиниционную; 3) характеризующую; 4) мнемотехническую; 5) выразительную; 6) изобразительную; 6) эвфемистическую; 7) криптолалическую (конспиративную); 8) экспрессивную; 9) эмотивно-оценочную; 10) функцию сентенциозной оценки; 11) моделирующую; 12) кумулятивную; 13) выражения размытых понятий, отметив, что приведённый перечень показывает роль ФЕ в процессе речевого общения. В.М. Савицкий отмечает, что функция сентенциозной оценки характерна для пословиц и аллегорических идиом, так как они носят поучительный характер. Моделирующей функцией наделены ФЕ, содержащие символ и аллегорию, поскольку они моделируют структуру обозначаемых ситуаций. Исследователь отдельно рассматривает идентифицирующую и дефиниционную функции, которыми наделены ФЕ терминологического характера для точности номинации, образные ФЕ выполняют схожую – характеризующую – функцию. Конспиративная функция выступает как видовое понятие по отношению к эвфемистической: ФЕ выступают как понятные определённому кругу лиц, т.е. скрывают смысл [Савицкий, 2006: 178-181].

Описание функций ФЕ приводится и в других работах фразеологов, однако эти замечания носят фрагментарный характер и применимы к определённому языковому материалу, так как учёные ставят задачу не полного представления типологии функций ФЕ, а выявления конкретной роли фразеоресурсов языка в тексте. Вместе с тем подобного рода наблюдения могут быть полезны для создания полной картины данного языкового явления.

В отечественной фразеологии научное описание КВ упорядоченно стало проводиться лишь в последние два десятилетия благодаря С.Г. Шулежковой и представителям её научной школы

(г. Магнитогорск), вплоть до н. XXI в. отсутствовала единая классификация функций КВ, хотя отдельные работы существовали.

Белорусская исследовательница А. Теплякова в обзорной статье «О функциях крылатых слов в речи», опираясь на теорию крылатологии и суммируя написанное в разное время о функциях КВ, говорит о необходимости выделить облигаторные (общие) и факультативные (частные) функции КВ. К общим относятся: номинативная и интертекстуальная, к частным – экспрессивная (эмоциональная), афористическая, аргументативная, императивная (призывная), кумулятивная (заголовочная), юмористическая [Теплякова, 2012: 149-151].

В паремиологии уже классической считается типология функций, предложенная Г.Л. Пермяковым, который выделил семь прагматических (практических) функций паремий: 1) моделирующую (обязательную для всех паремий), которая представляет словесную (мыслительную) модель той или иной жизненной (или логической) ситуации; 2) поучительную, которая, репрезентуя картину мира, правила поведения и мышления, является средством обучения важному и необходимому; 3) прогностическую (преобладающую у примет), которая заключается в предсказании будущего; 4) магическую (представленную в жанрах-заклинаниях), которая отражается в способности словами вызывать желаемое, навязывая свою волю природе или человеку; 5) негативно-коммуникативную (характерную для так называемых ответных реплик), которая используется говорящим как псевдокоммуникация: произносится ничего не значащая, не обладающая информацией реплика, служащая возможности уйти от ответа; 6) развлекательную (развитую преимущественно у прибауток), используемую для развлечения слушателей; 7) орнаментальную, представляющую паремию как украшение речи [Пермяков, 1988: 88-89].

На наш взгляд, при описании функций важна градация паремиологических жанров. Классификация Г.Л. Пермякова носит общий характер и не опирается на контекстуальное употребление паремий, но не исключает когнитивной составляющей. Некоторые из выделенных паремиологом функций ждут фундаментального изучения и описания: интересна природа и особенности употребления ответных реплик, «армянских» загадок, клишированных клятв.

Нам представляется, что в паремиологических изысканиях, посвящённых функциональному аспекту паремий, эстонский исследователь Арво Крикманн справедливо отмечает их междисциплинарный характер: пословица как фольклорная и языковая единица «разделяет» свои функции с языком и фольклором, которые можно представить в шкале утверждение → оценка → предписание [Krikmann, 2009: 51]. Исследователь признаёт практическую / прагматическую направленность пословиц в процессе употребления, при этом выделяет эксплицитные и имплицитные функции: утверждающая и предписывающая функции эксплицитны, а экспрессивная имплицитна, так как оценка скрыта в самой пословице или диктуется контекстом.

Впоследствии Н.Н. Семененко предпринимает попытку выявить зависимость функций от вида паремии. «Категориальный статус и функциональное своеобразие отдельных разновидностей паремий непосредственно обусловлены их когнитивной природой» [Семененко, 2012: 317]. Таким образом, выбор функций детерминирован в речи коммуникативным (прагматическим) назначением, что связано с ретрансляцией культурного знания, а также все паремии реализуют дидактическую функцию.

Г.Д. Сидоркова, развивая идею о прагматической направленности паремий, объясняет их распространённость в языке полифункциональностью следующих прагматических установок: парирование, урезонивание, предостережение или угроза, обличение или упрек, сетование, (само)оправдание, обоснование, успокаивание, побуждение, совет, что можно объяснить широким коммуникативным потенциалом этих языковых единиц. Актуальным, по мнению исследователя, является изучение иллокутивных функций пословиц, в связи с чем предложено использовать термин *прагмема* [Сидоркова, 1999: 19, 47].

Приведём ещё одно наблюдение, относящееся ко всем фразеоресурсам языка, в основе которых лежит образ. Е.А. Добрыднева при описании коммуникативно-прагматической парадигмы русской фразеологии отмечает, что фразеологическая коннотация прагматически заряжена, так как говорящий, выражая посредством ФЕ «свое отношение к номинируемому фрагменту действительности, к адресату и всей ситуации речевого общения, обязательно стремится к достижению определенного прагматического эффекта

и тем самым реализует одну из прагматических функций или ряд прагматических функций фраземы: фатическую, побудительную, функцию эмоционального воздействия, функцию достижения эмпатии, функцию формирования мнения, функцию эстетического воздействия и.т.д.» [Добрыднева, 2000: 110].

Ряд учёных подчеркивают иерархичность (наличие ярусов) функциональной стороны фразеологии (Е.В. Брысина, Л.А. Киселёва, А.В. Кунин): коммуникативная / прагматическая ← номинативная и когнитивная / познавательная функции ← частные функции: оценочная, эмоциональная, фатическая (контактоустанавливающая), экспрессивная, волюнтативная (функция волеизъявления) и др.

Суммируя сказанное, заключаем: функциональный потенциал паремиологических знаков зависит от конкретного жанра паремии. Прагмалингвистика изучает языковые единицы и их реализацию в различных коммуникативных ситуациях, поэтому исследователи, понимая паремию как речевой акт, главной функцией паремии называют коммуникативную, неразрывно связанную с ретрансляцией лингвокультурологической информации. ФЕ, как и КВ, выполняют константные / облигаторные / общие и частные / вариативные / факультативные функции. Выделение общих функций опирается на существование этих единиц в языке как постоянных, что может находить отражение и в контексте. Частные же функции реализуются в конкретном речевом употреблении. Анализ научной литературы показал, что следует упорядочить частные функции, в частности – функции пословиц как паремиологического жанра, выполняемые ими в текстах разных стилей и жанров. Дифференциация частных функций зависит от природы единицы, ее отличительных черт, что доказывают приведённые классификации, набор частных функций зависит от авторской интенции, коммуникативной ситуации, прагматических установок и т.п., ведь «все функции… начинают действовать только на уровне высказывания; вне высказывания нет никаких функций» [Хаймс, 1975: 69].

Кроме того, в контексте фразеология может быть как монофукциональна, так и полифункциональна. Поэтому полнота описания функциональной стороны ФЕ, пословиц и КВ зависит от анализа их употребления. Особое внимание следует уделить уста-

новлению влияния функционально-стилистической принадлежности текста на выбор фразеологических ресурсов языка, а также необходимо представить особенности их функционирования в анализируемом тексте.

§ 2. Реализация функций фразеологических единиц, паремий, крылатых выражений в языке Л.Н. Толстого: от общеязыкового к индивидуальному

2.1. Прагматический потенциал пословиц: способы экспликации коммуникативного намерения в языке Л.Н. Толстого

Пословица, заключающая в себе дидактизм и назидательность, может использоваться для каких-то практических, прагматических целей: «…ими обосновывают свои положения, дают прогнозы, выражают сомнения, упрекают, оправдываются или извиняются в чем-то, утешают кого-то, издеваются и злорадствуют над кем-то, желают, обещают, разрешают, приказывают и запрещают и т.д.» [Крикманн, 1978: 94]. Кроме того, выступать аргументирующим средством, играть воспитательную роль («воспитание индивида через опыт социума» [Николаева, 1995: 311]), служить способом уйти от ответа (т.е. реализовывать негативно-коммуникативную функцию [Пермяков, 1988: 89]), т.е. обеспечивать связность речи в зависимости от прагматической цели говорящего / пишущего и его коммуникативного намерения – намерения сообщить о чём-то другим людям (resp. коммуникативная установка высказывания). По мнению Б.Н. Головина, с коммуникативной установкой высказывания – обязательным элементом любого высказывания – связана категория коммуникативности [Головин, 1966: 195], благодаря которой текст является объединяющим началом для различных языковых единиц, разных временных пластов. В условиях контекста пословица соотносится с прошлым и будущим, поскольку «Для прошлого – она результат, для будущего – возможное действие. Это спор, диспут, словесный турнир, результатом которого и остается пословица» [Колесов, 1989: 17].

Как было отмечено нами выше, существует взаимосвязь между выбором языковых средств и жанрово-стилевой принадлеж-

ностью текста. В контексте пословица может употребляться в прагматических целях, при этом говорящий наполняет её индивидуализированным смыслом.

Анализ употребления паремиологических ресурсов языка показал особенности выражения коммуникативного намерения говорящего. Можно выделить следующие *способы выражения коммуникативного намерения говорящего*: 1) формальные; 2) оценочные; 3) концептуальные.

Рассмотрим способы экспликации коммуникативного намерения Л.Н. Толстого при употреблении пословиц в различных текстах.

К формальными способам экспликации коммуникативного намерения писателя можно отнести следующие: 1) графическую маркированность (заключение в кавычки), 2) определение природы высказывания (пословица, поговорка, народная мудрость и т.п.), что показывает желание говорящего сослаться на уже имеющееся мнение, заключённое в пословице. Проиллюстрируем примерами из текстов, относящихся к разным жанрам и стилям:

*Ведь если бы она была совсем животное, она так бы не мучалась; если же бы она была совсем человек, то у ней была бы вера в бога, и она бы говорила и думала, как говорят верующие бабы: «**Бог дал, бог и взял, от бога не уйдёшь**». Она бы думала, что жизнь и смерть как всех людей, так и её детей вне власти людей, а во власти только бога, и тогда бы она не мучалась тем, что в её власти было предотвратить болезни и смерти детей, а она этого не сделала* («Крейцерова соната», гл. XVI; 27: 43).

*Ваша новая потеря больно поразила меня. Вот именно «**кого бог любит, того и испытывает**», т.е. что по силам людей посылаются им испытания* (Письмо В.А. Молочникову, 7 июля 1908 г.; 78: 161).

*Может быть, я не просил, я отказался от него. «**Ты на пядень, а он от тебя на сажень**». Я не верил в него, но просил, и он всё-таки не открыл мне ничего. Я считался с ним и осуждал его, просто не верил* («Записки сумасшедшего»; 26: 472).

В деревне руководством его поведения был общий деревенский склад жизни: хорошо было не болтаться, а работать и уметь работать, не робеть ни перед чем, быть выносливым, не поддаваться в обиду, ко времени и повеселиться и выпить можно,

*и поругаться, и подраться, если не выдержишь. «**Кто богу не грешен, царю не виноват**». Если выйдет случай попользоваться от богачей – не зевать, но своего брата не обижать, а по чести. Во всяком же случае об душе и о боге помнить, мало того, что к попу ходить и молитву творить в своё время, но и нищего не отгонять, а помогать по силе, по мочи* («Кто убийцы? Павел Кудряш», 3; 37: 296).

Единичны примеры, в которых писатель соотносит пословицы с другим прецедентным текстом. Паремия находится в препозиции и выступает своего рода тезисом высказывания. Так образуется фразеологическая конфигурация, где актуализатором выступает прецедентное высказывание (фраза из Священного Писания, афоризм или просто услышанное чьё-то мнение), которое лишь доказывают авторитет паремии:

*Пословица говорит: **сухая рука прижимиста, потная рука таровата**. Так и в «Учении 12 апостолов» сказано: пусть милостыня твоя потом выходит из руки твоей* («Путь жизни», IX, Тунеядство, VI: 17; 45: 146).

Вино не придаёт ни здоровья, ни сил, ни тепла, ни веселья, а приносит людям только большой вред. <…> Люди так дорожат старинными привычками и обычаями, с таким трудом отвыкают от них, что есть в наше время очень много хороших добрых и разумных людей, которые не только не оставляют употребления и угощения других пьяными напитками, но ещё и защищают, как умеют, это употребление.

*«**Не укоризненно вино**, – говорят они, – **а укоризненно пьянство**». Царь Давид сказал: «Вино веселит сердце человека». «Если бы не пить, то не было бы правительству самого главного дохода. Нельзя же встретить праздник, справить крестины, свадьбу без вина. Нельзя не выпить при покупке, продаже, при встрече дорогого гостя». «При нашей работе и нужде нельзя не выпить», – говорит бедный рабочий человек. «Если мы пьём только при случае и с умом, то мы этим никому вреда не делаем», – говорят достаточные люди. «Руси веселие есть пити», – сказал ещё князь Владимир. «Мы своим выпиванием никому вреда не делаем, кроме себя. А если делаем вред себе, то это дело наше; мы никого не хотим учить и никем не хотим быть поучаемы; не нами это началось, не нами и кончится», – говорят легкомысленные люди* («Богу или мамоне?»; 39: 108–109).

Промежуточное положение между формальными и концептуальными способами занимают оценочные способы, реализуемые в контекстах, где говорящий характеризует пословицы по шкале *хорошо – плохо*. Чаще Л.Н. Толстой соглашается с пословицей, а одобрительное отношение высказывает при помощи различных языковых средств, чаще – определений:

«***Щей горшок, да сам большой***», *хорошая пословица, надо держаться* её («Путь жизни», VII, Излишество, II; 45: 109).

Поверьте, что хотя я только один раз видел вас, я знаю про вас столько хорошего, что это чувство совершенно взаимно! Но ***старому лгать, что богатому красть****. Я очень люблю эту пословицу, она так ясно выражает часто испытываемое мною в старости чувство* (Письмо Н.Н. Неплюеву, 10 декабря 1893 г.; 66: 446).

Прекрасная пословица: ***живой живое и думает****, то есть что, пока человек жив, он не может весь не отдаваться интересам этого мира. От этого так страшна смерть, когда человек, полный жизни, думает о ней. Когда же приближается смерть раной, болезнью, старостью, человек перестаёт думать о живом и смерть перестаёт быть страшною* (Дневники, 7 марта 1904 г.; 55: 17).

Как хороша старинная поговорка о том, что ***бог посылает страдания тому, кого любит****! Для того, кто верит в это, страдание не страдание, а благо* («Путь жизни», XXVIII, Зло, 5; 45: 446).

В редких случаях Л.Н. Толстой не соглашается с народной мудростью, но своё мнение аргументирует. Например:

Совершенно ложное мнение: ***дай бог подать, не дай бог взять****. Одно не лучше и не хуже другого. – Если же сравнивать, что лучше: просить у людей и докучать им, когда истинная нужда, или ни у кого не просить, никому не докучать и ещё подавать другим, обеспечив своё состояние нехристианским путём: службой, кабаком, ростовщичеством и вообще делом, которое сам считаешь не добрым* (Письмо С.Т. Семёнову, 20 марта 1890 г.; 65: 55).

Ум хорошо, а два лучше*, говорит пословица; а я говорю: одна душа в кринолине нехорошо, а две души, одна в кринолине,*

а другая в панталонах, ещё хуже (Письмо А.А. Толстой, 27 ноября 1865 г.; 61: 121).

*Я веду довольно правильную жизнь. Утром пишу, всё переделываю, дополняю то, что при вас писал. Я и прежде говорил и чувствую справедливость, что надо говорить не «**скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается**», а наоборот – «скоро дело делается, а не скоро сказка сказывается»* (Письмо Е.И. Попову, 1-10 ноября 1889 г.; 64: 328).

*Я не переставая работаю и спешу, сколько могу и сколько позволяет мне моё слабое нынешний год здоровье. Пословица говорит: **скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается**, а я говорю: скоро дело делается, а не скоро сказка сказывается. И это так и должно быть, потому что дела самые большие разрушаются, и от них ничего не остаётся, а сказки, если они хороши, живут очень долго* (Письмо А.Ф. Марксу, 8 октября 1899 г.; 72: 207).

*Есть две пословицы: «**От работы будешь горбат, а не будешь богат**» и ещё: «**От трудов праведных не наживёшь палат каменных**». Пословицы эти несправедливы, потому что лучше быть горбатым, чем быть неправедно богатым, и труды праведные много лучше, чем палаты каменные* («Путь жизни», IX, Тунеядство, 12; 45: 145).

К концептуальному способу экспликации коммуникативного намерения мы относим те случаи использования пословиц, которые служат раскрытию не только авторского замысла, но и концептуальных, ценностных принципов писателя в пределах контекста.

Проанализируем подобные примеры.

*«Как она молилась! – вспомнил он. – Видно было, что вся душа её была в молитве. Да, это та **молитва, которая сдвигает горы**, и я уверен, что молитва её будет исполнена. Отчего я не молюсь о том, что мне нужно? – вспомнил он. – Что мне нужно? Свободы, развязки с Соней. Она правду говорила, – вспомнил он слова губернаторши, – кроме несчастья, ничего не будет из того, что я женюсь на ней. Путаница, горе тапап... дела... путаница, страшная путаница! Да я и не люблю её. Да, не так люблю, как надо. Боже мой! выведи меня из этого ужасного, безвыходного положения! – начал он вдруг молиться. – Да, **молитва сдвинет***

***гору**, но надо верить и не так молиться, как мы детьми молились с Наташей о том, чтобы снег сделался сахаром, и выбегали на двор пробовать, делается ли из снегу сахар. Нет, но я не о пустяках молюсь теперь», – сказал он, ставя в угол трубку и, сложив руки, становясь перед образом* («Война и мир», т. IV, ч. 1, гл. VII; 12: 28).

Как видно из примера, Л.Н. Толстой включает в контекст романа «Война и мир» пословицу *Молитва, которая сдвигает горы / Молитва сдвинет гору*, вариант пословицы *Вера и гору с места сдвинет* [Михельсон, 1997, т. 1: 173], для раскрытия образа княжны Марьи. Данный отрывок относится к внутренней речи Николая Ростова, который, борясь со своими внутренними чувствами, сомневаясь в том, кого любит, с восторгом вспоминает встречу с княжной в церкви («*Но нынешняя встреча с княжной **засела** ему глубже **в сердце**...*»). Позже он возвращается к этому эпизоду и будто любуется княжной Марьей, воздающей молитву. Употребляемая паремия помогает более полно раскрыть характер княжны Марьи, показать её духовные качества, религиозность, жертвенность, способность любить бескорыстно и всепрощающе. Не случайно и употребление в качестве актуализаторов однокоренных слов *молитва* (2), *молиться* (3). Для духовной эволюции Николая этот эпизод тоже является поворотным: самоотверженность и самоотречение княжны во время молитвы являет собой пример настоящей веры в Бога. Соотнося своё поведение с поведением княжны Болконской, он осознаёт ничтожность прежних желаний. Николаю не хватает душевной открытости, глубокой веры, именно поэтому он вспоминает детство («*как мы детьми молились*») – самый чистый и искренний период в жизни человека. Анализ контекста помогает объяснить выбор писателя паремии *Молитва, двигает горы*: действительно, молитва направляет усомнившегося героя, помогает выбрать правильный путь.

Значение пословицы *Один в поле не воин* эксплицировано содержанием компонентов, поэтому может использоваться прежде всего в произведениях военной тематики. Это подтверждает мысль, высказанную А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко об относительности и подвижности границ между формой и содержанием единиц [Мелерович, 2008: 212].

– По Высочайшей Его Величества воле, я уезжаю от вас, расстаюсь с вами, господа офицеры, – сказал он. – Но считайте меня всегда, как, с вами... Вам, господа, знакома, как, истина – ***один в поле не воин****. Поэтому всё, чем я на службе моей, как, награжден, всё, как, чем осыпан, великими щедротами государя императора, как, всем положением моим, и, как добрым именем, всем, всем решительно, как... – здесь голос его задрожал, – я, как, обязан одним вам и одним вам, дорогие друзья мои*! («Хаджи-Мурат», гл. XXI; 35: 97).

Паремия, вложенная в уста теперь уже отставного генерала Козловского, характеризуется им словом *истина*, т.е. верное, соответствующее действительности суждение. Дальнейший контекст служит средством раскрытия значения пословицы, доказывая её точность и правильность.

Иногда отношение к используемой паремии может выражаться при помощи двойной экспликации, что создаётся при помощи паремиологического контекста, в результате чего пословица получает ещё больший аргументативный характер. В следующем примере писатель в минимальный контекст добавляет паремию *Пословица не мимо молвится*, которая располагается в постпозиции по отношению к двум другим паремиям, что не только усиливает паремиологический контекст, но и демонстрирует авторское отношение к предмету речи*:*

*Пословица говорит: «****От трудов праведных не наживёшь палат каменных****». «****От трудов будешь горбат, а не будешь богат****».*

И ***пословица не мимо молвится****. Большое богатство наживается не трудами, а грехами. От этого большое богатство тяжесть, а не радость для хорошего человека. Не пропускает большое богатство людей в царство божие* («Беседы с детьми по нравственным вопросам»; 37: 35).

В приведённом примере пословицы *От трудов праведных не наживёшь палат каменных и От трудов будешь горбат, а не будешь богат,* относящиеся к одной тематической группе «Богатство – Бедность», употреблены как синонимы и выступают в качестве тезиса высказывания. С паремии *Пословица не мимо молвится* писатель начинает следующий абзац, который представляет собой аргументацию тезиса. В следующем примере таким образом

создаётся паремиологически насыщенный контекст: Матрёна из драмы «Власть тьмы» доказывает правоту своих слов при помощи пословицы, а паремия *Пословица недаром молвится* выполняет функцию актуализатора, тем самым увеличивая аргументативный потенциал пословицы:

Матрёна. *Да, видно,* ***пословица недаром молвится****:* ***бедному жениться и ночь коротка****. Семён Матвеевич за себя Маринку взял* («Власть тьмы», д. 2, явл. VII; 26: 154)

Анализ языка Л.Н. Толстого наглядно продемонстрировал различие в способах экспликации коммуникативного намерения говорящего / пишущего при употреблении паремий. Формальные способы, при которых писатель как бы «ограждает» себя от пословицы, свидетельствуют о том, что Толстой учитывает авторитет пословицы, но при этом указывает, что это «чужой» текст (графическая маркированность и указание на источник высказывания).

В эпистолярных и дневниковых текстах писатель выражает своё отношение к пословице, соглашается или не соглашается, иногда спорит, дополняет её. В художественных текстах пословица вплетена в ткань произведения, однако писатель всё равно прибегает к авторскому толкованию единицы. Создаваемый паремиологически насыщенный контекст усиливает экспрессию высказывания, что увеличивает аргументативный потенциал пословицы. Все эти выводы дополняют сведения о языке Л.Н. Толстого, который активно употреблял паремии в текстах разных стилей и жанров в течение всей творческой жизни.

2.2. Употребление паремий с компонентами-этнолингвомаркёрами в языке Л.Н. Толстого – пример реализации кумулятивной функции

Фразеологический фонд языка отражает различные проявления «языка культуры», описание которого представляет собой фрагмент национально-культурной коннотации [Телия, 1996: 238]. Одним из источников интерпретации, безусловно, является паремиологический фонд языка: на высокую ценность паремий с позиций лингвокультурологии обращают внимание многие фразеологии [Ковшова, 2013; Семененко, 2011; Телия, 1996]. Стоит остановиться на особой роли в реализации познавательной функции па-

ремий *национальных лингвомаркёров* (resp. *этнолингвомаркёров*) – таких компонентов паремии (как и ФЕ, КВ), которые отражают национальное своеобразие, «культурную память» и могут не иметь прямых аналогов в другом языке, благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака [Ломакина 2010]. Нередко *этнолингвомаркёры* вызывают затруднения в понимании значения ФЕ, паремий, КВ (чаще – прецедентных имён), особенно в иностранной аудитории.

Этнолингвомаркёрами в паремиях служат следующие номинации:

1) имена собственные, которые могут «нести ярко выраженную смысловую нагрузку и обладать скрытым ассоциативным фоном, иметь особый звуковой облик, имена и названия способны передать национальный и местный колорит, отражать историческую эпоху» [Горбаневский, 1988: 3];

2) названия артефактов, присущих материальной культуре конкретного народа: предметов быта, одежды;

3) этнонимы – названия народов и племён.

Изучению имени собственного в составе паремий посвящены работы О.П. Альдингер (2006), Л.В. Бабаева (1973), Т.И. Востриковой (1999), Е.Г. Захарченко (1996), Т.Н. Кондратьевой (1964, 2004), Н.А. Максимчук (2006, 2007), О.Е. Фроловой (2007) и др. Н.А. Максимчук для обозначения имён собственных – компонентов ФЕ (в том числе паремии) вводит понятие фразеонима – «комплексной ономастической единицы в составе фразеологизма, совмещающей в своей семантике и выражающей в ассоциативно-культурном фоне признаки онима и фразеологизма» [Максимчук, 2007: 171].

Среди паремий с компонентом-именем собственным можно выделить следующие группы:

1) с антропонимом – именем собственным: *По Сеньке шапка, по Ерёме кафтан; На безлюдье и Фома дворянин; Наш Филипп ко всему привык; На бедного Макара все шишки валятся; Чего не знал Ванюша, того не будет знать Иван* и др.;

2) с топонимом – наименованием географических объектов (регион – *Не болтай, а то отправят на Алтай*, город – *Дядя едет из Серпухова; бороду гладит, а денег нет*; водные объекты; село – *Кому село Любятово, кому горе лютое*), дериватами от топони-

мов – этниконами – названиями жителей (*Смоляне пехтерём солнце ловили*; *Не учи астраханца рыбу ловить*), макротопонимами (*Прилетел гусь на Русь – погостит да улетит*; *У нас на Руси силу за пазухой носи; Русь святая белу свету голова*);

3) с хрононимами – названиями праздников: *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день; Дорого яичко ко Христову дню*; *Нынче – Саввы, завтра – Варвары, а послезавтра – Симоны-гулимоны лентяя преподобного*; *Не всё коту масленица, будет и Великий пост*;

4) с зоонимами – кличками животных: *Укачали Бурку крутые горки; Савраска да Каурка – на два века.*

В количественном отношении преобладают паремии первой группы с компонентом-антропонимом, поскольку имя является хранителем культурной и исторической информации, участвует в создании национальных стереотипов, в появлении ассоциаций, нередко становится прецедентным. По данным О.П. Альдингер, словарь «Пословицы русского народа» В.И. Даля включает 812 антропонимов [Альдингер, 2006: 14], что позволяет судить о русском именнике, сложившемся к XIX в. О.П. Альдингер приводит антропонимы, которые наиболее распространены в паремиях: *Иван* (76 употреблений), *Фома* (50), *Макар* (31), *Еремей* (20), *Тит* (18) [Альдингер, 2005: 4].

Одним из направлений исследования паремий с именами собственными является определение семантики онимов. Л.В. Бабаева полагает, что многие антропонимы выражают отношение народа к первоначальному значению христианского имени: народу была известна первичная этимология этих имён, что нашло отражение в пословицах [Бабаева, 1973]. На наш взгляд, убедительна точка зрения О.И. Фоняковой, включающей в структуру значения имён собственных культурно-историческую семантику онима, «фоновые знания социального и реально-энциклопедического характера», различные языковые коннотации (стилистическая, эмоциональная, экспрессивная и социальная окраска онима) [Фонякова, 1990: 23].

Рассмотрим более подробно обозначенные группы и приведём некоторые примеры из паремиологического пространства Л.Н. Толстого.

В текстологии Л.Н. Толстого встречается несколько паремий с компонентом-антропонимом: *Ерёма, Ерёма, сидел бы ты дома,*

точил бы свои веретёна; Тит, ступай молотить; Никто не знает: ни кот, ни кошка, ни поп Ерошка; Маремьяна старица, по всём мире печальница, а дома не емши сидят; Тётка Матрёна тёрта, тёрта да перетёрта. Например:

– И зачем нас нелёгкая несёт воевать с Бонапартом? – сказал Шиншин. <…> – Connaissez vous le proverbe [знаете пословицу]*: «**Ерёма, Ерёма, сидел бы ты дома, точил бы свои веретёна**», – сказал Шиншин, морщась и улыбаясь. – Cela nous convient à merveille* [Это к нам идёт удивительно]. *Уж на что Суворова – и того расколотили, à plate couture* [вдребезги]*, а где у нас Суворовы теперь? Je vous demande un peu* [Я вас спрашиваю]*, – беспрестанно перескакивая с русского на французский язык, говорил он* («Война и мир», т. I, ч. 1, гл. XVI; 12: 49).

Антропоним *Ерёма*, представляющий собой народную форму имени *Еремей*, что отражает эпоху расслоения именника на официальный и неофициальный, является продуктивным при образовании паремий: *Всяк Еремей про себя разумей; Ведают о Ерёме в большой хороме; Фома не без ума, Ерёма не без промысла; Указчик Ерёма, указывай дома; По Ерёме шапка, по Сеньке колпак; Ерёма в воду, Фома ко дну: оба упрямы – со дна не бывали; Наш Ерёма не сказался дома; Ерёма! Сиди дома – погода худа; Сиди, Ерёма, дома, считай веретёна; Сидел бы ты, Ерёма, дома, да точил веретёна; Ерёма, Ерёма, сидел бы ты дома, точил веретёна* и др. Имя *Ерёма* в паремиях олицетворяет собой хитрого (*Фома не без ума, Ерёма не без промысла*) и упрямого (*Ерёма в воду, Фома ко дну: оба упрямы – со дна не бывали*) человека, дающего советы (*Указчик Ерёма, указывай дома*), любящего гулять, а не работать (*Наш Ерёма не сказался дома; Ерёма! Сиди дома – погода худа*). Как видно из приведённого ряда паремий, в языке сосуществуют разные варианты пословицы *Ерёма, сидел бы ты дома, точил веретёна*, в которых имя *Ерёма* ассоциируется с лентяем и бездельником. Поскольку веретено – приспособление для ручного прядения, представляющее собой деревянную, уже точёную до острия палочку, то точить веретено считается бесполезной, ненужной работой. Как и в других паремиях с антропонимами, говорящий таким образом выражает негативное отношение к абстрактному лицу.

Достаточно продуктивным при образовании паремий является имя *Тит*: *Наш Тит и под лавкой спит; Тит, поди молотить! – Брюхо болит. – Тит, иди вино пить! – Ой, дай обволокусь, да как-нибудь доволокусь; Тит! Иди молотить. – Брюхо болит. – Тит! Иди кашу есть, – А где моя большая ложка? Пьяный Тит псалмы твердит; Тит да Афанас, разымите нас; Тит, поди молотить! – Брюхо болит. – Тит, пойдём вино пить! – А где мой старый кафтанишко?; Тит, поди молотить! – Брюхо болит. – Тит, пойдём вино пить! – Бабёнка, подай шубу!; Тит, поди молотить! – Спина болит. – Тит, поди вино пить! – Дай кафтанишко захватить!; Наш Тит без бабы спит; Тит в горе что кит в море* и др. Как видно из примеров, многочисленны реплики, представляющие собой ответ на побуждение *Тит, поди (иди) молотить*. Все ответы показывают действующее лицо пословицы как ленивого и праздно живущего человека, склонного к пьянству. Можно предположить, что негативное отношение к названному абстрактному лицу связано с датой именин, которые приходятся на 15 апреля, чаще это время Великого поста, когда запрещено употребление спиртного, непостной пищи, люди призываются к сдержанному образу жизни.

По наблюдениям О.Е. Фроловой, обычно «антропонимы не называют конкретных объектов в экстралингвистической действительности» [Фролова, 2007: 239]. Однако в следующем контексте пословица используется как буквальное обращение к конкретному действующему лицу романа.

На дворе Кутузова слышались голоса укладывавшихся денщиков; один голос, вероятно, кучера, дразнившего старого Кутузовского повара, которого знал князь Андрей, и которого звали Титом, говорил: «Тит, а Тит?»

– Ну, – отвечал старик.

*– **Тит, ступай молотить**, – говорил шутник.*

– Тьфу, ну те к чёрту, – раздавался голос, покрываемый хохотом денщиков и слуг («Война и мир», т. I, ч. 3, гл. XII; 9: 321).

Вместе с тем характер ответа не созвучен традиционным репликам, распространённым в языке и представляющим собой отговорку *Брюхо (спина) болит.* В данном случае в ответной реплике слышится обида, человеку даже неприятно, что его так называют. Л.Н. Толстой использует потенциал пословиц, в которых имя *Тит*

стало олицетворением ленивого и неработящего человека и расширяет его, конкретизируя и актуализируя пословицу.

Как показывают наблюдения, женских имён в пословицах намного меньше, чем мужских. Это закономерно, ведь в русском языке в целом наблюдается то же явление: поскольку женщина в обществе играла второстепенную роль, её жизнь чаще всего ограничивалась домом и семьёй. Исследователи неоднократно отмечали гендерную асимметрию при оценке женщин во фразеологии и паремиологии [Алексеенко, 2006; Малишевская, 1999; Мокиенко, 2007; Ничипорчик, 2009; Телия, 1999 и др.]. В русском языке, как и в других языках, преобладают паремии с отрицательной оценкой женщины, что М.А. Алексеенко объясняет общеязыковой закономерностью: «любой язык несёт в себе следы патриархата» [Алексеенко, 2006: 29]. Традиционно в паремиологии женщина, её дела и поступки оцениваются мужчиной: «…маловероятно, однако, чтобы женщина давала себе негативную оценку сама или выделяла себя как исключение из женского сообщества, говоря о женщинах вообще плохо» [Ничипорчик, 2009: 198].

Антропоним *Маремьяна*, народный вариант имени *Марианна*, не является продуктивным при образовании паремий: *Маремьяна – старица, а Маккавей – поговей; Маремьяна-старица за весь мир; Маремьяна-старица о всём мире печалится; Маремьяна-старица – на весь мир старальщица*. В драме «Власть тьмы» Л.Н. Толстой употребляет пословицу *Маремьяна старица, по всём мире печальница, а дома не емши сидят* в трансформированном виде – с расширением компонентного состава.

А к и м . *Облыжно, старуха, значит, на девку, тае, облыжно. Потому девка, тае, дюже хороша, дюже хороша девка, значит; жаль мне, жаль, значит, девку-то.*

М а т р ё н а . *Уж прямо* ***Маремьяна старица, по всём мире печальница, а дома не емши сидят****. Жаль девку, а сына не жаль. Навяжи её себе на шею, да ходи с ней. Буде пустое-то говорить* («Власть тьмы», д. 1, явл. XI; 26: 137).

В данном случае писатель подчёркивает двойственность и противоречивость русского национального характера: сострадание русские чаще проявляют по отношению к чужим, а близкие при этом остаются без должного внимания. Таков характер прототипической ситуации, лежащий в основе используемой паремии.

Говоря о поведении антропонима в пословице, О.Е. Фролова вводит понятие типового антропонима. Типовой антропоним – «наиболее распространённый и известный антропоним, который ассоциируется у носителей языка и культуры с классом объектов, или же эталонным представителем класса» [Фролова, 2007: 246].

Нельзя не отметить, что в паремийном ономастиконе функционируют имена, имеющие дополнительное оценочное значение и обладающие ассоциативным полем. Так, *Иван* соотносится со словом русский, а употребление этого имени с отчеством *Иванович* получает противоположный импульс и ассоциируется с иностранцами (Ср.: «*Иван Иванович,* почётное или шуточное имя и отчество немцев, а ещё более калмыков, кои всегда отзываются на кличку эту, как чуваши на зов: *Василий Василич*» – ТСД, т. 2: 3). В этом контексте приведём слова О.Г. Ревзиной, изучавшей собственные имена в поэтическом идиолекте М. Цветаевой: «Референт собственного имени выступает в таком случае как совокупность свойств» [Ревзина, 1998: 60].

В процессе употребления паремии антропоним может получить оттенок значения и стать прецедентным именем. Одним из главных действующих лиц в драме Л.Н. Толстого «Власть тьмы» является Матрёна – «тёртая» деревенская баба, хитрая и изворотливая. Писатель много работал над созданием речевых портретов персонажей драмы, делал записи пословиц, поговорок, присловий. На наш взгляд, выбор имени был продиктован паремией *Тётка Матрёна тёрта, тёрта да перетёрта*, служащей в пьесе средством самохарактеристики:

М а т р ё н а . *Ну, новости сказала. А тётка Матрёна и не знала. Эх, девушка,* ***тётка Матрёна тёрта, тёрта да перетёрта****. Тётка Матрёна, я тебе скажу, ягодка, под землёй-то на аршин видит. Всё знаю, ягодка* («Власть тьмы», д. 1, явл. X; 26: 131).

Связь компонентов анализируемой паремии скреплена аллитерацией и лексическим повтором предиката. Имя *Матрёна* получило значение, реализуемое в пьесе «Власть тьмы», актуализируемое в приведённом контексте фразеологизмом *видеть на аршин под землёй*, который обозначает «Быть проницательным, дальновидным, предусмотрительным» (ФСРЛЯ, т. 1: 80).

Среди паремий с компонентом-антропонимом особую группу составляют паремии с компонентом – прецедентным именем:

а) с агионимом – именем святых православной церкви: *На поле Никола общий бог; Никола мужику воз подымает; Пророк Наум наставит на ум*; *Призывай бога на помощь, а св. Николу в путь*;

б) с теонимом – именем божества в славянском языческом пантеоне: *Бог не Мокошь (Никитка), повыломает лытки; Бог не Макеш – чем-нибудь да потешит*;

в) с именем исторического деятеля: *Был неопалён Наполеон, а из Москвы вышел опалён*, *Не Стенька: на ковре по Волге не поплывёшь*.

По данным О.П. Альдингер, второе место в сборнике «Пословицы русского народа» В.И. Даля по употребительности в паремиях занимают топонимы, что подчёркивает важность географического названия в жизни человека [Альдингер, 2006]. Среди паремий этой группы можно выделить следующие подгруппы:

а) с астионимами – названиями городов: *Москва всем городам мать; От малой искры Москва горела; Москва слезам не верит*; *Едет Ананьин внук из Великих Лук* и др.;

б) с гидронимом – названием водных объектов: *У нас на Ваге и уха с блинами*; *Толокном Волгу месили*; *За Пьяною люди пьяны*;

в) с годонимами – названиями улиц: *Шёл молодец по Пресне, да свалился; Не кручинься, женихи на Пресне есть*.

Л.Н. Толстой употребляет всего три паремии с компонентом-топонимом: макротопонимом *Россия* (*России да лету – союзу нету*) и астионимом Москва (*Москва всем городам мать* и *Москва не сеет, не жнёт, а богато живёт*):

*Ему не приходило и мысли ни о России, ни о войне, ни о политике, ни о Наполеоне. Ему очевидно было, что всё это не касалось его, что он не призван был и потому не мог судить обо всём этом. «**России да лету – союзу нету**», – повторял он слова Каратаева, и эти слова странно успокаивали его* («Война и мир», т. IV, ч. 2, гл. XII; 12: 97).

– Что ж, тебе скучно здесь? – спросил Пьер.

*– Как не скучно, соколик. Меня Платоном звать; Каратаевы прозвище, – прибавил он, видимо, с тем, чтобы облегчить Пьеру обращение к нему. – Соколиком на службе прозвали. Как не скучать, соколик! **Москва, она городам мать**. Как не скучать на это смотреть* («Война и мир», т. IV, ч. 1, гл. XII; 12: 46).

Вспоминаю все сотни и тысячи людей городских, – и хорошо живущих, и бедствующих, – с которыми я говорил о том, зачем они пришли сюда, и все без исключения говорят, что они пришли сюда из деревни кормиться, что ***Москва не сеет, не жнёт, а богато живёт****, что в Москве всего много и что потому только в Москве можно добыть те деньги, которые им нужны в деревне, на хлеб, на избу, на лошадь, на предметы первой необходимости* («Так что же нам делать?», XIII; 25: 228).

Примечательно, что первые две паремии Толстой вкладывает в уста Платона Каратаева, типичного представителя русского народа. Как пишет Л.Б. Савенкова, «крестьянин ощущает себя частичкой большого целого – народа, страны: *Москва – городам мать*. Он свято верит, что его Отчизна не погибнет, никогда не исчезнет с лица земли: *России да лету союзу нету*» [Савенкова, 2002 а: 32].

Топоним *Москва* является самым продуктивным при образовании паремий. Дихотомия «Москва – Петербург» традиционна для русского языкового сознания, что нашло отражение в следующих пословицах: *Москва создана веками, Питер – миллионами; Москва бьёт с носка, а Питер бока повытер; Питер – кормило, Москва – корм; Питер – голова, Москва – сердце*. По справедливому признанию О.П. Альдингер, «во многих паремиях географические названия… в результате долгого функционирования приобретают способность обобщать, в результате чего формируется дополнительная семантика, касающаяся исторических, географических, культурных сторон существования этих имён собственных» [Альдингер, 2005: 10]. Таким образом, Москва ассоциируется с сердцем России, потому что долгие годы являлась и является столицей, имеет богатую историю, противопоставляется провинции: *Родная сторона краше Москвы; Говорят в Москве, а слушают во всей стране*.

Вторую группу этнолингвомаркёров составляют названия артефактов, присущих материальной культуре конкретного народа: предметов быта, одежды, названия еды. Например: *Вязьма в пряниках увязла*; *В Тулу со своим самоваром не ездят*; *За сиротой сам Бог с калитой* (*калита* – сумка, подвесной мешочек, карман на поясе); *Судила судьба киселём заговеться; Калач в руки, а камень в зубы; Кашира в рогожу обшила, Тула в лапти обула*. По

словам В.Н. Телия, отражение в языке предметов материальной культуры может стать «надёжным материалом для моделирования культуры» [Телия, 1996: 234].

В следующих примерах Л.Н. Толстого встречаются паремии с компонентом-артефактом:

Встал довольно бодро, вышел – и ***первый блин комом****: мужик новосильский просит помощи, и я спешил идти и недобро поговорил с ним* (Дневники, 25 августа 1909 г.; 57: 123).

*«****Чёрный хлебушка*** *–* ***калачу дедушка****», – говорит мать детям пословицу в утешение о том, что кулич будет не из белой муки. И дети вдруг от отчаяния переходят к радостному восторгу и на разные голоса повторяют пословицу и ещё веселее ждут кулича* («Что такое искусство?», XIV; 30: 145).

*«****Щей горшок, да сам большой****», хорошая пословица, надо держаться её* («Путь жизни», VII, Излишество, II; 45: 109).

Паремии, отражая черты национального характера, будучи ретрансляторами культурной традиции в языке и обладая кумулятивной функцией, несут культурологическую информацию, являясь своего рода микротекстом для читателя. Несмотря на широкую репрезентацию ФЕ и пословиц с этнолингвомаркёрами в русском языке, в текстах Л.Н. Толстого их употребление единично, в некоторых случаях наряду с кумулятивной функцией, априори присущей этим пословицам, они выполняют в контексте дополнительные функции. Однако анализ фразеологического состава, использованного писателем, невозможен без лингвокультурологического комментария, который является частью словарной статьи авторского словаря.

2.3. Функциональный потенциал фразеологических единиц и крылатых выражений в языке Л.Н. Толстого: монофункциональность и полифукциональность

Реализация функционального потенциала фразеологии наиболее явственно проявляется в контексте. Ряд функций присущ фразеологическому составу в целом; другие же приобретаются в процессе употребления, т.е. в определённой речевой ситуации, или продиктованы жанром, к которому относится текст, поэтому вполне закономерно, что в лингвистике они получили название рече-

вых [Гвоздарёв, 1989: 14]. И ФЕ, и КВ наделены номинативной функцией как константной, однако в тексте может быть представлен не только монофункциональный, но и полифункциональный потенциал фразеологии. Справедливость замечания А.В. Кунина о предопределённости фразеологических функций, зависящей от сущности единиц, можно доказать примерами фразеоупотреблений в языке Л.Н. Толстого.

Номинативная функция ФЕ служит для наименования предметов, явлений действительности и понятий о них образными средствами, для «заполнения лакун» (А.В. Кунин) в системе языка. При описании фразеологии языка писателя наибольший интерес вызывают фраземы, несущие образность, в отличие от ФЕ-терминов[5]. Например:

Но стоит только поверить Христу, что он принёс благо на землю, поверить, что он даёт нам, жаждущим, ключ ***воды живой****, и прийти к нему, чтобы увидать, как коварен обман церкви и как безумны наши страдания тогда, когда спасение наше так близко* («В чём моя вера?», X; 23: 424).

Если говорили, что он нужен был людям, что, исполняя закон Христов любви, он не мог отказывать людям в их требовании видеть его, что удаление от этих людей было бы жестокостью, он не мог не соглашаться с этим, но, по мере того как он отдавался этой жизни, он чувствовал, как внутреннее переходило во внешнее, как иссякал в нём источник ***воды живой****, как то, что он делал, он делал всё больше и больше для людей, а не для Бога* («Отец Сергий», гл. VII; 31: 29).

Сначала он был в нерешительности, потом нерешительность прошла, он привык и покорился дьяволу, и одежда мужицкая только напоминала ему его мысли и чувства. С каждым днём всё больше и больше приходило к нему людей и всё меньше и меньше оставалось времени для духовного укрепления и молитвы. Иногда, в светлые минуты, он думал так, что он стал подобен месту, где прежде был ключ. «Был слабый ключ ***воды живой****, который тихо тёк из меня, через меня. То была истинная жизнь, когда «она» (он всегда с восторгом вспоминал эту ночь и её, теперь*

[5] О функционировании ФЕ-терминов в письмах Л.Н. Толстого [Ломакина, 1998: 59-61].

мать Агнию) соблазняла его. Она вкусила той чистой воды. Но с тех пор не успевает набраться вода, как жаждущие приходят, теснятся, отбивая друг друга. («Отец Сергий», гл. VII; 31: 30).

У меня есть моё писанье, которое немного, в той мере, в которой я верю в его пользу, помогает жить, и есть слабость старости, но молодым и вкусившим от ключа ***воды живой*** *уж нельзя вернуться к подобию жизни* (Письмо П.И. Бирюкову, 27 октября 1892 г.; 66: 271).

Вы не то, что отвели от людей источник ***живой воды****, – если бы это было, люди всё-таки могли бы найти его, – но вы отравили его своим учением, так что люди не могут принять иного христианства, как то, которое отравлено вашим толкованием его* («К духовенству», VII; 34: 308).

Как показывают примеры, ФЕ *живая вода* реализует номинативную функцию вне зависимости от функциональных разновидностей текста в значении ‘Всё, что одухотворяет, благотворно действует, пробуждает интерес’ (ФСРЛЯ, т. 1: 87). Для идиолекта писателя характерно использование инверсии компонентов *вода живая*, что было продиктовано библейским текстом и языковой традицией: по данным НКРЯ, в XVIII-XIX вв. такое употребление было характерно в основном для языка священников. Ср.: «Отступающие от Меня будут написаны на прахе, потому что оставили Господа, источник воды живой» (Иер. 17: 13); «…два зла сделал народ Мой: Меня, Источник воды живой, оставили, высекли себе водоёмы разбитые, которые не могут держать воды» (Иер. 2:13). Несмотря на это, во всех представленных контекстах анализируемая ФЕ выполняет номинативную функцию.

Книжная ФЕ *святая вода* используется Л.Н. Толстым в номинативных целях без изменения плана содержания и плана выражения в значении «освященная вода, обладающая исцеляющей силой» (ФСРЛЯ, т. 1: 87):

И ***святую воду****, которая у каждого хранилась в пузырьке, всю в эту ночь истратили* («Поликушка», XII; 7: 37).

С т а р ш о й. *Ну, ладно, только помни, что, если ты в три года краюшку не заслужишь, я* ***в святой воде*** *выкупаю тебя* («Первый винокур», д. 2, Ад; 26: 143).

И как какой помазанник, т.е. атаман разбойников, захочет побить чужой и свой народ, – сейчас ему сделают ***святой воды****,*

покропят, крест возьмут (тот крест, на котором умер нищий Христос за то, что он отрицал этих самых разбойников) и благословят побить, повесить, голову отрубить («Церковь и государство», 1891).

К разновидностям номинативной функции иногда относят перифрастическую и эвфемистическую, хотя ряд исследователей рассматривают их отдельно [Савицкий, 2006], считая необходимым детальную разработку [Ковшова, 2013: 351]. Поскольку ФЕ представляют собой знаки вторичной номинации, то, на наш взгляд, логичнее было бы различать эти функции: при реализации перифрастической и эвфемистической функций ФЕ представляют свой коннотативный потенциал. То же происходит при реализации эвфемической функции пословиц:

М а т р ё н а . ***Ночная-то кукушка денную перекуковала****. Меня не послухал, а за женой сейчас пошёл. Идёшь, что ль?* («Власть тьмы», д. 5, явл. IX; 26: 235).

Согласимся с мнением М.Л. Ковшовой, что «с помощью поговорок и пословиц говорящему удаётся не только передать народную мысль, сгущённую до предела, но и осуществить эвфемизацию, нацеленную на коммуникативное сближение, смягчить грубое или излишне прямолинейное выражение» [Ковшова, 2013: 401]. Представленный пример показывает смысловую реализацию пословицы: «влияние жены (*ночная кукушка*) на женатого мужчину превосходит влияние матери (*дневная кукушка*)».

Для языка Л.Н. Толстого характерно употребление ФЕ со значением «конец жизни, смерть», подобные ФЕ употребляются с целью эвфемизации:

Если разуметь жизнь загробную в смысле второго пришествия, ада с вечными мучениями, дьяволами, и рая – постоянного блаженства, то совершенно справедливо, что я не признаю такой загробной жизни; но жизнь вечную и возмездие здесь и везде, теперь и всегда, признаю до такой степени, что, ***стоя*** *по своим годам* ***на краю гроба****, часто должен делать усилия, чтобы не желать плотской смерти, то есть рождения новой жизни, верю, что всякий добрый поступок увеличивает истинное благо моей вечной жизни, а всякий злой поступок уменьшает его* («Ответ на определение синода от 20-22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма»; 34: 249).

Ср.: *стоять на краю гроба* – «Быть при смерти» (ФСРЛЯ, т. 2: 285).

Пишу я с любовью к вам, но не хочу скрывать того, что думаю. Я ***стою одной ногой в гробу*** *и мне не к чему подделываться* (Письмо С. П. Прокопенко, 14 августа 1892 г.; 66: 249)

Вы пишете о своём желании поправиться и в особенности в смысле труда, простого труда в жизни. Помоги вам бог. Я, ***стоя по пояс в гробу****, а думаю о том же* (Письмо В.Г. Черткову, 24 декабря 1905 г.; 89: 31).

Ср.: *стоять одной ногой во гробе (в гробу), стоять одной ногой в могиле* – «Доживать свою жизнь, быть близким к смерти» (ФСРЛЯ, т. 2: 286).

Стоит привести не только узуальные, но и авторские (камерные) ФЕ. В эпистолярных текстах встречаем ФЕ *отправиться в большое путешествие* «Умереть» и *до последнего звонка* «До смерти»:

Стоит ли материально устраиваться подле меня, когда моя жизнь на волоске и я всякий день могу ***отправиться в большое путешествие*** (Письмо А.Л. Толстой, 4 сентября 1895 г.; 68: 159)

Я выздоравливаю, но ещё слаб, а главное, хочется ещё сделать многое ***до последнего звонка*** (Письмо О. К. Клодт, 15/28 июля 1902 г.; 73: 268).

Значение ФЕ *отправиться в большое путешествие* связано со значением ФЕ *на волоске*, что подтверждает высказанный ранее тезис о роли авторской семантизации в смысловой репрезентации ФЕ.

С этой же целью писатель вкладывает ФЕ *сложить старые кости на покой* в уста Натальи Савишны, у которой Николенька Иртеньев ищет поддержки после ухода матери:

– Ах, мой батюшка, – сказала она, кинув на меня взгляд самого нежного сострадания, – не то, чтобы ожидать, а я и теперь подумать-то не могу. Ну уж мне, старухе, давно бы пора ***сложить старые кости на покой****; а то вот до чего довелось дожить: старого барина – вашего дедушку, вечная память, князя Николая Михайловича, двух братьев, сестру Аннушку, всех схоронила, и все моложе меня были, мой батюшка, а вот теперь, видно, за грехи мои, и её пришлось пережить. Его святая воля! Он затем*

и взял её, что она достойна была, а Ему добрых и там нужно («Детство», гл. XXVIII; 1: 89)

Как отмечает В.М. Савицкий, эмоционально-экспрессивная функция ФЕ больше всего осмыслена и описана лингвистами [Савицкий, 2006]. Эмоционально-экспрессивная функция ФЕ вербализирует чувства, эмоции говорящего, воздействуя на адресата с различной степенью интенсивности. Эта функция чаще распространена в текстах художественной литературы и реализуется как в авторском повествовании, так и в речи героев произведений, но может встречаться и в публицистическом стиле, а также в письмах. Например:

Потом Завальшевский подвёл его знакомить к своей сестре – молодой, полненькой вдовушке, с самого приезда графа ***впившейся*** *в него своими большими чёрными* ***глазами*** («Два гусара», гл. IV; 3: 158).

Илюшка, улыбкой, спиной, ногами, всем существом изображая сочувствие песне, аккомпанировал ей на гитаре и, ***впившись*** *в неё* ***глазами****, как будто в первый раз слушая песню, внимательно, озабоченно, в такт песни наклонял и поднимал голову* («Два гусара», гл. VI; 3: 166).

– Но ты не ошибаешься? Ты знаешь, о чём мы говорим? – проговорил Левин, ***впиваясь глазами*** *в своего собеседника* («Анна Каренина», ч. 1, гл. X; 18: 41).

Ср.: *впиваться / впиться глазами* – «Пристально смотреть на кого-л., на что-л.» (ФСРЛЯ, т. 1: 102)

М а т р ё н а . *Ах, сынок, что ж так хозяину не стараешься? Хозяин хворый, на тебя надеется, ты должен, как отцу родному,* ***жилы вытягивай****, а служи. Так я тебе приказываю* («Власть тьмы», д. 2, явл. XIV; 26: 162).

Ср.: *вытягивать жилы* – «Разг. Экспрес. Работать усиленно, не жалея себя» (ФСРЛЯ, т. 1: 128)

Г р и г о р и й . *Вишь, расселись. Вы смотрите: барыня узнает, она вам такую* ***задаст трёпку****, не хуже утреннего* («Плоды просвещения», д. 2, явл. 8; 27: 163).

Ср.: *задавать / задать трёпку* – «Прост. Экспрес. 2. Сильно ругать кого-либо» (ФСРЛЯ, т. 1: 243).

И такое пропитание получал трудящийся невольно, неохотно, ибо трудящийся желал одного – избавиться от труда, приоб-

рести как можно больше и ***сесть на шею*** *того, кто у него* ***сидит на шее*** («В чём моя вера?», X; 23: 430).

Только «образование» даёт людям из рабочего народа возможность посредством поступления или в чиновники к правительству, или в служащие к капиталистам и землевладельцам, выйти из своего сословия и ***сесть на шею*** *его, участвуя с правительством, землевладельцами и капиталистами в отнятии от народа произведений его труда* («О науке», II; 386 135).

Точно так же считаю ненужным поощрять и желание под предлогом образования вступления в учебные заведения, дающие диплом и возможность выйти из своего рабочего сословия и ***сесть*** *ему* ***на шею*** (Письмо неизвестной (учительнице Е. Б.), 1 марта 1910 г.; 81: 120).

Ср.: *садиться / сесть на шею* – «Разг. Экспрес. 1. Переходить на иждивение, содержание кого-л. 2. Использовать кого-л. в корыстных целях, подчиняя себе, ставя в полную зависимость от себя» (ФСРЛЯ, т. 2: 211).

С эмоционально-экспрессивной тесно связана оценочная функция ФЕ, которая показывает положительное или отрицательное отношение говорящего к предмету или объекту речи, явлениям действительности, адресату. Как показывают наблюдения, писатель чаще употребляет ФЕ с отрицательной оценкой. Проиллюстрируем это:

– Я вам скажу, – заметил Тросенко, – как ни считай, всё выходит, что нашему брату ***зубы на полку класть*** *приходится, а на деле выходит, что все живём, и чай пьём, и табак курим, и водку пьём* («Рубка леса», гл. XII; 3: 68).

– Право, совсем как российские. Один женатый. Марушка, говорю, бар? – Бар, говорит. – Баранчук, говорю, бар? – Бар. – Много? – Парочка, говорит. – Так разговорились хорошо. Хорошие ребята.

– Как же, хорошие, – сказал Никитин, – попадись ему только один на один, он тебе ***требуху выпустит*** («Хаджи-Мурат», II; 35: 15).

В первом примере ФЕ *класть зубы на полку* выступает в качестве антонима ряду контекстуальных синонимов, имеющих общую сему «жить безбедно». Во втором примере ФЕ *требуху выпустит* представляет собой индивидуально-авторское преобразо-

вание ФЕ *выпустить кишки* «Зарезать, убить кого-л.» (ФСРЛЯ, т. 1: 124), отрицательная оценка содержится не только в самом фразеологическом знаке, но и мотивируется контекстом при помощи контраста.

Употребление ФЕ *ни копейки <за душой>*, характеризующей тяжёлое материальное положение, и в эпистолярном, и в художественном текстах имеет оценочную функцию:

Вчера ездил в бедную деревню, 10 дворов, 4 лошади и 4 коровы; денег во всей деревне нет ***ни копейки****. Шубы и кафтаны заложены* (Письмо С.А. Толстой, 22 мая 1898; 84: 321).

У Живахова было триста тысяч долгу и ***ни копейки за душой****, и он жил же, да ещё как!* («Анна Каренина», ч. 7, гл. XX; 19: 308).

ФЕ *мастер на все руки* в ФСРЛЯ имеет помету *Одобр.*, что позволяет говорить о закрепившейся в языке положительной оценке, выражаемой этой ФЕ. Л.Н. Толстой неоднократно использует синонимичную ФЕ *мастер своего дела* со значением «Человек, достигший большого умения, мастерства в своём деле» (ФСРЯТ: 143).

Адъютант-распорядитель, ***мастер своего дела****, уверенно, неторопливо и мерно, крепко обняв свою даму, пустился с ней сначала глиссадом, по краю круга, на углу залы подхватил её левую руку, повернул её, и из-за всё убыстряющихся звуков музыки слышны были только мерные щелчки шпор быстрых и ловких ног адъютанта, и через каждые три такта на повороте как бы вспыхивало развеваясь бархатное платье его дамы* («Война и мир», т. II, ч. 3, гл. XVI; 10: 203).

Однако в других произведениях ФЕ приобретает сниженную коннотацию, получает отрицательную характеристику героев из-за лексем *пьяница* и *нехороший* (человек):

У них, то есть у Вронского, был тренер-англичанин, ***мастер своего дела****, но пьяница* («Анна Каренина», ч. 7, гл. IX; 19: 273).

Другие, и большинство, считали его нехорошим человеком, но великим ***мастером своего дела*** («Поликушка», гл. III; 3: 11).

В отличие от ФЕ с отрицательной оценкой, ФЕ с положительной оценкой в языке Л.Н. Толстого встречаются реже. В романе «Анна Каренина» ФЕ *золотое сердце* в каждом из употреблений реализует свои значения «1. у кого. О добром, отзывчивом

человеке. 2. кто. Отзывчивый, добрый человек» (ФСРЛЯ, т. 2: 231), имея положительную оценку:

– Я тоже была о нём очень низкого мнения, но это, это – премилый и удивительно добрый человек. ***Сердце*** *у него* ***золотое****.*

– Как это вы могли узнать его сердце?

– Мы с ним большие друзья. Я очень хорошо знаю его. Прошлую зиму, вскоре после того... как вы у нас были, – сказала она с виноватою и вместе доверчивою улыбкой, у Долли дети все были в скарлатине, и он зашёл к ней как-то. И можете себе представить, – говорила она шёпотом, – ему так жалко стало её, что он остался и стал помогать ей ходить за детьми. Да; и три недели прожил у них в доме и как нянька ходил за детьми («Анна Каренина», ч. 4, гл. XI; 18: 411).

– Нет, ты неверно оценил моего Левина. Он очень нервный человек и бывает неприятен, правда, но зато иногда он бывает очень мил. Это такая честная, правдивая натура, и ***сердце золотое****. Но вчера были особенные причины, – с значительною улыбкой продолжал Степан Аркадьич, совершенно забывая то искреннее сочувствие, которое он вчера испытывал к своему приятелю, и теперь испытывая такое же, только к Вронскому* («Анна Каренина», ч. 1, гл. XVII; 18: 64-65).

Как видно из приведённых примеров, контекст раскрывает смысловое значение ФЕ с использованием актуализаторов, в качестве которых выступают имена прилагательные, которые часто используются для выражения оценочной семантики (*премилый* и *удивительно добрый* человек; *такая честная, правдивая* натура).

В следующем примере ФЕ содержит оценку физического здоровья человека «1. Здоровый, цветущий, с хорошим цветом лица» (ФСРЛЯ, т. 1: 330):

С казаками был урядник, георгиевский кавалер, в скобку остриженный, молодой, ***кровь с молоком****, здоровый русый малый, Назаров* («Хаджи-Мурат», гл. XXV; 35: 110-111).

В языке Л.Н. Толстого КВ, как и ФЕ, выполняют различные функции. Проиллюстрируем теоретические работы, приведённые выше, примерами.

Аргументирующая функция КВ заключается в необходимости говорящего / пишущего доказать или обосновать высказанный ранее тезис, положение. В письмах, датированных одним числом,

но отправленных разным адресатам, КВ-афоризм *Цель оправдывает средства*, приписываемый Н. Макиавелли (БСКСВРЯ, т. 2: 527), используется дважды и выполняет аргументирующую функцию:

Полагаю и такое положение ещё более неправильным. В религиозном деле ***цель не может оправдывать средства*** *уже потому, что средства отступления от истины уничтожают всякую возможность достижения цели, состоящей в получении истины. Главное же то, что ни один человек не призван к тому, чтобы научать других (Мф. XXIII, 8, 9), а только к тому, чтобы самому совершенствоваться в истине и любви* (Письмо Т.П. Богатикову, 15 августа 1901 г.; 73: 119).

Я получил ваше письмо, когда был болен, и первое и второе, и не отвечал вам, несмотря на то, что письма эти были мне очень радостны, во 1-х потому, что боялся компрометировать вас, во 2-х, был слаб и, в 3-х потому, что хотелось возразить вам на выраженную вами мысль о том, что вы остаётесь священником потому, что можете легче воздействовать на народ и что в этом случае ***цель оправдывает средства****, но не имел времени сделать это, как мне хотелось* (Письмо Я.П. Колосовскому, 15 августа 1901 г.; 73: 121).

КВ могут использоваться для характеристики состояния кого-либо или чего-либо, т.е. выполнять характеризующую функцию:

Мне кажется, что никуда не надо было ездить, а тем менее в Рим. В Риме с твоей слабостью это ***Танталово мученье****. Надо бы в тихое место оздоровляющее, если верить в оздоровляющие места* (Письмо М.Л. Оболенской, 29 января 1906 г.; 76: 91).

Ср.: *Танталовы муки* – «Мучения, вызываемые созерцанием желанной цели и невозможностью её достичь» (БСКСВРЯ, т. 2: 435).

– У каждого своя ***Ахиллесова пятка****, – продолжал князь Андрей. – С его огромным умом donner dans ce ridicule [поддаваться этой мелочности]!* («Война и мир», т. I, ч. 1, гл. XXIV; 9: 124)

Ср.: *ахиллесова пята <пятка>* – «О чьём-л. слабом, уязвимом месте: наиболее чувствительная, ранимая и уязвимая сторона характера кого-л.» (БСКСВРЯ, т. 1: 76).

Так что доводов было столько же за, сколько и против; по крайней мере, по силе своей доводы эти были равны, и Нехлюдов, смеясь сам над собой, называл себя ***буридановым ослом****. И всё-таки оставался им, не зная, к какой из двух вязанок обратиться* («Воскресение», ч. 1, гл. IV; 32: 18-19).

Ср.: *буриданов осёл* – «Книжн. или публ. ирон. О человеке, испытывающем неуверенность, колеблющемся при выборе между двумя равными возможностями, решениями, предметами» (БСКСВРЯ, т. 1: 76).

Как видно из примеров, КВ используются писателем для характеристики состояния или характера человека. В первом случае употребляется для характеристики состояния дочери М.Л. Оболенской, во втором – для характеристики князя Болконского, в третьем – для характеристики нерешительности в принятии решения жениться.

В контексте ФЕ могут реализовывать свою полифункциональность. На полифункциональность фразеологии обращали внимание как отечественные, так и зарубежные исследователи [Литвинникова, 2009; Ломакина, 2009; Савицкий, 2006; Семененко, 2012; Сидоркова, 1999; Фокина, 2007; Grzybek, 1994].

Рассмотрим употребление многозначного КВ *медовый месяц*[6]: «1. Начальная, наиболее счастливая пора супружеской жизни. 2. Расцвет, лучшая пора» (ФСРЛЯ, т. 1: 376).

Вообще тот ***медовый месяц****, то есть месяц после свадьбы, от которого, по преданию, ждал Левин столь многого, был не только не медовым, но остался в воспоминании их обоих самым тяжёлым и унизительным временем их жизни* («Анна Каренина», ч. 5, гл. XIV; 19: 51).

– Какие глупости, – сказала вдруг Наташа, – ***медовый месяц*** *и что самое счастье в первое время. Напротив, теперь самое лучшее. Ежели бы ты только не уезжал. Помнишь, как мы ссорились?* («Война и мир», эпилог, ч. 1, гл. XVI; 12: 293)

Он вспомнил ***медовый месяц****, и покраснел при этом воспоминании. Особенно живо, оскорбительно и постыдно было для него воспоминание о том, как однажды, вскоре после своей же-*

[6] Об употреблении КВ-галлицизма *медовый месяц* в русской классической литературе и современной публицистике см. [Ломакина, 2013].

нитьбы, он в 12-м часу дня, в шёлковом халате пришёл из спальни в кабинет, и в кабинете застал главного управляющего, который почтительно поклонился, поглядел на лицо Пьера, на его халат и слегка улыбнулся, как бы выражая этой улыбкой почтительное сочувствие счастию своего принципала («Война и мир», т. II, ч. 1, гл. VI; 10: 28).

– Так все женятся, так и я женился, и начался хвалёный ***медовый месяц****. Ведь название-то одно какое подлое! – с злобой прошипел он* («Крейцерова соната», гл. XI; 27: 28).

Если в первых трёх примерах номинативная функция является основной, то в последнем примере на первый план выходит эмоционально-экспрессивная функция анализируемого КВ, чему способствует расширение компонентного состава ФЕ за счёт определения *хвалёный*, номинативная функция становится вторичной.

БФЕ *имя им легион* употребляется в текстах разной функционально-стилистической направленности для обозначения неисчислимого множества людей:

За отказом Ван-дер-Вера должны последовать всё чаще и чаще такие же отказы, а как только таких отказов будет много, так тотчас же те самые люди, которые вчера ещё говорили (а ***имя им легион****), что без войны нельзя жить, скажут, что они уже давно проповедуют безумие и безнравственность войны, советуют вам поступать так, как поступил Ван-дер-Вер, и от войны и войска в том виде, в котором они существуют теперь, останется одно воспоминание* («Приближение конца»; 31: 86).

Этот милый Свияжский, держащий при себе мысли только для общественного употребления и, очевидно, имеющий другие какие-то, тайные для Левина, основы жизни, и вместе с тем он с толпой, ***имя которой легион****, руководящий общественным мнением чуждыми ему мыслями …* («Анна Каренина», ч. 3, гл. XXVIII; 18: 356-357).

Я так и вижу, как он будет заведовать учреждением, от которого зависят миллионы жизней, и только потому, что он любит чистоплотность, элегантность, утончённую пищу, танцы, охоту, бильярд, всевозможные увеселения и, не имея средств, держится в тех полках, учреждениях обществах, где всё это есть, и понемногу, как добрый, безобидный, повышается и дела-

ется правителем людей – все, как Ф., и ***имя им легион*** (Дневники, 24 февраля 1897 г.; 53: 140).

Что больше живу, то больше ужасаюсь на последствия алкоголя и никотина. Не говоря о тех явных, грубых последствиях увеличения преступности, заболеваний, страшной траты жизней, эти наркотики сбивают с людей (это особенно заметно в нашем кругу) верхи мыслей и чувств, самый главный и нужный цвет разума. От этого видишь людей, которые могут служить, писать книги, производить художественные вещи, но не могут понимать самого главного: смысла жизни, и даже полагающие, что этого совсем и не нужно. Какие-то духовные кастраты. И ***имя им легион****. Я окружён ими* (Дневники, 19 марта 1901 г.; 54: 93).

Ср.: *имя им легион* – «Книжн., чаще неодобр. О неисчислимом множестве людей, предметов, явлений» (БСКСВРЯ, т. 1: 446).

В представленных примерах КВ выполняет как номинативную, так и оценочную функции, в последнем контексте фразеологическим актуализатором ФЕ служит агентив *кастрат*.

Вне зависимости от точек зрения на функциональный потенциал фразеологии весь диапазон функций ФЕ может быть представлен лишь в контексте, в котором, благодаря фразеологическому окружению, раскрывается смысловое значение единиц. Представленные примеры показывают, что писатель пользуется богатым функциональным потенциалом фразеологии. В целом иллюстративный языковой материал доказал состоятельность теоретического описания типологии функций ФЕ и КВ. На наш взгляд, требует уточнения характеризующая функция КВ: примеры показали, что в некоторых случаях характеристика состояния содержит оценку, поэтому при выделении функций КВ целесообразно выделить оценочную подфункцию. Кроме того, следует говорить о полифункционализме ФЕ в контексте.

Глава 3. Композиционная и жанрово-стилистическая обусловленность употребления фразеосредств в языке Л.Н. Толстого

Дискурсивный подход к изучению текста предполагает проведение комплексного анализа его формы и содержания (Н.Д. Арутюнова, Т.А. ван Дейк и др.). Соответственно дискур-

сивность предполагает понимание текста не изолированно, а в составе метатекстового единства [Чернявская, 2007]. Дискурсивный анализ ставит целью при помощи инструмента различных методов изучить дискурс и употребляемые в нём языковые единицы.

При изучении языка писателя и его лексикографической обработке исследователи неоднократно ставили вопрос о текстовых (смысловых) доминантах – рекуррентных, *тезаурусообразующих* (термин Ю.Н. Караулова) языковых единицах, составляющих авторскую картину мира и образующих авторский дискурс, для чего использовались различные термины. Так, в научном обороте получили актуализацию термины *идиоглосса* – в «Словаре языка Достоевского», *текстема* – в «Словаре языка Шолохова». Под идиоглоссами понимаются ключевые слова, единицы текста, «которые являются важными для его творчества, играют главную роль в числе используемых им изобразительных средств, несут ключевые идеи его миропонимания, характеризуют неповторимый идиостиль автора» [Караулов, 2008: 875]. Текстема – структурно-содержательная единица авторского текста, воплощающая ментально-эмотивные доминанты – совокупность психических, этических, эстетических, религиозных, философских, политических, правовых и других убеждений писателя, отражающих его взгляды на мир и своё место в этом мире [Диброва, 2005: 27–28]. Таким образом, составители названных словарей, наряду со словами, к смысловым доминантам относят и ФЕ, и паремии (прежде всего пословицы).

По аналогии с термином Ю.А. Гвоздарёва, обосновавшим термин *речевые функции*, при анализе роли фразеологических средств в построении текста следует говорить о *текстообразующих функциях*[7]. Несомненно, текстообразующим потенциалом могут обладать не только единицы фразеологического уровня, но и другие языковые единицы, однако для нас научный интерес представляет функциональный потенциал фразеологии. Использование данного термина при описании языка Л.Н. Толстого более кор-

[7] М.А. Фокина рассматривает отдельно стилеобразующую функцию и соподчиненные ей функции: жанрообразующую, текстообразующую, концептообразующую), подразделяющиеся на подфункции и роли [Фокина, 2007: 7].

ректно и точно, поскольку мы анализируем тексты разных стилей и жанров, в которых используются фразеологические богатства различных языков с разной целью. В том случае, если фразеология становится организующим элементом текста или его отдельной части, можно говорить о текстообразующей функции. Если эти элементы выходят за пределы данного текста и помогают охарактеризовать авторское / писательское мировидение, являясь дискурсивными единицами, то можно говорить о *тезаурусообразующей функции* фразеологии.

Лексико-фразеологическая система текста позволяет реконструировать индивидуальную картину мира писателя и понять характер авторских интенций. Истолкование авторского замысла неразрывно связано с выявлением авторской позиции. «Авторское отношение к изображаемому сравнительно редко находит отражение в прямых оценках, но проявляется на разных уровнях системы текста» [Николина, 2003: 167]. В художественных и публицистических текстах авторская позиция выражается разными способами: в заглавии, эпиграфе, при подборе имен собственных, в использовании лексико-фразеологических средств, в том числе при помощи ключевых слов, путём ремарок.

Активное использование фразеологического фонда языка как средства выражения авторской позиции характерно для творчества как отечественных, так и зарубежных писателей. Приведём лишь несколько примеров использования паремий: эпиграф к повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (*Береги честь смолоду*), к комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» (*Неча на зеркало пенять, коли рожа крива*), названия пьес А.Н. Островского («Свои люди – сочтёмся», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется», «Старый друг лучше новых двух», «Правда хорошо, а счастье лучше»), название рассказа А.П. Чехова «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь», названия народных рассказов Л.Н. Толстого и др. Одна и та же пословица и её вариант стали названием произведений не только русской, но и зарубежной литературы – романа немецкого Ф. Шпильгагена «In Reih und Glied» (1866), романа русского писателя-народника Г.А. Мачтета «И один в поле не воин» (1886), украинского писателя Юрия Дольд-Михайлика «И один в поле воин» (1956). Известны случаи, когда библеизмы, благодаря художественным произведениям, становились КВ, частично или

полностью утратив связь с библейским текстом: *власть тьмы* – «Власть тьмы» Л.Н. Толстого, *волки и овцы* – «Волки и овцы» А.Н. Островского и др. Так, БФЕ *власть тьмы*, восходящая к Новому Завету, обретает устойчивость, получает обобщённое значение благодаря одноименной пьесе, употребляется, когда говорят «О засилье невежества, отсталости, мракобесия; о власти реакции» (БСКСВРЯ, т. 1: 179). Иногда КВ переживают «второе рождение», попадая в пространство другого текста («Кавказский пленник» А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого», «После бала» Л.Н. Толстого и Рэя Брэдбери и т.п.). В качестве сильной позиции текста – в функции заглавия, эпиграфа могут употребляться БФЕ. Например, БФЕ *служить Богу и мамоне* находит отражение в заглавии статьи Л.Н. Толстого антиалкогольного характера «Богу или мамоне» (1896), а БФЕ *единое на потребу* становится названием одноименной статьи (1905). В качестве эпиграфа к роману «Анна Каренина» Л.Н. Толстой использовал библейское выражение *Мне отмщение и аз воздам*, которое в современном русском языке используется в следующих значениях: «1. Человек не должен мстить за себя: Бог воздаст каждому по справедливости. Формула непротивления злу в христианском учении. 2. Оправдание собственного противодействия злу» (БСКСВРЯ, т. 1: 623).

Наряду с использованием фразеологии как средства выражения авторской позиции, следует остановиться на описании различных способов введения ФЕ, КВ или паремии в ткань текста художественного произведения. В связи с этим необходимо рассмотреть три типа контекстов: 1) представляющие собой авторское повествование; 2) содержащие разные формы речи персонажей; 3) совмещающие два плана – авторский и персонажа (так называемая несобственно-прямая речь) [Николина, 2003: 93].

М.А. Фокина, опираясь на работы Л.О. Чернейко, считает, что благодаря соединению дискурса как речемыслительного образования и прагматических, социокультурных факторов можно понять, каков механизм формирования фразеологического значения [Фокина, 2007: 7]. По мнению Л.Б. Савенковой, паремии, будучи «знаками моделей упоминаемых и описываемых в произведении ситуаций и отношений», «заполняют определённое пространство текста, способствуя расстановке смысловых акцентов, характеризуя и оценивая изображаемое, отражая одновременно (открыто

или имплицитно) авторское отношение к героям и событиям» [Савенкова, 2002 а: 25]. В тексте проявляется «специфическое значение и эстетические достоинства» КВ, если они употреблены уместно [Шулежкова, 2002: 242]. Фразеология помогает показать быт народа, представить внешние и внутренние качества человека, охарактеризовать его физическое и духовное состояние, оценить определённые ситуации, события и факты, обобщить сказанное, продемонстрировать авторскую позицию, создать пространственно-временное поле текста, становится средством индивидуализации, авторитетным началом, а иногда выступает в качестве опорных, текстообразующих единиц.

§ 1. Роль заглавия-паремии в народных рассказах Л.Н. Толстого

Заглавие, одна из сильных позиций текста, «содержит в себе программу литературного произведения и ключ к его пониманию» [Фатеева, 2007: 138]. Л.Н. Толстой использует паремии в качестве заглавий произведений или отдельных частей произведения. Приведём такие названия произведений: «Вражье лепко, а божье крепко», «Упустишь огонь – не потушишь», «Где любовь, там и Бог», «Охота пуще неволи», «Бог правду видит, да не скоро скажет». Кроме того, XVI глава повести «Отрочество» Л.Н. Толстого называется «Перемелется, мука будет», драма «Власть тьмы» имела дополнительное пословичное название «Коготок увяз, всей птичке пропасть», роман-эпопея «Война и мир» первоначально назывался «Всё хорошо, что хорошо кончается», а незаконченный рассказ «Идиллия» – «Не играй с огнём – обожжёшься».

Как видно из приведённых примеров, заголовки трёх народных рассказов («Вражье лепко, а божье крепко», «Упустишь огонь – не потушишь», «Где любовь, там и Бог») представляют собой паремии. В 80-е гг. XIX в. писатель был одержим идеей создать «ряд не то повестей, не то картин, написанных на пословицы» [Толстой, 1936: 302]. Цикл народных рассказов предполагалось опубликовать в журнале «Посредник», созданном В.Г. Чертковым, чем исследователи-толстоведы объясняют их социальную направленность и социального адресата, при этом отмечая стоявшую в 1880-е гг. перед писателем задачу «не столько просвещения наро-

да, сколько осмысления его философии жизни, его миропонимания» [Бурдина, 1992: 68-69]. Малый жанр, к которому обращается писатель, трансформируется, поскольку Толстой опирается на традиции устного народного творчества и некоторые фольклорные жанры, особенно притчи, легенды, сказания. В.А. Ковалёв называет народные рассказы «проповедями, облечёнными в форму рассказов» [Ковалёв, 1976: 119].

Язык народных рассказов отличает близость к народной речи: употребление пословиц и поговорок, фольклоризмов, простота синтаксических конструкций (на некоторые черты указывает М.С. Альтман см.: [Альтман, 1980: 85]). По мнению Е.А. Маймина, «простота и ясность народных рассказов Толстого знаменовали собой не снижение, не примитив, а восхождение толстовского слова» [Маймин, 1984: 145]. Выбор паремий в качестве названий может быть объяснён и адресацией произведений, это рассказы для народа и для детей. Поэтому Толстой употребляет языковые средства, понятные адресанту высказывания, на что указывает М.С. Альтман, сравнивая народные рассказы со сказками [Альтман, 1980: 85]. Л.Д. Опульская (1997) с этим соглашается лишь отчасти, считая, что в содержании и стиле народных рассказов переплетаются традиции древней учительной литературы и устного народного творчества, чем можно объяснить использование писателем пословиц с дидактической целью, поскольку они имеют «в своём значении идею всеобщности, иллокутивную семантику рекомендации или совета (нравоучения)» [Селиверстова, 2017: 35].

В основу сюжета рассказа «Упустишь огонь – не потушишь» (1885) легла история из жизни, о чём Толстой сделал запись в дневнике [см.: Толстой, 49: 61]. Писатель показывает жизнь двух крестьянских семей – Ивана Щербакова и Гаврилы Хромого. Спор, разгоревшийся из-за куриного яйца («*…всё дело… из-за яйца завязалось*»), повлёк ссору между этими семьями. Вражда усиливалась с каждым днём, и Гаврило поджёг Иванов сарай. Иван не стал тушить начавшийся пожар (т.е. *упустил огонь*), а, вместо того чтобы потушить пожар, решил догнать Гаврилу и отомстить ему. «*Снесло половину деревни*» (т.е. *не потушили*), пострадали и другие дворы. *«У Ивана… кроме лошадей в ночном, вся скотина сгорела, куры погорели на насестях, телеги, сохи, бороны, бабьи сундуки, хлеб в закромах, всё сгорело».* Отец Ивана неоднократно призывал

помириться («– *Поди, Ваня, не откладывай.* ***Туши огонь в начале, а разгорится – не захватишь***»), последний раз – перед смертью: «*Проживёте. С Богом жить будете – проживёте. <…> Смотри ж Ваня, не сказывай, кто зажёг. Чужой грех покрой. Бог два простит*». Иван выполняет наказ старика («Иван не сказал на Гаврилу»). В финале рассказа читаем: «*И помнит Иван Щербаков наказ старика и божье указанье, что* ***тушить огонь надо в начале***». В начале рассказа паремия употребляется в переносном значении «Не досмотришь, пропустишь момент, не заметишь вовремя что-л., грозящее неприятностями, опасностью, будет поздно принимать меры предосторожности» [Жуков, 1967: 470], последние слова старика, сказанные перед смертью, включают парцеллированный вариант пословицы *Чужой грех покрой. Бог два простит* (ср.: *Чужой грех прикрой, свой отпустится* – ТСД, т. 3: 1099), которая выполняет экспрессивную функцию, служит для усиления высказывания. Неслучайным кажется, что именно в уста отца Ивана, самого старого из героев рассказа, писатель вкладывает основную мысль – надо вовремя решать появившуюся проблему, без промедления, иначе можно опоздать. Таким образом, пословица употребляется в двух значениях: прямом (буквальном) и переносном и выполняет текстообразующую и жанрообразующую функции.

Источник рассказа «Вражье лепко, а божье крепко» (1885) не установлен. Существует мнение, что Толстой пересказал предание, которое услышал от башкир, когда жил в самарской степи [Опульская, 1997: 354]. Рассказ имеет притчевый характер, поэтому «действующие лица… не имеют не только внешних черт, но и “характера” в смысле замкнутой комбинации душевных свойств: они предстают перед нами… как субъекты этического выбора» [Литературный…, 1987: 305]. Противопоставляются две этические категории – добро и зло. Зло отождествляет дьявол, добро – добрый хозяин (господин). Когда «*досадно стало дьяволу, что живут хорошо и по любви рабы с господином своим*», он завладевает одним из рабов господина, Алебом. Алеб старается рассердить господина, для чего ловит лучшего барана в овчарне. Хозяин не стал мстить рабу, а отпустил его на волю, одарив праздничной одеждой. Замысел дьявола не удался, «*пошёл добрый господин с гостями домой. А дьявол заскрежетал зубами, свалился с дерева и*

провалился сквозь землю». Добро в итоге побеждает зло, что согласуется с системой общечеловеческих ценностей и библейскими заповедями, что отвечает и авторским идеям, и сути толстовских исканий 1880-х гг. Выбор пословицы в качестве названия объясняется жанрологически, поскольку писатель утверждает нравственные ценности, что воплощается «с учётом развития в цикле важнейшей толстовской идеи – движения к идеальному миру» [Бурдина, 1992: 68]. Таким образом, пословица толкуется посредством создания рассказа, писатель иллюстрирует толкование представленными образами.

Рассказ «Где любовь, там и Бог» (1885) представляет литературно обработанный перевод рассказа французского писателя Р. Сайяна. Как и предыдущий, это рассказ-притча. Толстой знакомит читателя с историей сапожника Мартына Авдеича, который «*по сапогам узнавал людей*», «работал… прочно, товар ставил хороший, лишнего не брал и слово держал». Когда Мартын похоронил жену, сына, отчаялся, «*стал на бога роптать*», «просил у Бога смерти». Встреченный земляк-странник переубедил Мартына («*…Мартын, нельзя божьи дела судить. Не нашим умом, а Божьим судом». <…> «– Для Бога, Мартын, жить надо*»). Купил Мартын Новый Завет и стал читать каждый день. Укрепился Мартын в вере, «легче ему становилось на сердце». Однажды он задремал и услышал во сне голос, с того дня он ждал появления Христа и стал помогать людям: то дворника Степаныча чаем напоил, то накормил и обогрел бедную женщину с ребёнком, то защитил незнакомого мальчика, своровавшего яблоко у старухи-торговки, заставив его просить у неё прощения. В каждом из этих людей Мартын Авдеич «узнаёт» Бога и начинает жить по Священному Писанию, помогая и сострадая ближним. Как и в предыдущем, в этом рассказе заглавие-паремия выполняет жанрологическую функцию путём смены похожих эпизодов Толстой утверждает истину: любовь к людям – это любовь к Богу. Показательным является и включение в реплику земляка-странника единиц, которые содержат компонент Бог и однокоренное прилагательное: пословицы *Не нашим умом, а Божьим судом* и фразеологизма *для Бога*.

Рассмотренные нами народные рассказы «Вражье лепко, а божье крепко», «Упустишь огонь – не потушишь», «Где любовь,

там и Бог» имеют заглавия-паремии, что объясняется, в первую очередь, жанрологически. Писатель использует языковые средства, понятные простому народу. Кроме того, дидактизм, морализаторство, характерные для жанра притчи, предполагают выбор языковых формул-постулатов, которыми и являются паремии. Нарратор в каждом рассказе показывает справедливость высказанной в названии мысли, которая близка и его авторскому *я*.

§ 2. Фразеология в роли смысловых доминант языка Л.Н. Толстого

При анализе художественного текста А.Б. Есин считает первостепенным выделение содержательных доминант произведения. Под ними понимаются «те свойства художественного содержания, которые объединяют все его конкретные элементы, тот проблемно-смысловой стержень, который обеспечивает системно-целостное единство содержания», «те организующие параметры, которые «пронизывают» все содержательные элементы» [Есин, 2000: 116]. Для обозначения этих элементов текста исследователи используют различные термины: *опорные элементы* (В.В. Одинцов), *ключевые слова* (Н.А. Николина, Л.Н. Чурилина), *ключевой элемент* (А.В. Пузырёв), *ключевые знаки* (В.А. Лукин), *смысловые опорные пункты* (А.А. Смирнов), *смысловые вехи* (А.Н. Соколов), *смысловые ядра* (А.Р. Лурия), *смысловые доминанты* (М.А. Фокина), *рематическая доминанта* (О.И. Ревуцкий). Л.Н. Чурилина *ключевым* называет слово как единицу текста, функционально предназначенную маркировать ситуацию общения с ориентирами на внешнего адресата [Чурилина, 2000: 32-42].

Многие исследователи говорят о связи ключевых слов с факторами порождения и восприятия текста. В.А. Кухаренко пишет, что «восприятие слова как ключевого всегда ретроспективно, ибо происходит с опорой на целый текст» [Кухаренко, 1985: 100]. В.А. Лукин обращает внимание на герменевтическое значение ключевых слов, которые служат для уточнения понимания текста и представляют собой свёрнутую информацию [Лукин, 2004: 174]. При этом исследователь отдельно рассматривает значение ключевых знаков для понимания художественного и нехудожественного текста. В художественном тексте ключевой знак становится силь-

ной позицией текста, а средством его понимания является сам текст как целое. «Чем текст семантически сложнее, тем вероятнее появление у его ключевых знаков наряду с функцией «служить пониманию» функции «служить средством интерпретации»» [Лукин, 2004: 177].

Н.А. Николина также выделяет значение ключевых знаков в понимании художественного текста, которые устанавливают внутритекстовые семантические связи и формируют читательское восприятие. Н.А. Николина называет следующие признаки ключевых слов: многозначность, семантическую осложнённость, реализацию в тексте их парадигматических, синтагматических и словообразовательных связей [Николина, 2003: 186]. «Восприятие слова как ключевого всегда ретроспективно, ибо происходит с опорой на целый текст» [Кухаренко, 1985: 100]. Кроме того, необходима дифференциация ключевых слов среди других единиц текста, т.е. определение их повторяемости / частотности.

Повтор как художественный приём широко встречается в фольклоре и отличается традиционностью. В.В. Тимохин, описывая семантику и структуру повторов в текстологии А.П. Чехова, выделяет ситуативный, сюжетный, словесный варианты повторов [Тимохин, 2009: 223]. Эту же классификацию можно использовать и при изучении творчества других мастеров слова. В авторских текстах повтор показывает писательские предпочтения, а иногда характеризует креативность языковой личности писателя. Повторяющиеся единицы могут образовывать событийные ряды, служащие средством создания сюжетной линии произведения, композиционного рисунка.

Повторяющиеся слова, получившие название ключевых, могут составлять основу художественного текста в структурном отношении. По наблюдениям М.А. Фокиной, «полные и частичные фразеологические повторы обеспечивают локальную и глобальную связность, определяют композицию произведения, а также актуализируют последовательное развитие тема-рематических отношений художественного текста» [Фокина, 2007: 8], что позволяет говорить о жанрообразующей и текстообразующей функциях употребляемых сверхсловных единиц. М.Р. Проскуряков вводит понятие фразеологической доминанты художественного текста, по аналогии можно использовать термин пословичная доминанта –

употребление пословицы в роли так называемого ключевого слова, служащего для выражения авторского замысла [Проскуряков, 2000]. Фразеологические / пословичные доминанты проявляют свою специфику в контекстуальном окружении, т.е. в дискурсивной практике определённого автора, а не в языковой системе в целом.

В качестве ключевых слов могут выступать и повторяющиеся сверхсловные единицы (словосочетание, предложение, сверхфразовое единство, а также фразеологизмы, паремии), которые становятся содержательными доминантами текста и представляют собой своего рода метатекст. Доминантами текста могут становиться символы, вербализуемые словами и фразеосредствами языка. В связи с этим не совсем корректным представляется употребление термина *ключевое слово*, предпочтительнее, на наш взгляд, использование термина *смысловая доминанта текста*.

Представим примеры употребления ФЕ и пословиц как смысловых доминант текста в языке Л.Н. Толстого.

Жанровая принадлежность текста во многом предопределяет репертуар языковых единиц. Роман, представляя собой развёрнутое повествование с несколькими сюжетными линиями, может включать примеры использования символики, вербализованной различными языковыми единицами и в пределах как минимального (горизонтального), так и максимального (вертикального) контекста. Например, в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина», где одной из доминирующих является сюжетная линия любовного треугольника Вронский – Анна – Каренин, писатель активно привлекает символику контекстуальных синонимов *сеть – паутина* с общей семой ‘любовная ловушка’ и ФЕ *опутать сетями*:

Но главная забота её всё-таки была она сама – она сама, насколько она дорога Вронскому, насколько она может заменить для него всё, что он оставил. Вронский ценил это, сделавшееся единственною целью её жизни, желание не только нравиться, но служить ему, но вместе с тем тяготился теми любовными ***сетями****, которыми она старалась* ***опутать*** *его. Чем больше происходило времени, чем чаще он видел себя* ***опутанными*** *этими* ***сетями****, тем больше ему хотелось не то что выйти из них, но попробовать. Не мешают ли они его свободе* («Анна Каренина», ч. 6, гл. XXV; 19: 220).

Я знаю его, я знаю, что он, как рыба в воде, плавает и наслаждается во лжи. Но нет, я не доставлю ему этого наслаждения, я ***разорву*** *эту его* ***паутину лжи****, в которой он меня хочет опутать; пусть будет что будет. Всё лучше лжи и обмана!»*

«Но как? Боже мой! Боже мой! Была ли когда-нибудь женщина так несчастна, как я?..»

– Нет, ***разорву, разорву****! – вскрикнула она, вскакивая и удерживая слезы. И она подошла к письменному столу, чтобы написать ему другое письмо. Но она в глубине души своей уже чувствовала, что она не в силах будет ничего* ***разорвать****, не в силах будет выйти из этого прежнего положения, как оно ни ложно и ни бесчестно* («Анна Каренина», ч. 3, гл. XVI; 18: 309).

В первом контексте ФЕ *опутать сетями* употребляется дважды, что представляет собой экспрессивный повтор, во втором – писатель образует по данной модели окказиональную ФЕ антонимического характера *разорвать паутину*, используя эксплицирование компонентом *лжи*, тем самым уточняя смысл. Во втором примере *разорвать* представляет собой «осколок» ФЕ, мы наблюдаем пример «свёртывания» ФЕ без изменения плана содержания.

«Символика сети, вербализованная в данных контекстах лексико-фразеологическими средствами, помогает представить концептуальное содержание всего романа в целом и уточняет содержание концепта *любовь как ловушка*» [Ломакина, 2017: 206].

Пьеса «От ней все качества» (1910) представляет собой зарисовку из крестьянского быта и носит, как и многие произведения Л.Н. Толстого, характер дидактизма. Писатель снова говорит об одной из проблем пореформенной России – пьянстве, указывая на это в названии, которое следует понять следующим образом: от водки все пороки [Виноградов, 1994]. Персонажи пьесы – люди из народа, крестьяне, чья живая речь является одним из средств выразительности. Это обусловлено выбором жанра, где прямая речь героев – преобладающее средство передачи авторского замысла. В репликах действующих лиц отражена естественность разговорной речи, в которой слова, фразеологизмы и паремии функционируют по законам национального языка изображаемой эпохи. Глубокое внимание и проникновенное уважение писателя к языку простого народа позволили Л.Н. Толстому использовать своеобра-

зие народной речи не как экзотическое вкрапление, а как органически стройное целое. Общее представление от пьесы складывается благодаря ясности, простоте речи героев.

Как и в других народных драмах, в пьесе «От ней все качества» фразеологизмы несут смысловую нагрузку. Рассмотрим контекстуальное употребление пары *наш брат – наша сестра*:

Тарас. *Да ведь и* ***ваша сестра*** *тоже. Человек выпил. Ну что ж, дай покуражится, выспится, опять всё чередом пойдёт. А* ***ваша сестра*** *тут-то и перечит.*

Марфа. *Что хошь делай. Если пьяный, все не по нём.*

Тарас. *Да ведь всё надо понимать.* ***Нашему брату*** *тоже нельзя другой раз не выпить. Ваше дело бабье – домашнее, а* ***нашему брату*** *нельзя – али по делу, али в компании. Ну и выпьет, авось беды нет.*

Марфа. *Да тебе хорошо говорить, а* ***нашей сестре*** *трудно. Ох, трудно. Кабы* ***вашего брата*** *хоть на недельку бы в нашу должность впрячь. Вы бы не то заговорили. И меси, и пеки, и вари, и пряди, и тки, и скотина, и все дела, и этих голопузых обмыть, одеть, накормить, всё на* ***нашей сестре****, – а чуть что не по нём, сейчас. Особенно выпивши. Ох, житьё наше бабье…* («От ней все качества», д. 1, явл. 2; 38: 218).

Приведённый фрагмент пьесы представляет собой фразеологическую конфигурацию, содержащую 5 ФЕ, построенных по одной модели и употребляющихся в узуальном значении [Ср.: *наш брат* – «Мы и нам подобные» (ФСРЛЯ, т. 1: 42), *наша сестра* – «Мы и нам подобные женщины» (ФСРЛЯ, т. 2: 235), *ваш брат* – «Вы и вам подобные» (ФСРЛЯ, т. 1: 42), *ваша сестра* – «Вы и вам подобные» (ФСРЛЯ, т. 2: 235)]. Эти ФЕ отражают типичные представления говорящих. Расположение пары *наш брат – наша сестра* в репликах разных персонажей создаёт тематическое единство: и Тарас, и Марфа говорят о проблеме пьянства. При этом каждый из действующих лиц отстаивает свою точку зрения, как бы «презентуя» проблемы своего пола. Так писатель при помощи фразеологизмов и лексико-фразеологических коррелятов *ваше дело бабье; в нашу должность впрячь; меси, и пеки, и вари, и пряди, и тки, и скотина, и все дела, и этих голопузых обмыть, одеть, накормить; житьё наше бабье* характеризует жизнь героев, противопоставляя праздное времяпрепровождение мужчин, которое

сводится к выпивке, и полный непосильного труда, бесконечных забот быт женщин, что передаётся при помощи ряда однородных членов. Таким образом, писатель употребляет фразеологизмы *наш брат наша сестра*, *ваш брат* в качестве смысловых доминант для противопоставления жизни мужчин и женщин, что было характерно для языка XIX в.[8]

Статья «К рабочему народу» была опубликована в 1902 г., хотя замысел написания появился раньше, когда проходили массовые крестьянские волнение. Л.Н. Толстой даже обращался с письмом к императору Николаю II, чтобы российское правительство уничтожило земельную собственность. Как и в других публицистических статьях, писатель рассуждает на злободневную тему: Толстой убеждён, что жить надо согласно христианским заповедям, он призывает: «*Ищите царства божия и правды его*, *и всё остальное приложится вам*» («К рабочему народу», XV; 35: 148). Статья носит характер проповеди: с целью воздействия писатель пользуется тропеическими средствами, риторическими приёмами, стремится завладеть вниманием читателя, обратить внимание на проблему, которой посвящено повествование. Он пользуется повтором – одним из выразительных приёмов, используемых в проповеди[9]. Наряду с анафорическим повтором писатель строит повествование при помощи смысловых доминант, наиболее яркой из которых является ФЕ *дурное дело* (13):

Я предлагаю не стачку, а то, чтобы рабочие отказались от участия в войсках, производящих насилие над их братьями, и от работ на землях помещиков и найма их не потому, что это для рабочих невыгодно и производит их порабощение, а потому, что участие это есть ***дурное дело****, от которого должен воздерживаться всякий человек так же, как должен воздерживаться не только от самого убийства, воровства, грабежа и т. п., но и от участия в этих делах. В том же, что участие в беззаконии земельной собственности и поддержание её есть* ***дело дурное****, не может быть никакого сомнения, если только рабочие вдумаются во всё значение, такого своего участия в земельной собствен-*

[8] На распространённость в русской литературе XIX в. ФЕ *наш брат* обращает внимание Н.Н. Баскакова [Баскакова, 2011: 256].
[9] О средствах выразительности в проповеди [Прохватилова, 2011].

ности не работающих. Ведь поддерживать земельную собственность помещиков – значит быть причиной лишений и страданий тысяч народа и недостаточно питающихся, и через силу работающих, и преждевременно умирающих стариков и детей, только оттого, что не дают земли, захваченной помещиками. А если таковы последствия владения землёю помещиков, а что они таковы, это ясно всякому, то ясно и то, что участие во владении землёю помещиков и поддержание его есть ***дурное дело****, от которого должен воздерживаться всякий человек. Сотни миллионов людей без всякой стачки считают* ***дурным делом*** *ростовщичество, распутство, насилие над слабыми, воровство, убийство и многое другое и воздерживаются от этих дел. То же самое должны бы рабочие люди делать по отношению земельной собственности. Они сами же видят всё беззаконие такой собственности и считают его скверным, жестоким делом. Так зачем же они не только принимают участие в нём, но поддерживают его?* («К рабочему народу», IX; 35: 135)

Никак нельзя предвидеть, какое именно произведёт изменение в устройстве общества сознание рабочими того, что участие в земельной собственности есть ***дурное дело****, но несомненно, что изменения эти произойдут тем более значительные, чем больше будет распространено это сознание* («К рабочему народу», X; 35: 136).

Изменения, которые могут и должны произойти во владении землёю вследствие сознания рабочих беззакония участия в земельной собственности, могут быть очень разнообразны, и трудно предвидеть, какие именно они будут, но одно несомненно, что ни одно искреннее усилие человека поступить в этом деле побожьи или по совести не пропадёт даром.

«Что я сделаю один против всех?» – часто говорят люди, когда им предстоит поступок, не одобряемый большинством. Этим людям кажется, что для успешности дела нужно быть всем или, по крайней мере, многим, но многим нужно быть только ***для дурного дела****. Для хорошего же дела достаточно быть одному, потому что Бог всегда с тем, кто делает хорошее дело. А с кем Бог, с тем рано или поздно будут и все люди.*

Во всяком случае все улучшения в положении рабочих произойдут только оттого, что они сами будут поступать

более согласно с волей Бога, более по совести, т. е. более нравственно, чем они поступали прежде («К рабочему народу», X; 35: 136-137).

Пытались и пытаются рабочие освободиться каждый отдельно тем, что поддерживают беззаконие земельной собственности, которое сами же они осуждают, и если положение некоторых – и то не всегда и не надолго – и улучшается от такого участия в ***дурном деле****, положение всех от этого только ухудшается* («К рабочему народу», XI; 35: 137).

«Но нужда, – скажут на это. – Как бы ни был убеждён человек в беззаконии земельной собственности, трудно ему удержаться от того, чтобы не пойти, будучи солдатом, туда, куда его посылают, и не работать на помещика, если эта работа может дать молоко его голодным детям. Или как воздержаться крестьянину от найма помещичьей земли, когда у него полдесятины на душу, и он знает, что ему с своей семьей не прокормиться той землёю, которой он владеет?» Правда, что очень трудно и то, и другое, и третье, но ведь такая же трудность во всяком воздержании от ***дурного дела****. А между тем люди большею частью воздерживаются от* ***дурных дел****. Здесь же воздержание менее трудно, чем в большей части* ***дурных дел****, вред же от* ***дурного дела****, участия в земельном захвате, более очевиден, чем во многих* ***дурных делах****, от которых воздерживаются люди* («К рабочему народу», XIII; 35: 139-140).

Если бы только все рабочие вполне понимали, что работа на помещиков и наём их земель есть ***дурное дело****, то людей, работающих на землях помещиков и нанимающих земли, становилось бы всё меньше и меньше* («К рабочему народу», XIII; 35: 140).

В контексте статьи «К рабочему народу» ФЕ *дурное дело* приобретает значение «плохое, скверное дело, жизнь не по Божьему закону, не по совести». Выбором жанра объясняется композиция статьи: последняя XV глава представляет собой итог: Толстой обобщает всё сказанное, используя лексему *дурное*, в данном контексте – «осколок» ФЕ, мы наблюдаем пример «свёртывания» пословицы. Кроме того, писатель суммирует сказанное путём семантизации осколка *дурное* при помощи союза *то есть*, представляющего тождественные отношения в высказывании и придающего его второй части характер уточнения. Так представлена мета-

языковая функция, реализуемая в проповеди, которая характерна для фразеологии языка Л.Н. Толстого вне зависимости от жанровой принадлежности текста:

Приобрести её вы можете не бунтами, от которых избави вас Бог, не демонстрациями, не стачками, не социалистическими депутатами в парламентах, а только неучастием в том, что вы сами считаете ***дурным****, т. е. не поддерживать беззакония земельной собственности как насилиями, производимыми войсками, так и работами на помещичьих землях или наймом их* («К рабочему народу», XV; 35: 147).

В конце статьи Толстой употребляет ФЕ *делать дурное* и образует по модели ФЕ *делать хорошее*, что представляет собой пример дихотомии хорошо – плохо и образует антитезу, что так же характерно для жанра проповеди. Заканчивается абзац авторским афоризмом, выступающим одной из сильных позиций текста, подводя итог высказыванию:

Так что для достижения истинного блага человеку нужно заботиться не об изменении внешних условий, а об изменении только себя: нужно перестать ***делать дурное****, если он делал его, и начать делать хорошее, если он не делал его. Все двери, ведущие людей к истинному благу, отворяются всегда только* на себя («К рабочему народу», XV; 35: 148).

Кроме того, следует выделить другие смысловые доминанты, содержащиеся в последней главе статьи и относящиеся к библейской фразеологии, *перестать служить мамону и начать служить Богу* (ср.: *служить Богу и мамоне*) и *Познаете истину, и истина сделает вас свободными*. В первом контексте при употреблении БФЕ прослеживается двучленность структуры, что позволяет говорить о бинарности как одном из признаков проповеди, во втором находит отражение другой признак – лексический повтор лексемы *благо* и компонента БФЕ *истина* в пределах предложения:

А потому рабочим для того, чтобы освободиться от того угнетения, в котором их держат правители и богатые, есть только одно средство: отказаться от тех основ, которыми они руководствуются в своей жизни, т. е. ***перестать служить мамону и начать служить Богу*** («К рабочему народу», XV; 35: 148).

*А поймёте то, что для вашего истинного блага вам нужно только жить по закону Бога братскою жизнью, делая другим то, что вы хотите, чтобы вам делали, и в той мере, в которой вы поймёте это, а поняв исполните, осуществится и то благо, которого вы желаете, и уничтожится ваше рабство: «**Познаете истину, и истина сделает вас свободными**»* («К рабочему народу», XV; 35: 150).

Таким образом, выстраивается логический ряд, построенный на антитезе: служение Богу есть средство познания истины. Выбор КВ-библеизмов мотивирован не только принципами дидактизма и морализаторства, характерными для писателя, но и жанрологически.

В XIX главе (т. IV, ч. 2) романа-эпопеи «Война и мир» БФЕ *земля обетованная* выполняет текстообразующую функцию в пределах главы.

*Нужно представление **об обетованной земле** для того, чтобы иметь силы двигаться*. <…> ***Обетованная земля** при наступлении французов была Москва, при отступлении была родина* («Война и мир», т. IV, ч. 2, гл. XIX). *Они, и те, которые знали, и те, которые не знали, одинаково обманывая себя, как **к обетованной земле**, стремились к Смоленску*. («Война и мир», т. IV, ч. 2, гл. XIX; 12: 115-116).

Военная ситуация кардинально меняется: Наполеон ушёл из Москвы. По мере отступления французской армии происходит её разложение: резко уменьшился количественный состав войск, нет провианта, теперь мнимой (а в результате – гибельной) целью становится Смоленск. БФЕ *обетованная земля* употребляется в значении «Место, куда кто-либо страстно мечтает и стремится попасть; предмет страстных желаний, устремлений, надежд и т.п.». Повторение одной и той же единицы усиливает экспрессию. Писатель последующими словами конкретизирует значение, вследствие чего образуется контраст *Москва – родина*.

Рассмотрим функционирование пословицы *Старая хлеб-соль помнится* в сказке Л.Н. Толстого «Волк и мужик» (1875).

Гнались за волком охотники. И набежал волк на мужика. Мужик шёл с гумна и нёс цеп и мешок.

Волк и говорит: «Мужик, спрячь меня, – меня охотники гонят». Мужик пожалел волка, спрятал его в мешок и взвалил на

плечи. Наезжают охотники и спрашивают мужика, не видал ли волка?

– Нет, не видал.

Охотники уехали. Волк выскочил из мешка и бросился на мужика, хочет его съесть. Мужик и говорит:

– Ах, волк, нет в тебе совести: я тебя спас, а ты ж меня съесть хочешь. – А волк и говорит:

– ***Старая хлеб-соль не помнится.***

– Нет, старая хлеб-соль помнится, хоть у кого хочешь спроси, – всякий скажет, что ***помнится.*** *– Волк и говорит:*

– Давай, пойдём вместе по дороге. Кого первого встретим, спросим: ***забывается ли старая хлеб-соль или помнится****? Если скажут:* ***помнится****, – я пущу тебя, а скажут:* ***забывается****, – съем.*

Пошли они по дороге, и повстречалась им старая, слепая кобыла. Мужик и спрашивает: «Скажи, кобыла, что, ***помнится старая хлеб-соль или забывается****?»*

Кобыла говорит:

– Да вот как: жила я у хозяина двенадцать лет, принесла ему двенадцать жеребят, и всё то время пахала да возила, а прошлым годом ослепла и всё работала на рушалке; а вот намедни стало мне не в силу кружиться, я и упала на колесо. Меня били, били, стащили за хвост под кручь и бросили. Очнулась я, насилу выбралась, и куда иду – сама не знаю. – Волк говорит:

– Мужик, видишь – ***старая хлеб-соль не помнится****.*

Мужик говорит:

– Погоди, ещё спросим.

Пошли дальше. Встречается им старая собака. Ползёт, зад волочит.

Мужик говорит:

– Ну, скажи, собака, ***забывается ли старая хлеб-соль или помнится****?*

– А вот как: жила я у хозяина пятнадцать лет, его дом стерегла, лаяла и бросалась кусаться; а вот состарилась, зуб не стало, – меня со двора прогнали, да ещё зад оглоблею отбили. Вот и волочусь, сама не знаю куда, подальше от старого хозяина.

Волк говорит:

– Слышишь, что говорит?

А мужик говорит:

– Погоди ещё до третьей встречи.

И встречается им лисица. Мужик говорит: «Скажи, лиса, что, ***помнится старая хлеб-соль или забывается****?»*

А лиса говорит:

– Тебе зачем знать?

А мужик говорит:

– Да вот бежал волк от охотников, стал меня просить, – и я спрятал его в мешок, а теперь он меня съесть хочет.

Лисица и говорит:

– Да разве можно большому волку в такой мешок уместиться? Кабы я видела, я бы вас рассудила.

Мужик говорит:

– Весь поместился, хоть у него сама спроси.

И волк сказал: «Правда».

Тогда лисица говорит:

– Не поверю, пока не увижу. Покажи, как ты лазил.

Тогда волк всунул голову в мешок и говорит: «Вот как».

Лисица говорит:

– Ты весь влезь, а то я так не вижу.

Волк и влез в мешок. Лисица и говорит мужику: «Теперь завяжи». Мужик завязал мешок. Лисица и говорит:

– Ну теперь покажи, мужик, как ты на току хлеб молотишь. – Мужик обрадовался и стал бить цепом по волку.

*А потом говорит: «А посмотри, лисица, как на току хлеб отворачивают», – и ударил лисицу по голове и убил, а сам говорит: «****Старая хлеб-соль не помнится****!»* («Волк и мужик»; 21: 269).

Паремия *Старая хлеб-соль помнится* положена в основу сказки «Волк и мужик». Писатель показывает, что людям свойственно менять своё мнение в зависимости от ситуации, в которую они попадают. Мужик, изначально провозгласивший, что *Старая хлеб-соль помнится*, т.е. пресуппозитивно представляющий: всё хорошее не забывается, в концовке сказки опровергает смысл пословицы. Тезис подтверждается ходом повествования: герои, встречающиеся мужику и волку, иллюстрируют ту жизненную закономерность, которую хочется отрицать как противоречащую здравому смыслу. Кобыла, 12 лет работавшая у хозяина, была за-

бита и брошена под кручь, собаку, 15 лет служившую верой и правдой, прогнали со двора. Когда же мужик встретил лису, олицетворяющую в русских народных сказках хитрость, изворотливость, та со свойственной ей ловкостью подсказывает ему выход из сложившейся ситуации. Правота волка, опровергаемая мужиком в ходе повествования, находит подтверждение в концовке сказки: мужик поступает так же подло, как и волк. В итоге повествования своим поступком мужик подтверждает позицию волка, а паремия опровергается: *Старая хлеб-соль не помнится*. Отрицание значения глагола *помнится* выражается частицей *не*, которое в данном случае служит одним из факторов организации читательского восприятия, что часто используется авторами. По словам И.В. Арнольд, «отрицательные предложения встречаются в среднем во много раз реже, чем утвердительные, их появление оказывается особо информативным» [Арнольд, 1981: 174].

В основе повествования лежит антитеза: *Старая хлеб-соль помнится / Старая хлеб-соль не помнится [забывается]*. Эта пословица, повторяющаяся 9 раз, становится смысловой доминантой анализируемой сказки и характеризует позицию героев. Смысловые корреляты пословицы, содержащиеся в репликах персонажей, актуализируют её содержание. Компонент «не помнится» раскрывается следующим образом: в реплике лошади глаголами *били, били, стащили за хвост под кручь и бросили*, собаки – фразеологизмом *со двора прогнали* и предложением *зад оглоблею отбили*. Если в ходе повествования пословица представляет собой вопрос, то в концовке сказки пословица – уже неопровержимое утверждение: «*А потом говорит: «А посмотри, лисица, как на току хлеб отворачивают»,– и ударил лисицу по голове и убил, а сам говорит: «**Старая хлеб-соль не помнится**!»*

Анализ контекстуального использования пословицы показал, что она является текстообразующим и сюжетообразующим средством, которое формирует пространство сказки и его семантику, т.е. становится смысловой доминантой. Повторяемость придаёт повествованию ритмический характер, организуя диалоги персонажей, и обеспечивает динамику действия.

В пьесе «Плоды просвещения» (1890) паремия *Земля наша малая, не то что скотину, – курицу, скажем, и ту выпустить некуда* употребляется 6 раз. Приведём контексты:

Леонид Федорович. *То было прошлого года; тогда я соглашался, а теперь не могу...*

2-й мужик. *Да как же так? Обнадёжил, мы и бумагу выправили, и деньги собрали.*

3-й мужик. *Помилосердствуй, отец.* ***Земля наша малая, не то что скотину, – курицу, скажем, и ту выпустить некуда***. (Кланяется.) *Не греши, отец!* (Кланяется.) («Плоды просвещения», д. 1, явл. 26; 27: 118).

Таня. *Да как же, Фёдор Иваныч, батюшка, надо же как-нибудь похлопотать за них. А я уж вымою заодно.*

Фёдор Иваныч. *Да ведь не сойдётся дело, я уж вижу.*

1-й мужик. *Как же, поштенный, наше дело в действие произвесть? Вы, ваше степенство, побеспокойтесь как-нибудь, а уж мы в награждение хлопот от миру благодарность представить можем вполне.*

3-й мужик. *Постарайся, соколик, жить нам нельзя.* ***Земля малая, – не то что скотину, а курицу, скажем, и ту выпустить некуда*** («Плоды просвещения», д. 1, явл. 52; 27: 143).

Фёдор Иваныч. *Не боится, а тоже согласия нет.*

3-й мужик. *А ты бы, отец, постарался, а то как нам жить?* ***Земля малая***... («Плоды просвещения», д. 2, явл. 1; 27: 153).

Фёдор Иваныч. *Да вот посмотрим, что выйдет от Татьяниных хлопот. Ведь она взялась.*

3-й мужик (пьёт чай). *Отец, помилосердствуй!* ***Земля малая, не токмо скотину, – курицу, скажем, и ту выпустить некуда***.

Фёдор Иваныч. *Да кабы в моих руках дело было* («Плоды просвещения», д. 2, явл. 1; 27: 153).

Василий Леонидыч. *А вы не скупитесь. Земля – дело важное. Я вам говорил – мяту. А то можно табак ещё.*

1-й мужик. *Это двистительно, всякие продухты можно.*

3-й мужик. *А ты, отец, попроси батюшку. А то как жить?* ***Земля малая, – курицу, скажем, и ту выпустить некуда*** («Плоды просвещения», д. 2, явл. 15; 27: 178).

Фёдор Иваныч. *Да благодарите Таню. Кабы не она, быть бы вам без земли.*

1-й мужик. *Двистительно, как изделала предлог, так и в действие произвел*а.

3-й мужик. *Она нас людьми изделала; а то бы что?* ***земля малая, не то что скотину, – курицу, скажем, и ту выпустить некуда****. Прощевай, умница! Приедешь на село, приходи мёд есть* («Плоды просвещения», д. 4, явл. 25; 27: 249).

Показательно, что в этом произведении писатель не даёт имена мужикам, лишь перечисляет их по порядку: первый, второй, третий. У каждого мужика свой речевой портрет. Таким образом, единственным средством характеристики персонажей-выходцев из народа является язык. Третий мужик, «нервный и беспокойный» (по ремарке писателя), часто повторяет одни и те же слова (*на фатеру, говорил, обождали, подождали*), однако эти повторы не несут никакой смысловой нагрузки и показывают монотонность речи персонажа. Вместе с тем Л.Н. Толстой вкладывает в уста третьего мужика паремию *Земля малая, – курицу, скажем, и ту выпустить некуда*: 5 раз она употребляется без лексических изменений, один раз в усечённом виде (*Земля малая...*), рассредоточена по тексту пьесы. В контексте произведения данная паремия выполняет концептообразующую функцию (существует мнение, что благодаря Толстому эта фраза стала крылатой [Ямпольский, 1970]). На наш взгляд, в данном случае писатель не просто использует паремиологический фонд языка, а выражает своё отношение к земельному вопросу, остро стоявшему в пореформенной России и волновавшему Л.Н. Толстого.

Наряду со смысловыми доминантами конкретных текстов, следует обратиться к выделению смысловых доминант всего творчества писателя или отдельного периода – тезаурусообразующих единиц, на описании которых остановимся.

В текстологии Л.Н. Толстого фразеологизм французского происхождения *comme il faut*[10] является одной из тезаурусообразующих единиц, частотность – 39 употреблений в художественных текстах: в рассказе «Разжалованный (Из кавказских воспоминаний)» (1856) – 1, в повестях «Отрочество» (1854) – 2,

[10] «Семантически нагруженное появление» и частотность употребления ФЕ *comme il faut* дали основание Ю.В. Архангельской назвать её ключевой ФЕ [Архангельская, 2008: 100].

«Юность» (1857) – 27, «Исповедь» (1882) – 1, «Смерть Ивана Ильича» (1886) – 1, в романах «Война и мир» (1867–1869) – 2, «Анна Каренина» (1878) – 2, «Воскресение» (1899) – 3. Таково название одной из глав в повести «Юность», где эта ФЕ повторяется 20 раз. Кроме того, писатель использует транслитерированный вариант ФЕ – агглютинацию: *comme il faut* → *комильфотный* → *комильфотность*. По сравнению с текстами художественной литературы употребление данного галлицизма единично в дневниках, письмах, автобиографическом произведении «Исповедь»[11]. Наиболее полно диапазон значений представлен в «Словаре…» А.М. Бабкина и В.В. Шендецова: «1. Как нужно, как необходимо; исправно. 2. Настоящий, -ая, -ее; подлинный, -ая, -ое (в роли определения при сущ.). 3. Порядочный, -ая, -ое (в роли определения при сущ.). О человеке. || Принадлежащий к «хорошему обществу»; светский, благовоспитанный. 4. Приличный, -ая, -ое (в роли определения при сущ.). О манерах, поведении, предметах. || В роли сущ. 5. Порядочность. || Благовоспитанность, «светскость». 6. Порядочно, прилично». Лексикографы также фиксируют дериват *comme il faut'ный* и ФЕ-антоним *comme il ne faut pas* (Бабкин, т. 1: 273).

Приведём несколько примеров контекстуального употребления этого галлицизма, реализующего своё значение в контексте:

Моё любимое и главное подразделение людей в то время, о котором я пишу, было на людей ***comme il faut*** *и на* ***comme il ne faut pas****. Второй род подразделялся ещё на людей собственно не* ***comme il faut*** *и простой народ. Людей* ***comme il faut*** *я уважал и считал достойными иметь со мной равные отношения; вторых – притворялся, что презираю, но в сущности ненавидел их, питая к ним какое-то оскорбленное чувство личности; третьи для меня не существовали – я их презирал совершенно. Моё* ***comme il faut*** *состояло, первое и главное, в отличном французском языке и особенно в выговоре. Человек, дурно выговаривавший по-французски,*

[11] Существуют различные точки зрения о жанровой природе «Исповеди»: самостоятельный литературный жанр [Казанский, 2009], религиозно-философский трактат (так Н.Н. Гусев распределил произведения в ПСС Л.Н. Толстого).

тотчас же возбуждал во мне чувство ненависти («Юность», гл. XXXI; 2: 172-173).

*Кроме того, для Володи и меня Дубков имел двоякую прелесть – воинственной наружности и, главное, возраста, с которым молодые люди почему-то имеют привычку смешивать понятие порядочности (**comme il faut**) очень высоко ценимую в эти года. Впрочем, Дубков и в самом деле был тем, что называют «**un homme comme il faut**». Одно, что было мне неприятно, – это то, что Володя как будто стыдился иногда перед ним за мои самые невинные поступки, а всего более за мою молодость* («Отрочество», гл. XXV; 2: 67-68).

*Так называемые порядочные люди, **gens comme il faut**, ставя себя весьма высоко в собственном мнении, как скоро выходят из своей сферы и входят в сферу, в которой не ценятся условные достоинства порядочности, падают гораздо ниже людей непорядочных, которые, не гордясь ничем, стараются приобретать хорошее. Первые смотрят сверху и бездействуют, поэтому падают; вторые смотрят снизу и трудятся, поэтому влезают* (Дневник, VIII. Мысли, 16 октября 1853; 46: 286).

*Я помню, что порадовался, напротив, вашему суждению об одном из моих героев, князе Андрее, и вывел для себя поучительное из вашего осуждения. Он однообразен, скучен и только **un homme comme il faut** во всей 1-й части* (Письмо А.А. Фету, 7 ноября 1866 г.; 61: 149).

*Добрая тётушка моя, чистейшее существо, с которой я жил, всегда говорила мне, что она ничего не желала бы так для меня, как того, чтоб я имел связь с замужнею женщиной: «rien ne forme un jeune homme comme une liaison avec une femme **comme il faut**»* [Ничто так не образует молодого человека, как связь с порядочной женщиной]*; ещё другого счастия она желала мне, – того, чтоб я был адъютантом, и лучше всего у государя; и самого большого счастья – того, чтоб я женился на очень богатой девушке и чтоб у меня, вследствие этой женитьбы, было как можно больше рабов* («Исповедь», II; 23:4-5).

Представим случаи употребления этого галлицизма в транслитерированном виде.

В приведённом ниже примере речь идёт о сенаторе Вольфе, прилагательное *комильфотный*, представляющее собой пример

отфразеологической лексемы, имеет значение «обусловленный принадлежностью к “хорошему”, высшему обществу».

Вольф с ласковой и несколько насмешливой улыбкой – это была его манера: невольное выражение сознания своего ***комильфотного*** *превосходства над большинством людей, – остановившись в своей прогулке по кабинету, поздоровался с Нехлюдовым и прочел записку* («Воскресение», ч. 2, гл. XVI; 32: 258)

В следующем контексте это прилагательное приобретает несколько другой оттенок: «характерный для того, кто принадлежит к другому, высшему сословию».

Но ещё более возбуждали во мне эту ***комильфотную*** *ненависть интонации, которые они делали на некоторые русские и в особенности иностранные слова: они говорили м'ашина вместо маш'ина, де'ятельность вместо д'еятельность, н'арочно вместо нар'очно, в камин'е вместо в кам'ине, Ш'експир вместо Шексп'ир, и т. д.* («Юность», гл. XLIII; 2: 215)

Существительное *комильфотность* в следующих контекстах имеет значение «воспитанность, светскость»:

Поговорив ещё о графине Катерине Ивановне и её увлечении новым религиозным направлением, которое Владимир Васильевич не осуждал и не оправдывал, но которое при его ***комильфотности****, очевидно, было для него излишне, он позвонил* («Воскресение», ч. 2, гл. XVI; 32: 259).

В суде Иван Ильич замечал или думал, что замечает, то же странное к себе отношение: то ему казалось, что к нему приглядываются, как к человеку, имеющему скоро опростать место; то вдруг его приятели начинали дружески подшучивать над его мнительностью, как будто то, что-то ужасное и страшное, неслыханное, что завелось в нём и не переставая сосёт его и неудержимо влечёт куда-то, есть самый приятный предмет для шутки. Особенно Шварц своей игривостью, жизненностью и ***комильфотностью****, напоминавшими Ивану Ильичу его самого за десять лет назад, раздражал его* («Смерть Ивана Ильича», гл. 4; 26: 88).

В повести «Смерть Ивана Ильича» писатель в микроконтексте употребляет прилагательное *комильфотный* в значении «приличный», но здесь в отличие от предыдущих примеров характеризуется не человек, а стиль, обстановка помещения:

Иван Ильич сам взялся за устройство, выбирал обои, подкупал мебель, особенно из старья, которому он придавал особенный ***комильфотный*** *стиль, обивку, и всё росло, росло и приходило к тому идеалу, который он составил себе. Когда он до половины устроился, его устройство превзошло его ожиданье. Он понял тот* ***комильфотный****, изящный и не пошлый характер, который примет все, когда будет готово* («Смерть Ивана Ильича», гл. III; 26: 78-79).

Рассмотрим другой пример из этой повести, в котором писатель употребляет ФЕ в нетранслитерированном виде, добавляя лишь русский аффикс и окончание, и прибегает к семантизации единицы в тексте, включая в ряд однородных членов:

Судебным следователем Иван Ильич был таким же ***comme il faut'ным****, приличным, умеющим отделять служебные обязанности от частной жизни и внушающим общее уважение, каким он был чиновником особых поручений* («Смерть Ивана Ильича», гл. II; 26: 71).

Проанализируем употребление прилагательного *комильфотный* в микроконтексте повести «Фальшивый купон». В первом случае можно говорить о реализации значения «приличный», а во втором – о появлении новой единицы *комильфотная дура,* построенной на оксюмороне:

– Да ты сам, Женя, брал при мне именно двенадцатирублевые, – сказала жена, сконфуженная, огорчённая и готовая плакать. – Я и сама не знаю, как они меня обморочили, – говорила она, – гимназисты. Красивый молодой человек, казался такой ***комильфотный.***

– ***Комильфотная*** *дура, – продолжал браниться муж, считая кассу. – Я беру купон, так знаю и вижу, что на нём написано. А ты, я чай, только рожу гимназистов рассматривала на старости лет* («Фальшивый купон», ч. 1, гл. IV; 36: 9).

Если в первой половине жизни *comme il faut* – идеал, то после духовного перелома, когда изменилась система ценностей и ушли в прошлое юношеские идеалы, Толстой противопоставляет себя *comme il faut'ным* людям, нередко осуждая их. Здесь следует обратиться к мемуарному наследию Л.Н. Толстого, поскольку характеристика тезаурусообразующих единиц должна проводиться в текстах разных стилей и жанров.

Я 15 лет тому назад предлагал отдать большую часть имения, жить в 4-х комнатах. Тогда бы у них был идеал. А теперь никакого. Они видят, что тот, который им ставит мать: ***comme il faut'ность*** *не выдерживает критики, а мой перед ними осмеян – они и рады* (Дневник, 5 мая 1896 г.; 53: 85).

В отличие от предыдущих примеров в этом контексте анализируемая единица имеет иронический оттенок и получает противоположный смысл. Писатель использует приём антитезы, *comme il faut'ность* употребляется в значении «мелкая расчетливость, скупость».

Изменения сознания писателя находят отражение в его индивидуальной картине мира, в текстологии. В представленных примерах фразеологизм *comme il faut* и его производные не только реализуют свои значения, но и получают новые семантические оттенки, графическое изображение. Частность употребления этих единиц даёт основания говорить об их тезаурусообразующей функции в языке Л.Н. Толстого и о функционировании в качестве смысловой доминанты.

Во второй половине жизни, в конце 1960-х – начале 1970-х гг., писатель переживает духовный кризис. В 1869 г. Л.Н. Толстой едет в Пензенскую губернию с целью присмотреть имение. Остановившись в арзамасской гостинице, писатель, переживая необъяснимый страх смерти, понимает, что жизнь небесконечна. После этого потрясения Л.Н. Толстой задумался над тем, как найти путь к счастью всех, отказываясь от материального в пользу духовного. Эта ситуация, описанная в повести «Записки сумасшедшего» (1884), послужила источником появления камерных ФЕ *арзамасский / московский ужас*, *арзамасская тоска, арзамасская / московская ночь*:

И вдруг ***арзамасский ужас*** *шевельнулся во мне* («Записки сумасшедшего»; 26: 471).

То была ***ночь*** *пострашнее* ***арзамасской****; душа мучительно разрывалась с телом. Я живу, жил, я должен жить, и вдруг смерть, уничтожение всего. Зачем же жизнь? Умереть? Убить себя сейчас же? Боюсь. Дожидаться смерти, когда придёт? Боюсь ещё хуже* («Записки сумасшедшего»; 26: 472).

На другой день я все силы употребил, чтобы покончить обыденкой все дела и избавиться от ночи и в номере. Я не кончил

всего и вернулся домой в ночь. Тоски не было. Эта ***московская ночь*** *изменила ещё больше мою жизнь, начавшую изменяться с Арзамаса* («Записки сумасшедшего»; 26: 472).

Я испугался, остановился, и на меня нашёл весь ***арзамасский и московский ужас****, но в сто раз больше. Сердце колотилось, руки, ноги дрожали. Смерть здесь? Не хочу. Зачем смерть? Что смерть? Я хотел по-прежнему допрашивать, упрекать Бога, но тут я вдруг почувствовал, что я не смею, не должен, что считаться с ним нельзя, что он сказал, что нужно, что я один виноват. И я стал молить его прощенья и сам себе стал гадок. Ужас продолжался недолго* («Записки сумасшедшего»; 26: 473).

В тексте повести неоднократно повторяются описывающие переживание писателя лексемы и их дериваты: *ужас, ужасно, тосковать, тоска*, которые служат созданию экспрессии.

Спустя несколько лет в письме С.А. Толстой писатель снова вспоминает пережитое состояние:

Как странно 3-го дня вечером, после отъезда Масарика, на меня нашло такое физическое состояние ***тоски****, как бывало* ***арзамасская*** (Письмо С.А. Толстой, 1 мая 1887 г.; 84: 31)

Отнесение представленных камерных ФЕ к тезаурусообразующим объясняется двумя причинами: выполнением роли смысловой доминанты в повести, т.е. первоначально – текстообразующей функцией, и важностью понимания творческого наследия писателя, когда происходит смена идеалов, уход от комильфотности к изучению тайны Божией и стремлению её понять, отказ от материального, поиск ответов на вечные вопросы бытия. Таким образом, в функциональном аспекте снова можно говорить о взаимодействии обозначенных ролей фразеологии.

Изучение текста Библии повлекло изменение философии Л.Н. Толстого. Идея поиска царства Божьего и обоснование непротивления злу насилием повлияло на выбор фразеоресурсов языка и появление новых тезаурусообразующих единиц. Покажем, как меняется языковой вкус писателя в соответствии с философскими и шире – мировоззренческими – взглядами на примере ФЕ, включающих компонент *меч*: *Дамоклов меч; Поднявший меч от меча погибнет; перековать мечи на орала*. В соответствии с генетической классификацией все приведённые единицы являются

крылатыми, первое КВ – мифологизм, другие – БФЕ. Представим контексты.

БФЕ *Поднявший меч от меча погибнет* восходит к Евангелию от Матфея и используется как «Предостережение агрессорам; напоминание о бессмысленности насильственных способов решения любых конфликтов; шире – ответ на любую угрозу в адрес говорящего» (БСКСВРЯ, т. 1: 170). Предостережение как прагматическая категория, вербализованная в данном КВ, находится в русле дидактизма и морализаторства Л.Н. Толстого. Тематика толстовских писем, относящихся не к семейному, а к общественному дискурсу, объясняет выбор языковых средств. В первом примере КВ использовано с целью подытожить сказанное, в последующих – выступает как тезис:

Как часто бывало мне смешно в беседах моих с попами и революционерами, смотрящими на евангельское учение, как на орудие достижения цели внешней – и те, и другие люди крайних полюсов с одинаковою яростью отрицали это основное положение учения Христа. Первым нельзя не гнать, душить разноверов, не благословлять побоища, казни; вторым нельзя насилием не разрушать существующий безобразный беспорядок, называемый порядком. Очевидно, попы и власти не могут себе представить даже жизни людской без насилия. Точно так же и революционеры. По плодам узнаете дерево; не может дерево доброе приносить плоды насилия. Учение Христа не может служить ни тому, чтобы душить, ни тому, чтобы сковыривать. И потому и те, и другие, извращая учение, сами лишают себя той единственной силы, которую даёт вера в истину во всю, а не в частичку её. ***Поднявшие меч – мечом погибнут****; это не предсказание, а утверждение всем известного факта...* (Письмо М.А. Энгельгардту, 20 декабря 1882 г. – 20 января 1883 г.; 63: 115).

Пора людям понять или скорее увидать, что ***поднявший меч от меча погибает****. Замены же насилия разумным согласием и любовью нельзя ждать извне от людей, а надо совершать её в своей жизни* (Письмо А.Б. Гольденвейзеру, 11 ноября 1905 г.; 76: 49).

Главное надо помнить: ***поднявший меч от меча погибнет****. Всё дело в узаконении насилия. Наступило время, когда насилие*

должно замениться разумным согласием и любовью. И это дело всех нас (Письмо М.М. Молчанову, 11 ноября 1905 г.; 76: 51).

Тематически можно объяснить употребление БФЕ в книге «Учение Христа, изложенное для детей» и статье «Закон насилия и закон любви», написанных в 1907-1908 гг. Статья «Закон насилия и закон любви» носит социальный характер: Толстой, анализируя точки зрения великих, рассуждает о месте человека в мире, в социуме, о том, что не стоит различать Своих и Чужих, а также задаёт ряд риторических вопросов, на которые пытается ответить:

Так же решительно высказывается и Тертуллиан, современник Оригена, о невозможности христианина быть военным: «Не подобает служить знаку Христа и знаку дьявола, – говорит он про военную службу, – крепости света и крепости тьмы. Не может одна душа служить двум господам. Да и как воевать без меча, который отнял сам господь? Неужели можно упражняться мечом, когда господь сказал, что каждый ***взявшийся за меч от меча погибнет****. И как будет участвовать в сражении сын мира?* («Закон насилия и закон любви», гл. X; 37: 182).

В контексте книги «Учение Христа, изложенное для детей», представляющей собой переработанный и адаптированный для детей среднего школьного возраста евангельский текст, БФЕ вложена в уста апостола и выступает как цитата:

Тогда стража окружила Иисуса и хотела взять его. Но Пётр выхватил нож у архиерейского слуги и отсёк ему правое ухо. И, увидев это, Иисус сказал Петру: – Вложи меч в ножны. Все ***взявшие меч от меча погибнут****.* («Учение Христа, изложенное для детей», гл. 47; 37: 42).

Известно, что Л.Н. Толстой тщательно подбирал литературный материал из древних, медиевистических источников и источников Нового времени для «Круга чтения», впоследствии называя свод мыслей лучшим произведением. В этом собрании «чужого» писатель предстаёт не только как знаток литературы, просветитель, адаптировавший сложные тексты для читателя из народа, но и как проповедник и идеолог христианства, «когда исключал противоречащие его взглядам суждения, неподходящие эпизоды, перетолковывал авторский замысел, сообразуясь со своей проповеднической задачей» [Гуськов, 1998: 33]. У.Л. Гаррисон – один из немногих американских авторов (наряду с Э. Баллу, проповедни-

ком непротивления злу насилием, и Г. Джорджем), чьи труды писатель предлагает в качестве недельного чтения, что позволяет говорить о соответствии тематики их работ мыслям писателя: Толстой включает «Провозглашение основ, принятых членами общества, основанного для установления между людьми всеобщего мира» Гаррисона, где приводится анализируемое КВ. В основе предложения лежит ценностная дихотомия *добро – зло*:

История человечества наполнена доказательствами того, что физическое насилие не содействует нравственному возрождению и что греховные наклонности человека могут быть подавлены лишь любовью, что зло может быть уничтожено только добром, что не должно надеяться на силу руки, чтобы защищать себя от зла, что настоящая безопасность для людей находится в доброте, долготерпении и милосердии, что лишь кроткие наследуют землю, а ***поднявшие меч от меча погибнут.*** («Круг чтения», Гаррисон и его «Провозглашение»; 42: 348)

БФЕ *перековать мечи на орала*, восходящее к ветхозаветному тексту, имеет значение «Разоружиться; перейти от вооружённых действий к мирным» (БСКСВРЯ, т. 2: 180). Представим контекстуальное использование БФЕ:

Заповеди эти исключают всё зло из жизни людей. При исполнении этих заповедей жизнь людей будет то, чего ищет и желает всякое сердце человеческое. Все люди будут братья, и всякий будет всегда в мире с другими, наслаждаясь всеми благами мира тот срок жизни, который уделён ему Богом. ***Перекуют люди мечи на орала и копья на серпы****. Будет то Царство Бога, царство мира, которое обещали все пророки, и которое близилось при Иоанне Крестителе, и которое возвещал и возвестил Христос, говоря словами Исаии* («В чём моя вера?», VI; 23: 371).

Предание показывает человеку, что все мудрецы мира всегда учили тому, что человечество должно от разделения переходить к единению, как говорил пророк, что все люди должны быть научены Богом, ***копья и мечи перекованы на серпы и плуги****, и, как говорил Христос, чтобы все были едины, как я един с отцом* («Христианское учение», 9; 39: 127).

В приведённых примерах БФЕ употреблена в тематически сходных, созданных после духовного кризиса трактатах «В чём моя вера?» (1884) и «Христианское учение (1896). Следует отме-

тить, что значение БФЕ актуализировано рядом сем, важных для писателя: *зло, заповедь, братья, Царство Бога, единение*.

В публицистической статье «Неделание» (1893) Толстой, анализируя точки зрения французских писателей Э. Золя и А. Дюма, призывает соблюдать «неделание», исповедуя евангельскую истину, чтобы люди «*не только любили других, как себя, но не делали бы хоть другим того, чего не хотят, чтобы им делали*» (29: 195). Использование БФЕ в трансформированном виде мотивировано тематически и контекстуально, актуализатором выступает БФЕ *царство небесное* – «будущая мирная и праведная жизнь, жизнь без грехов, полная добра и любви друг к другу».

Поймите то, что смысл нашей жизни может быть только в исполнении воли того, кто послал вас в неё и требует от вас не служения вашим личным целям, а его цели, состоящей в установлении единения и любви между всеми тварями, в установлении царства небесного, когда ***перекуют мечи на сошники и копья на серпы*** *и лев будет лежать с ягнёнком, как выражали это пророки* («Неделание»; 29: 197).

В письмах разных лет писатель использует БФЕ *перековать мечи на орала*. Показательно, на наш взгляд, употребление этой единицы в письмах, относящихся к периоду после духовного кризиса Л.Н. Толстого:

Дело, которое мы призваны делать в жизни, – двоякое, хотя и достигается одним и тем же действием: внешнее дело состоит в том, чтобы своей жизнью содействовать установлению царства божия на земле, т. е. замене вражды, борьбы и разъединения – согласием, взаимной помощью и единением, такого состояния, при котором ***копья были бы перекованы на серпы****... и т.д. Содействовать этому мы можем правдивостью в словах и делах; внутреннее дело состоит в совершенствовании, в приближении к богу. Будьте совершенны, как Отец ваш небесный* (Письмо П.К. Новицкой, 11 декабря 1894 г.; 67: 286).

Я не только согласен с этим взглядом, именно о том, что наступает время, когда жизнь человеческая должна перестроиться из жизни языческой, насильнической, в жизнь христианскую, в которой исполнится пророчество, и ***копья будут перекованы на серпы, и мечи на орала****, и люди перестанут властвовать друг над другом, а будут любить друг друга и свободно, радостно*

служить друг другу, – что время это наступает и наступило, я не только согласен с этим, но об этом только и писал в продолжение последних 12 лет в сочинениях, не пропущенных цензурою. Более подробно я изложил эту мысль в последнем сочинении своём «Царство божие внутри вас есть». И потому я очень рад встретить в вас человека, одинаково мыслящего, и очень рад буду, если вы обнародуете сочинение, высказывающее это (Письмо М.А. Левитскому, 19 апреля 1895 г.; 68: 78)[12].

Как видно из примеров, эти письма социально-философской тематики. Первый пример содержит семантизацию БФЕ *Царство божие* (*замена вражды, борьбы и разъединения – согласием, взаимной помощью и единением, такого состояния, при котором* ***копья были бы перекованы на серпы***...), в толковании которой участвует БФЕ *перековать мечи на орала*. Во втором примере БФЕ входит в состав сложного предложения, наряду с другими однородными предложениями, помогая уточнить фразеологическое значение «Разоружившись, потеряв власть друг над другом, начать любить друг друга».

Следующий пример из работы 1895 г. также иллюстрирует толстовскую философию, анализируемая БФЕ включена в ряд однородных понятий *будут научены богом, разучатся воевать, наступит царство божие*, служащих актуализатором, а БФЕ *царство божие*, как и в приведённых выше контекстах, получает в контексте самодефиницию – «царство единения и мира»:

Теперь же приходит время и пришло уже, когда люди, по словам Христа, вступают в новое состояние братства всех людей, в то новое состояние, давно уже предсказанное пророками, когда все люди будут научены богом, разучатся воевать, ***перекуют мечи на орала и копья на серпы****, и наступит царство божие, царство единения и мира* («Послесловие к книге Е.И. Попова “Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина. 1866-1894”»; 39: 94).

[12] Мы намеренно приводим всё письмо, так как оно содержит важную для выделения тезаурусообразующих единиц, информацию, доказывающую ряд изложенных нами тезисов о тематике писем, их адресации, а также об оценке писателем своего произведения.

ФЕ *Дамоклов меч* – «Книжн. Экспрес. Постоянно угрожающая кому-л. опасность» (ФСРЛЯ, т. 1: 377) писатель употребляет прежде всего в письмах:

Всё это так просто, ясно и несомненно, что не понять этого нельзя; но кроме того, для того чтобы люди не могли придумать такие отговорки, по которым можно было бы не всегда исполнять эти требования, над людьми повешен ещё на волоске ***Дамоклов меч****, т. е. смерть, которая всякую минуту может постигнуть каждого человека и, если смерть есть полное уничтожение, лишить его возможности поправить сделанную ошибку, если же смерть есть возвращение к богу, то заставить его возвратиться к богу, не исполнив того несомненного закона, который он дал нам, посылая нас в жизнь* (Письмо Ч.Н. Фойстеру, 17–26 октября 1894 г.; 67: 258).

Несмотря на тиражируемость, а не единичность данной ФЕ в письмах, представленный пример интересен для характеристики писательского языка: ФЕ употреблена в письме философской тематики, писатель представляет авторскую «самодефиницию», которая позволяет говорить о расширении значения «Угроза смерти», что, во-первых, мотивировано характером прототипической ситуации (Толстой обращается к мифологическому сюжету *повешен на волоске Дамоклов меч*), во-вторых, раскрытием символьного значения лексемы *меч* (в данном случае – определённый, вербализованный притяжательным прилагательным).

Как известно, меч – один из символов агрессии, войны, орудие силы – отождествляется со злом: в соответствии с убеждениями писателя именно война, а значит, и насилие являются преградой на пути к миру. Дважды повторяемая библейская цитата *Я не мир, а меч принёс* в произведениях одного времени – романе «Анна Каренина» (1878) и философском этюде «Собеседники» (1877-1878) – содержит антиномию мир – война, где война представлена символьно в виде меча, который отождествляется с войной.

*«****Я не мир, а меч принёс****», говорит Христос, – со своей стороны возразил Сергей Иваныч, просто, как будто самую понятную вещь, приводя то самое место из Евангелия, которое всегда более всего смущало Левина* («Анна Каренина», ч. 8, гл. XVI; 19: 391).

Иван Ильич. *Это обман: результат религии была бы экономия, правда, но это не есть причина. Религия, по свойству своему, не практична – «**не мир, а меч принёс**». Последователям обещает муки. По сущности своей вытекает не из цели практической, а из ответа на вопрос: что я такое? и что мне делать?* («Собеседники»; 17: 371)

Будучи чрезвычайно осведомлённым в политических вопросах, исповедуя философию непротивления злу ненасилием, Л.Н. Толстой выбирает подобные фразеологические средства для выражения мировоззрения: вслед за Христом он неоднократно повторяет КВ *Поднявший меч от меча погибнет,* цитату *Я не мир, а меч принёс*.

Трактат «Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» (1893) является своего рода итогом и средоточием религиозно-философских, социально-политических идей, высказанных писателем ранее в публицистических работах, где изложено отношение писателя к общечеловеческим ценностям, дано представление о мире и месте человека в этом мире. Цель писателя – показать, насколько безграничны возможности человека на пути к духовному идеалу. Не случайно употребление БФЕ, включающих компонент *меч*: *Поднявший / Взявший меч от меча погибнет* (4), *перековать мечи на орала* (3), *Дамоклов меч* (1):

*История человечества наполнена доказательствами того, что физическое насилие не содействует нравственному возрождению и что греховные наклонности человека могут быть подавлены лишь любовью, что зло может быть уничтожено только добром, что не должно надеяться на силу руки, чтобы защищать себя от зла, что настоящая безопасность для людей находится в доброте, долготерпении и милосердии, что лишь кроткие наследуют землю, а **поднявшие меч от меча погибнут*** («Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание»; 28: 6)

***Взявшие меч от меча погибнут**, а ищущие мира, поступающие дружественно, безобидно, забывающие и прощающие обиды большею частью наслаждаются миром или если умирают, то умирают благословляемы* («Царство Божие внутри вас, или

Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание»; 28: 14).

И Христос прямо запретил ему это, сказав, что ***поднявший меч от меча погибнет*** («Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание»; 28: 29).

Первый из процитированных примеров построен на противопоставлении воинствующие – ищущим мира, в основе лежит символ меч – мир. Другие примеры представляют собой ссылку на авторитет.

Представим контексты, содержащие БФЕ *перековать мечи на орала*:

И потому, если мы верим предсказанию о том, что наступит время, когда ***мечи перекуются на орала и копья на серпы****, мы сейчас же, не откладывая этого на будущее время, должны делать это по мере сил наших* («Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание»; 28: 7).

Так что предсказание о том, что придёт время, когда все люди будут научены Богом, разучатся воевать, ***перекуют мечи на орала и копья на серпы****, т. е., переводя на наш язык, все тюрьмы, крепости, казармы, дворцы, церкви останутся пустыми и все виселицы, ружья, пушки останутся без употребления, – уже не мечта, а определённая, новая форма жизни, к которой с всё увеличивающейся быстротой приближается человечество* («Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание»; 28: 219).

В приведённых примерах БФЕ реализует своё значение, второй пример содержит авторскую семантизацию, благодаря которой появляется дополнительный семантический оттенок «свободная, мирная жизнь».

В следующем контексте КВ *Дамоклов меч* употребляется с актуализатором, благодаря которому происходит конкретизация значения «опасность военных действий»:

И действительно, трудно придумать положение, которое было бы бедственнее того, в котором находится теперь христианский мир со своими вооружёнными друг против друга народами,

со своими постоянно неудержимо возрастающими для поддержания всё растущих этих вооружений податями, со всё разгорающейся ненавистью рабочего сословия к богатому, с висящим надо всеми ***дамокловым мечом*** *войны, всякую секунду готовым и необходимо долженствующим рано или поздно оборваться* («Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание»; 28: 285).

В этом трактате Толстой обосновал свои идеи: выделив в качестве духовного начала, идеала Нагорную проповедь, писатель обращается к завету Христа о непротивлении злу, что находится в русле православного вероучения:

Христово учение, вошедшее в сознание людей не посредством меча и насилия, говорят они, а посредством ***непротивления злу****, посредством кротости, смирения и миролюбия, – только примером мира, согласия и любви между своими последователями и может распространиться в мире* («Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание»; 28: 3).

Благодаря распространению толстовских идей и созданному трактату «Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» в язык вошли и были актуализированы КВ *Царство Божие <внутри нас>*, *непротивление злу <насилием, злом>*, которые тоже являются тезаурусообразующими единицами.

Объяснима частотность употребления КВ *непротивление злу насилием* и его вариантов в следующих произведениях: «В чём моя вера?» (32), «Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» (74), «Закон насилия и закон любви» (11), где изложены основные положения толстовства – философско-религиозного учения, исповедующего принцип непротивления злу насилием. В других произведениях, письмах, дневниках того же времени использование единично. Несомненно, процесс фразеологизации resp. крылатизации (термин С.Г. Шулежковой) этого КВ сложился не только благодаря собственно авторскому использованию, но и употреблению современниками Толстого, что доказывают примеры из НКРЯ. Определение значения новой, некоторое время окказиональной для языка ФЕ

опирается на авторское толкование в контексте. Покажем наиболее важные для семантизации КВ *непротивление злу <насилием>* примеры:

Все первые ученики его исполняют это правило ***непротивления злу*** *и всю жизнь проводят в нищете, гонениях и никогда не воздают злом за зло* («В чём моя вера?», I; 23: 311).

Положение о ***непротивлении злому*** *есть положение, связующее всё учение в одно целое, но только тогда, когда оно не есть изречение, а есть правило, обязательное для исполнения, когда оно есть закон* («В чём моя вера?», II; 23: 315).

Я думаю, что человека, который, прочтя хотя только нагорную проповедь, не говорю все Евангелия, не пришёл к убеждению, что ***непротивление злу насилием*** *составляет основное условие христианского жизнепонимания, такого человека не убедят никакие доводы* (Письмо Н.С. Лескову, 7 октября 1894 г.; 67: 238).

В сущности оно и не может быть иначе: христианин, учение которого предписывает ему смирение, ***непротивление злу****, любовь ко всем, даже врагам, не может быть военным, т. е. принадлежать к сословию людей, предназначенных только для убийства себе подобных* («Приближение конца»; 31: 80).

Дух революционного учения есть дух мести, насилия и убийства. Он не боится Бога и не уважает личности человека. Мы же желаем быть преисполненны духа Христова. Следуя основному нашему правилу ***непротивления злу злом****, мы не можем производить заговоров, смут или насилий. Мы подчиняемся всем узаконениям и всем требованиям правительства, кроме тех, которые противны требованиям Евангелия. Сопротивление наше ограничивается покорным подчинением, имеющим быть наложенными на нас за неповиновение, наказаниям* («Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание»; 28: 6).

Кроме того, и вообще там, где ***непротивление*** *стоит пожертвования одною жизнью или каким-нибудь существенным благом жизни, противление стоит тысячи таких жертв.*

Непротивление *сохраняет – противление разрушает.*

Несравненно безопаснее поступать справедливо, чем несправедливо; сносить обиду, чем противиться ей насилием, – безопаснее даже в отношении к настоящей жизни. Если бы все люди не противились злу злом, наш мир был бы блажен («Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание»; 28: 13-14).

Исповедание христианства в его истинном значении, включающем ***непротивление злу насилием****, освобождает людей от всякой внешней власти* («Закон насилия и закон любви», XIII; 37: 193).

Непротивление злу насилием *– не предписание, а открытый, осознанный закон жизни для каждого отдельного человека и для всего человечества* (Дневники, 26 октября 1907 г.; 56: 75).

По данным БСКСВРЯ, это КВ употребляется «В повседневной жизни, когда речь идёт о ком-л. слишком слабовольном или слишком робком, чтобы постоять за самого себя» (БСКСВРЯ, т. 2: 70), однако в языке Толстого имеет другое значение «принцип, правило, закон жизни для конкретного человека и всего человечества, лишь при котором возможно христианское жизнепонимание, праведная жизнь, полная любви, справедливости».

КВ *Царство Божие внутри нас <вас>* относится к толстовским: по сокращённому названию одноимённого трактата, название которого восходит к библейскому тексту. В статье «К рабочему народу» Л.Н. Толстой приводит важную для его мировоззрения цитату:

Ищите царства божия и правды его, и всё остальное приложится вам*. Это основной закон жизни человеческой. Живите дурно, противно воле Бога, и никакие ваши усилия не доставят вам того благосостояния, которого вы ищете. Живите хорошо, нравственно хорошо, согласно с волею Бога и не делая никаких усилий для достижения этого благосостояния, и оно само собою установится между вами и таким способом, о котором вы никогда и не думали* («К рабочему народу, XV; 35: 148).

В ТСД ФЕ *Царство Божие* зафиксировано значение «Будущая блаженная жизнь праведных» (4: 1251). В языке писателя данная единица и её варианты приобретают окказиональное значение, которое можно сформулировать при помощи приводимой Толстым семантизации. Авторская «самодефиниция» включена

писателем в следующие тексты разных лет: в трактат «Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» (1893), письма П.К. Новицкой[13] и П.К. Трегубову (1894), «Послесловие к книге Е.И. Попова "Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина. 1866-1894"»[14], «Христианское учение» (1896), Послесловие к воззванию «Помогите!» (1896), роман «Воскресение» (1899), «Ответ Синоду» (1901), дневниковые записи (1906), «Учение Христа, изложенное для детей» (1908), «Путь жизни» (1910):

Вместо всяких правил прежних исповеданий, учение это выставляло только образец внутреннего совершенства, истины и любви в лице Христа и последствия этого внутреннего совершенства, достигаемого людьми, – внешнего совершенства, предсказанного пророками, – ***Царства Божия****, при котором все люди разучатся враждовать, будут все научены Богом и соединены любовью и лев будет лежать с ягнёнком* («Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание»; 28: 41).

Ищите ***царства божия****, которое внутри вас, и правды его, а остальное приложится вам, т. е. ищите наивысшего доступного вам душевного состояния (это состояние наибольшей любви), и остальное всё будет хорошо, и перенесёте легко последствия грехов прошлого, и они всё реже и реже будут повторяться, и не впадёте в уныние* (Письмо И.М. Трегубову, 3 октября 1894 г.; 67: 232-233)

Ведь если должно осуществиться ***царство бога****, т. е. царство правды и добра на земле, то оно может осуществиться только такими попытками, как те, которые совершались первыми учениками Христа, потом павликианами, альбигойцами, квакерами, моравскими братьями, менонитами, всеми истинными христианами мира, и теперь христианами всемирного братства* («Послесловие к воззванию "Помогите!"»; 39: 195)

Прочтя Нагорную проповедь, всегда трогавшую его, он нынче в первый раз увидал в этой проповеди не отвлечённые, прекрасные мысли и большею частью предъявляющие преувеличенные

[13] Цитата приведена на с. 78 данной главы.
[14] Цитата приведена на с. 79 данной главы.

и неисполнимые требования, а простые, ясные и практически исполнимые заповеди, которые, в случае исполнения их (что было вполне возможно), устанавливали совершенно новое устройство человеческого общества, при котором не только само собой уничтожалось всё то насилие, которое так возмущало Нехлюдова, но достигалось высшее доступное человечеству благо – ***царство божие*** *на земле* («Воскресение», ч. 3, гл. XXVIII; 32: 443).

Верю в то, что смысл жизни каждого отдельного человека поэтому только в увеличении в себе любви, что это увеличение любви ведёт отдельного человека в жизни этой ко всё большему и большему благу, даёт после смерти тем большее благо, чем больше будет в человеке любви, и вместе с тем и более всего другого содействует установлению в мире ***царства божия****, то есть такого строя жизни, при котором царствующие теперь раздор, обман и насилие будут заменены свободным согласием, правдой и братской любовью людей между собою* («Ответ Синоду»; 34: 252).

Часто, когда молясь, повторяю слова, совсем по-новому, глубже, чем прежде, понимаю их. Так, нынче, повторяя слова: Ищите ***Царства Божия*** *и правды Его, остальное приложится вам.* ***Царство Божие*** *внутрь вас есть, я понял, что* ***Царство Божие*** *это – в тебе, т. е. чтобы в тебе царствовал Бог. Слова же: остальное приложится – значат не то, что приложится внешнее благо, а то внутреннее благо свободы, всемогущества, спокойствия, которое испытываешь, когда сознаёшь себя в божественном* (Дневники, 11 октября 1906 г.; 55: 259).

Иоанн говорил, что пришло время ***царства Божия****, такое время, когда все люди будут понимать, что они все равны, что нет ни высшего, ни низшего и что все должны жить в любви и согласии друг с другом* («Учение Христа, изложенное для детей», 2; 37: 98).

Богатые это – грабители, бедные это – ограбленные. От этого-то Христос любил бедных и удалялся от богатых. По его учению, быть ограбленным лучше, чем быть грабителем. И в ***царстве правды****, которое Он проповедовал, богатые и бедные были бы одинаково невозможны* («Путь жизни», X. Корыстолюбие, I. В чём грех богатства; 45: 148)

Минимальные контексты представляют собой в основном фрагменты из эпистолярных и публицистических текстов, единич-

но употребление ФЕ в произведении художественной литературы, что объясняется временем создания романа, авторским замыслом по созданию образа Нехлюдова. Анализ семантизации ФЕ в тексте позволяет выделить следующие окказиональные значения: «1. Царство единения, мира, любви, правды. 2. Время, когда на Земле будет главенствовать мир, а люди будут жить в равенстве и согласии друг с другом. 3. Распорядок, строй жизни, отличающийся главенством правды, согласия и любви друг к другу. 4. Душевное состояние гармонии с самим собой и окружающим миром».

Другой группой тезаурусообразующих единиц являются галлицизмы *Fais ce que dois, advienne que pourra* и *Dans le doute abstiens toi*, имеющие общую сему «данное свыше, не зависящее от человека».

Ср.: *Fais ce que dois, advienne que pourra* – «франц. Поступай таким образом, как ты должен поступить, а будь, что будет» (Бабкин, т. 2: 511); *Dans le doute abstiens toi* – «франц. При сомнении воздерживайся» [Бабкин, 1994, т. 1: 330][15]. Проанализируем их употребление в языке Л.Н. Толстого.

Французскую пословицу *Fais ce que doit, advienne que pourra* писатель использует преимущественно в эпистолярных и мемуарных текстах в нетранлитерированном виде. Единичны в языке Л.Н. Толстого употребления этой пословицы в русском переводе:

Зрячую, духовную часть человека называют совестью. Эта духовная часть человека, совесть, действует так же, как стрелка компаса. Стрелка компаса двигается с места только тогда, когда тот, кто несёт её, сходит с того пути, который она показывает. То же и с совестью: она молчит, пока человек ***делает то, что должно****. Но стоит человеку сойти с настоящего пути, и совесть показывает человеку, куда и насколько он сбился* («Путь жизни», Душа, Совесть – голос души; 45: 37).

Софья Андреевна вчера уехала отсюда и очень трогательно прощалась со мной и с Таней и её мужем, прося, очевидно искрен-

[15] В Полном собрании сочинений Л.Н. Толстого эти галлицизмы имеют следующий перевод: «Делай, что должно, и пусть будет, что будет»; «В сомнении воздерживайся», который мы принимали во внимание в своей работе.

*но, со слезами у всех прощения. Она невыразимо жалка. Что будет дальше, не могу себе представить. «**Делай, что должно перед совестью, богом, а что будет, то будет**», – говорю себе и стараюсь исполнять* (Письмо А. К. Чертковой, 30 августа 1910 г.; 89: 210).

Наряду с употреблением без изменения плана выражения, встречаем эллиптированный вариант:

*Вы попали, очевидно, к Захарьину в недобрый час, если он у тебя нашёл чуть не чахотку, милая Таня. Только что я порадовался на то, что лето проходит без волнений, как начались со всех сторон. Но я не намерен поддаваться им, хочу только делать **ce que dois*** [что должно] (Письмо Т.Л. Толстой, 2 августа 1894 г.; 67: 183).

В следующем примере усечённый вариант пословицы содержится в препозиции и в композиционном плане предвосхищает дальнейшее сообщение. Повторяющиеся компоненты писатель использует в качестве доказательств правоты пословицы, выражает своё согласие с высказанной мыслью:

*Думаю же я всё о тебе. Как тебе тяжело и одиноко, и тревожно будет в Твери. Могу тебе советовать только то, что сам себе советую в тяжёлые и трудные минуты. **Fais ce que doit, advienne que pourra**. Если **сделал** то, что считаешь **должным** и что можешь, и **делал** всё не для себя, то больше ничего большего от себя не **должно** требовать, а надо успокоиться и отдыхать и молиться. Есть такое состояние, в котором чувствуешь, что дальше ничего **делать** путного не можешь, что всякая попытка продолжать **делать** в таком состоянии усталости, суеты или раздражения только повредит делу, а не подвинет его. И тогда надо остановиться, не волноваться и отдыхать. Для того же, чтобы не волноваться, надо молиться. Ты знаешь это, потому что сама теперь молишься. Только молиться я предпочитаю не по книжке, не чужими словами, а своими. Молиться я называю обдумывать своё положение не в виду каких-нибудь мирских событий, а в виду Бога и смерти, т. е. перехода к нему или в другую обитель его. Меня это очень успокаивает и утверждает, когда я живо пойму и сознаю то, что я здесь только на время и для исполнения какого-то нужного от меня дела. Если я здесь **делаю** по силам своим это **дело**, то что же может со мной случиться не-*

приятного? ни здесь, ни там? Знаю я, что для тебя главное горе разлуки с Ваничкой. Но и тут всё тоже спасение и утешение: сближение с Богом, а через Бога с ним. От того то и обращаемся мы в горе потерь, смертей к Богу, что чувствуем, что соединение с ними только через него (Письмо С.А. Толстой, 3 октября 1895 г.; 84: 240).

Как-то совестно за отношения с Ландовской, и музыка. Вообще душевное состояние недовольства собой, но не тоскливое, а напротив. ***Fais ce que doit...****, и хорошо. Важное письмо от Божьего Полка. Нынче посетитель, с которым дурно поступил, но поправился. Не пишется, а хочется и думается. Может быть, и выйдет. Очень, очень хочется сказать, душит потребность. Но не как я, а как Ты. Не знаю, хорошо ли это или дурно, то, что после общения с людьми всегда совестно, всегда чувствуешь, что* ***делал не то, что нужно*** *– l'esprit de l'escalier [задним умом]. Так было с Власовым, а можно бы хорошо поговорить. Недовольство же в том, что* ***не то делаю с людьми, думаю, что хорошо****. Надо учиться. Разумеется, легко бы одному, а вот учись с людьми!* (Дневники, 16 января 1909 г.; 57: 12).

В первом примере представлен ряд ФЕ-актуализаторов: *делал не для себя, повредит делу, на время, по силам*, благодаря которым создан фразеологически насыщенный контекст. Это письмо, приведённое почти полностью, отражает непростой период в жизни семьи Толстых – смерть младшего сына Ванечки. Писатель считает, что душевное состояние можно спасти только молитвой, он делает сообразное своим принципам, понимая, что не может изменить необратимое. Второй контекст представляет собой отрывок из дневниковой записи, где Толстой обращается к недавним событиям жизни, критически оценивает своё поведение, призывая учиться жить по совести, не обосабливаясь, а среди людей.

В некоторых случаях наблюдаем параллельное употребление как французской паремии, так и русского синонима[16] в течение нескольких дней в различных текстах, что помогает понять, что для писателя важно понимание божественного замысла, а не поведение конкретного человека:

[16] Подобное сочетание пословиц встречаем в «Записной книжке 1906 г.», запись датирована ноябрём 1906 г. (55: 391).

Только отрешиться хорошенько от славы человеческой, установить твёрдые, всегда чувствуемые отношения с богом, с хозяином моей жизни, хорошенько, вполне отказаться от осуществления каких бы то ни было желаний, хорошенько проникнуться великим словом: ***fais ce que doit, advienne que pourra*** *или по-русски: «****человек ходит, бог водит****», и не будет заботы о том, Закхей я или Будда. Я – Толстой или Наживин – хочу только одного, истинно хочу делать его волю, а что выйдет из моего хотенья, это не моё дело. Всё это ясно, когда есть полная искренность. Если же я не только Закхей, но фарисей в глазах людей, то это только тем лучше, чтоб я устанавливал своё отношение с одним богом. Не представляйте себе никакого своего внешнего положения, а только как можно чаще, особенно при сношениях с людьми, от жены и до генерал-губернатора и нищего, вспоминайте, кто вы, что вы обязаны, не обязаны, а что вам истинно хорошо для вашего блага делать, и вы будете совершенно спокойны: может быть, вырежете своё мясо для тигрицы, а может быть, будете сажать яблони и есть яблоки в своем саду* (Письмо И.Ф. Наживину, 14 ноября 1906 г.; 76: 234).

Часто, особенно теперь, с новой силой вспоминаю и понимаю: ***Fais ce que dois, advienne que pourra***. ***Человек ходит, Бог водит***. *Всё в этом: в том, чтобы не думать о последствиях поступков, а о доброте, божественности поступков. Понимание этого изменяет всю жизнь* (Дневники, 17 ноября 1906 г.; 55: 273-274).

При анализе употреблений, на наш взгляд, важно учитывать характер коммуникативного намерения писателя. Вне зависимости от графического оформления, включения паремии в предложение или функционирования в виде отдельного высказывания, употребления в неизменном или структурно изменённом (имплицированном) виде рассматриваемая пословица отражает мировоззрение писателя, его нравственную установку – стремление к самосовершенствованию, добрым поступкам. Фразеологические актуализаторы помогают оценить отношение писателя к этой пословице: он называет её «*выражением глубокой мудрости*» (69: 21), это нравственный принцип Л.Н. Толстого, от которого он не намерен отступать, завещая своим близким (условно обозначенный как «*план мой*»), и которому он верен до конца дней. Именно галлицизм *Fais ce que dois, advienne que pourra* содержат последние дневниковые записи, сделанные незадолго до смерти:

Ночь была тяжёлая. Лежал в жару два дня. 2-го приехал Чертков. Говорят, что Софья Андреевна. 3-го Таня. В ночь приехал Сережа, очень тронул меня. Нынче, 3-го Никитин, Таня, потом Голденвейзер и Иван Иванович. Вот и план мой. ***Fais ce que doit, adv****… И всё на благо и другим, и главное, мне* (Дневники, 3 ноября 1910 г.; 58: 126).

Приведённые примеры доказывают, что в языке писателя французская паремия получает окказиональное значение «Поступай сообразно совести, совершай добрые поступки, принимай посланные испытания, не противься судьбе», конкретизация которого возможна благодаря анализу контекстуальных употреблений.

Другая французская пословица *Dans le doute abstiens toi* имеет большее временное и жанрово-стилистическое распространение: писатель употреблял её начиная с 60-х гг., времени создания романа-эпопеи «Война и мир», а в последний раз использует незадолго до смерти, в сентябре 1910 г. В количественном отношении преобладают эпистолярные тексты (8) по сравнению с дневниками (1), художественным произведением (1), собранием мудрых мыслей «На каждый день» (1).

В романе «Война и мир» эта пословица вложена в уста Кутузова, когда он говорит с Андреем Болконским. Писатель с симпатией относится к этому персонажу, доверяя ему часть своей философии. Представляется, что данный принципом можно объяснить правильность решений военачальника, в соответствии с этим правилом жил и Андрей Болконский:

Что̀ ж делать? – спросил он, видимо ожидая ответа. – Да, что̀ ты велишь делать? – повторил он, и глаза его блестели глубоким, умным выражением. – Я тебе скажу, что̀ делать, – проговорил он, так как князь Андрей всё-таки не отвечал. – Я тебе скажу, что̀ делать, и что̀ я делаю. ***Dans le doute****, mon cher* [В сомнении, мой милый]*, – он помолчал –* ***abstiens toi*** [воздерживайся]*, – выговорил он с расстановкой* («Война и мир», т. III, ч. 2, гл. XVI; 11: 173-174).

В письмах Л.Н. Толстой дважды приводит семантизацию этой пословицы, благодаря чему можно определить её окказиональное значение: «Стоит прийти в душевное равновесие, не быть озлобленным, а затем можно принимать взвешенное решение что-л. делать».

*Милый друг, вы переживаете критический период своей жизни, очень мучительный и трудный. Я всей душой сочувствую вам и желаю, чтобы вы поступили по-божьи – в виду бога, в виду вечности, помня плотскую смерть, которая вводит нас и всех людей в общую всем нам жизнь непространственную, невременную. Если есть такая жизнь, то надо жить и действовать в виду её, если же нет, то совершенно всё равно, как ни действовать. Писали вы ночью, но письмо ваше дышит неспокойствием и недоброто*й. ***В сомнении воздерживайся****, говорят, а я бы сказал ещё: в неспокойном, нелюбовном состоянии воздерживайся, замри, жди, когда придёт доброта; а пока не решай* (Письмо Н.Н. Ге (сыну), 12 августа 1894 г.; 67: 190).

Тем-то отличается религиозное решение вопроса от всякого другого, особенно политического решения, что при религиозном решении не может быть никаких сомнений. Есть мудрая французская поговорка: ***Dans le doute abstiens toi****, т. е. в сомнении, если есть сомнение, воздерживайся, не делай ни того ни другого. И это вполне подходит к вашему случаю. Нельзя, не будучи религиозным, поступать по религиозным мотивам. Не будучи религиозным, надо поступать по-мирски. А как поступать по-мирски для своей личной выгоды, всякий хорошо знает*. (Письмо Я. Райгородскому, 22 сентября 1906 г.; 76: 197).

В приведённых примерах писатель использует как инвариант, так и русский перевод пословицы. Следующий контекст содержит имплицированный вариант паремии:

Я плох: бросил Тулон, который мне очень не нравится неопределённостью тона – то газетного игривого, то рассудительного-скучного, и не знаю, пошлю ли. ***Dans le doute*** [В сомнении]... (Письмо Л.Л. и Т.Л. Толстым, 2 марта 1894 г.; 67: 59).

В одном из писем В.Г. Черткову пословица Dans le doute abstiens toi выполняет текстообразующую функцию:

Я очень люблю поговорку: ***Dans le doute abstiens toi****. Я считаю это мудрым христианским правилом. Это то же, что у Лаодзы, высшая добродетель «le non agir»* [неделание][17]. *Я понимаю*

[17] Статью с названием «Неделание» Толстой написал в 1893 г., где изложил свою точку зрения: люди часто не делают то, что необходимо, а, напротив, делают ненужное.

это так, что все грехи наши – от того, что мы делаем, делаем для себя, то, что̀ могли бы не делать. Только то, чего мы не можем не сделать, только это божье дело, дело сделанное через – посредством нас Богом. – Если бы человек ***воздерживался*** *от всех своих личных дел, всё-таки были бы дела, от которых он не мог бы* ***воздержаться****, и это были бы дела Божьи. Если же человек делает свои дела, то из-за них, из-за суеты этих дел, он не увидит дел Божьих, не узнает их. И потому делать надо только тогда, когда* ***не можешь удержаться****, не можешь не делать. – Всё это пишу в ответ на ваш вопрос – давать ли рукопись читать и т.д. Есть* ***сомнение****, значит,* ***можно удержаться и потому не должно****. То же самое дело может представляться вам так, что вы будете не в состоянии не сделать. Тогда* ***не будете сомневаться****, тогда это будет дело Божье. Да, только при углублении в себя, при отрешении от своих личных желаний, выясняется дело Божие, которое мы призваны делать* (Письмо В.Г. Черткову, 12 марта 1889 г.; 86: 218-219)[18].

Данная паремия использована в препозиции, предваряя текст, в котором Л.Н. Толстой излагает точку зрения китайского философа Лао-Цзы, чьи идеи были близки писателю. В качестве актуализаторов употреблены компоненты этой пословицы в переводе, а также глагол *делать* и его дериваты, которые в контексте анализируемого письма представляют собой «осколки» пословицы *Делай, что должно, и пусть будет, что будет*, рассмотренной нами выше. Таким образом можно говорить о контаминации пословиц.

Как показывают приведённые примеры, пословицу *В сомнении воздерживайся* писатель считал *мудрым христианским правилом, справедливым изречением* (43: 228), приводил авторскую самодефиницию, что позволяет говорить о концептуальном способе экспликации коммуникативного намерения автора, включении паремии в ряд тезаурусообразующих единиц.

Представленная текстообразующая и тезаурусообразующая фразеология является сквозной (доминантной) для отрывка, конкретного произведения или всего языка, выделение таких единиц

[18] Текст этого письма положен в основу записи 24 апреля в сборнике «На каждый день» (43: 228-229).

доказывает мысль В.В. Виноградова о синтезе «форм словесного выражения и плана содержания», который в своих суждениях опирается на точку зрения Л.В. Щербы о том, что цель анализа (толкования – термин Л.В. Щербы) произведения художественной литературы – показать языковые средства, выражающие его идею и эмоциональное содержание [Виноградов, 1959: 86]. Как показывает приведённый языковой материал, Л.Н. Толстой употребляет БФЕ после духовного кризиса тематически обусловленно – в текстах, где пытается обосновать своё религиозно-философское учение. Ряд произведений был задуман в вопросно-ответной (катехизической) форме как рассуждение об учении Христа, этой особенностью можно объяснить, что анализируемые ФЕ могут быть использованы в качестве тезисов или аргументов высказывания, а также в форме риторических вопросов. Они реализуют свой аргументативный потенциал и в письмах социально-политической, религиозно-философской тематики. Повторяемость лексем, отдельных сем, служащих актуализаторами, семантизация в тексте позволили сформулировать значение КВ *непротивление злу <насилием>*, *Царство Божие*, выбор БФЕ же обусловлен тематикой текстов.

§ 3. Фразеология в речи автора и персонажей художественных произведений Л.Н. Толстого

В.В. Виноградов предложил два направления изучения языковой личности – личность автора (образ автора) и личность персонажа (литературного героя, образа). Как уже было отмечено нами выше, анализ художественного текста должен учитывать гетерогенность его структуры, т.е. рассмотрение авторской речи, речи персонажей (как диалогической, так и внутренней), несобственно-прямой речи. В произведении художественной литературы происходит «столкновение» двух языковых личностей, двух картин мира, индивидуальной картины мира писателя и «картины мира художественного произведения», поэтому выбор тех или иных языковых средств характеризует языковую личность писателя и помогает в характеристике героя: литературный образ, входя в общую систему образов и обращаясь к идейному содержанию произведения, и словесный образ, созданный вербально, образует художест-

венный образ, обладающий индивидуальной неповторимостью [Новиков, 2001: 41-42]. По точной оценке Л.И. Тимофеева, языковые особенности произведения художественной литературы «художественно мотивированы» заданными автором характерами персонажей [Тимофеев, 1945: 126]. Таким образом, можно выделить два речевых потока – речь автора и речь персонажей.

При характеристике авторской речи в прозаических произведениях необходимо отличать речь автора и рассказчика (так называемая перепорученная речь), между которыми сложно провести чёткую грань. Примером перепорученной речи является описание совета в Филях с позиций деревенского ребёнка в романе «Война и мир».

Авторское повествование отличает оценка и модальность. Так, при рассказе об отношениях союзников и Наполеона Л.Н. Толстой употребляет экспрессивную ФЕ *лить слёзы*, КВ-галлицизм *старая гвардия*; фразеологически насыщенный создаёт градацию:

Союзники победили Наполеона, вступили в Париж, заставили Наполеона отречься от престола и послали его на остров Эльбу, не лишая его сана императора и оказывая ему всякое уважение, несмотря на то, что пять лет тому назад, и год после этого, все его считали разбойником вне закона. А царствовать стал Людовик XVIII, над которым до тех пор и французы, и союзники только смеялись. Наполеон же, ***проливая слезы*** *перед* ***старою гвардией****, отрекся от престола и поехал в изгнание* («Война и мир», эпилог, ч. 2, гл. I; 12: 299).

При описании погоды, чтобы показать интенсивность дождя, писатель использует тавтологизм *лить ливмя* «Разг. Экспрес. Об очень сильном дожде» (ФСРЛЯ, т. 1: 352):

Дождь ***лил ливнем****, и Ростов с покровительствуемым им молодым офицером Ильиным сидел под сгороженным на скорую руку шалашиком* («Война и мир», т. III, ч. 1, гл. XII; 11: 56).

Герой существует в двух плоскостях – пространственной и временной, т.е. персонажу сообразен его хронотоп. Например, при характеристике состояния Нехлюдова, который промок *до нитки*, используется временной ориентир *Страстная пятница*, который объясняет дождливую погоду:

Приехал он в конце марта, ***в Страстную пятницу****, по самой распутице, под проливным дождем, так что приехал* ***до нит-***

ки *промокший и озябший, но бодрый и возбуждённый, каким он всегда чувствовал себя в это время* («Воскресение», ч. 1, гл. XIV; 32: 51).

В следующем примере ФЕ *Петровский пост* употребляется для обозначения времени:

В конце ***Петровского поста*** *Аграфена Ивановна Белова, отрадненская соседка Ростовых, приехала в Москву поклониться московским угодникам* («Война и мир», т. III, ч. 1, гл. XVII; 11: 70).

Несобственно-прямая речь занимает промежуточное положение между речью автора и персонажа: излагается информация о герое, однако это происходит в присутствии автора. Благодаря авторской характеристике читателей получает дополнительную информацию о герое. Приведём несколько примеров, характеризующих состояние Нехлюдова:

– Есть, – сказал добродушный купец, улыбаясь ***во весь рот*** («Воскресение», ч. 1, гл. VII; 32: 25).

Обойдя её, он аккуратно, с края, давая место другим, сел на неё и, ***вперив глаза*** *в председателя, точно шепча что-то, стал шевелить мускулами в щеках* («Воскресение», ч. 1, гл. VIII; 32: 27).

В следующих примерах передано внутреннее состояние главного героя романа, его поведение:

«Неужели узнала?» – с ужасом подумал Нехлюдов, чувствуя, как ***кровь приливала*** *ему к лицу; но Маслова, не выделяя его от других, тотчас же отвернулась и опять с испуганным выражением уставилась на товарища прокурора* («Воскресение», ч. 1, гл. XI; 32: 40).

Нехлюдов между тем, надев pince-nez, глядел на подсудимых по мере того, как их допрашивали. – «Да не может быть, – думал он, ***не спуская глаз*** *с лица подсудимой, – но как же Любовь?» – думал он, услыхав её ответ* («Воскресение», ч. 1, гл. IX; 32: 32).

Нехлюдов бегал быстро, и ему хотелось не поддаться художнику, и он пустился ***изо всех сил*** («Воскресение», ч. 1, гл. XII; 32: 44).

Представленный ниже пример включает характеристику героя:

Адъютант-распорядитель, ***мастер своего дела****, уверенно, неторопливо и мерно, крепко обняв свою даму, пустился с ней сна-*

чала глиссадом, по краю круга, на углу залы подхватил её левую руку, повернул её, и из-за всё убыстряющихся звуков музыки слышны были только мерные щелчки шпор быстрых и ловких ног адъютанта, и через каждые три такта на повороте как бы вспыхивало развеваясь бархатное платье его дамы (Война и мир», т. II, ч. 3, гл. XVI; 10: 203).

Особый интерес вызывают коннотативно окрашенные ФЕ:

Княжна Марья была всё та же робкая, некрасивая, ***стареющаяся девушка****, в страхе и вечных нравственных страданиях, без пользы и радости проживающая лучшие годы своей жизни* («Война и мир», т. III, ч. 1, гл. VIII; 11: 34).

С женою-то его рядом поставьте: то-то ***шут гороховый*** («Война и мир», т. II, ч. 3, гл. XV; 10: 200).

Ср.: *старая дева* – «Немолодая женщина, не вышедшая замуж» (ФСРЛЯ, т. 1: 179), *шут гороховый* – «3. Старомодно, безвкусно, смешно одетый человек» (ФСРЛЯ, т. 2: 386).

Приведённые примеры показывают, что основная функция несобственно-прямой речи заключается том, чтобы показать ситуацию изнутри, «с позиций лица, её непосредственно переживающего» [Кухаренко, 1988: 173] и с точки зрения автора-повествователя.

В любом художественном произведении центральное место занимает конфликт, который задан персонажами. Посредством персонажа писатель «выражает своё понимание человека, взятого с некоторой точки зрения, во взаимодействии подобранных писателем признаков» [Гинзбург, 1979: 5]. Человек как венец мироздания является вершиной системы координат (в понимании В.А. Кухаренко) – созданного художником текста. Несомненно, наряду с описанием внешности, жестов и мимики, линии поведения, важным элементом в характеристике персонажа является его речевое поведение.

Л.Н. Толстой создал галерею образов, различающихся по происхождению, возрасту, гендерной характеристике. Каждый персонаж, созданный Л.Н. Толстым, ярок и самобытен. Писатель достигает этого путём создания портретной характеристики и при помощи речевого портрета. «Портрет создаётся Л. Толстым при помощи внешних деталей, подчёркнуто выражающих главную черту характера героя» [Шепелёва, 1954: 36]. В романах писатель

использует такой художественный прием, как повторение, «обыгрывание» характерной внешней детали (уши Каренина, лучистые глаза княжны Марьи, шрам Кутузова, перепрыгивающие щеки князя Василия и т.п.). Речевой же портрет персонажа толстовских произведений формируется посредством звуковой имитации, повтора слов, употребления экспрессивной лексики, фразеологических ресурсов, синтаксических особенностей.

Писателя можно назвать мастером создания речевой характеристики. Характерной речевой деталью писатель наделяет многих героев. Так, Денисов («Война и мир») картавит, заменяя звук *р* звуком *г*, Аким («Власть тьмы») косноязычен, когда не может найти нужного слова постоянно повторяет *тае*, Митрича из драмы «Власть тьмы» часто произносит поговорку-пожелание *В рот им ситного пирога с горохом*, дядюшка («Война и мир») – экспрессивное выражения *чистое дело марш*, 1-й мужик («Плоды просвещения») – суждение *Земля наша малая, не то, что скотину, – курицу, скажем, и ту выпустить некуда*, а языковой чертой Платона Каратаева («Война и мир») являются паремии.

Как было отмечено нами выше, лингвоперсонология опирается на идеи антропоцентризма. Идея Ю.Н. Караулова об изучении ЯЛ автора и персонажа художественного произведения по предложенной модели ЯЛ нашла свое отражение в ряде лингвистических исследований последнего десятилетия (Богомолов, 2005; Гарипова, 2011; Мелерович, 2004; Трещалина, 1998; Хисамова, 2010; Чурилина, 2011 и др.)

Ю.Н. Караулов предлагает провести детальный анализ словаря языковой личности с количественной и качественной точки зрения, а также перейти от содержания понятия *языковая личность* к содержанию понятия *персонаж*.

Для характеристики языковой личности персонажа необходимо «систематизировать всю совокупность текстов данного лица в художественном произведении таким образом, чтобы они смогли составить достаточно целостную характеристику его как индивидуальной языковой личности» [Караулов, 1987: 70].

Фразеология может быть характерной чертой языковой личности. По мнению Ю.Н. Караулова, «обильное насыщение речи шаблонами, стандартными выражениями и автоматически воспроизводимыми фразами свидетельствует об известной консерватив-

ности, стабильности, однолинейности и «однопрограммности» данной языковой личности» [Караулов, 1987: 80].

В системе образов романа-эпопеи «Война и мир» Платон Каратаев занимает особое место. Каратаев – выразитель народной философии, однако он предстаёт перед читателем как яркая языковая личность. Символичен выбор имени: Платон – известный древнегреческий мыслитель, проповедовавший идеи духовной сущности, которые составляют действительный мир, являющийся проявлением видимого мира. Так и Платон Каратаев живёт народными идеями, заключёнными в употребляемых им паремиях. Для него не важны внешние проявления действительности, поскольку человек ценен своим духовным содержанием. Философия Платона Каратаев вторит идеалистическим идеям Платона о существовании истинных ценностей безотносительно пространства и времени. Этим и объясняется определённая «круглость» героя, завершённость, целостность его мировоззрения. В нём есть «правда реального» (Е.А. Маймин). Во многом его характер раскрывается через прямую речь. Языковую личность Платона Каратаева отличает любовь к фольклору: в уста писатель включает около 20 паремий, раскрывающих суть авторских идей об идеальном мироустройстве. Выбор конкретной языковой единицы служит для оценки определённых фактов, отношений и ситуаций, отражает черты индивидуальной картины мира, характеризует языковую личность говорящего, т.е. имеет не только прагматическое, но и когнитивное значение. Поскольку перед нами герой литературного произведения, то свёрнутая информация, содержащаяся в паремиях, позволяет судить о характере персонажа: любви к Родине (*России да лету союзу нету; Москва, она городам мать*), вере в Бога (*Не нашим умом, а божьим судом*), трудолюбии (*Потная рука торовата, сухая неподатлива*), семейных ценностях (*Жена для совета, тёща для привета, а нет милей родной матушки, Какой палец ни укуси, всё больно*).

Приведём примеры, представляющие контекстное употребление этих паремий:

– Как не скучно, соколик. Меня Платоном звать; Каратаевы прозвище, – прибавил он, видимо, с тем, чтобы облегчить Пьеру обращение к нему. – Соколиком на службе прозвали. Как не скучать, соколик! ***Москва, она городам мать****. Как не скучать на это*

смотреть. Да червь капусту гложе, а сам прежде того пропадае: так-то старички говаривали, – прибавил он быстро.

– Как, как это ты сказал? – спросил Пьер.

– Я-то? – спросил Каратаев. – Я говорю: ***не нашим умом, а божьим судом****, – сказал он, думая, что повторяет сказанное. И тотчас же продолжал: – Как же у вас, барин, и вотчины есть? И дом есть? Стало быть, полная чаша! И хозяйка есть? А старики-родители живы? – спрашивал он, и хотя Пьер не видел в темноте, но чувствовал, что у солдата морщились губы сдержанною улыбкой ласки в то время, как он спрашивал это. Он, видимо, был огорчён тем, что у Пьера не было родителей, в особенности матери.*

– ***Жена для совета, тёща для привета, а нет милей родной матушки****! – сказал он. – Ну, а детки есть? – продолжал он спрашивать. Отрицательный ответ Пьера опять, видимо, огорчил его, и он поспешил прибавить: – Что ж, люди молодые, ещё даст бог, будут. Только бы в совете жить...*

– Да теперь всё равно, – невольно сказал Пьер.

– Эх, ***милый человек*** *ты, – возразил Платон. –* ***От сумы, да от тюрьмы никогда не отказывайся****. – Он уселся получше, прокашлялся, видимо приготовляясь к длинному рассказу. – Так-то,* ***друг*** *мой* ***любезный****, жил я ещё дома, – начал он. – Вотчина у нас богатая, земли много, хорошо живут мужики, и наш дом,* ***слава*** *тебе* ***Богу****. Сам сем батюшка косить выходил. Жили хорошо. Христьяне настоящие были. Случись... – и Платон Каратаев рассказал длинную историю о том, как он поехал в чужую рощу за лесом и попался сторожу, как его секли, судили и отдали в солдаты. – Что́ ж, соколик, – говорил он изменяющимся от улыбки голосом, – думали горе, ан радость! Брату бы идти, кабы не мой грех. А у брата меньшого сам-пят ребят, а у меня, гляди, одна солдатка осталась. Была девочка, да ещё до солдатства* ***Бог прибрал****. Пришёл я на побывку, скажу я тебе. Гляжу – лучше прежнего живут. Животов полон двор, бабы дома, два брата на заработках. Один Михайло, меньшой, дома. Батюшка и говорит, все детки равны:* ***какой палец ни укуси, всё больно****. А кабы не Платона тогда забрили, Михайле бы идти. Позвал нас всех – веришь – поставил пред образа. Михайло, говорит, поди сюда,* ***кланяйся*** *ему* ***в ноги****, и ты, баба,* ***кланяйся****, и внучата,* ***кланяйтесь****. Поняли?*

говорит. – Так-то, ***друг*** *мой* ***любезный****. Рок головы ищет. А мы всё судим: то не хорошо, то не ладно.* ***Наше счастье****, дружок,* ***как вода в бредне: тянешь – надулось, а вытащишь – ничего нету****. Так-то. – И Платон пересел на своей соломе* («Война и мир», т. IV, ч. 1, гл. XII; 12: 46-47)

– Вот поди ты, – сказал Каратаев, покачивая головой. – Говорят, нехристи, а тоже душа есть. То-то старички говаривали: ***потная рука торовата, сухая неподатлива.*** *Сам голый, а вот отдал же. – Каратаев, задумчиво улыбаясь и глядя на обрезки, помолчал несколько времени. – А подверточки, дружок, важнеющие выдут, – сказал он и вернулся в балаган* («Война и мир», т. IV, ч. 2, гл. XI; 12: 96).

Как видно из примеров, в уста Платона Каратаева Толстой вкладывает паремии, имеющие обобщённое значение, носящие характер жизненных постулатов и проповедующие истинные ценности. Первый пример представляет собой фразеологически насыщенный контекст, благодаря которому можно говорить о речевом портрете героя, который в ответ на любую реплику приводит хорошо знакомую пословицу или ФЕ. Во время диалога нейтральный тон общения сменяется дружественным, о чём говорит употребление обращений, носящих неформальный характер. Создавая образ героя из народа, писатель использует элементы народного языка, частью которого являются пословицы. Примечательно, что пословицы, произносимые Платоном Каратаевым, ни разу не повторяются, это свидетельствует о богатстве языка и богатом внутреннем мире персонажа: непримечательный внешне, он становится выразителем авторских идей, заключающихся в осознании жизни как основной ценности бытия.

В отличие от Платона Каратаева, в уста других, не менее ярких, колоритных героев писатель включает слова и выражения, служащие средством самохарактеристики. «Вне зависимости от смыслового содержания реплики она многоаспектно характеризует говорящего, выявляя его образованность, общую культуру, социальный статус, профессиональную принадлежность и пр.» [Кухаренко, 1988: 150]. Наряду с лексическими средствами, в произведениях Л.Н. Толстого средствами самохарактеристики являются фразеологические средства языка.

В драме «Власть тьмы» с помощью ФЕ и паремий писатель показывает систему нравственных ценностей героев, раскрывает их индивидуальные особенности. Анисья, по выражению Матрены, «баба грубая, характерная», говорит о себе:

Анисья. *Ох, кумушка милая! С сердцем своим что сделаю. Покойник на что строг был, а всё ж я* ***как хотела, так и вертела****, а тут не могу, кумушка. Как увижу его, так и сердце все сойдёт. Нет у меня против него и смелости никакой. Хожу перед ним, как курёнок мокрый.* («Власть тьмы», д. 3, явл. III; 26: 176).

Самой колоритной в драме является ЯЛ Матрёны, речевой портрет которой складывается, в первую очередь, за счёт пословиц, поговорок, присловий. Например: *Баба с печи летит, 77 дум передумает; Бедному жениться и ночь коротка; Бежишь от волка, напхаешься на ведмедя; Бог души не вынет, сама душа не выйдет; В чужих руках ломоть велик; Все 77 увёрток знаю; Деньги всему голова; Земля-матушка никому не скажет, как корова языком слижет; Ищи на орле, на правом крыле; Маремьяна старица, по всем мире печальница, а дома не емши сидят* и др.

В некоторых случаях пословицы и присловья Матрёна использует для самохарактеристики:

Матрёна. *А я* ***что и видела, не видала, что и слышала, не слыхала****. С бабочкой поиграл, – что ж? И телёнок, ведашь, и тот играет. Отчего не поиграть? – дело молодое. А тебя, сынок, хозяин на дворе спрашивает* («Власть тьмы», д. 1, явл. IX; 26: 130).

Матрёна. *Всё в согласьи, как будто. А до чего дело дойдёт, сейчас на своё и повернёшь.* ***Баба****, ведашь,* ***с печи летит, 77 дум передумает****, так где ж ему догадаться…* («Власть тьмы», д. 1, явл. X; 26: 132).

Матрёна. *Ну, новости сказала. А тётка Матрёна и не знала. Эх, деушка,* ***тётка Матрёна тёрта, тёрта да перетёрта****. Тётка Матрёна, я тебе скажу, ягодка, под землей-то на аршин видит. Всё знаю, ягодка! Знаю, зачем молодым бабам сонных порошков надоть. Принесла.* (Развязывает узелок платка, достает в бумаге порошки.) *Чего надо, то вижу, а чего не надо, того знать не знаю, ведать не ведаю. Так-то. Тоже и тетка Матрена молода была. Тоже с своим дураком, ведашь, умеючи прожить надо.* ***Все 77 уверток знаю*** («Власть тьмы», д. 1, явл. X; 26: 131).

В последнем контексте, кроме использования паремии *тетка Матрена терта, терта да перетерта*, писатель приводит ФЕ *видеть на аршин под землей* в значении «Быть проницательным, дальновидным, предусмотрительным» (ФСРЛЯ, т. 1: 80).

В пьесе «Власть тьмы», относящейся к народным драмам, Л.Н. Толстой вкладывает разговорные и просторечные ФЕ в уста почти всех героев пьесы, однако чаще всего они становятся средством самохарактеристики Матрёны. Писатель много работал над речью Матрёны, стараясь представить яркий и красочный образ «тёртой» деревенской бабы, хитрой и изворотливой. Паремии, отражая черты национального характера, позволяют представить колоритный образ русской женщины пореформенной России.

Экспрессивностью, эмоциональной окрашенностью отличаются самохарактеристики не только в драматургии, но и в эпических произведениях:

В романе-эпопее «Война и мир» ФЕ *выводить / вывести на чистую воду* употребляется для самохарактеристики Денисова:

Ежели бы я был г'азбойник, я бы просил милости, а то я сужусь за то, что ***вывожу на чистую воду*** *г'азбойников. Пускай судят, я никого не боюсь; я честно служил царю и отечеству, и не крал!* («Война и мир», т. II, ч. 2, гл. XVIII; 10: 137-138)

Особый интерес вызывает самохарактеристика, проговариваемая героем про себя, т.е. являющаяся частью внутренней речи:

«Мясо, тело, ***chair à canon****!»* [пушечное мясо] – *думал он, глядя и на своё голое тело, и вздрагивал не столько от холода, сколько от самому ему непонятного отвращения и ужаса при виде этого огромного количества тел, полоскавшихся в грязном пруде* («Война и мир», т. III, ч. 2, гл. V; 11: 125).

«Что́ же он думает, что я злодей или ***старый дурак****, без причины отдалился от дочери и приблизил к себе француженку? Он не понимает, и потому надо объяснить ему, надо, чтоб он выслушал», – думал старый князь* («Война и мир», т. III, ч. 1, гл. VIII; 11: 35).

Интересен пример, где прослеживается идейная связь художественного произведения с этимологией используемого ИВ-ФЕ:

Я величайший преступник, убийца отца, убийца сотен тысяч людей на войнах, которых я был причиной, гнусный развратник, злодей, верил тому, что мне про меня говорили, считал

себя спасителем Европы, благодетелем человечества, исключительным совершенством, ***un heureux hasard****, как я сказал это m-me Staël* («Посмертные записки старца Федора Кузмича», I; 36: 60-61).

Ср.: *Je ne suis qu'un heureux hazard* – «франц. Я только счастливая случайность» (Бабкин, т. 2: 695).

По данным «Словаря…» А.М. Бабкина и В.В. Шендецова, фраза *Je ne suis qu'un heureux hasard* приписывается русскому царю Александру I (1777–1825). В основу повести «Посмертные записки Фёдора Кузмича» положена широко бытовавшая легенда о том, что император Александр I не скончался в Таганроге от неизвестной болезни, как утверждали официальные источники, а принял старчество и долго ещё жил под видом обыкновенного крестьянина, называя себя Фёдором Кузмичом [Левитская, 2007: 25]. Это позволяет говорить о концептуальном способе экспликации коммуникативного намерения писателя.

Наряду с самохарактеристикой ФЕ используются как взаимохарактеристики конкретного персонажа:

За обедом, за которым пили шампанское за здоровье нового георгиевского кавалера, Шиншин рассказывал городские новости о болезни старой грузинской княгини, о том, что Метивье исчез из Москвы, и о том, что к Растопчину привели какого-то немца и объявили ему, что это шампиньон (так рассказывал сам граф Растопчин), и как граф Растопчин велел шампиньона отпустить, сказав народу, что это не шампиньон, а просто ***старый гриб*** *немец* («Война и мир», т. III, ч. 1, гл. XX; 11: 83).

– Я тебе говорю – вздор, ещё ***молоко не обсохло****, а в военную службу хочет! Ну, ну, я тебе говорю, – и граф, взяв с собой бумаги, вероятно, чтоб ещё раз прочесть в кабинете перед отдыхом, пошёл из комнаты* («Война и мир», т. III, ч. 1, гл. XX; 11: 86).

В двух примерах употреблены ФЕ, относящиеся к одной тематической группе ‘возраст’. Если в первом случае характеризуется возраст эпизодического героя, то во втором – Пети Ростова.

В следующем контексте даётся качественная оценка лица и носителю присваивается определённое качество. ФЕ с компонентом *голова* может ассоциироваться с самим человеком в результате метонимического переноса значения при наименовании части – целого:

М а т р ё н а . *Вот и поднялся мой-то,* ***дурья голова****: женить, говорит, да женить, грех покрыть* («Власть тьмы», д. 1, явл. X; 26: 132).

Ср.: *дурья голова* – «О глупом, тупом человеке» (ФСРЯТ: 72).

Интересно, что взаимохарактеристика может относиться не только к конкретному литературному образу, но и целому значимому для данного произведения сословию или социальной группе:

– И что́ же, разве наши ополченцы составили пользу для государства? Никакой! только разорили наши хозяйства. Лучше ещё набор... а то вернётся к вам ни солдат, ни мужик, и только один разврат. Дворяне ***не жалеют своего живота****, мы сами поголовно пойдём, возьмём ещё рекрут и всем нам только* ***клич кликни*** *гусай (он так выговаривал государь), мы все умрём за него, – прибавил оратор, одушевляясь*. («Война и мир», т. III, ч. 1, гл. XXII; 11: 93).

– Так-то и я сужу, Яков Алпатыч. Я говорю, приказ есть, что не пустят его, значит верно. Да и мужики по три рубля с подводы просят – ***креста*** *на них* ***нет****! – Яков Алпатыч невнимательно слушал. Он потребовал самовар и сена лошадям и, напившись чаю, лёг спать* («Война и мир», т. III, ч. 2, гл. IV; 11: 113).

В первом примере дана положительная характеристика дворянства, во втором – отрицательная крестьянству.

Хотя монолог и диалог объединяет одновременное развитие определённой темы, эти формы речи имеют и различия. Монологическому высказыванию противопоставлен диалог, под которым принято понимать форму речи, характеризующуюся сменой реплик двух и более говорящих и связью высказывания с ситуацией. Начиная с датируемых 20-30-ми гг. XX в. работ М.М. Бахтина, Е.Д. Поливанова, Л.В. Щербы, диалог изучался как средство реализации коммуникативной функции языка.

В лингвистической традиции закрепилась следующая структура диалога *диалогическое единство ← реплика / реплики*. Диалог характеризуется рядом признаков. Л.П. Чахоян отмечает сиюминутность, быстроту и непосредственность диалога при отражении описываемых явлений, индивидуальность и эмоциональность говорящего [Чахоян, 1979: 6]. Набор этих черт обусловлен принадлежностью диалога разговорной речи, которую отличает сиюми-

нутность, неподготовленность, неофициальный характер, сниженный стилистический регистр, подвижность нормы, наличие паралингвистических средств.

Диалог используется как в реальной коммуникации, так и в созданной – текстах произведений художественной литературы. По мнению Г.Г. Хисамовой, диалог в произведениях художественной литературы стоит анализировать с антропоцентрической позиции: это позволяет по-новому понять речевое поведение персонажа в процессе его речевого взаимодействия [Хисамова, 2013: 245].

Л.П. Чахоян называет направленность коммуникативных единиц прогрессивной, если она исходит от говорящего, и регрессивной, если она представляет собой ответную реплику или является самостоятельной репликой. В соответствии с целевой установкой автора персонаж наделён определённой коммуникативной стратегией, которая носит активный или пассивный характер.

Большое значение диалогическая речь имеет для раскрытия особенностей языка драматургии. В драматургии Л.Н. Толстого пословицы выступают диалогообразующим началом. По мнению В.В. Основина, включённые в диалог «“цитатные формы речи” придают разговору между персонажами особую тональность, изменяя течение диалога в драмах Толстого» [Основин, 1982: 132].

В следующем примере из драмы «Власть тьмы» пословица членится на две смысловые части: первую часть паремии произносит один герой Аким, а заканчивает пословицу другой персонаж, при этом реплика Акима задаёт «продолжение» – ответную реплику:

А к и м *(продолжает возиться с оборками). Эх, малый, тае, значит,* ***вешний путь****, тае,* ***не дорога****...*

Н и к и т а. *Это ты к чему?* ***С пьяным речь не беседа****? Да ты не сумлевайся. Чайку попьём. А я всё могу, положительно все дела исправить могу* («Власть тьмы», д. 3, явл. IX; 26: 188).

Аким, выразитель идей автора, не желая разговаривать с пьяным сыном, включает в свой разговор на бытовую тему паремию-бином *Вешний путь не дорога, с пьяным речь не беседа*, сопровождая фразу излюбленным вводным словом *тае*. В этом случае писатель достигает идеи морализаторства и дидактизма, выра-

жая своя отрицательное отношение к пьянству, как бы исподволь: вторую часть паремии договаривает Никита, адресат высказывания. Вторая часть пословицы *С пьяным речь не беседа?* представляет собой риторический вопрос, вплетённый в быстрый разговор действующих лиц. Здесь можно говорить о предумышленной связанности реплик, о перераспределении субъектно-объектных отношений, появлении новых смысловых оттенков благодаря нарушению целостности устойчивой фразы и о продуманной писателем коммуникативной стратегии. При этом основная мысль выражается одной пословицей. В созданной референтной ситуации Л.Н. Толстой выражает своё отрицательное отношение к одному из человеческих пороков – пьянству.

Рассмотрим ещё один контекст из пьесы «Плоды просвещения», где разделение пословицы на две части носит формальный характер, автором достигается лишь контактоустанавливающая функция и смысловые части паремии образуют «речевой подхват» (термин, активно используемый представителями костромской фразеологической школы):

Таня. *Верно не обещаю; как это говорится:* ***попытка не шутка, а …***

1-й мужик. ***А спрос не беда.*** *Это двистательно* («Плоды просвещения» д. 1, явл. 53; 27: 144).

Как видно из приведённого примера, реплики не имеют заданности. 1-й мужик, которого Толстой характеризует как знающего обхождение с господами и любящего себя послушать, продолжает сказанную горничной Таней фразу. Однако употребление в пьесе паремии *Попытка не шутка, а спрос не беда* ситуативно обусловлено: мужики жалуются Тане, что барин никак не подпишет необходимые бумаги. Таня соглашается помочь, в этой связи и употребляет пословицу. Здесь пословица не носит рекомендательного характера, а выполняет лишь констатирующую функцию, употребление ситуативно обусловлено.

Другим способом использования пословиц в диалогической речи является повтор. Как отмечает Н.А. Кожевникова, повтор реплик так же сближает персонажей, как и повтор характеристик [Кожевникова, 2011: 191]. В повести «Казаки» паремия *Для первого раза прощается*, являющаяся повторяющейся репликой, принадлежит Оленину и Ерошке:

– Ну, провинился, нечего делать. Порох, Ванюша! Пыжи! – говорил Оленин.

– Штраф! – кричал старик.

– Дю те вулеву? (Хотите чаю?) – говорил Ванюша, ухмыляясь.

– Ты не наш! Не по-нашему лопочешь, чёрт! – кричал на него старик, оскаливая корешки своих зубов.

*– **Для первого раза прощается**, – шутил Оленин, натягивая большие сапоги.*

*– **Прощается для первого раза**, – отвечал Ерошка, – а другой раз проспишь, ведро чихиря штрафу. Как обогреется, не застанешь оленя-то* («Казаки», XVIII; 6: 67).

Юнкер Оленин приезжает на службу в кавказский пехотный полк. Местные его принимают настороженно, но почти сразу между старым казаком Ерошкой и Олениным устанавливаются добрые отношения. В рассматриваемом контексте повтор носит ситуативный характер и объясняется сложившейся речевой ситуацией, отношениями между говорящими. Ерошка, повторяя за Олениным паремию, как бы подыгрывает ему, однако частично изменяет пословицу и представляет в инверсированном виде: на первый план выдвигает не квантитатив, а глагол. При частичном изменении плана выражения план содержания пословицы не меняется.

В количественном отношении фразеология преобладает в речи персонажей и несобственно-прямой речи. Различные по генетической, стилистической характеристике ФЕ использованы в речи разных по происхождению героев, однако наиболее колоритные речевые портреты созданы писателем для представления героев из народа. Выбор жанра народной драмы объясняет яркость созданных речевых партий в пьесе «Власть тьмы», а также насыщенность текста фразеологией.

Выводы к разделу 2

Л.Н. Толстой, как и другие русские писатели XIX в., в художественных произведениях, в публицистических, эпистолярных, мемуарных текстах активно пользовался фразеологическими ресурсами не только русского, но и иностранных языков. Однако

функционирование фразеологии в языке Л.Н. Толстого имеет свои нюансы. Проведённый нами анализ доказывает, что контекст способствует реализации смысловых значений фразеологии. Уточнению фразеологического значения или формулировке окказионального значения в языке писателя способствует семантизация единиц в тексте, когда посредством «авторской самодефиниции» происходит толкование значения концептуально значимых для Л.Н. Толстого единиц. Кроме того, смысловой реализации фразеологии способствуют фразеологические актуализаторы в составе контекста. Ряд фразеологических конфигураций в языке Л.Н. Толстого помогает семантизации, т.е. раскрытию значения единицы с писательской точки зрения, что важно для уточнения семантики ФЕ и пословиц и находит отражение при создании авторского фразеологического словаря: подчас писатель не просто реализует узуальное значение, а привносит смысловые оттенки. В контекстуальном употреблении семантизация может осуществляться разными способами, язык Л.Н. Толстого содержит подобные доказательства: наиболее частотны примеры семантизации посредством синонимов. Наряду с узуальными синонимами, писатель использует контекстуальные синонимы. Другим способом семантизации является употребление однотипных по структуре синтаксических конструкций. В зависимости от способа актуализации значения единиц необходимо корректно дифференцировать фразеологические узуальные и окказиональные актуализаторы. Определение границ контекста важно для толкования и фразеологического значения в целом, и семантических оттенков. Точное выделение границ для контекстуального анализа необходимо как для понимания содержания произведения, так и для характеристики героев.

Язык Л.Н. Толстого иллюстрирует многофункциональность и полифункциональность фразеологии. При употреблении паремий писатель использует формальные, оценочные и концептуальные способы выражения коммуникативного намерения. В текстах писем и дневников Толстой писатель показывает своё отношение к пословице, соглашаясь или не соглашаясь, иногда дополняет её, наполняя другим содержанием. Авторское толкование паремий характерно и для текстов художественных произведений. Аргументативный потенциал пословицы увеличивается в предложениях с паремиологически насыщенным контекстом.

Существует взаимосвязь между выбором жанра произведением и языковыми предпочтениями писателя: жанрологически объясняется употребление пословиц в народных рассказах и народных драмах Л.Н. Толстого. В языке Л.Н. Толстого пословицы играют различную роль: их употребление в качестве названий произведений, эпиграфов и ключевых слов является одним из способов выражения авторской позиции. Анализ авторской речи и речи персонажей в художественных произведениях Л.Н. Толстого показал, что чаще фразеологические средства произносят персонажи художественных произведений: фразеология является средством создания самохарактеристики персонажа, диалогообразующим началом, элементом языковой личности персонажа, что позволяет сформировать структуру текста художественного произведения.

Анализ языка Л.Н. Толстого показал, что писатель иногда употребляет БФЕ в качестве сильной позиции текста, используя их в функции заглавия, эпиграфе, ключевых слов. В творчестве Л.Н. Толстого некоторые выражения получают фразеологическую детерминированность, это подтверждается лексикографически и контекстуально (см. примеры, представленные в национальном корпусе русского языка и в БСКСВРЯ).

Несмотря на сосуществование различных терминологических номинаций, исследователи подчеркивают необходимость изучения функционирования смысловых доминант в текстах разных стилей и жанров. Будучи организующим центром текста, смысловые доминанты служат как для выражения авторского замысла, так и для представления индивидуальной картины мира писателя. Контекст позволяет увидеть специфику функционирования пословичных доминант в отдельных произведениях, а не в языковой системе в целом. Хотя использование определённой смысловой доминанты может быть ограничено рамками конкретного текста, иногда можно говорить о расширении этих границ, переходе единиц в тезаурусообразующие (например, особенности употребления ФЕ *comme il faut* и его производных в контексте творчества Л.Н. Толстого). Таким образом, раскрытие темы и понимание идеи художественного произведения подчас зависят от уровня восприятия смысловых доминант анализируемого текста. Изучение языка Л.Н. Толстого предполагает определение тезауру-

сообразующих единиц и их лексикографическое описание. Как показали многолетние наблюдения, фразеологизмы и паремии, организуя «статичную и относительно стабильную картину мира» [Караулов, 2003: 6], являются чертой идиостиля этого писателя. Данная задача решается при помощи статистического метода, когда определяется частотность языковых единиц, и метода когнитивно-дискурсивного подхода, при котором выявляется взаимосвязь языковых и внеязыковых факторов создания и понимания текста. Анализ языкового материала позволил отнести к тезаурусообразующим единицам языка Л.Н. Толстого следующие: *comme il faut*, *Дамоклов меч*, *Поднявший меч от меча погибнет*, *перековать мечи на орала*, *Fais ce que dois, advienne que pourra*, *Dans le doute abstiens toi*, *непротивление злу <насилием>*, *Царство Божие*, *арзамасский / московский ужас*, *арзамасская тоска*, *арзамасская / московская ночь*. При интерпретации языковых фактов учитываются философские воззрения писателя, факты его биографии: с детства он владел иностранными языками, что объясняет наличие ИВ в роли тезаурусообразующих единиц; к середине жизни писатель пересматривает свои духовные идеалы, отказывается от прежних убеждений; в основу толстовского учения лёг принцип *непротивления злу*. Частотно используемая ФЕ выполняет лишь прагматическую функцию, поэтому далеко не всегда становится тезаурусообразующей единицей.

Синхронический анализ текстов разных стилей и жанров помогает увидеть писательские искания, установить и уточнить значение ФЕ. Диапазон примеров, дифференцированных относительно жанра, позволяет уловить, как формировалось значение КВ в процессе фразеологизации. Тематика текста, тон высказывания объясняют писательские предпочтения – употребление библейской фразеологии. Для характеристики ЯЛ Л.Н. Толстого важно установить, как в связи с изменением мировоззрения, жизненной философии происходит смена языковых приоритетов: наполненная радостью, светскостью, яркостью, стремление к идеалу в первой половине жизни после кризиса сменяется духовным прозрением.

Текст Л.Н. Толстого насыщен кодовыми переключениями. Высокий уровень владения иностранными языками, хорошее знание афористики, фразеологии и паремиологии латинского, фран-

цузского, английского, немецкого и других языков позволяли писателю использовать многочисленные ИВ в текстах различных стилей и жанров, органично вплетая в контекст, употребляя их как в транслитерированном, так и в нетранслитерированном виде.

ФЕ в зависимости от художественной задачи писателя выполняют определённую роль, которая раскрывается в контексте того или иного произведения художественной литературы. Исследование роли ФЕ в литературном произведении предполагает изучение авторских приемов употребления ФЕ для усиления образности и выразительности слова, а также рассмотрение ФЕ в речи персонажей, что позволяет сделать выводы о роли фразеологии в индивидуальной картине мира писателя.

Раздел 3

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ В ЯЗЫКЕ Л.Н. ТОЛСТОГО: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Глава 1. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ КАК ЯЗЫКОВАЯ ПРОБЛЕМА. ТИПОЛОГИЯ ТРАНСФОРМАЦИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Одним из признаков литературного языка является наличие определённых норм – правил, соблюдение которых обязательно для всех носителей языка. С понятием нормы непосредственно связано такое свойство языка, как варьирование. Варьирование языковых единиц является неизбежным следствием развития языка. Как отмечает В.М. Солнцев, «процесс изменения и развития языка, определяемый в конечном счёте потребностями общения людей, осуществляется в процессе бесконечного использования, отбрасывания, отбора, создания различных вариантов, словом, в ходе бесконечного варьирования» [Солнцев, 1984: 41].

Вариантность, будучи одной из универсальных категорий, обнаруживается на всех уровнях языковой системы и связана «с проявлением изофункциональных и изоструктурных свойств языка» [Сложеникина, 2005: 50]. В основе изучения лежит проблема тождества языковых единиц, а в качестве основных терминов метаязыкового инструментария употребляется утвердившаяся благодаря пражским фонологам дихотомия *инвариант – вариант*. Начиная с Аристотеля, проблеме вариантности посвящали труды как отечественные (А.В. Бондарко, К.С. Горбачевич, Л.Г. Ким, В.М. Солнцев и др.), так зарубежные исследователи (Э. Косериу, Дж. Лакофф и др.). Вариант как модификация нормы или ее нарушение, сосуществование терминологических вариантов, метаязык вариантности как самостоятельный раздел лингвистики, смысло-

вое варьирование текста, соотношение инварианта и варианта – вот спектр вопросов, рассматриваемых сегодня.

Фразеология как элемент языковой системы представлена как инвариантами, так и вариантами, что связано с влиянием слова на семантические процессы внутри ФЕ [Диброва, 1979: 3]. Под инвариантом понимаем исходный вид ФЕ, наиболее распространённый в языке и зафиксированный в лексикографии, под вариантом – ФЕ, структура или / и семантика которых модифицирована. В языке сосуществуют ФЕ, не допускающие изменения плана содержания и плана выражения и употребляемые в неизменном виде, которым противопоставлены ФЕ, претерпевающие изменения семантики и / или структуры. Явление фразеологической вариантности, по мнению Б.С. Шварцкопфа, объясняется природой ФЕ – стабильностью состава и значения [Шварцкопф, 1968: 128].

Вопросы варьирования (трансформации) фразеологических средств состава неоднократно становились предметом исследования [Абрамец, 1968; Архангельский, 1964; Бондаренко, 1995; 2001; 2008; 2009; 2009а; Вакуров, 1983; Гвоздарёв, 2010; Диброва, 1979; Жуков, 1967; Лебединская, 1999; Маркелова, 2001; Мелерович, 2008, 2011; Мокиенко, 1989, 2009; Молотков, 1977; Савина, 1984; Савенкова, 2002; Селиверстова, 2017; Семененко, 2005; Телия, 1996, Щербачук, 2000 и др.].

Для обозначения замены компонентов фразеологи используют равноправные термины *варьирование*, *вариантность, вариабельность, вариативность*, в результате образуются *варианты, преобразования, трансформации, преобразования, модификации, трансформы*.

Дискуссионным является вопрос о критериях выделения вариантов. Приведём одну из авторитетных, на наш взгляд, точек зрения: верификация происходит на основании семантического тождества и материально выраженной общности, которые дополняются единством внутренней формы и окружения [Телия, 1972]. В этом же русле лежат рассуждения В.М. Мокиенко, который ориентируется на понимание вариантности как видоизменения плана выражения, изменение плана содержания ведёт к появлению новой ФЕ. «Тождество ФЕ при её вариантности… обеспечивается стабильностью целостного фразеологического значения [Мокиенко, 1989: 26]. Реализация значения ФЕ происходит в процессе упот-

ребления, поэтому при верификации вариантов следует учитывать парадигматические и синтагматические связи анализируемой фразеологии. Использование фразеологических вариантов нередко контекстуально обусловлено, однако нельзя не отметить справедливость следующей точки зрения: трансформируемость ФЕ заложена «в самой природе владения ими носителем языка» [Добровольский, 1994: 109].

Векторы изучения трансформационного потенциала фразеологии различны: устойчивость и вариантность при сохранении плана содержания как противоречие ФЕ – примера языкового знака [Архангельский, 1964; Диброва, 1979], отличие варианта ФЕ от фразеологического синонима [Жуков, 1987; Мокиенко, 1989; Молотков, 1977], омонима [Архангельский, 1964; Виноградов, 1975; Павлова, 2010], варианта другой ФЕ [Архангельский, 1964]; изучение варьирования в синхронии и диахронии [Гвоздарёв, 2010; Мокиенко, 1989], определение типологии вариантов [Вакуров, 1983; Диброва, 1979; Мелерович, 2008; 2011; Мокиенко, 1989], отличие вариантов от форм ФЕ [Гвоздарёв, 2010; Молотков, 1977], взаимосвязь типов трансформаций и ФЕ по степени семантической слитности [Дидковская, 1992; Мелерович, 2008; 2011], влияние способов организации речи на трансформационный потенциал фразеологии [Алещенко, 1998; Фокина, 2007] и др. Отдельно исследователи рассматривают узуальные и окказиональные варианты [Мелерович, 2008; 2011; Третьякова, 2011][19], объясняют обусловленность варьирования [Шулежкова, 2002].

В основе методологии описания фразеологических преобразований лежит несколько видов анализа, которые должны показать отличие плана содержания и плана выражения данной единицы от исходной: 1) семантический анализ является наиболее важным звеном: ФЕ сопоставляется с семантическим эквивалентом, существовавшим / существующим в языке, выявляется денотат и сигнификат в значении, сравнивается структура единиц, их словарная дефиниция; 2) ретроспективный анализ позволяет выявить первоначальный вид ФЕ, в том числе благодаря использованию данных НКРЯ; 3) контекстуальный анализ помогает сформулировать фра-

[19] История вопроса, касающегося изучения видов преобразований, будет приведена ниже.

зеологическое значение, которое получает ФЕ в контексте посредством фразеологических актуализаторов, а также определить роль ФЕ в творческом наследии писателя (тезаурусообразующие единицы); 4) историко-этимологический анализ необходим не только для определения типов вариантов и приёмов использования ФЕ, но и для установления внутренней формы ФЕ, что следует учитывать в процессе употребления.

Одним из направлений исследования фразеологической вариантности является определение связи между типом варианта и характеристикой ФЕ. Приведём наблюдения учёных-фразеологов. В.Л. Архангельский усматривает связь синтаксической организации ФЕ, т.е. принадлежности к классу фразем или устойчивых фраз, и количества парадигматических вариантов, а также отмечает отсутствие морфологических вариантов у многих наречных, модальных и служебных ФЕ [Архангельский, 1964: 130], что объясняется особенностями русской грамматики. Впоследствии, опираясь на данное наблюдение В.Л. Архангельского, представители научной школы проф. А.М. Чепасовой (г. Челябинск) выявляют специфичные и неспецифичные типы фразеологического варьирования для различных грамматических моделей ФЕ, что находит отражение в коллективной монографии «Структурно-грамматические свойства русских фразеологизмов» (2002).

К описанию типологии варьирования ФЕ обращаются учёные различных научных школ. Узкое или широкое понимание объекта фразеологии, отношение к норме, учёт грамматических характеристик, выбор материала для анализа – всё это находит отражение при разработке данного вопроса. В своих трудах В.Т. Бондаренко (1995), В.П. Жуков (1986), Ю.А. Гвоздарёв (2010), В.Н. Вакуров (1983), Е.И. Диброва (1979), А.И. Молотков (1977), В.М. Мокиенко (1989), А. Начисчионе (1973) предлагают типологию вариантов ФЕ.

В настоящее время наиболее полной является классификация, предложенная А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко и положенная в основу словарных статей словаря «Фразеологизмы в русской речи» (1997). Учёные выделяют семантические и структурно-семантические преобразования. К первому типу относят «семантико-стилистические преобразования, не затрагивающие лексико-грамматическую структуру ФЕ» [Мелерович, 1997: 23], ко второ-

му – «смысловые преобразования, сопряженные с изменением лексического состава и/или грамматической формы ФЕ» [Мелерович, 1997: 23].

Структурно-семантические трасформации фразеологического состава признаются рядом фразеологов (см. табл. 2, Приложение 1). Как показывают наши наблюдения, исследователи в некоторых случаях используют различные термины для обозначения того или иного типа вариантов. На сегодняшний момент менее всего разработана семантическая классификация, в основе которой – спонтанная реакция говорящего, контекстуальная обусловленность, желание конкретизировать или уточнить значение выбранной из лексикона единицы, подчас неточное, воспринимаемое лишь примерно.

Структурно-семантические преобразованные ФЕ традиционно делят на две группы: 1) окказиональные варианты узуальных ФЕ; 2) окказиональные ФЕ. В основе дифференциации – характер изменений фразеологического значения: в первом случае можно говорить о незначительных семантических нюансах, во втором – значение, возникшее в результате авторской интенции, мотивировано контекстом, эти ФЕ являются «не смысловой заменой языковых эквивалентов, а средством вербализации индивидуально-авторских концептов» [Мелерович, 2008: 313]. В своей работе за основу мы приняли типологию преобразований ФЕ, предложенную А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко, в соответствии с которой проанализировали фразеологию языка Л.Н. Толстого.

Фразеотворчество является характерной чертой языка многих русских классиков. При отграничении индивидуально-авторских (окказиональных) вариантов ФЕ, паремий, КВ от окказиональных в языке писателя необходимо решить ряд проблем: определение времени появления окказиональной единицы в языке (возможно, она принадлежит другой языковой личности), установление частотности её употребления в общелитературном языке и языке писателя. «Для исследования вариантности… очень важны первые, наиболее ранние фиксации единиц» [Николаева, 2008: 511], для чего можно использовать данные НКРЯ. Данная мысль особенно актуальна при верификации ФЕ, используемых писателями XVIII-XIX вв., поскольку авторитетные словари (ФСРЯ, ФСРЛЯ, ФСРЯТ), хотя и представляют широкий иллюстративный

материал, но их составители при выборе заголовочной единицы опирались в основном на современные употребления, относящиеся ко 2-й половине XX в.

Окказиональное использование ФЕ, паремий, КВ расширяет фразеологический состав языка, характеризует языковую личность говорящего / пишущего как творческую, поскольку происходит «образование качественно новой ФЕ с новым индивидуальным значением… от фразеологизма, уже имеющегося в языке» [Ермакова, 2005: 41], следует принимать во внимание «вопросы языка и стилистики речи, жанровые особенности контекста и соотношения в нём ФЕ и слов, языка писателей и его особенностей» [Бойченко, 1993: 3]. В этой связи стоит привести мнение В.Н. Вакурова, который индивидуальные преобразования ФЕ называет не просто художественным новаторством, а закономерным проявлением известной гибкости и динамичности, проявляющейся в живом употреблении ФЕ [Вакуров, 1983: 111]. На наш взгляд, в связи с изучением языка писателя особую ценность имеют данные о том, насколько преобразования обусловлены языковыми тенденциями определённого временного отрезка[20] или авторскими интенциями с целью экспликации различных видов коммуникативного намерения – от формального до концептуального. Поэтому в ядерной зоне находятся узуальные, отражающие общеязыковое, формальное употребление, а на периферии – окказиональные варианты узуальных ФЕ и окказиональные ФЕ.

Глава 2. Реализация трансформационного потенциала фразеологии в языке Л.Н. Толстого: характеристика преобразований

§ 1. Формальное варьирование фразеологических единиц

Формальное варьирование компонентов ФЕ «осуществляется при условии семантического параллелизма заменяемых форм», «в живой речи, тот или иной формант-заменитель как бы “впи-

[20] Таковы примеры исторически обусловленных отклонений от нормы, описанные А.И. Молотковым [Молотков, 1977: 184-192].

тывает” в себя семантические характеристики вытесненного им компонента» [Мокиенко, 1989: 31], не происходит нарушения целостности ФЕ, не изменяет их значение. К формальным вариантам мы относим фонетические и морфемные варианты. Этот тип варьирования описан в работах В.П. Жукова, В.М. Мокиенко, А.И. Молотков и др. [Жуков, 1986; Мокиенко, 1989; Молотков, 1977].

«Фонетические варианты возникают вследствие замены одного компонента другим на фонетической, звуковой основе» [Жуков, 1986: 166].

Примеры **фонетического варьирования** в языке Л.Н. Толстого единичны; оно используется со стилистической целью, чтобы передать «звучащую» речь персонажей, представить читателю языковой портрет героя. Так, в уста Матрёны писатель вкладывает ФЕ просторечного характера *ни в жизнь* и *ни в жисть* в одном и том же значении «Прост. Экспрес. Никогда, ни при каких условиях» (ФСРЛЯ, т. 1: 234), что можно объяснить словами Р.Н. Попова: «…сохраняя в речи героев диалектные и просторечные особенности, Л.Н. Толстой был далёк, однако, от фотографического воспроизведения на сцене речи крестьян такой, как она есть, без всякой её обработки» [Попов, 1971: 128].

М а т р ё н а . *Микишка, ведашь*, *малый тоже умный. Он знает, кого любить. А ты, ягодка, не сумлевайся. Не снимем его* ***ни в жизнь*** («Власть тьмы», д. 1, явл. X; 26: 133).

М а т р ё н а . *Тоже спросить малого надо. Не захочет он* ***ни в жисть*** *на ней жениться, себя осрамить* («Власть тьмы», д. 1, явл. XII; 26: 139).

В компоненте *жизнь* произошла замена сочетания звуков -зн’- на сочетание -ст’, очевидно, не без влияния слов *страсть*, *напасть*, *власть* и т.п.

В следующем примере употреблена паремия, в которой происходит замена компонента *медведя* фонетическим диалектизмом *ведмедя*, широко распространённым в южнорусском наречии (ТСД, т. 1: 427). В репликах действующих лиц встречаются:

М а т р ё н а . *Как заробеешь, сейчас догадываться станут. Ходи тором, не положат вором. А то* ***бежишь от волка, напхаешься на ведмедя*** («Власть тьмы», д. 5, явл. VIII; 26: 234).

Ср.: *бежал от волка, попал на медведя* (Снегирев, 1995: 28).

В приведённом ниже контексте использован фонетический вариант ФЕ *сбивать / сбить с пахвей*, где звукосочетание [хв] подвергается замене звуком [ф], что объясняется особенностями южнорусских говоров:

П р о х о ж и й . *Это правильно. От ней все качества, значит, все катастрофы жизни от алкогольных напитков.*

Тарас. *Видно, она-то и тебя* ***с пофей сбила*** («От ней все качества», д. 1, явл. 2; 38: 218).

Ср.: *сбивать / сбить с пахвей* – «Приводить в замешательство, запутывать, вызывать состояние растерянности» (ФСРЛЯ, т. 2: 215).

В романе «Война и мир» Денисов наделён особой языковой чертой: он картавит при произнесении [р], что придаёт его образу непосредственность. Фонетические варьирование ФЕ *чёрт знает что* (ФСРЛЯ, т. 2: 369), *чёрт возьми* (ФСРЛЯ, т. 2: 369) объясняется стилистически, вследствие чего ФЕ получают ироничную окраску:

Тепег'ь авось и г'усским говог'ить можно будет. А то ***чёг'т знает что*** *делали. Всё отступали, всё отступали* («Война и мир», т. III, ч. 2, гл. XV; 11: 167).

– И ***чёг'т*** *тебя* ***возьми****, из-за тебя не спал! – проговорил Денисов* («Война и мир», т. IV, ч. 3, гл. X; 12: 144).

Фонетическое варьирование вызвано стремлением писателя приблизить речь персонажа к разговорной звучащей речи, имитировать буквенно-графическое написание ФЕ, показать диалектные особенности, социальное происхождение персонажа, нарисовать его речевой портрет.

Словообразовательные варианты возникают при изменении в одном из компонентов ФЕ словообразовательных формантов: приставок, суффиксов. Например:

2 - й м у ж и к . *Набаловался ты, я чай. Пахать не захочешь?*

С е м ё н : *Пахать-то? Давай сейчас. Косить, пахать, это всё* ***из рук не вывалится*** («Плоды просвещения», д. 2, явл. 6; 27: 160).

Ср.: *валиться из рук* – «Плохо удаваться; не ладиться из-за отсутствия желания, из-за плохого настроения» (ФСРЛЯ, т. 1: 62).

К р е с т ь я н и н . *Ну и прокурат же ты, малый. Хорошо бы так, да* ***не выйдет*** *так* ***дело*** («Проезжий и крестьянин»; 37: 12).

Ср.: *дело не пойдёт* – «Ничего не выйдет, не получится, не состоится» (ФСРЛЯ, т. 1: 187).

А то, говорит, подойдёшь к нашему, весь, говорит, прогнил в червях. Так, говорит, платками обвяжемся, да, ***отворотя морду****, и тащим; мочи нет. А ихний, говорит, как бумага белый; ни синь пороха не пахнет. Все помолчали* («Война и мир», т. IV, ч. 4, гл. VIII; 12: 193).

Ср.: *воротить морду* – «1. Отворачиваться» (ФСРЛЯ, т. 1: 97).

В приведённых примерах значение не изменяется, а морфемные варианты являются средством индивидуализации персонажей, признаком народной речи, речи людей крестьянского сословия, к которому относятся герои народных драм и солдаты.

Другим приёмом словообразовательного варьирования ФЕ является употребление в именном компоненте суффикса с уменьшительно-ласкательным значением:

Игнат (к прохожему). *А видал ты, я чай виды. Ох хороша на тебе бонжурка. Хформенная бонжурка, и где ты такую достал.* (Показывает на его оборванную куртку.) *Ты её не оправляй, она и так хороша.* ***В годочках*** *она, значит, ну да что ж делать?* («От ней все качества», д. 1, явл. 2; 38: 222)

В данном примере изменению подвергается и семантика ФЕ (Ср.: *в годах* – «пожилой» – ФСРЛЯ, т. 1: 147): ФЕ в толстовской пьесе получает значение «старая, поношенная».

3-й мужик. *Мы бы всей душой, да, скажем, и так* ***под метёлочку*** *и эти-то собрали* («Плоды просвещения», д. 1, явл. 27; 27: 120).

Ср.: *под метёлку* – «начисто, полностью, целиком, без остатка (забирать, брать и т. п.)» (ФСРЛЯ, т. 1: 377); *как под метло* (орл.)

Приведём другие примеры, где именной компонент ФЕ употребляется с суффиксом субъективной оценки:

Анисья. *Пашет. Да ты заходи, самовар поставим, чайком* ***душеньку отведёшь*** («Власть тьмы» д. 2, явл. VII; 26: 154).

Ср.: *отводить / отвести душу* – «3. Получать удовольствие, удовлетворение посредством чего-либо» (ФСРЛЯ, т. 2: 62).

«А ещё, милое мое дитятко, голубок ты мой Петрушенька, ***выплакала*** *я свои* ***глазушки****, о тебе сокрушаючись. Солнушко моё*

ненаглядное, на кого ты меня оставил...» На этом месте старуха завыла, заплакала и сказала:

– *Так и будет* («Хаджи-Мурат», VIII; 35: 39).

Ср.: *выплакать все глаза* – «Долго и часто плакать» (ФСРЛЯ, т. 1: 123).

– *...Не то что глупостей каких, он как красная девушка. Денежки все* ***до копеечки*** *домой посылает. А уж девчонке рад, рад был, что и сказать нельзя, – сказала женщина, улыбаясь* («Воскресение», ч. 2, гл. XLI; 32: 353).

Ср.: *до копейки* – «Целиком, полностью, всё (о деньгах)» (ФСРЯТ: 117).

Словообразовательное варьирование осуществляется за счёт варьирования приставок в глагольных компонентах ФЕ и употребления в предложно-падежных формах суффиксов с уменьшительно-ласкательным значением для создания художественной индивидуальности, передачи социального происхождения героев художественных произведений.

В языке Л.Н. Толстого формальное варьирование представлено небольшим количеством примеров, представляющих собой речь персонажей, что объясняется решением эстетической задачи: создать речевой портрет, указав происхождение, артикуляционные особенности, чтобы воссоздать черты языковой личности персонажа.

§ 2. Семантическое варьирование фразеологических единиц

Специфика фразеологической семантики состоит в переосмыслении компонентов ФЕ, в результате чего ФЕ получает новый семантический оттенок или новое значение, изменяется коннотация, происходит экспликация внутренней формы и т.п. Этот тип варьирования находит отражение в работах А.В. Кунин, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, А.И. Фёдорова [Кунин, 1996; Мокиенко, 1989; Мелерович, 2008, 2011; Фёдоров, 1973].

По мнению А.И. Фёдорова, постоянство фразеологической семантики обусловлено однотипным, постоянным окружением [Фёдоров, 1973: 160], следовательно, при анализе семантических преобразований важным является контекстуальное окружение ФЕ,

в том числе многозначных. Рассмотрим семантические преобразования ФЕ в языке Л.Н. Толстого.

ФЕ может приобретать **дополнительный семантический оттенок** в контексте:

Леонид Федорович. *Что же, вы покупаете землю, что ли?*

1-й мужик. *Двистительно, это* ***как есть****. Происходит… значит, насчёт покупки собственности земли* («Плоды просвещения, д. 1, явл. 26; 27: 117).

Ср.: *как есть* – «совершенно, совсем» (ФСРЯТ: 103), «1. В чём остался одет; как был. 2. Совсем, абсолютно (всё, ничего). 3. Настоящий; подлинный» (ФСРЛЯ, т. 1: 229-230), в данном примере – «Точно». Появившийся семантический оттенок соотносится со 2-м значением ФЕ.

Дополнительный семантический оттенок ФЕ появляется как следствие словообразовательного варьирования:

Никита. *А пуще всего тошно мне, Маринушка, что один я и не с кем мне моего* ***горя размыкать*** («Власть тьмы», д. 5, явл. IV; 26: 229).

Если ФЕ *мыкать горе* обозначает «Переживать страдания, лишения, нужду, неустроенность в жизни» (ФСРЛЯ, т. 1: 388), то ФЕ *размыкать горе* получает оттенок конкретизации фразеологического значения «Делить страдания с кем-то».

Анисья. *Тоже даром что дура,* ***забрала*** *себе* ***в голову****: я, говорит, хозяйка* («Власть тьмы», д. 3, явл. III; 26: 177).

Ср.: *брать / взять в голову* – «Принимать во внимание» (ФСРЛЯ, т. 1: 43).

В данном контексте ФЕ *забрать в голову* приобретает значение «Думать, считать».

В индивидуальном употреблении ФЕ часто **приобретает новое значение**. В следующем примере ФЕ получает значение «Поступать так же», как и другие, превосходя их»:

Крестьянин. *Да разве мы одни пьём? Погляди-ка, как её попы окалызывают, за первый сорт. А бары-то тоже* ***спуску не дают*** («Проезжий и крестьянин»; 37: 9).

Ср.: *не давать / не дать спуску* – «Не прощать кому-либо, не оставлять без возмездия поступки, вредные действия и т.п.» (ФСРЛЯ, т. 1: 173).

Обычно ФЕ *для души* реализуется в значении «Для удовлетворения внутренних потребностей, интересов» (ФСРЛЯ, т. 1: 224). В анализируемом примере ФЕ приобретает значение «Для спасения души», более близкое мировоззрению Толстого:

П р о е з ж и й . *Сами живём по-дьявольски, а на людей жалуемся.*

К р е с т ь я н и н . *Это верно. Да только трудно, уж как трудно! Другой раз и не стерпишь.*

П р о е з ж и й . *А* ***для души*** *терпеть надо* («Проезжий и крестьянин»; 37: 13).

ФЕ *выпустить дух* употребляется в значении «Умереть, околеть» (ФСРЛЯ, т. 1: 124), а в приведённом примере получает значение «делать тяжелый выдох после напряжения физических сил», которое выводится путём актуализаторов:

– Вот как в наше время танцевали, та chère, – сказал граф.

– Ай да Данила Купор! – тяжело и продолжительно ***выпуская дух*** *и засучивая рукава, сказала Марья Дмитриевна* («Война и мир», т. I, ч. 1, гл. XVII; 9: 84).

Изменения коннотативного содержания ФЕ могут касаться оценки, экспрессивности, эмотивности. В следующем примере наблюдается появление иронического смысла благодаря контекстуальному окружению, грамматическому варьированию и расширению компонентного состава:

– Прежде этого не разбирали, – внушительным тоном сказал старик, – нынче только завелось это. Как что, она сейчас и говорит: «Я от тебя уйду». У мужиков на что, и то ***эта самая мода завелась****. «На, говорит, вот тебе твои рубахи и портки, а я пойду с Ванькой, он кудрявей тебя»* («Крейцерова соната», гл. I; 27: 10).

Ср.: *завести моду* – «Прост. Усвоить какую-либо определённую привычку, манеру поведения» (ФСРЛЯ, т. 1: 239).

При **буквализации** на первый план выступает значение сочетания, которое лежит в образной основе ФЕ. В следующем примере наблюдается окказиональная замена глагольного компонента, связанная с художественным действием и мотивированная местом коммуникативной ситуации:

А н и с ь я (вносит самовар). *Куда ставить-то?*

Никита. *Ставь на стол. Что, али сходила к старосте? Тото, **говори да и откусывай**. Ну, будет серчать-то. Садись, пей.* (Наливает ей рюмку.) *Вот и гостинчик тебе* («Власть тьмы», д. 3, явл. XV; 26: 195).

Ср.: *говори да оглядывайся* – «Будь осторожен в высказывании, в ситуации, которая может быть небезопасной для тебя» (ФСРЛЯ, т. 1: 146).

В основе **экспликации внутренней формы ФЕ** как семантического преобразования лежит раскрытие в контексте образа, ставшего основой при появлении ФЕ:

*Всё это так просто, ясно и несомненно, что не понять этого нельзя; но кроме того, для того чтобы люди не могли придумать такие отговорки, по которым можно было бы не всегда исполнять эти требования, над людьми **повешен** ещё на **волоске Дамоклов меч**, т. е. смерть, которая всякую минуту может постигнуть каждого человека и, если смерть есть полное уничтожение, лишить его возможности поправить сделанную ошибку, если же смерть есть возвращение к богу, то заставить его возвратиться к богу, не исполнив того несомненного закона, который он дал нам, посылая нас в жизнь* (Письмо Ч.Н. Фойстеру, 17–26 октября 1894 г.; 67: 258).

Писатель использует древнегреческий миф[21], который в приводимом контексте получает авторскую интерпретацию и актуализируется.

Анализ примеров показал, что Л.Н. Толстой прибегает к различным семантическим преобразованиям, в результате чего ФЕ приобретает семантический оттенок или получает новое значение, изменяется коннотативное содержание, происходит буквализация или эксплицируется внутренняя форма ФЕ. Семантические преобразования, нередко сочетаясь с другими преобразованиями, служат актуализации ФЕ в контексте.

[21] См. этимологическую справку (ФСРЛЯ, т. 1: 377).

§ 3. Структурно-семантические преобразования фразеологических единиц

А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко разграничивают два основных типа структурно-семантических трансформаций ФЕ: 1) преобразования, не приводящие к нарушению семантического тождества ФЕ, 2) преобразования, в результате которых возникают индивидуально-авторские (окказиональные) ФЕ или слова [Мелерович, 1997: 23].

К преобразованиям, не приводящим к нарушению семантического тождества ФЕ, относятся изменение компонентного состава (расширение, сокращение, субституция), изменения в расположении компонентов, грамматические преобразования, преобразования по линии утверждения-отрицания, изменения сочетаемости ФЕ и др. Многие из обозначенных типов были изучены отдельно: экпликация – Н.А. Крюковой, импликация – Е.В. Блиновой, А.В. Куниным, Т.В. Сафоновой, субституция – Е.И. Дибровой, Я.В. Диновой, Е.И. Селиверстовой [Блинова, 2005; Диброва, 1979; Динова, 2013; Крюкова, 2007; Сафонова, 2012; Селиверстова 2017]. Экспликация (эксплицирование) – лингвистический термин, применяемый не только во фразеологии, где обозначает расширение компонентного состава ФЕ, но и при характеристике других языковых единиц при их «стяжении» (И.И. Срезневский). На диалектический характер экспликации указывает В.М. Мокиенко (1989).

В основе **расширения или распространения компонентного состава** – желание говорящего / пишущего конкретизировать единицу, увеличить экспрессивный потенциал, в редких случаях происходит апелляция к внутренней форме ФЕ с целью её актуализации, а также с целью интенсификации ФЕ для придания усилительного оттенка. На наш взгляд, ошибочна точка зрения А.Г. Ломова о том, что расширение компонентного состава узуального характера, происходящее за счет местоимений, служебных частей речи, вводных слов служит усилению экспрессии [Ломов, 1998]: благодаря этому высказывание лишь конкретизируется, что не влияет на семантику ФЕ. Согласно точным наблюдениям В.Т. Бондаренко, происходит лишь синтаксическое распространение единицы, основанное на реализации синтаксической валент-

ности её компонента [Бондаренко, 1995: 139]. Представленные ниже примеры доказывают это положение:

Ежели же уже невозможно ***миновать этой чаши****, то будьте другом, пересмотрите корректуры и перекрестите, поправьте, что можно* (Письмо В.П. Боткину, 3 мая 1859 г.; 60: 296).

Ср.: *миновала чаша* – «Кого-либо не постигла нелёгкая участь (болезнь, страдание и т.п.) (ФСРЛЯ, т. 2: 363).

Исключением можно считать употребление местоимения *свой*, включение которого характеризует культурологическую дихотомию «свой-чужой»:

Анна Дмитриевна. <…> *Он был очень милый. Да какой бы он ни был, нельзя бросать мужа. Надо* ***нести свой крест*** («Живой труп», д. III, карт. 1, явл. III; 34: 43).

Ср.: *нести крест* – «Высок. Терпеливо и последовательно переносить испытания, страдания, превратности судьбы» (ФСРЛЯ, т. 2: 27).

При характеристике трансформационного потенциала языка писателя интересно проследить, за счёт чего расширяется компонентный состав инварианта ФЕ и как это связано с текстом, где происходит эта замена, является ли она концептуальной для автора или носит формальный характер.

Рассмотрим примеры, где расширение компонентного состава происходит за счёт слов самостоятельных частей речи.

Для конкретизации значения БФЕ *краеугольный камень* – «Прочная основа, на которой строится, возводится или покоится какая-либо система (в сфере науки, идеологии, морали), то, что определяет ее устойчивость и целостность» [Николаюк, 1998: 232] вводятся добавочные компоненты. ФЕ *краеугольный камень*, попадая в контекстуальное окружение, образует с отдельными словами единое целое, что помогает читателю понять, на что хочет обратить внимание писатель, таким образом происходит актуализация высказывания:

Одни, наблюдая те практические результаты, которые дало изучение древних после восстановления наук и искусств, требуют классического воспитания; другие, заметив особенно развитие в последнее время естественных наук, требуют, чтобы эти науки поставлены были на главное место; 3-и требуют, чтобы место это заняли практические знания; 4-е, слабо и без веры в

собственные слова, говорят, что религия (та самая, в которую они сами не верят) должна служить, как и прежде, ***краеугольным камнем воспитания*** («О значении христианской религии»; 17: 355).

Эта поправка взгляда на жизнь, эта meta noia есть ***краеугольный камень учения Христа****, как он и сказал в конце этой притчи* («В чем моя вера?», VIII; 23: 390).

КВ *пир во время чумы* в письме получает определение, благодаря которому увеличивается экспрессия единицы, выбор определения мотивирован дальнейшим контекстом:

Здесь так все претерпелись к бедствию, что идёт везде ***непрестанный пир во время чумы****. У Нечаевых были именины, на которых была Самарина, и обед с чудесами французского повара, за которым сидят 2½ часа. У Самариных роскошь, у Раевских тоже – охота, веселье. А народ мрёт* (Письмо С.А. Толстой, 10 сентября 1892 г.; 84: 160).

Ср.: *пир во время чумы* – «О весёлой, беспечной жизни во время какого-л. общественного бедствия» (БСКСВРЯ, т. 2: 187).

Представим пример с расширением компонентного состава ФЕ *центр тяжести*, аналогичный второму:

Потом, когда с XIII, XIV веков ***центр тяжести христианского учения*** *стал всё более и более переноситься из поклонения Христу, как Богу, в уяснение его учения и следование ему, формы мистерий, изображавших внешние христианские явления, стали недостаточны, и потребовались новые формы* («О Шекспире и о драме», VII; 35: 263).

Ср.: *центр тяжести* – «Самое главное, основа, сущность чего-либо» (ФСРЛЯ, т. 2: 358).

В следующих примерах определение помогает охарактеризовать предмет речи:

А как ничтожна была деятельность назаретского столяра, и которого повесили за не понравившиеся властям того времени речи, а какие огромные последствия. Анархизм есть ***поразительное знамение времени****. Это начало разрушения старого порядка* (Письмо Джону Кенворти, 8 июля 1894 г.; 67: 170).

Ср.: *знамение времени* – «Явление типичное, характерное для того или иного времени» (ФСРЛЯ, т. 1: 265).

Это ***странный cercle vicieux****, – подумал Нехлюдов, но решительно не мог придумать, что посоветовать мужику* («Утро помещика», V; 4: 136).

Ср. *cercle vicieux* – «франц. 2. Заколдованный круг. Употр. для характеристики крайне затруднительного, ‘безвыходного’ положения» [Бабкин, 1994, т. 1: 260].

Второй пример показывает, что экспликации за счёт включения определения могут подвергаться ФЕ-ИВ.

Наряду с определениями, расширение компонентного состава в языке Л.Н. Толстого может происходить за счёт слова-определения и словосочетания:

– Для чего же вы пошли служить на Кавказ, – сказал я, – коли Кавказ вам так не нравится?

– Знаете, для чего, – отвечал он с решительной откровенностью, – по преданию. В России ведь существует престранное предание про Кавказ: будто это ***какая-то обетованная земля для всякого рода несчастных людей*** («Рубка леса», VI; 3: 54).

Ср.: *обетованная земля* – «1. Сказочно привлекательное место, куда кто-л. мечтает попасть» (ФСРЛЯ, т. 1: 263).

Приращения в языке Л.Н. Толстого носят характер конкретизации, а ФЕ получает дополнительную экспрессию:

То же, что вы далеко не всё делаете сами и пользуетесь за деньги услугами других людей, не может вредно действовать на детей, если они видят, что ваше стремление не в том, чтобы ***сложить с своих плеч на других*** *труд, нужный для вашей жизни, а наоборот* (Письмо П. И. Бирюкову, 10 апреля – 5 мая 1901 г.; 73: 64-65).

Ср.: *перекладывать на плечи* – «кого-л., чьи-л. что. Освобождаясь от чего-л. неприятного, тяжёлого, обременять им другого» (ФСРЛЯ, т. 2: 82).

Я всё лежу и ***жду у моря погоды, смерти или жизни****. А теперешнее состояние почти не жизнь. Впрочем, грешу, говоря это. И такой полусон, полужизнь хороша, да ещё плохо я научился ею пользоваться* (Письмо Н.Н. Ге (сыну), август-сентябрь 1886 г.; 63: 381).

Ср.: *ждать у моря погоды* – «Надеяться, рассчитывать на что либо неопределённое, не предпринимая никаких действий, усилий, оставаясь пассивным» (ФСРЛЯ, т. 1: 231).

Правда, что положение большинства нашего крестьянства таково, что очень трудно иногда бывает провести черту между тем, что можно назвать голодом и нормальным состоянием, и что та помощь, которая особенно нужна в нынешнем году, была также нужна, хотя и в меньшей степени, и в прошлом, и во всякое время; правда, что благотворительная помощь населению очень трудна, так как часто вызывает желание воспользоваться помощью и тех, которые могли бы продышать и без этой помощи; правда, что то, что могут сделать частные люди, только ***капля в море крестьянской нужды****; правда и то, что помощь в виде столовых, удешевления продажи хлеба или раздачи ею, прокормления скота и т. п. суть только паллиативы и не устраняют основных причин бедствия* (Письмо редактору «Русских ведомостей», 4 февраля 1898 г.; 71: 270-271).

Ср.: *капля в море* – «Ничтожно мало чего-л. в сравнении с чем-л.» (ФСРЛЯ, т. 1: 292).

Что касается до сотрудников, то само собой разумеется, что проведение этой меры немыслимо с теми трупами чиновников, которые тем более трупы, чем выше они стоят ***на иерархической лестнице чиновничества****, и что вся эта компания вроде Победоносцевых, Ванновских, Чертковых должна быть устранена от всякого участия в этом деле* (Письмо Вел. кн. Николаю Михайловичу, 25 апреля – 1 мая 1902 г.; 73: 239).

Ср.: *иерархическая лестница* – «Последовательное расположение должностей, званий и т.п. в порядке следования от низших к высшим» (ФСРЛЯ, т. 1: 348).

В следующем контексте наблюдается актуализация паремии *Думка за горами, смерть за плечами* (Даль 1: 242) за счет приращения, актуализатором выступает слово *операция*, о которой идёт речь в данном письме:

Помогай вам Бог перенести болезнь – операцию хорошо, если нужно. – ***Думка за горами, смерть за плечами*** *у всех нас и без операции. На днях она (смерть) заглянула к нам. Умер меньшой сын Алёша* (Письмо Е.Ф. Юнге, 20-21 января 1886 г.; 63: 323).

Экспликации могут подвергаться и КЕ. В следующем примере наблюдаем вклинивание компонентов:

Путь, ведущий к истине, к богу, узкий и трудный; и трудность его состоит именно в том, что всегда приходится ***изби-***

***рать из двух и иногда из многих зол меньшее**. И если человек искренно хочет, не перед людьми, а перед богом и своей совестью найти истинный путь, то он с помощью христианского учения всегда найдёт его* (Письмо И.Ф. Макарову, нач. декабря 1893 г.; 66: 440).

Ср.: *из двух зол брать / избрать меньшее* – «Из двух неприятностей или опасностей предпочесть менее значительную (БСКСВРЯ, т. 1: 437).

С целью лаконизации речи говорящий / пишущий нередко прибегает к **сокращению компонентного состава ФЕ – импликации**, природу которой обосновывает закон экономии речевых усилий. Имплицированию подвержены различные функционально-стилистические разновидности языка: разговорная речь, тексты произведений художественной литературы и публицистические тексты, однако, по наблюдениям А.Г. Ломова, «сокращение ФЕ наблюдается во фразеологическом материале языка художественного текста разных авторов, правда, приём сокращения ФЕ у каждого художника слова характеризуется своими специфическими чертами» [Ломов, 1998: 314]. В.М. Мокиенко вслед за Р.Н. Поповым рассматривает три типа импликации: 1) эллипсис – сужение рамок ФЕ путем опущения одного или нескольких компонентов; 2) вычленение компонента с последующей аффиксацией; 3) основосложение [Мокиенко, 1989: 102], однако второй и третий тип имеют окказиональный характер (см. словарные статьи: [Мелерович, 1997]).

Эллипсис ФЕ может происходить за счёт опущения отдельных слов различных классов, как полнознаменательных, так и неполнознаменательных, или отдельных частей (фрагментов) ФЕ.

*Сейчас думаю о Писареве. <…> Главное нет полного общения, которое так бы радостно было с ним. Он смотрит не просто, а **с камнем за пазухой*** (Письмо В.Г. Черткову, 5-7 марта 1892 г.; 87: 128).

Ср.: *держать камень за пазухой* – «Таить злобу против кого-л.; быть готовым причинить зло кому-л.» (ФСРЛЯ, т. 1: 198).

*Нелепее только те мечты, для исполнения которых нужно предполагать не одну свою, но ещё и чужую жизнь в известных условиях. Это **камень в ваш огород**, если огород этот у вас открыт. Жить нынче, жить завтра, когда оно будет нынче, и вый-*

дет то самое, что нужно и лучшее для нас (Письмо П.И. Бирюкову, 7 января 1891 г.; 65: 215)

Ср.: *бросать / бросить камень* в кого, *бросать камешки* в чей *огород* (ФСРЛЯ, т. 1: 53).

Интерес представляет пример, включающий как инвариант ФЕ, так и эллипсис:

Счастье не может состоять в каком-либо определённом состоянии, как бы оно, это состояние, ни казалось нравственно и утончённо; счастье состоит в радостном исполнении своего дела жизни, радостного, спокойного, твёрдого ответа на все те требования, какие заявляет жизнь. А вам жизнь предъявляет самые скромные требования. Она дала вам очень многое: прекрасного мужа, образование, безбедное существование и предъявила вам самые скромные требования – ужиться в той новой среде, в которую она поставила вас, и внести в эту среду то доброе и высшее, что есть в вас, и научиться и усвоить из той среды то доброе, что есть в ней. А вы эти требования приняли ***за горькую чашу*** *и стали жалеть себя и потому не любить тех людей, с которыми вы должны были жить. Вы говорите, что вам надо было покориться, т. е. забыть, что вы человек. Напротив, вам надо было помнить, что вы человек, т. е. существо, способное к самопожертвованию, смирению, любви и потому покориться во всём внешнем. И если бы вы это уделали и сделаете это, то никакой* ***горькой чаши***, ***которую вам надо пить***, *не будет больше, и, покорившись, вы будете счастливы, правда не тем счастьем, о котором вы мечтали, но лучшим счастьем, тем, которое не отнимется от вас* (Письмо Е.А. Ждан, 18 августа 1894 г.; 67: 198-199).

Употребление ФЕ *пить горькую чашу* и варианта *горькая чаша* мотивировано адресантом письма («скажите мне, что всё, всё надо терпеть и пить не морщась горькую чашу»). Если ФЕ *испивать / испить горькую чашу* в XIX в., согласно НКРЯ, носит широкоупотребительный характер в узуальном значении «Много терпеть, страдать» (ФСРЛЯ, т. 1: 283), то ФЕ *горькая чаша* является окказиональным вариантом, впоследствии став узуальной и получив фразеографическое закрепление («О тяжёлых испытаниях, трудностях» – ФСРЛЯ, т. 2: 363), в данном случае можно говорить о синхроническом эллипсисе, а для современного языка – диахроническом.

В следующих примерах, где Л.Н. Толстой использует паремии, имеющие структуру сложного предложения, опускается постпозитивная часть, имеющая «функцию дополнительных уточнений, пояснений, добавлений, логических выводов» [Ломов, 1998: 317] в отличие от препозитивной части, выполняющей большую семантическую нагрузку и рефлектирующую в сознании говорящего.

Ещё новость, что Толстые все приехали, и в гостинице Рим (на Тверской) их, благодаря их полушубкам, ***встречают по платьям*** (Письмо М.Л. Толстой, 9 февраля 1889 г.; 64: 220).

Ср.: *По платью (одёжке) встречают, по уму провожают* (Жуков: 345).

В приведённых ниже примерах усечению подвергается отдельный фрагмент паремии, вместо которого ставится многоточие, что говорит о недосказанности и характеризуется интонационной незавершённостью.

Малые дети – малые заботы, большие дети... *Я никогда не думал, чтобы воспитание детей, т.е. доведение их только до того, чтобы они были такие же, как все, давало столько труда и отнимало столько времени* (Письмо П.Д. Голохвастову, 27 сентября 1876 г.; 62: 285).

– Вы сходите, сударь, повинитесь ещё. Авось бог даст. Очень мучаются, и смотреть жалости, да и все в доме навынтараты пошло. Детей, сударь, пожалеть надо. Повинитесь, сударь. Что делать! ***Люби кататься****....*

– Да ведь не примет...

– А вы своё сделайте. Бог милостив, богу молитесь, сударь, богу молитесь. («Анна Каренина», ч. 1, гл. II; 18: 8).

Ср.: *Люби кататься, люби и саночки возить* [Жуков, 1967: 215].

– Вероятно, будут очень способны, – вставил Степан Аркадьич, – когда образование будет распространено между ними. Мы это видим...

– А пословица? – сказал князь, давно уж прислушиваясь к разговору и блестя своими маленькими насмешливыми глазами, – при дочерях можно: ***волос долог****...* («Анна Каренина», ч. 4, гл. X; 18: 366).

Нередко говорящий предпочитает количественно упростить паремию, сделать её более удобной в употреблении, лёгкой для

запоминания. При **усечении компонентного состава** паремии в художественных произведениях и эпистолярных текстах опущенная часть пословицы или поговорки должна быть домыслена адресатом или участником диалога:

Повинную голову и т.д. *Я очень виноват перед вами, дорогой друг, что не отвечал вовремя* (Письмо А.А. Толстой, 5 июня 1872 г.; 61: 290).

Ср.: *Повинную голову <и> меч не сечёт* (Жуков: 348).

Но как же мне, всегда внимательно наблюдающему за женщиной, с которой я схожусь, ту меру отвращения, которое я ей вселяю своей персоной, как же мне поддаться на этот милый обман? А впрочем, Бог с ним совсем, с этим десертом, пора перестать заботиться о сладеньких кушаньях, когда ***седина в голову***. (Письмо гр. А.А. Толстой, 18 августа 1857 г.; 60: 221).

Ср.: *Седина в бороду (в голову), <а> бес в ребро* (Жуков: 407).

Некоторые пословицы и поговорки являются источником образования новых ФЕ, употребляемых в языке наряду с паремии и зафиксированных в словарях. «Эти усеченные сочетания становятся нормированными, воспроизводятся в готовом виде и соотносятся с контекстом лишь как элементы, воплощающие целостную семантику всей ФЕ» [Мокиенко, 1989: 103]. В данном случае мы можем говорить о диахроническом эллипсисе, для отграничения которого от синхронического целесообразно пользоваться НКРЯ.

Анализ языка Л.Н. Толстого показал, что диахронический эллипсис является одним из распространённых способов преобразования паремий, однако не следует думать, что здесь писатель был оригинален. Так, писатель использует ФЕ, образованные путём вычленения ключевого компонента и являющиеся общеязыковыми ФЕ: *журавль в небе* ← *Лучше синица в руке, чем журавль в небе*, *взялся за гуж* ← *Взялся за гуж, не говори, что не дюж*, *старое поминать* ← *Кто старое помянет, тому глаз вон*.

Вычленение ключевого компонента *журавль в небе* из пословицы *Лучше синица в руке, чем журавль в небе* изменяет её значение и «передаёт лишь одно из понятий (смыслов), входящее в пропозитивное содержание устойчивой фразы или тесно связанное с ним» [Бондаренко, 1995: 136]. Таким образом, в языке появилась

ФЕ *журавль в небе* со значением «что-либо недостижимое, лучшее», зафиксированная в словаре (ФСРЛЯ, т. 1: 237).

Отнять насилием удерживаемую помещиками землю невозможно потому, что сила всегда была и будет на стороне тех, которые уже забрали власть. Дожидаться того, чтобы освобождение земли совершилось по способу, предлагаемому социалистами, т. е. быть готовыми променять условия хорошей жизни на самые дурные в ожидании ***журавля в небе****, совершенно бессмысленно* («К рабочему народу», VII; 35: 133).

В НКРЯ зафиксировано, что до использования Толстым эта ФЕ употреблялась Ф.М. Достоевским в «Дневнике писателя» (1876): «*Так ведь это только* ***журавль в небе****, да хоть и поймать его, так ещё больше хлопот наживём»,* письме П.Н. Лебедева (1890) «*Я должен был согласиться, что все мои ухищрения ни черта против этого не стоят. Тут же я обратил его внимание на кристаллы – хотя это он, кажется, и без меня думал как ученик Voigt'a. Засим он мне предложил соединиться для совместной работы: он теоретик, я экспериментатор. Я наотрез отказался, тем более, что я завален работой и не хотел бросать мои тонкие слои для нового* ***журавля в небе***».

В следующем примере новая фразема *взялся за гуж*, образованная путём вычленения ключевого компонента из пословицы *Взялся за гуж, не говори, что не дюж* (Даль 1: 1003), имеет то же значение, что и эта пословица («Если начал какое-либо трудное дело, не отступай, не отказывайся, ссылаясь на то, что не в силах с ним справиться» [Мелерович, 1997: 188]), актуализатором служит инфинитив *не отставать*.

– Смотри, барин, ***взялся за гуж****, не отставать*! *– сказал он, и Левин услыхал сдержанный смех между косцами* («Анна Каренина», ч. 3, гл. IV; 18: 264).

По данным НКРЯ, ФЕ *взяться за гуж* впервые употребляется И.С. Аксаковым в письме Ф.А. Бюлеру (1845):

Да, это правда, согласно своему характеру, я горячо и добросовестно ***тяну гуж, за который взялся****, но вечно быть в этой колее, убийственной для духа, – для меня невозможно*.

Подобные примеры диахронического эллипсиса содержат и произведения художественной литературы: Л.Н. Толстой неодно-

кратно использует выражение *старое поминать* ← *Кто старое помянет, тому глаз вон*:

– Катюша, зачем ты так говоришь? Я ведь знаю тебя, помню тебя тогда, в Панове...

*– Что **старое поминать**, – сухо сказала она* («Воскресение», ч. 1, гл. XLIII; 32: 150).

*Больше и говорить не стал. Приехали домой, сейчас она матушке в ноги. Матушка говорит: «Бог простит». А батюшка поздоровкался и говорит: «Что **старое поминать**. Живи как получше. Нынче, – говорит, – время не такое: с поля убираться надо. За скородным, – говорит, – на навозном осьминнике рожь-матушка такая, Бог дал, родилась, что и крюк не берет, переплелась вся и полегла постелью. Выжать надо. Вот ты с Тараской поди завтра, пожнись»* («Воскресение», ч. 2, гл. XLI; 32: 356).

*Наташа, по замечанию матери и Сони, казалась по-старому влюблённой в Бориса. Она пела ему его любимые песни, показывала ему свой альбом, заставляла его писать в него, не позволяла **поминать** ему **о старом**, давая понимать, как прекрасно было новое; и каждый день он уезжал в тумане, не сказав того, что намерен был сказать, сам не зная, что он делал и для чего он приезжал, и чем это кончится* («Война и мир», т. II, ч. 3, гл. XII; 10: 191).

Никита. *Эх, Маринушка!* (Хочет её обнять.)

Марина (сердито отстраняется.) *А ты, Микита, эту ухватку оставь. То было, да прошло. За хозяином пришла. У вас он, что ль?*

Никита. *Не **поминать**, значит, **старого**? Не велишь?*

Марина. ***Старое** нечего **поминать**. Что было, то прошло* («Власть тьмы», д. 5, явл. IV; 26: 228).

Как видно из примеров, ФЕ *старое поминать* и трансформы утрачивают фольклорный характер, приобретая значение «вспоминать о прошедшем, не совсем хорошем» и окраску экспрессии. В последнем примере наблюдается инверсия, меняется управление (*поминать* кому-либо *о старом*), что было характерно для языка XIX в., также в составе ФЕ появляется антоним-актуализатор *новое*. По данным НКРЯ, в XIX в. зафиксировано несколько употреблений:

– Теперь мы квиты, любезный Аммалат! ***не поминай про старое****. Сегодня же отомстим мы зубами этому клыкастому врагу за страх свой* (А.А. Бестужев-Марлинский «Аммалат-бек», 1831).

– Ну, Пётр, сказал мне отец, довольно ты проказил, и я на тебя порядком был сердит. Но нечего ***поминать про старое****. Надеюсь, что теперь ты исправился, и перебесился*. (А.С. Пушкин «Капитанская дочка», 1836)

Да, всего этого не знала и не ведала она, когда сидела неоперившимся птенцом, в пушку, под заботливым крылышком своей доброй тапап в Патриотическом институте на Васильевском острове, против Морского кадетского корпуса, где прозябали и мы когда-то давно, – а русская пословица ***старого поминать*** *не велит* (В.И. Даль «Бедовик», 1839).

Анализ употребления писателем данной ФЕ показывает, что писатель использует окказиональный вариант паремии, распространённый в литературном языке.

Другим способом изменения компонентного состава является **лексическое варьирование (субституция)** – изменение, основанное на замене компонентов в составе единицы. Е.И. Диброва указывает на наличие обязательного признака субституции – наличия «хотя бы одного общего компонента» [Диброва, 1979: 144]. При рассмотрении фразеологии языка Л.Н. Толстого будем пользоваться типологией, предложенной Е.И. Дибровой, и представим примеры различного рода субституций, при которых варьируемые компоненты могут быть синонимами, относиться к одной тематической группе, между ними могут устанавливаться гиперогипонимические, метонимические отношения [Диброва, 1979].

Субституция ФЕ и паремий – самый распространённый вид варьирования фразеологии языка Л.Н. Толстого, поскольку охватывает структуры разных семантико-грамматических классов: фраземы и устойчивые фразы.

При определении характера варьирования и его интерпретации следует анализировать данные современного писателю языка. Так, пословица *Семь раз примерь, один раз отрежь*, по данным НКРЯ, в XIX в. чаще употреблялась по-разному *Десять (семь, девять) раз примерь, один раз отрежь*, что находит отражение в паремиографических источниках (см.: БСРП: 744-745). Так, словари

XIX в. фиксируют *Десять раз примерь, один отрежь*, а XX в. – *Семь раз примерь, один раз отрежь*, что позволяет судить о соответствующих нормах употребления. Поэтому будет неточным описывать все употребления «ложных» вариантов в языке писателя; в этой связи лишь последний пример подлежит объяснению:

В Россию приехал нарочно и был у меня комиссионер от Гавайского правительства по переселению. <…> ***Десять раз отмерь, один раз отрежь****. Я счёл своей обязанностью выписать этого комиссионера и переговорить с ним. Мне Гавайские острова нравятся больше всех других мест переселения* (Письмо Л.А. Сулержицкому, 20 октября 1898 г.; 71: 472).

А н н а П а в л о в н а. *Ещё бы, разумеется. Переживать всё, что было, ещё раз, было бы ужасно*.

К а р е н и н. *Да, вот где* ***десять раз примерь, а раз отрежь****. Резать по живому очень трудно* («Живой труп», д. 1, явл. IX; 34: 14).

Главное, что хочется передать вам, это то, что дело внутреннего нравственного совершенствования, по моему мнению, до такой степени важно и требует такого усилия, что страшно затрачивать много энергии на внешнее устройство своей жизни, тем более, что это внешнее устройство часто – особенно если оно не удаётся – может только повредить внутреннему делу самосовершенствования. ***Десять раз прикинь, раз отрежь*** (Письмо Д.Г. Рубанд, 7 апреля 1910; 81: 215).

В приведённых примерах наблюдаем не только нормативное употребление пословицы, но и индивидуально-авторские преобразования: замену лексического компонента синонимом (*примерь – прикинь*). Значение паремии не меняется, а замена глагольного компонента *примерь – прикинь* приводит к определённому сдвигу в её стилистической окраске, изменённая таким образом паремия сохраняет тождественное инварианту значение.

ФЕ *сизифов труд* и *сизифова работа*, согласно лексикографическим данным (БСКСВРЯ, т. 2: 324), сосуществуют в языке, однако в текстах Л.Н. Толстого находим два примера употребления ФЕ *сизифова работа*, представляющей собой субституцию, основанную на синонимии:

Время, пока я был женихом, продолжалось недолго. Без стыда теперь не могу вспомнить это время жениховства! Какая гадость! Ведь подразумевается любовь духовная, а не чувственная. Ну, если любовь духовная, духовное общение, то словами, разговорами, беседами должно бы выразиться это духовное общение. Ничего же этого не было. Говорить бывало, когда мы останемся одни, ужасно трудно. Какая-то это была ***Сизифова работа****. Только выдумаешь, что сказать, скажешь, опять надо молчать, придумывать. Говорить не о чем было* («Крейцерова соната», гл. X; 27: 27).

И как только он приобретёт то, что требуется, от него потребуется ещё другое, и ещё другое, и так без конца идёт эта ***Сизифова работа****, губящая жизни людей* («В чём моя вера?», X; 23: 418).

По данным НКРЯ, в XX в. ФЕ *сизифова работа* носит не единичный характер, что позволяет говорить о сосуществовании вариантов, однако преобладает ФЕ *сизифов труд*.

Приведём другие примеры синонимической замены в пословице, благодаря чему уменьшается экспрессия высказывания:

– Эх, милый человек ты, – возразил Платон. – ***От сумы да от тюрьмы никогда не отказывайся*** («Война и мир», т. IV, ч. 1, гл. XII; 12: 47).

Ср.: *От сумы да от тюрьмы не отрекайся* (Даль 4: 895).

Следующий пример включает употребление как инварианта, так и варианта:

Разъяснение то, что вы, нищие – ***соль земли****, и вы блаженны, потому что ваше царство Божие, но оно, ваше только тогда, когда вы* ***солёная соль****, когда знаете, что блаженство состоит в нищенстве, когда вы хотите его. Тогда вы* ***соль мира****. Вы украшение, смысл мира. Но если вы бродяги нечаянно и хотите быть не бродягами, то вы, как расселившаяся* ***соль****, уже никуда не годны, тогда вы отребье рода человеческого. Бродяги, нищие, недовольные своим положением, уже никуда не годятся, и поделом люди топчут их ногами* («Соединение и перевод четырех Евангелий»; 24: 210–211).

БФЕ *соль земли* восходит к тексту Евангелия: «Вы есте свет мира и соль земли» (Мф. 5: 13-14). Писатель учитывает происхождение ФЕ и создаёт градацию восходящего типа (климакс) *соль*

земли – солёная соль – соль мира, при этом актуализатором служат лексемы *украшение, смысл мира*. В пределах контекста образуется антонимическая ФЕ окказионального характера *отребье рода человеческого*, семантизация которой представлена в предложении *Бродяги, нищие, недовольные своим положением*.

Лексические субституции на основе гиперо-гипонимического ряда – нераспространённый тип изменений для фразеологии языка Л. Н. Толстого, что можно объяснить особенностью инклюзивных отношений, не являющихся типичными для фразеологической вариантности [Диброва 1979: 169]. Приведём подобное употребление:

М а т р ё н а . *Так себе, старичок мой зря болтает: женить да женить. Да не его ума дело.* ***От овса****, ведашь,* ***кони не рыщут, от добра не ищут****, – так и это дело* («Власть тьмы», д. 1, явл. X; 26: 131).

Ср.: *От корма кони не рыщут, от добра добра не ищут* (Даль 2: 76, 319).

В данном примере подчиняющим таксономическим понятием является *корм* – «пища животных. Разные сорта продуктов, идущих в пищу животным» (МАС, т. 2: 104), а подчиненным *овес* – «яровой злак, зерна которого идут на корм лошадям, а также перерабатываются в крупу» (МАС, т. 2: 582).

Замена лексических компонентов словами, относящимися к тематически однородной группе лексики, близкими по значению, способствует конкретизации семантики ФЕ и пословицы. Е.И. Диброва называет следующие группы тематически однородной лексики: глаголы движения, соматизмы, зоонимы, единицы счёта, пищу, названия денежных единиц [Диброва, 1979: 162-167], что можно проиллюстрировать примерами из языка Л.Н. Толстого:

Нынче устал ***и головой, и телом*** (Письмо С.А. Толстой, 9 декабря 1884 г.; 83: 458).

Ср.: *душой и телом* – «Совершенно, целиком» (ФСРЛЯ, т. 1: 225).

Здесь наблюдаем замену компонентов *душой – головой*, которая ситуативно обусловлена: в это время писатель работал над статьей «Так что же нам делать».

Несомненно, список тематических групп, перечисленных Е.И. Дибровой, может расширяться в зависимости от имеющихся в

языке примеров. В романе «Война и мир» при употреблении КВ *comme tout chemin mene a Rome, tout chemin mene a Moscou* обнаруживаем синтаксическое преобразование простого предложения в сложное, в котором одновременно употреблены топонимы *Рим* и *Москва*, один из которых представляет собой субституцию на основе тематического ряда:

Наполеон... спросил Балашова о том, на какие города идёт отсюда прямая дорога к Москве. Балашов... отвечал, что ***comme tout chemin mene a Rome, tout chemin mene a Moscou*** [как всякая дорога ведёт в Рим, так и все дороги ведут в Москву], *что есть много дорог и что в числе этих разных путей есть дорога на Полтаву, которую избрал Карл XII* («Война и мир», т. III, ч. 1, гл. VII; 11: 30-31).

В следующем примере замена объясняется особенностями представленной модели. С целью усиления отрицательной оценки происходящего (убийства незаконнорожденного ребенка) писатель вводит в состав паремии инфинитив *гулять*:

М а т р ё н а . *Да уж дело такое, ягодка:* ***умел гулять, умей и концы хоронить*** («Власть тьмы», д. 4, явл. XII; 26: 208).

Ср.: *Умей воровать – умей и концы прятать* (Зимин: 208), *Не учись воровать, коли не умеешь концов прятать* (ТСД, т. 1: 594); *Умел взять – умей и отдать, Умел найти – умей и потерять, Умел начать – умей и кончить, Умел ошибиться – умей и поправиться, Умел потерять – умей и найти* и т.п. (БСРП: 931)

Другим видом лексического варьирования является субституция на основе метонимического переноса. Метонимические взаимодействия создают регулярные и продуктивные объединения слов и ФЕ, где семантические отношения наглядно воспроизводят гиперо-гипонимические взаимовлияния. Примеры лексических субституций на основе метонимии в языке Л.Н. Толстого единичны. Приведём пример, где субституция строится на взаимосвязи целое – часть:

Н и к и т а . *Ох,* ***бабий кадык не заткнёшь ничем****. Что болтаешь, сама не знаешь* («Власть тьмы», д. 3, явл. XII; 26: 193).

Ср.: *Бабий кадык не заткнёшь ни пирогом, ни рукавицей* (Даль, т. 1: 304).

– Право, совсем как российские. Один женатый. Марушка, говорю, бар? – Бар, говорит. – Баранчук, говорю, бар? – Бар. –

Много? – Парочка, говорит. – Так разговорились хорошо. Хорошие ребята.

– Как же, хорошие, – сказал Никитин, – попадись ему только один на один, он тебе ***требуху выпустит*** («Хаджи-Мурат», гл. II; 35: 55).

Ср.: *выпустить кишки* – «Зарезать, убить кого-л.» (ФСРЛЯ, т. 1: 124).

По данным НКРЯ, для языка XIX в. было характерно употребление ФЕ мафусаиловы лета. В следующем отрывке из письма произведена замена компонента на основе метонимического переноса часть – целое:

Как вам не совестно, милый мой друг Фет, так жить со мной, как будто вы меня не любите или как будто все мы проживём ***Мафусаиловы года****. Зачем вы никогда не заезжаете ко мне*? (Письмо А.А. Фету, 23 января 1871 г.; 61: 71)

Ср.: *мафусаилов век* жить – «Устар. Жить очень долго, до глубокой старости» (ФСРЛЯ, т. 1: 65).

Иногда в качестве субститута компонента ФЕ может выступать слово или словосочетание, тематически не связанное с ним. При этом связь между элементами осуществляется на основе фразеологического значения, в особенности его образной составляющей. В качестве примера приведём окказиональную замену компонента БФЕ *козёл отпущения* (ФСРЛЯ, т. 1: 307) и *золотой телец* (ФСРЛЯ, т. 2: 302):

Войдя в гостиную, Степан Аркадьич извинился, объяснил, что был задержан тем князем, который был всегдашним ***козлом-искупителем*** *всех его опаздываний и отлучек, и в одну минуту всех перезнакомил и, сведя Алексея Александровича с Сергеем Кознышевым, подпустил им тему об обрусении Польши, за которую они тотчас уцепились вместе с Песцовым* («Анна Каренина», ч 4, гл. IX; 18: 402).

Кроме того, слова масонского устава: «буди ласков и приветлив» вспоминались ему. Он морщился, краснел, вставал и опускался, работая над собою в самом трудном для него в жизни деле – сказать неприятное в глаза человеку, сказать не то, чего ожидал этот человек, кто бы он ни был. Он так привык повиноваться этому тону небрежной самоуверенности князя Василия, что и теперь он чувствовал, что не в силах будет противостоять

ей; но он чувствовал, что от того, что он скажет сейчас, будет зависеть вся дальнейшая судьба его: пойдёт ли он по старой, прежней дороге, или по той новой, которая так привлекательно была указана ему масонами, и на которой он твёрдо верил, что найдёт возрождение к новой жизни.

– Ну, мой милый, – шутливо сказал князь Василий, – скажи же мне: «да», и я от себя напишу ей, и мы убьём ***жирного тельца*** («Война и мир», т. II, ч. 2, гл. V; 10: 84).

В приведённых примерах замена компонента осуществлена на базе ассоциативной связи и контекстуально обусловлена, в результате чего появляется отрицательная оценка за счёт введения компонента, влияющего на коннотацию ФЕ, данные ФЕ представляют собой пример преобразований концептуального характера.

Конкретная речевая ситуация может влиять и на расположение компонентов ФЕ и пословиц. Для достижения экспрессии и расстановки смысловых акцентов Л.Н. Толстой в народных драмах нередко прибегает: к дистантному расположению компонентов ФЕ и синтаксической инверсии, благодаря чему реализуются дополнительные речевые функции предложения – композиционно-синтаксическая и экспрессивно-оценочная [Золотова, 1973: 331].

С.И. Гужанов отмечает: «…чем устойчивее порядок слов в грамматической модели, тем устойчивее порядок следования компонентов ФЕ в речи; чем более слитен тип значения ФЕ, тем более устойчив порядок следования ее компонентов в речи» [Гужанов, 1991: 69]. Учёный выделяет четыре типа порядка слов, свойственные ФЕ: 1) константный – абсолютно неизменяемый; 2) стандартный – постоянный, который допускает окказиональное варьирование; 3) узуально-стабильный – устойчивый, допускающий узуальное варьирование, при котором возможно указание предпочтительного расположения слов-компонентов; 4) вариантный – предполагающий одинаковую употребительность в речи обеих форм [Гужанов, 1991: 69].

Инверсия характерна для разговорной речи, что показывают примеры из драматургии, речи персонажей в эпических произведениях, эпистолярия:

П р о ф е с с о р . *Явления производимы не медиумом, но духовной энергией через медиума, а это* ***разница большая*** («Плоды просвещения», д. 3, явл. 2; 27: 192).

Ср.: *большая разница* – «Совсем другое» (ФСРЛЯ, т. 2: 183).

– Ах, я уж ничего не понимаю! Нынче все хотят ***своим умом жить*** («Анна Каренина», ч. 2, гл. II; 18: 130).

Ср.: *жить своим умом* – «Быть самостоятельным в своих действиях, поступках; иметь свои взгляды, убеждения» (ФСРЛЯ, т. 1: 236)

– Я вам скажу, – заметил Тросенко: – как ни считай, всё выходит, что нашему брату ***зубы на полку класть*** *приходится, а на деле выходит, что все живём, и чай пьём, и табак курим, и водку пьём* («Рубка леса», гл. XII; 3: 68).

Ср.: *класть зубы на полку* – «Испытывая острую нужду, недоедать, голодать» (ФСРЛЯ, т. 1: 300)

Вашим предложеньем, переданным мне через сына, я с радостью и благодарностью воспользовался бы, но вся статья в таком ещё хаосе, что трудно в ней разобраться, а матерьял мне дорог, и хотелось бы ***товар хоть не лицом показать****, а в таком виде, который заставил бы обратить на себя внимание и потому принёс бы ту пользу, какую может* (Письмо Н.Я. Гроту, 1-3 марта 1892 г.; 66: 172)

Ср.: *показать / показывать товар лицом* – «Проявлять, представлять что-л. с лучшей, наиболее выигрышной стороны» (ФСРЛЯ, т. 2: 114).

Большая часть примеров синтаксического инверсирования ФЕ носит общеязыковой характер, широко приняты в практике разговорной речи, поэтому не являются индивидуально-авторскими, значит, представляют лишь «статистический» интерес, характеризующий язык определённого времени.

ФЕ всегда выступает как определённое структурное целое, а составляющие ФЕ образуют систему связанных компонентов. Однако в контексте некоторые ФЕ могут быть разорваны, тогда их части занимают по отношению друг к другу дистантное положение. «Под разрывом ФЕ понимается речевое разъединение ее переменным словом, сочетанием слов… с целью создания нового стилистического эффекта при неизменном фразеологическом составе» [Кунин, 1996: 75]. Такой способ преобразования характёерен для большинства фразеологических единств, что отличает их от фразеологических сращений [Шанский, 1996: 68]. Дистантное

расположение компонентов ФЕ связано со смысловым выделением, обособлением компонентов ФЕ или уточнением смысла:

Но княгине не нравилось это излишество, и ещё более не нравилось то, что, она чувствовала, Кити не хотела ***открыть*** *ей всю* ***свою душу*** («Анна Каренина», ч. 2, гл. XXXIII; 18: 237).

Ср.: *открывать / открыть <свою> душу* – «Ничего не утаивая, совершенно откровенно сообщать о своих переживаниях, чувствах, заветных мыслях» (ФСРЛЯ, т. 2: 67).

Дистантное расположение компонентов может сочетаться с синтаксической инверсией:

А главное, после охоты уже ***ничего бы не осталось*** *для нас* ***святого*** (Письмо В.Г. Черткову, 11 августа 1892 г.; 87: 157).

Ср.: *нет ничего святого* – «О том, кто лишён моральных, нравственных принципов» (ФСРЛЯ, т. 2: 28).

Грешен Господу Богу, часто думаю себе: хоть бы ***прибрал*** *которых* ***Бог*** *поскорее, – и мне бы легче было, да и им-то лучше, чем здесь горе мыкать*… («Утро помещика», гл. IV; 4: 135).

Ср.: *Бог прибрал* – «Кто-л. скончался, умер» (ФСРЛЯ, т. 1: 34).

Другим типом структурно-семантических преобразований является **грамматическое варьирование**, результатом изменения грамматического плана ФЕ и пословиц становятся внутренние и внешние морфологические и синтаксические преобразования их состава.

К внешнему морфологическому варьированию традиционно относятся преобразования, при которых формы различаются морфологически: изменения рода, числа, падежа, сравнительной степени компонентов, образование глагольных форм и т. п.

Когда дело было прочтено, Степан Аркадьич встал потянувшись и, ***отдавая дань*** *либеральности времени, в присутствии достал папироску и пошёл в свой кабинет* («Анна Каренина», ч. 1, гл.V; 18: 18-19).

Ср.: *отдавать / отдать дань* – «1. оценивать кого-л. или что-л. в полной мере, по достоинству» (ФСРЛЯ, т. 2: 63)

Ваня. *Да, оттого, что и ты за Тоней приударяешь. Так вы уж* ***киньте жребий****, а то нельзя брату на сестре, а сестре за брата* («И свет во тьме светит», д. 1, явл. VIII; 31: 125).

Ср.: *кидать / кинуть жребий* – «Решать что-л., какое-л. дело жеребьёвкой» (ФСРЛЯ, т. 1: 297).

В отличие от внешних, внутренние морфологические преобразования предполагают не нормативные, а индивидуально-авторские изменения парадигмы ФЕ. Рассмотрим, например, употребление варианта ФЕ *Танталовы муки* (ФСРЯТ: 288):

Мне кажется, что никуда не надо было ездить, а тем менее в Рим. В Риме с твоей слабостью это ***Танталово мученье****. Надо бы в тихое место оздоровляющее, если верить в оздоровляющие места* (Письмо М.Л. Оболенской, 29 января 1906 г.; 76: 91).

Как свидетельствуют данные НКРЯ, употребление ФЕ *Танталова мука* единично:

А он не поймёт до тех пор, пока не убедится по малой мере в своём праве на еду, ибо достижение этого последнего права составляет ту ***танталову муку****, которая неотступно преследует его день и ночь и не даёт ему мыслить* (М.Е. Салтыков-Щедрин «Неоконченное», 1863-1871)

Дополнительному экспрессивному оттенку способствует употребление в примерах определений, способствующих появлению ограничительной и уточняющей семантики. ФСРЛЯ фиксирует ФЕ мука (муки) Тантала и сопровождает пометой устар., НКРЯ доказывает это: в XIX в. было распространено употребление ФЕ *муки Тантала* как инварианта, а в языке XX в. – ФЕ *танталовы муки*, что позволяет фиксировать ФЕ *танталово мученье* как вариант.

Лингвистического комментария требуют и следующие примеры:

Как мне Михайло, что с ним был, порассказал, так, верите ли, ***волос дыбом*** *становится* («Набег», гл. I; 3: 17).

Ср.: *волосы дыбом* – «Охватывает ужас, страх кого-л.» (ФСРЛЯ, т. 1: 94)

Здоровье и характер князя Николая Андреича Болконского, в этот последний год после отъезда сына, очень ослабели. Он сделался ещё более раздражителен, чем прежде, и все вспышки его беспричинного гнева большею частью обрушивались на княжне Марье. Он как будто старательно изыскивал все ***больные места*** *её, чтобы как можно жесточе нравственно мучить ее* («Война и мир», т. II, ч. 3, гл. XXV; 10: 231).

Лорис-Меликову приходила мысль, разделяемая и некоторыми начальствующими лицами, что выход Хаджи-Мурата и его рассказы о вражде с Шамилем был обман, что он вышел только, чтобы высмотреть ***слабые места*** *русских и, убежав опять в горы, направить силы туда, где русские были слабы* («Хаджи-Мурат», гл. XII; 35: 55)

ФЕ *больное место*, *пустое место*, *слабое место*, образованы по одной фразеомодели, хотя ФЕ *пустое место* в XVIII-XIX вв. была более частотной. Согласно фразеографическим источникам (ФСРЛЯ, т. 1: 374-376, ФСРЯТ: 20, 230, 262), современное употребление допускает лишь форму единственного числа, хотя изначально, в конце XVIII в., использовались формы множественного числа, что и повлияло на употребление этих ФЕ в XIX в., которое можно охарактеризовать как переходное, поэтому квалифицировать ФЕ *больные места* и *слабые места* как пример внутренней морфологической трансформации было бы неточно.

Внешние синтаксические преобразования отражают видоизменения ФЕ в пределах синтаксической парадигмы:

Ни один человек, находящийся в войске и подвергшийся той гипнотизирующей муштровке, которая называется дисциплиной, несмотря ни на какие политические убеждения, находясь в строю, не может не повиноваться команде, так же, как ***не может не мигнуть глаз****, на который направят удар* («К политическим деятелям, II; 35: 202).

Ср.: *не успеть (глазом) мигнуть* – «О каком-л. событии, быстро, мгновенно совершающемся» (ФСРЯТ: 149).

Я не согласен с ним только в том, что ***читается между строк*** *его статьи, что если программа социалистов неисполнима, то настоящее положение вещей может и должно оставаться, каким оно есть, с собственностью земли и капитализмом* (Письмо Шарлю Саломону, 30 января 1894 г.; 67: 24)

Ср.: *читать / прочитать между строк* – «Догадываться о скрытом смысле написанного, недосказанного» (ФСРЛЯ, т. 2: 372).

Вслед за этим ***трубят трубы****, и входит король Лир с дочерьми и зятьями и говорит речь о том, что он по старости лет хочет устраниться от дел и разделить королевство между дочерьми* («О Шекспире и о драме», II; 35: 220).

Ср.: *в трубу (в трубы) трубить* – «Распространять какие-л. слухи, известия, сплетни о ком-л. или о чём-л.» (ФСРЛЯ, т. 2: 313).

Внутренние синтаксические преобразования представляют собой такие изменения структуры ФЕ и пословицы, при которых происходит репрезентация индивидуальных употреблений:

Правда, что для такого отказа нужна особенная смелость и готовность ***жертвы собой****, и потому не всякий может сделать это, но зато и случаи, где нужно применять этот отказ, встречаются редко* («К рабочему народу», XII; 35: 140).

Ср.: *принести / приносить жертву* чему – «Сделать что-л. во имя чего-л.» (ФСРЯТ: 79).

Следующим способом структурно-семантических преобразований является **переход утвердительных форм в отрицательные и наоборот**, в результате чего значение меняется на противоположное:

– Разорви меня на сем месте, Федор Максимыч, коли у ***меня капля во рту была****; а я и сам не знаю, что со мной сделалось, – отвечал Веленчук. – С какой радости напился! – проворчал он* («Рубка леса», гл. IV; 3: 49).

Ср.: *крошки / маковой росинки во рту не было* – «Кто-л. совсем ничего не ел, не пил» (ФСРЛЯ, т. 1: 59)

В следующем примере для усиления отрицания использована частица *ни*:

– И отлично, – сказал он, – живи по-своему и ***не пляши ни по чьей дудке****, это лучше всего* («Юность», гл. XV; 2: 118).

Ср.: *плясать по дудке* – «Во всём безоговорочно подчиняться кому-л.; поступать так, как угодно кому-л.» (ФСРЛЯ, т. 1: 96).

Одним из способов структурно-семантического варьирования является **употребление отдельных компонентов ФЕ**, за которыми во фразеологической терминологии закрепились термины *осколок* (А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко), *обломок* (А.М. Бабкин).

Интересно проследить использование отдельных компонентов БФЕ в языке. Поскольку БФЕ по типу семантической слитности относятся к идиомам, то даже воспроизводимость отдельного компонента БФЕ (по выражению А.В. Жукова – *слова-компонента*) сохраняет образный характер. Компоненты ФЕ организо-

ваны по ядерно-периферийному принципу [Жуков, 2008: 14], поэтому чаще вычленяется ядерный компонент БФЕ, являющийся лексически маркированным. Например, в БФЕ *волосы встают дыбом* («о крайней степени страха, ужаса» [Николаюк, 1998]) таким компонентом будет наречие *дыбом* («о чувстве ужаса, сильного страха, испытываемом кем-л.»), а в БФЕ *соль земли* («лучшие представители народа, носители и хранители его духовных») лексически маркированным является компонент *соль* («особый смысл, сущность чего-л.»). В результате подобного варьирования БФЕ лексически маркированный компонент, как правило, сохраняется в отличие от периферийных компонентов БФЕ.

В следующем примере фразеологическое значение БФЕ выражено компонентом *манна*:

Братья мои масоны клянутся кровью в том, что они всем готовы жертвовать для ближнего, а не платят по одному рублю на сборы бедных и интригуют Астрея против Ищущих ***манны****, и хлопочут о настоящем Шотландском ковре и об акте, смысла которого не знает и тот, кто писал его, и которого никому не нужно* («Война и мир», т. II, ч. 5, гл. I; 10: 298).

Ср.: *манна небесная* – «Что-л. крайне необходимое, желательное, ожидаемое» (ФСРЛЯ, т. 1: 366).

Ко второму типу структурно-семантических преобразований А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко относят такие трансформации, в результате образуются **окказиональные ФЕ** и **слова**, **авторские ФЕ**.

Одним из распространённых способов словообразования в современном русском языке является агглютинация. При агглютинации слова образуются «путём последовательного присоединения к корню или основе слова грамматически однозначных аффиксов, при котором границы морфов остаются отчётливыми, без изменений» [Валгина, 2001: 133]. Агглютинация достаточно распространена в русском языке как способ образования лексем на базе фразеологизмов русского языка и отражает специфику образования слов на базе фразеологизмов [Ермакова, 2008: 31].

Вслед за Е.Н. Ермаковой под **агглютинацией ФЕ** понимаем «способ образования слов на базе фразеологизмов, при котором происходит соединение не соединяемых в свободном употреблении двух (или более) компонентов фразеологизма в одно целое»

[Ермакова, 2008: 30], а компоненты ФЕ превращаются в отдельные морфемы в составе новой лексической единицы.

Агглютинация ФЕ – процесс, находящийся на границе разных уровней языка. Наряду с экспликацией, импликацией, омонимией, контаминацией, конверсией, агглютинация относится к окказиональным преобразованиям ФЕ. В словаре «Фразеологизмы в русской речи» А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко представлены более 20 примеров подобных единиц (*бельмесовость*, *злободневщик*, *очковтирательство* и т.п.).

Анализ языка Л.Н. Толстого показал, что писатель употребляет как производные лексемы, так и ФЕ, их образующие, большинство которых зафиксировано в «Словаре отфразеологической лексики современного русского языка» М.А. Алексеенко, Т.П. Белоусовой, О.И. Литвинниковой: *болтаться* (с. 63), *свалить* (с. 65), *ладиться*, *наладиться* (с. 165), *наклепать, наклеп* (с. 151), *легкомысленный* (с. 168), *лодырничать* (с. 172), *плакаться* (с. 240), *разрешиться* (с. 273). Кроме перечисленных, для языка Л.Н. Толстого характерно использование и других производных от ФЕ лексем. Однако пока нет лексикографического описания следующих окказионализмов: *васясо* ← *ваше сиясо* ← *ваше сиятельство*; *комильфотность* ← *комильфотный* ← *comme il faut*.

Как показали наши наблюдения, подобные окказионализмы встречаются в произведениях многих русских классиков XIX в. Например, впервые существительное *вертихвост* ← *вертеть хвостом* употреблено Н.С. Лесковым в «Легенде о совестном Даниле» (1888), а слово *вертихвостка* ← *вертихвост* находим в романе А.И. Эртеля «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» (1889). Если анализировать в диахронии употребительность элементов цепи *вертеть хвостом* → *вертихвост* → *вертихвостка*, по данным НКРЯ, менее употребительным является слово *вертихвост* – 11 употреблений, *вертихвостка* – 45 употреблений, а ФЕ *вертеть хвостом* – 28 употреблений.

В XIX в. бытовали различные как однокомпонентные (*батюшка, матушка, барыня, сударь, сударыня* и т.п.), так и многокомпонентные обращения (*ваше высокоблагородие, ваше сиятельство, милостивый государь, ваша милость* и т.п.), употребление которых зафиксировано в художественных произведениях и письмах Л.Н. Толстого. Если в письмах обращения используются в не-

изменном виде, то из уст героев-крестьян мы слышим изменённые, стяжённые этикетные формулы. «Нелегко было человеку неграмотному, неимущему разобраться в обилии формул титулования, часто сложных и труднопроизносимых. Не знающие чинов и знаков различия простолюдины предпочитали поэтому обращаться к барам запросто…», а стяжённые формы использовались, когда требовалось титулование [Федосюк, 2006].

В повести Л.Н. Толстого «Утро помещика» самым частотным обращением крестьян к Нехлюдову является *ваше сиятельство* (55) и его производные *ваше сиясо* (8), *васясо* (18), а в «Казаках» дважды встречаем *ваше бродие* вместо *ваше благородие* или *ваше высокоблагородие*.

*– На то воля **вашего сясо**, – отвечал он, закрывая глаза с притворно-покорным выраженьем, – коли я вам не заслужил. А кажется, за мной никакого пороку не замечено. Известно, уж коли я **вашему сиясу** не полюбился, то всё в воле вашей состоит; только не знаю, за что я страдать должен* («Утро помещика», гл. VIII; 4: 143).

ФЕ-галлицизм *comme il faut* является частотным для языка Л.Н. Толстого[22]. Писатель употребляет этот галлицизм не только в нетранслитерированном виде, но и прибегает к агглютинации ФЕ: *comme il faut → комильфотный → комильфотность*. Кроме того, зафиксирован случай графического смешения *comme il faut'ность*:

*Я 15 лет тому назад предлагал отдать большую часть имения, жить в 4-х комнатах. Тогда бы у них был идеал. А теперь никакого. Они видят, что тот, который им ставит мать: **comme il faut'ность** не выдерживает критики, а мой перед ними осмеян – они и рады. Остаётся одно – наслаждения. Так и живут. Нельзя жить без – хоть самого низшего, честолюбивого, хоть корыстолюбивого идеала* (Дневник, 5 мая 1896 г.; 58: 85).

По данным Национального корпуса русского языка, употребление слова *комильфотный* до Л.Н. Толстого не было зафиксировано, чего нельзя сказать о существительном *комильфотность*.

Ср.: *Явился пробел, его надо было поскорее восполнить, и вот немедленно отыскался солидный, опытный уже критик, соеди-*

[22] Об отнесении ФЕ *comme il faut* к «тезаурусообразующим» и примерах употребления в языке Л.Н. Толстого – см. с. 127-128 настоящей работы.

няющий безотчётность нападений с надлежащею ***комильфотностью*** (Ф.М. Достоевский «Дневник писателя. 1880 год. Год III. Единственный выпуск на 1880 год», 1880).

Она была генеральская дочь, умна и с характером, кое-чему училась и читала, в молодости штудировала Гёте, недурно играла на фортепиано, знала два языка, отличалась большим тактом и щеголяла манерами и ***комильфотностью*** (К.М. Станюкович «Истинно русский человек», 1890 г.).

Таким образом, писатель использует не только устойчивые, регулярные для языка окказиональные слова, ставшие самостоятельными лексемами и зафиксированные в словарях, но и окказиональные слова, имеющие стилистическую маркированность и носящие индивидуальный характер употребления.

Отфразеологические образования типа *комильфотный, комильфотность, ваше сиясо, васясо*, *ваше бродие*, несомненно, отражают не только языковые реалии XIX в., но и языковые предпочтения писателя, его новаторство.

Большую группу образуют **ФЕ, образованные на базе общеязыковых ФЕ и пословиц** (так называемые *окказиональные дериваты*). Как показал языковой материал, проанализированный нами ранее, при определении типологии вариантов следует рассматривать ФЕ с учётом синхронии и диахронии, принимая во внимание сведения НКРЯ, чтобы избежать неточного комментария. Так, например, ошибочно относить к окказиональным ФЕ *золотые слова*, в отличие от ФЕ *серебряные слова* и *сказанные слова*.

В контексте всего творчества Л.Н. Толстого пословица *Сказанное слово серебряное, а несказанное – золотое* получает различное использование: её инвариант писатель приводит в своём календаре, а в романе «Война и мир» – возникает в сознании Пьера Безухова:

– Простота есть покорность богу; от него не уйдёшь. И они просты. Они, не говорят, но делают. ***Сказанное слово серебряное, а несказанное – золотое*** («Война и мир», т. III, ч. 3, гл. 9; 11: 191).

Сказанное слово серебряное, а несказанное – золотое*. Промолчать, что большое слово сказать* (Календарь с пословицами на 1887 г., июнь; 40: 37).

Писатель употребляет разные ФЕ, образованные на базе этой паремии по одной модели *сказанное слово, золотые слова, серебряные слова*:

Время проходит, но ***сказанное слово*** *остаётся* («Путь жизни», XXIII, Слово, I; 45: 333).

Можно упрекать себя в говорливости, а уж никак не в молчаливости – ***золотых словах*** (Письмо Н.Н. Страхову, 23 августа 1894 г.; 67: 206).

Не писал больше полмесяца. Был нездоров – и теперь не поправился вполне. Вчера было письмо от сына Льва, очень тяжёлое. Я прочёл только начало и бросил. Я написал было ответ ***серебряных слов****, но, успокоившись, предпочёл* ***золотые*** (Дневники, 2 февраля 1907 г.; 56: 8)

4) Отчего ***не сказанное слово золотое****? Отчего самый умный человек ничего бы не писал и не говорил? Оттого, что для того, чтобы говорить что-нибудь, делать выводы, надо допускать многое непонятное понятным, многое оставлять неисследованным. Коли всё понимать, то всё будут ноли, из которых не выйдет формулы – только ноль* (Записная книжка № 4, 1865–1872 гг.; 48: 115–116).

Особого комментария требуют окказиональные ФЕ *серебряные слова*, *сказанное слово*, образованные путём вычленения из данной паремии, в НКРЯ не зафиксировано ни одного случая их использования. В предпоследнем из приведённых контекстов данная единица антонимична ФЕ *золотые слова*, употреблённого не в привычном, устоявшемся значении «Об умных, дельных высказываниях, полезных советах» (ФСРЛЯ, т. 2: 247). Таким образом, появляются окказиональные фразеологические антонимы *золотые слова* «молчание, молчаливость» и *серебряные слова* «сказанное, написанное», образованные на базе пословицы и получившие значения путём коренного переосмысления ФЕ языка (*золотые слова* в исходном значении). Благодаря последнему примеру можно заключить, что ФЕ *сказанное слово* и *золотые слова* понимаются Л.Н. Толстым как антонимичные.

В основе образования **окказиональных ФЕ, образованных в результате структурно-семантической аналогии по контрасту**, лежит использование одноструктурных антонимов. В романе «Анна Каренина» находим два примера подобной замены

в пословице *По платью встречают, по уму провожают* (Даль, т. 2: 180):

И он весело и забавно рассказал, как он, не спав всю ночь, в полушубке ворвался в отделение Алексея Александровича.

– Кондуктор, противно пословице, хотел ***по платью проводить*** *меня вон; но тут уж я начал выражаться высоким слогом, и... вы тоже, – сказал он, забыв его имя и обращаясь к Каренину, – сначала* ***по полушубку хотели тоже изгнать*** *меня, но потом заступились, за что я очень благодарен* («Анна Каренина», ч. 4, гл. IX; 18: 405).

Как видно из представленного контекста, в компонентном составе произошла замена глагола его антонимом (*встречать – провожать*), изменилась структура (произошёл переход УФ → фразема), благодаря чему пословица получила противоположное значение «Первое впечатление о человеке складывается благодаря внешнему виду, а не умственным способностям». Кроме того, наблюдаем образование авторской единицы *по полушубку хотели тоже изгнать меня*, контекстуально обусловленной и ассоциативно связанной с пословицей.

Приведём и другие подобные примеры:

– Алексей Александрович! Я не говорю, что это невеликодушно, но это непорядочно – ***бить лежачего*** («Анна Каренина», ч. 4, гл. IV; 18: 384).

Ср.: *Лежачего не бьют* – «Слабого, беззащитного, попавшего в беду не следует обижать, наказывать, приносить ему вред» (ФРР: 363)

Никита. *Нужно мне очень жениться, и так не хуже женатого живу, завидуют люди. И как это толкнул кто, как я на образ перекрестился. Так сразу всю* ***каниитель*** *и* ***оборвал*** («Власть тьмы», д. 1, явл. XVI; 26: 143).

Ср. *тянуть каниитель* – «Медленно делать что-либо; затягивать начатое дело» (ФСРЛЯ, т. 2: 317).

При образовании **окказиональной ФЕ, основывающейся на преобразовании категориального значения ФЕ**, в следующем контексте наблюдается изменение категориального значения ФЕ (*ни то ни сёмный ← ни то ни сё*):

Я со страхом чувствую, что перехожу на летнее состояние: мне противно то, что я написал, и теперь у меня лежат кор-

ректуры на апрельскую книжку, и боюсь, что не буду в силах поправить их. Всё в них скверно, и всё надо переделать, и переделать всё, что напечатано, и всё перемарать, и всё бросить, и отречься, и сказать: виноват, вперёд не буду, и постараться написать что-нибудь новое, уж не такое нескладное, ***ни то ни сёмное****. Вот в какое я прихожу состояние, и это очень приятно... И не хвалите мой роман*» (Письмо Н.Н. Страхову, 8-9 апреля 1876 г.; 62: 265).

В языке Л.Н. Толстого чаще происходит использование категориально преобразованных, субстантивных ФЕ *искупать грех* → *искупление греха*, *искупать вину* → *искупление вины*, *ломать / поломать копья* (ФСРЛЯ, т. 1: 358) → *ломание копий*, *ловить в сети* (ФСРЛЯ, т. 1: 355) → *уловление в сети*:

Совесть же моя требует жертвы своей свободой для ***искупления*** *моего* ***греха*** («Воскресение», ч. 2, гл. XXIX; 32: 305).

Он неделю тому назад написал ей решительное письмо, в котором признавал себя виновным, готовым на всякого рода ***искупление*** *своей* ***вины****, но считал всё-таки, для её же блага, их отношения навсегда покончеными* («Воскресение», ч. 1, гл. III; 32: 15).

– Я начинаю уставать от напрасного ***ломания копий*** *за правду и иногда совсем развинчиваюсь* («Анна Каренина», ч. 1, гл. XXXII; 18: 115).

А всё оттого, что их унизили, лишили их равных прав с мужчинами. И вот они мстят действием на нашу чувственность, ***уловлением*** *нас* ***в*** *свои* ***сети*** («Крейцерова соната», гл. IX; 27: 26).

По данным НКРЯ, ФЕ *искупление вины*, *искупление греха* стали употребляться во 2-й пол. XIX в., *уловление в сети* – ещё во 2-й пол. XVIII в., использование ФЕ *ломание копий* единично и принадлежит Л.Н. Толстому, что даёт основание говорить о появлении окказиональной ФЕ.

Другим способом образования окказиональных ФЕ является **контаминация**, под которой понимаем объединение частей / компонентов двух и более ФЕ, в результате которого появляются *фразеологические контаминанты* (термин Е.А. Колобовой), которые имеют новое смысловое наполнение, новую образность, экспрессивную и оценочную маркированность [Колобова, 2011: 7]. Контаминация характерна для устного обиходного общения [Аврасин,

1999: 3], поэтому органично вписывается в контекст художественных произведений (реплики персонажей в драмах, речь героев в эпических произведениях) и эпистолярных текстов. Рассмотрим подобные примеры:

С т а р ш о й . *Где же ты болтался?*

М у ж и ц к и й ч е р т ё н о к . *Не болтался я; всё время* ***из кожи вон бился****, да ничего сделать не могу* («Первый винокур»).

Ср.: *лезть из шкуры (вон)* – «Экспрес. Усердствовать, стараться изо всех сил» (ФСРЛЯ, т. 1: 346), *из кожи (вон) лезть* – «Стараться изо всех сил» (ФСРЯТ: 111); *выбиваться / выбиться из сил* – «Экспрес. 2. Прилагать, затрачивать много сил, усилий, чтобы достичь поставленной цели» (ФСРЛЯ, т. 1: 114).

Что за бессмыслица! – говорил Степан Аркадьич, узнав от приятеля, что его выгоняют из дому, и найдя Левина в саду, где он гулял, дожидаясь отъезда гостя. – Ведь это смешно! ***Какая*** *тебя* ***муха укусила****?...Что же тебе показалось, если молодой человек... Но* ***место, в которое Левина укусила муха****, видно,* ***ещё болело****, потому что он опять побледнел...* («Анна Каренина», ч. 6, гл. XV; 19: 178)

Ср.: *какая муха укусила* – «Экспрес. Непонятно, чем вызвано такое странное поведение, что же случилось с кем-либо» (ФСРЛЯ, т. 1: 387-388), *больное место* – «Экспрес. 2. То, что более всего волнует, беспокоит кого-либо, что причиняет заботы, страдания, волнения» (ФСРЛЯ, т. 1: 374).

Иван Иванович говорил, что он хорошо по душе поговорил с ним, ***не затрагивая больного места*** (Письмо В.Г. Черткову, 23 января 1896 г.; 87: 349).

Ср.: *задеть / задевать (затронуть / затрагивать) за живое* – «Взволновать, произвести сильное впечатление» (ФСРЯТ: 80), *больное место* – «Экспрес. 2. То, что более всего волнует, беспокоит кого-либо, что причиняет заботы, страдания, волнения» (ФСРЛЯ, т. 1: 374).

«Вот ещё человек, – думал я, возвращаясь домой, – имеющий всё, чего только добиваются русские люди: чин, богатство, знатность, – и этот человек перед боем, который ***Бог один знает чем кончится****, шутит с хорошенькой женщиной и обещает пить у неё чай на другой день, точно так же, как будто он встретился с нею на бале!»* («Набег», гл. V; 3: 26)

– Здравствуйте, батюшка!.. Я не совсем здоров и не выхожу. Как это вас ***занесло в наше тридевятое царство****?* («Воскресение», ч. 3, гл. XXII; 32: 421).

Ср.: *тридевятое царство* – «О каком-либо очень отдалённом месте» (ФСРЛЯ, т. 2: 357), *нелёгкая занесла* – «Выражение крайнего недовольства тем, кто оказался некстати или непредвиденно в опасном или нежелательном, неприятном месте» (ФСРЛЯ, т. 2: 25).

Он очень молод, и потому очень страшно за него. Помоги ему Бог быть не тою землёю, в которой ростки семян быстро всходят, но не могут укорениться, а того, которая ***приносит плод сторицею*** (Письмо в редакцию болгарской газеты «Свободна мысль», 29 мая 1901 г.; 73: 84).

Ср.: *воздавать / воздать сторицею* – «Жестоко отомстить кому-л. за что-л.» (ФСРЛЯ, т. 1: 90), *пожинать плоды* – «Пользоваться результатами сделанного» (ФСРЛЯ, т. 2: 110).

В представленных примерах условием контаминации выступает смысловая близость контаминируемых ФЕ, тождество их экспрессии [Бабкин, 1970: 44]. С целью конкретизации и интенсивности действия писатель создаёт окказиональное преобразование, которое в контексте объясняется особенностями характера персонажа, идейным содержанием произведения, в письме желанием адресанта.

В следующем отрывке из пьесы контаминантами выступают КВ, источником которых являются произведения русской классики стихотворение А.С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» и М.Ю. Лермонтова «Родина». Писать использует графический маркёр – кавычки, показывая авторство КВ, их цитатный характер:

К о к о К л и н г е н. *Не понимаю, как ты можешь водиться с таким дураком. Уж так глуп, вот уж истинно шалопай*!

П е т р и щ е в. *А я его люблю. Люблю Вово, «****но странною любовью», «к нему не зарастет народная тропа****»*… («Плоды просвещения», д. 4, явл. 5; 27: 231).

Ср.: *К нему не зарастёт народная тропа* (СКВП: 274), (БСКСВРЯ, т. 1: 505-506); *Люблю отчизну я, но странною любовью!* (БСКСВРЯ, т. 1: 584).

Благодаря такому сочетанию, КВ придают данному контексту иронический оттенок.

В языке Л.Н. Толстого встречаются случаи **включения ФЕ в состав сравнительного оборота** и примеры обратного процесса – **перехода сравнительного оборота в ФЕ**:

*Эти люди смотрят на Кавказ не иначе, **как сквозь призму** героев нашего времени, Мулла-Нуров и т.п., и во всех своих действиях руководствуются не собственными наклонностями, а примером этих образцов* («Набег», гл. III; 3: 22).

Ср.: *сквозь призму* – «С каких-л. позиций (смотреть, оценивать что-л.)» (ФСРЛЯ, т. 2: 144).

*– Ты не поверишь, как мне опостылели эти комнаты, – сказала она, садясь подле него к своему кофею. – Ничего нет ужаснее этих chambres garnies (меблированных комнат). Нет выражения лица в них, нет души. Эти часы, гардины, главное обои – кошмар... Я думаю о Воздвиженском, **как об обетованной земле*** («Анна Каренина», ч. 7, гл. XXV; 19: 326).

*Я был стыдлив от природы, но стыдливость моя ещё увеличивалась убеждением в моей уродливости. <...> Я был слишком самолюбив, чтобы привыкнуть к своему положению, **утешался, как лисица, уверяя себя**, **что виноград ещё зелен**, то есть старался презирать все удовольствия, доставляем приятной наружностью, которыми на моих глазах пользовался Володя и которым я от души завидовал* («Отрочество», гл. VI; 2: 21).

Ср.: *На взгляд-то он хорош,*

Да зелен – ягодки нет зрелой,

Тотчас оскомину набьёшь (И.А. Крылов «Лисица и виноград»).

*Органы прессы, соревнуя между собой, стали описывать, разбирать, обсуживать событие, публика стала ещё больше интересоваться, пресса отвечала требованиям публики, и **снежный ком** стал расти, расти и вырос на наших глазах такой, что не было семьи, где бы не спорили об l'affaire* («О Шекспире и о драме», VII; 35: 261).

Ср.: *как снежный ком* – «очень быстро» (ФСРЛЯ, т. 1: 310).

В первых двух примерах образ сравнения опирается на характер образной основы ФЕ, в третьем примере в основу положен прецедентный образ, в четвёртом – появляется субстантивная ФЕ

снежный ком, получившая значение «Неприятности, наваливающиеся очень быстро».

§ 4. Комплексные преобразования фразеологических единиц

Комплексное (сложное, комбинированное) варьирование как тип преобразований выделяют О.В. Бойко, А.М. Григораш, И.В. Зыкова, А.С. Макарова, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко и др. [Бойко, 1981; Григораш, 2008; Зыкова, 2014; Макарова, 2015; Мелерович, 1997]. Исследователи сходятся во мнении, что цель таких преобразований – прагматическая цель, которая реализуется при создании высказывания. В основе преобразований комплексного характера лежит соединение образной основы ФЕ и паремий.

Представим подобные примеры и прокомментируем их.

В результате ряда комплексных преобразований образуются новые единицы, рассмотрим механизм их появления.

Очень рад был получить от вас письмо, дорогой кум; несмотря на то, что она, хотя и всё доброе, ***пересыпано сердцем, как перцем*** (Письмо С.С. Урусову, 22-28 декабря 1879 г.; 62: 509).

Ср.: *И без перца дойдёт до сердца* (ТСД, т. 4: 131); *Взял с сердцем, так и ешь с перцем* (ТСД, т. 3: 242); *И без перцу подошло к сердцу* (ТСД, т. 3: 242); *И без перца дойдёт до сердца* (Разумов: 157); (БСРП: 648, 804).

Все разделились на бесчисленное количество не вер, а мировоззрений; все, как пословица говорит, ***расползлись, как слепые щенята от матери****, и все теперь люди нашего христианского мира с разными мировоззрениями и даже верами: монархисты, социалисты; республиканцы, анархисты, спиритисты, евангелисты и т.п., все боятся друг друга, ненавидят друг друга* («Почему христианские народы вообще и в особенности русский находятся теперь в бедственном положении»; 37: 355).

Ср.: *Слепой щенок и тот к матери ползёт* (Даль 1: 336); *Слепой щенок, и тот к матери ползёт* (ТСД, т. 4: 1502); *Слепой щенок, и тот к матери ползёт* (Разумов: 118).

Спокойствие и самоуверенность Вронского здесь, как ***коса на камень****,* ***наткнулись*** *на холодную самоуверенность Алексея Александровича* («Анна Каренина» ч. 1, гл. XXXI; 18: 113).

Ср.: *Нашла коса на камень* (Снегирёв: 41); *Попадает (нашла) коса на камень* (ТСД, т. 2: 439); *Нашла коса на камень* (Михельсон 1: 632); *Нашла коса на камень* (Жуков: 265-266); *Нашла коса на камень* (ФРР: 328-330).

В первом примере комплексное преобразование представляет собой включение одного из компонентов в сравнительный оборот и внутреннюю синтаксическую трансформацию, во втором – включение компонентов паремии в сравнительный оборот сочетается со структурно-семантическими преобразованиями: заменой компонента и синтаксической трансформацией, в третьем – наблюдается вычленение части пословицы *Нашла коса на камень* и включение в состав сравнительного оборота. Таким образом, писатель заимствует лишь образную основу паремии, на базе которой создаёт новую единицу, при этом подвергает её трансформации. Представленные примеры доказывают справедливость замечания, что включение единицы или её части в состав сравнительного оборота «позволяет оживить потерявшие гибкость компонентные сочленения» используемой единицы, а также её «первичную образность» [Мелерович, 2008: 324].

Рассмотрим примеры функционирования БФЕ *волк в овечьей шкуре* – «человек, прикрывающий свои дурные намерения, действия маской добродетели» (ФСРЛЯ, т. 1: 93):

И книга моя, и я сам есть обличение обманщиков, тех лжепророков, которые придут ***в овечьей шкуре*** *и которых мы узнаем* ***по плодам*** (Письмо Гр. А.А. Толстой, 3 марта 1882 г.; 63: 90).

Любовь не может быть вредной, но только бы она была любовь, а не ***волк эгоизма в овечьей шкуре любви****. Только стоит спросить себя: готов ли я для его, её блага никогда не видать его, её, прекратить с ней, с ним сношения. Если нет, то это волк и его надо бить и убить. Я знаю Вашу религиозную и любящую душу и потому уверен, что вы победите волка, если он есть* (Письмо И.М. Трегубову, 19 июля 1897 г.; 70: 109).

В первом примере происходит окказиональная субституция путём замены компонента *волк* на *обманщиков, лжепророков*, а также вычленение из состава БФЕ *волк в овечьей шкуре* и *пожинать плоды* сочетания и ключевого слова, благодаря чему писатель образует окказиональную фразеологическую конфигурацию, имеющую экспрессивную неодобрительную окраску. Второй при-

мер представляет собой экспликацию нескольких компонентов, благодаря чему достигается коренное переосмысление БФЕ.

Покажем, какие комплексные преобразования характерны для ФЕ-синонимов *выходить / выйти из колеи* и *выбивать / выбить из колеи* и их антонима *входить / войти в колею*:

Но, несмотря на все старание притворства перед другими и самим собой, несмотря на умышленное усвоение всех признаков, которые я замечал в других в влюблённом состоянии, я только в продолжение двух дней, и то не постоянно, а преимущественно по вечерам, – вспоминал, что я влюблён, и, наконец, как скоро ***вошёл в новую колею деревенской жизни и занятий****, совсем забыл о своей любви к Сонечке* («Юность», гл. XXVIII; 2: 162).

Ср.: *входить / войти в колею* – «Прийти в обычное состояние, вернуться к привычному образу жизни» (ФСРЯТ: 112).

Не раз пробовал я ***выйти из грязной колеи****,* ***по которой шла моя жизнь, на эту светлую дорогу*** («Записки маркёра», 3: 116).

Ср.: *выходить / выйти из колеи* – «Перестать вести обычную, нормальную жизнь» (ФСРЯТ: 112).

Первый из приведённых примеров содержит окказиональную ФЕ, образованную за счёт расширения компонентного состава и использования образной основы, в результате чего появляется концептуальный вариант ФЕ – второй пример, получающий благодаря контексту дополнительную коннотативную окраску, тоже является подобной иллюстрацией (*выйти из грязной колеи на светлую дорогу*), где актуализаторами являются контекстуальные антонимы *грязной колеи – светлую дорогу*.

В следующем случае наблюдается сочетание субституции и экспликации за счёт окказиональных компонентов:

Кроме того, у меня было два горя, которые ***вывели*** *меня* ***из моей зимней и весенней отвлечённой рабочей колеи*** (Письмо Н.Н. Страхову, 31 мая 1873 г.; 62: 31).

Следующий пример представляет собой сочетание морфологического варьирования и расширения компонентного состава ФЕ, это фразеологически насыщенный контекст, в котором актуализаторы мотивируют включение прилагательного *привычный*, за счёт которого происходит интенсификации ФЕ и появляется усилительный оттенок:

После разорения Москвы и его имения, ***выбитый из привычной колеи****, он, видимо, потерял сознание своего значения и чувствовал, что ему уже нет места в жизни* («Война и мир», т. IV, ч. 1, гл. XIV; 12: 54).

В отличие от предыдущих, примеры варьирования из романа «Анна Каренина» носят формальный характер, поскольку экспликация ФЕ за счёт указательных местоимений характерна для узуса, как и субституция на основе синонимии:

Он чувствовал себя ***выбитым из той колеи****, по которой он так гордо и легко шёл до сих пор* («Анна Каренина», ч. 4, гл. XVIII; 18: 436).

Ср.: *выбивать / выбить из колеи* – «Нарушать / нарушить привычное течение жизни, ход тел» (ФСРЯТ: 112).

Он, кроме того, опять ***попал в прежнюю колею жизни*** («Анна Каренина», ч. 4, гл. XXIII; 18: 456).

Таким образом, глагольные ФЕ с компонентом *колея* в языке Л.Н. Толстого подвержены расширению компонентного состава за счёт определения, которое конкретизирует значение ФЕ, что позволяет сделать вывод о типичности для языка подобных вариантов, а также о взаимодействии обозначенного приёма с грамматическими преобразованиями.

В основе комплексного преобразования может лежать лишь фразеологический образ, который в языковом сознании говорящего имеет определённые ассоциации.

Согласно «Словарю русской фразеологии», в основе паремии *На воре шапка горит* лежит старинный анекдот «о том, как нашли на рынке вора: после тщетных попыток найти вора люди обратились за помощью к знахарю-колдуну. Тот повёл потерпевших на многолюдный рынок и громко крикнул в толпу: “Смотрите-ка! На воре-то шапка горит!”. И вдруг все увидели, как какой-то человек схватился за шапку. Так вор был обнаружен и уличён» [Бирих, 1998: 98]. В данном примере субституцию, построенную на контекстуальной синонимии, сопровождает внутреннее синтаксическое преобразование:

И меня всегда радует ***вид горящих шапок как на консерваторах православных, так и на вольнодумных либералах*** (Письмо В.В. Стасову, 4 сентября 1894 г.; 67: 216).

Ср.: *На воре шапка горит* – «О человеке, совершившем что-л. дурное, который непременно себя выдаст» [Бирих, 1998: 98].

Импликация паремии с выделением «осколка» сочетается с экспликацией, в результате чего возникает окказиональное преобразование:

И странное дело, это физическое нездоровье нисколько не беспокоит меня. То, что он прибавил или убавил веса, оставляет меня совершенно равнодушным, тогда как ***всякая малейшая часть золотника его нравственного веса чувствительна мне и трогает меня*** (Письмо В.Г. Черткову, 8 февраля 1894 г.; 87: 255).

Ср.: *Мал золотник, да дорог* (БСРП: 380).

В основе следующего окказионального комплексного преобразования лежит БФЕ *между Сциллой и Харибдой*. Здесь наблюдается внутреннее синтаксическое преобразование и множественная экспликация:

Боюсь, что я напрасно обнадёжил вас обещанием писать свои воспоминания. Я попробовал думать об этом и увидал, какая страшная трудность ***избежать Харибды самовосхваления (посредством умолчания всего дурного) и Сциллы цинической откровенности о всей мерзости своей жизни*** (Письмо П.И. Бирюкову, 20 августа 1902 г.; 73: 278).

БФЕ *вливать вино новое в меха старые* повторяется в рамках минимального контекста с целью усиления экспрессии. Кроме того, наблюдается грамматическое преобразование, субституция (*влить – наполнить*), синтаксическая инверсия:

Вся книга и проповедь ваша, по моему мнению, ослабляется тем, что пытаетесь ***влить вино новое в мехи старые. Мехи старые, которые вы хотите наполнить новым вином, это государство и церковь*** (Письмо Д.Д. Херрону, 2-3 июля 1895 г.; 68: 111).

Ср.: *вливать вино новое в меха старые* (БСКСВРЯ, т. 1: 180).

Комплексные трансформации могут приводить к стилистическим эффектам. В результате комплексного преобразования ФЕ *зла не помнить* (ФСРЛЯ, т. 2: 122) образовалась окказиональная ФЕ *попомнить моё добро*, с изменением коннотации, это помогает охарактеризовать персонажа повести:

– Ведь я охотой за брата пошёл, – рассказывал Авдеев. – У него ребята сам-пят! А меня только женили. Матушка просить стала. Думаю: что мне! Авось ***попомнят моё добро****. Сходил к барину. Барин у нас хороший, говорит: «Молодец! ступай». Так и пошёл за брата* («Хаджи-Мурат», гл. II; 35: 14).

Вследствие множественной экспликации БФЕ *святая святых* получает стилистически сниженный характер:

Он ехал и отдохнуть на две недели, и ***в самой святая святых народа, в деревенской глуши, насладиться видом того поднятия народного духа, в котором он и все столичные и городские жители были вполне убеждены*** («Анна Каренина», ч. 8, гл. I; 19: 353).

Индивидуально-авторский характер носят ФЕ перифрастического характера, появляющиеся в результате комплексных преобразований за счёт включения местоимения *то*:

Так естественно и просто кажется то, чтобы ***ломиться в ту дверь, за которой находится то, что нам нужно****, и тем более естественно, что позади нас стоят толпы людей, напирающие на нас и прижимающие нас к двери. А между тем чем упорнее мы* ***ломимся в дверь****,* ***за которою находится то, что мы считаем благом, тем меньше надежды проникнуть за неё****. Она отворяется только* на себя[23] («К рабочему народу, XV; 35: 148).

Ср.: *ломиться в открытую дверь* (ФСРЛЯ, т. 1: 359).

В приведённом примере наблюдается повторение ФЕ с целью усиления экспрессии, а фразеологический образ подвергается развёртыванию благодаря множественной экспликации.

В следующем контексте Л.Н. Толстой перефразирует паремию, обозначая *барабанную шкуру* местоимениями *то* и *чего*. Кроме того, анализ сказки «Работник Емельян и пустой барабан», традиционно для толстовского творчества носящий дидактический характер, показывает, что анализируемая единица играет текстообразующую роль:

Поел Емельян, и стала старуха ему говорить:

– Вот тебе, – говорит, – клубок. Покати ты его перед собой и иди за ним, куда он катиться будет. Идти тебе будет далеко, до самого моря. Придёшь к морю, увидишь город большой.

[23] Авторское выделение в тексте.

Войди в город, просись в крайний двор ночевать. Тут и ищи того, что тебе нужно.

– Как же я, бабушка, его узнаю?

– А когда увидишь ***то, чего лучше отца-матери слушают****, оно и есть. Хватай и неси к царю. Принесёшь к царю, он тебе скажет, что не то ты принёс, что надо. А ты тогда скажи: «Коли не то, так разбить его надо», – да ударь по штуке по этой, а потом снеси её к реке, разбей и брось в воду. Тогда и жену вернешь, и мои слезы осушишь.*

Простился с бабушкой, пошёл Емельян, покатил клубок. Катил, катил – привёл его клубок к морю. У моря город большой. С краю высокий дом. Утром рано проснулся, слышит – отец поднялся, будит сына, посылает дров нарубить. И не слушается сын.

– Рано ещё, – говорит, – успею. Слышит – мать с печи говорит:

– Иди, сынок, у отца кости болят. Разве ему самому идти? Пора.

Только почмокал губами сын и опять заснул. Только заснул, вдруг загремело, затрещало что-то на улице. Вскочил сын, оделся и выбежал на улицу. Вскочил и Емельян, побежал за ним смотреть, что такое гремит и ***чего сын лучше отца-матери послушался*** («Работник Емельян и пустой барабан», 25: 168).

Ср.: *Не слушает отца-матери, послушается телячьей шкуры* [Михельсон, 1997, т. 1: 482].

Приведённый пример варьирования имеет перифрастический характер. Повторение паремии служит выполнению и дидактической задачи, на что направлены сказки Л.Н. Толстого. Здесь писатель опускает компонент *барабанной шкуры*, так как предполагает, что читатель знает паремию, бытовавшую в XIX в., доказательство чего содержит язык Ф.М. Достоевского:

Точно в самом деле звание каторжного, решеного, составляло какой-нибудь чин, да ещё и почётный. Ни признаков стыда и раскаяния! Впрочем, было и какое-то наружное смирение, так сказать официальное, какое-то спокойное резонёрство: «Мы погибший народ, – говорили они, – не умел на воле жить, теперь ломай зелёную улицу, поверяй ряды». – ***«Не слушался отца и матери, послушайся теперь барабанной шкуры****». – «Не хотел шить золотом, теперь бей камни молотом». Всё это говорилось часто,*

и в виде нравоучения и в виде обыкновенных поговорок и присловий, но никогда серьёзно. Все это были только слова (Ф.М. Достоевский «Записки из мертвого дома», 1862).

Фразеологически насыщенный контекст, будучи одним из типов фразеологических конфигураций, является чертой языковой личности Л.Н. Толстого. В языке писателя встречаются примеры, где одновременно варьированию подвержено несколько единиц:

Хорошо ***бы вашими устами мед пить и думать****, что хоть* ***не везёшь, но участвуешь в везении воза****. Того только* ***одного желаю****, но то, что меня* ***оставляют в покое****, заставляет меня сомневаться в этом* (Письмо Д.Р. Кудряшову, 16 января 1895 г.; 68: 17-18).

Ср.: *Вашими (твоими) устами <да> мёд пить* (БСРП: 74), *возить воду* (ФСРЛЯ, т. 1: 90), *оставить / оставлять в покое* (ФСРЯТ: 183).

Всякое устройство своей жизни, всякая затея – связь, соблазн, и выкупать ничто ничего не может, потому что, как вы знаете так же, как и я, деятельности самой по себе никакой нет ни хорошей ни дурной; есть только хорошие или дурные побуждения. А считать какое-либо своё дело хорошим, ***позволять левой знать, что делает правая****,* ***оглядываться назад*** *– нехорошо* (Письмо В.Г. Черткову, 12 декабря 1890 г.; 90: 59).

В первом примере происходит экспликация паремии *Вашими устами мёд пить* за счёт прибавления к одному из компонентов паремии однородного члена, а также грамматические преобразования паремии *На нём хоть воду вози*; во втором – грамматические преобразования БФЕ *левая нога не знает, что делает правая* [Михельсон, 1997, т. 1: 521]. Фразеологически насыщенный контекст помогает получить используемым единицам большую экспрессию, служит конкретизации высказывания.

Комплексное варьирование демонстрирует реализацию креативного потенциала (термин Е.Н. Ремчуковой) фразеологии, а также мастерское владение языковым материалом, умение Л.Н. Толстого достигать творческих задач посредством фразеологических средств.

Выводы к разделу 3

К настоящему времени вопрос типологии варьирования ФЕ в отечественной фразеологии можно считать разработанным: несмотря на сосуществование различных терминов (в зависимости от принадлежности к научной школе), учёные выделяют узуальные и окказиональные варианты. В первую очередь фразеоварьирование характерно для публицистических и художественных текстов являясь чертой ЯЛ многих писателей и публицистов. Узуальные варианты носят формальный характер, в отличие от окказиональных – концептуальных, характеризующих авторские предпочтения, мировидение говорящего или пишущего, его систему ценностей, философские воззрения.

Методология описания фразеологических преобразований включает семантический анализ для сопоставления данной единицы с существовавшим / существующим в языке семантическим эквивалентом, ретроспективный анализ для выявления первоначального вида ФЕ, контекстуальный анализ для более точной формулировки фразеологического значения, историко-этимологический анализ для установления внутренней формы ФЕ и для определения типологии вариантов.

Придерживаясь типологии вариантов, предложенной А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко, мы провели анализ фразеологического фонда, в результате чего сделали ряд выводов. Язык Л.Н. Толстого содержит примеры употребления ФЕ как в неизменном виде, так и в трансформированном виде. Фразеология в языке писателя подвержена формальному, семантическому и структурно-семантическому варьированию.

Проведённый нами анализ доказывает, что контекст способствует реализации смысловых значений фразеологии и происходит реализация инновационного потенциала: уточнение фразеологического значения или появление окказионального значения, формулировке которого в языке писателя помогает семантизация единиц в тексте, когда посредством авторской семантизации происходит толкование значения концептуально значимых для Л.Н. Толстого единиц. Смысловой реализации фразеологии способствует анализ фразеологических актуализаторов в составе контекста.

В количественном отношении преобладают структурно-семантические преобразования, среди них – расширение компонентного состава (экспликация) и замена компонента в составе единицы (субституция).

Структурно-семантические преобразования в текстах Л.Н. Толстого часто обусловлены «вертикальным» контекстом, служат актуализации высказывания, увеличению экспрессии, являясь иллюстрацией преобразований концептуального характера.

Влияние жанрово-стилистической отнесённости текста также объясняет выбор трансформов. Для реализации художественного замысла писатель использует фонетические варианты, которые помогают читателю представить персонаж более полно (например, диалектные особенности, социальное происхождение, особенности артикуляционного аппарата). Эпистолярий включает значительное количество примеров расширения компонентного состава с целью выражения авторских интенций; в письмах фразеология, будучи частотным языковым явлением, служит для Л.Н. Толстого мощным экспрессивно-выразительным средством, в т.ч. посредством концептуального варьирования и создания фразеологически насыщенного контекста.

Варьированию подвержены различные с точки зрения происхождения ФЕ. Хорошее знание фразеологии русского и европейских языков позволяет органично включать «инородные» компоненты в состав единицы. В языке Л.Н. Толстого представлены примеры апелляции к внутренней форме ФЕ, прототипической ситуации, лежащей в основе образования единицы. Наличие примеров вариантов БФЕ говорит не только о понимании писателем символического значения библейской фразеологии, но и о знании текста Библии: в текстах нередко приводятся библейские цитаты.

Раздел 4

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА Л.Н. ТОЛСТОГО

Глава 1. Параметризация фразеологических единиц, пословиц, крылатых выражений: основные тенденции в связи с общими вопросами лексикографии

§ 1. Фразеография: традиции и новые подходы

В связи со становлением фразеологии как самостоятельного раздела лингвистики можно говорить о появлении фразеографии, которая представляет собой: 1) раздел лингвистики, занимающийся составлением фразеологических словарей различных типов; 2) создание фразеологических словарей и словарных материалов. Наиболее актуальными для фразеографов являются следующие вопросы: 1) тип и адресация словаря; 2) источники словаря; 3) принципы формирования словника; 4) структура словарной статьи.

Развитие отечественной фразеографии связано с развитием зарубежной лексикографии, что наблюдается при обобщении словарного опыта. Европейская фразеографическая традиция имеет многовековую историю. М.И. Умарходжаев выделил три этапа развития отечественной фразеографии. Появление рукописных сборников пословиц и изречений латинского и немецкого языков учёный условно обозначил как первый этап. Второй этап (с XIX в. до сер. XX в.) ознаменован тем, что во фразеологических словарях происходит не просто регистрация устойчивых единиц, но и их параметризация: словарная статья включает толкование значений ФЕ, содержит стилистическую характеристику, формируемую с помощью помет, иллюстративный материал, содержит этимологи-

ческую справку. Кроме того, предметом описания становятся идиомы, парные сочетания, компаративные ФЕ, КВ. Третий этап начинается в послевоенные годы, он связан с общими тенденциями развития лингвистики: происходит выделение фразеологического словаря как словаря специального типа, продолжается разработка элементов словарной статьи (например, стилистических помет), выпускаются фразеологические словари различных типов [Умарходжаев, 1983: 42-61]. По мнению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, «в русской фразеологии в настоящее время доминирует словарное направление» [Баранов, 2008: 20]. Действительно, активное создание различных типов фразеологических словарей пришлось на конец XX – начало XXI в., что свидетельствует о новом этапе развития фразеографии, которое отражает смену научных ориентиров и тенденции лингвистики настоящего времени.

Вместе с тем теоретической основой современной лексикографии, несомненно, являются исследования 1960–1970-х гг., когда происходило становление фразеологии как лингвистической дисциплины. В трудах А.М. Бабкина (1964, 1979), В.Г. Гака (1979), В.П. Жукова (1967), А.И. Молоткова (1977), М.И. Умарходжаева (1977, 1979) и др. обозначены задачи, решение которых во многом предопределило развитие лексикографии в целом, фразеографии, паремиографии, крылатографии, терминографии, перифрастики – в частности. Лексикографы разрабатывали принципы составления фразеологических словарей, структуру словарных статей, способы оформления ФЕ в различных словарях. Это время ознаменовано появлением «Словаря русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова (1966), «Фразеологического словаря русского языка» (ФСРЯ) под ред. А.И. Молоткова (1967) – первых опытов научного описания паремиологии и идиоматики.

При создании фразеологических словарей необходимо решить проблему, связанную с составом единиц, что объясняется неоднородностью фразеологических средств языка. А.М. Бабкин считал, что «отбор вводимых ФЕ подчиняется следующим ограничениям: а) принадлежностью их современному русскому литературному языку; б) соответствием тем типологическим признакам, которые установлены для вводимых в Словарь фразеологизмов» [Бабкин, 1964: 12]. По мнению ученого, во фразеологический сло-

варь должны быть включены идиомы, а также «идиоматичные выражения, представляющие собой бытовые номинативные обозначения, которые употребительны в общем языке и не принадлежат к той или иной терминологической системе» (*волчий билет, жёлтый дом*), поговорки (*стреляный воробей, тянуть лямку*), крылатые слова, «которые семантически переродились, достаточно отчётливо развив переносное значение» (*Искусство для искусства, геркулесовы столбы*) [Бабкин, 1964: 12-32].

А.И. Молотков, продолжая лексикографические рассуждения А.М. Бабкина, отмечал, что фразеологическому словарю присущи свои принципы, в отличие от словаря слов, на что должна опираться фразеография [Молотков, 1977: 238]. Учёный обозначил три центральные проблемы, решение которых необходимо при создании фразеологического словаря: «1) отбор включаемых в словарь фразеологизмов; 2) разработка или интерпретация включаемых в словарь единиц; 3) подача (расположение) их в словаре» [Молотков, 1977: 240]. Методология описания ФЕ во «Фразеологическом словаре русского языка», позже рассмотренная А.И. Молотковым в монографии «Основы фразеологии русского языка» (1977), стала основополагающей для других словарей, словарные статьи которых начали включать: толкование ФЕ, грамматические и стилистические пометы, историко-временную и экспрессивно-эмоциональную характеристику, описание формы ФЕ, историко-этимологические справку (ФСРЯ: 1967). Таким образом, для этого периода отечественной лексикографии наиболее значимым является жёсткий отбор однородного фразеологического материала, чёткая параметризация анализируемых единиц.

Одним из направлений фразеографии 1980-х гг. становится создание аспектных фразеологических словарей, для чего необходимо было решить ряд проблем. Так, А.М. Бушуй назвал основную задачу фразеографии – «отражение в различного рода словарях семантических, грамматических, стилистических, функциональных (коммуникативных, текстообразующих) и других особенностей ФЕ языка»; в словарях должна раскрываться фразеологическая система языка, а также деривационные закономерности во фразеологии, моделируемость и ее границы [Бушуй, 1982: 5]. Например, «Словарь фразеологических синонимов русского языка» В.П. Жукова, М.И. Сидоренко, В.Т. Шклярова показывает систем-

ность ФЕ, а доминанта синонимического ряда демонстрирует, какой фразеологизм «является самым употребительным в синонимическом ряду, обладает широкой сочетаемостью и… способен замещать другие синонимичные обороты в контексте» [Жуков, 1987: 4].

Б.Ю. Городецкий, отмечая комплексный характер лексикографии, подчёркивает, что: «историко-филологический аспект проявляется в постоянном интересе к типологии словарей и их связи с культурой, её гносеологический аспект обусловлен сущностью словарей как способа организации и представления знаний, накопленных обществом, её семантико-лексикологический аспект связан с обобщением словарных данных в русле моделирования плана содержания языка». Однако на первый план следует выносить прикладную направленность лексикографии [Городецкий, 1983: 8-9].

Научно-технический прогресс, отличающий состояние науки в 1980-е гг., отразился и на лексикографии: появление компьютерных технологий предопределило необходимость создания Автоматизированного фразеологического словаря русского языка, для разработки концепции и определения состава которого в ноябре 1990 г. в г. Орле работал Всесоюзный семинар «Фразеологические словари и компьютерная фразеология» (см. Фразеологические… 1990). Одной из проблем, обсуждаемых на семинаре, стало идеографическое описание русской фразеологии применительно к созданию Машинного фонда русского языка. Кстати, спустя почти четверть века к идеографической (тезаурусообразующей) идее обратился В.М. Мокиенко [Мокиенко, 2013, 2014]. Также обсуждался вопрос отбора структурно-семантических свойств ФЕ для компьютерной обработки. В.Н. Телия обратила внимание на взаимовлияние семантической теории и словаря: принципы фразеографирования значений ФЕ [Телия, 1990: 29-31]. В этом же году выходит сборник научных трудов «Фразеография в Машинном фонде русского языка», в котором также рассматривались проблемы автоматизации в связи с общими вопросами фразеографии (см. [Фразеография… 1990]).

К началу 1990-х гг. относится выход «Фразеологического словаря русского литературного языка конца XVIII – начала XX» (ФСРЛЯ) под ред. А.И. Фёдорова (1991, 1997). Ценность данного

издания состоит в том, что здесь нашли отражение ФЕ, не вошедшие в толковые словари и ФСРЯ. Опираясь на принципы лексикографического описания ФЕ в ФСРЯ, составитель расширяет объект, включая в словарь КВ (*А ларчик просто открывался, держать порох сухим*), диалектные ФЕ (*дать шерсть, с копылов долой*), термины (*крапивная лихорадка, гнилая горячка*) и др.

Одной из тенденций лингвистики 1990-х гг. стало составление и издание словарей, возрос интерес к вопросам теоретической лексикографии. Но не все словарные опыты отличались добротностью, полезностью, на что указывает М.Е. Жукова [Жукова, 2008: 138-146], а также новизной, аутентичностью иллюстративного материала, точной адресацией. В программной статье «О лексикографических изданиях адресной направленности» Ю.А. Бельчиков и Г.Я. Солганик ставят вопрос о классификации словарей в соответствии с запросами читателей. «Такой подход поможет определить и актуальность новых типов словарей, и новые модификации традиционных словарей и справочников» [Бельчиков, 1997: 41]. Нельзя не согласиться и с О.Н. Иванищевой, которая при решении проблемы соотношения понятий «словарь и культура» говорит об учёте интересов пользователей словаря, их опыта, на первый план выдвигая прагматический потенциал лексикографического труда [Иванищева, 2005].

Охарактеризуем наиболее авторитетные, на наш взгляд, фразеографические издания двух последних десятилетий.

Словарь «Фразеологизмы в русской речи» А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко (1997) создан в соответствии с функционально-прагматическим аспектом и демонстрирует динамический характер фразеологии. Составители подчеркивают, что проводимый ими при лексикографическом описании учёт разнообразных индивидуально-авторских употреблений ФЕ необходим для выявления особенностей их функционирования и тенденций исторического развития [Мелерович, 1997: 4]. Общий объем – более 500 частотных ФЕ в 6000 употреблениях, организованных по алфавитно-стержневому принципу, материалом послужили тексты различных функциональных стилей и жанров. Данный словарь является первым фразеографическим трудом, где систематизированы особенности семантической структуры ФЕ в контекстуальном окружении, и фиксирует индивидуально-авторские употребления, харак-

терные для русского литературного языка XIX – начала XX в. Большинство словарных статей содержит историко-этимологический комментарий.

Смена научной парадигмы, укрепление антропоцентрического подхода, интегрирование гуманитарного знания утвердило лингвокультурологию как отрасль лингвистики, что не могло не сказаться на лексикографии. М.Л. Ковшова справедливо указывает, что в конце XX в. кардинально меняется описание ФЕ, включающее исследование их национально-культурной специфики [Ковшова, 2013: 31].

В связи с этим для лингвистов и лексикографов важным является определение культурной семантики языковых единиц. Однако, по признанию С.М. Толстой, «языковые показатели и лингвистический анализ оказываются недостаточными для воссоздания соответствующего образа «картины мира» в полном виде и требуют поддержки со стороны неязыковых данных» [Толстая, 2011: 12]. Лингвокультурологический комментарий ФЕ нередко подкрепляется данными о ритуалах, народных поверьях, мифологических представлениях. Примером толкового фразеологического словаря, отражающего, по оценке Л.А. Ивашко, триаду язык – прагматика – культура [Лексикография 2009], является «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» (БФСРЯ) под ред. В.Н. Телия (2006), включающий 1500 ФЕ и продолжающий традиции «Словаря образных выражений русского языка» под ред. В.Н. Телия (1995). Выбор идиом объясняется фактором употребительности ФЕ в живом «общем» языке. В «Предисловии» В.Н. Телия называет четыре отличия БФСРЯ: 1) авторский характер словаря (словарные статьи имеют конкретного автора, которые выполняли «словарные статьи в едином лексикографическом формате»); 2) новая разработка толкования (подразделение на семь «подзон», образующих дефиницию); 3) иллюстративный материал отражает современную речь: примеры из произведений художественной литературы после 50-х гг. XX в., публицистики, авторские речения – всё это «обеспечивает и учёт демократизации речи, особенно усилившейся в постперестроечный период»; 4) введённый в мировую практику культурологический комментарий [Телия, 2006: 8-14].

Исправленное и дополненное второе издание «Академического словаря русской фразеологии» (АСРФ) А.Н. Баранова, М.М. Вознесенской, Д.О. Добровольского, К.Л. Киселёвой, А.Д. Козеренко (2015), который, наряду с «Фразеологическим объяснительным словарём русского языка» (2009) и «Словарём-тезаурусом современной русской идиоматики» (2007), продолжает задуманную авторами-составителями лексикографическую серию, призванную многоаспектно представить современную русскую фразеологию [Ломакина, 2015: 98-103].

Словник этого фразеографического издания широк: хотя составители сразу оговариваются, что включают лишь идиомы, т.е. единицы, составляющие ядро фразеологической системы языка, отличающиеся высокой степенью устойчивости и включающие «непрозрачный» элемент, который мешает пониманию значения по компонентам единицы, к которым относятся в том числе этнолингвомаркёры. Так, в состав словника вошли различные по происхождению и прагматической направленности единицы: так называемые ответные реплики[24] (*– Почему? – По кочану!* – с. 390; *– Где? – В Караганде* – с. 345), этикетные формулы (*в добрый час* – с. 955*; доброе утро* – с. 912), паремии (*Мал золотник, да дорог* – с. 319; *В огороде бузина, а в Киеве дядька* – с. 72), различные по происхождению крылатые выражения (мифологизмы: *прокрустово ложе* – с. 440, библеизмы: *соль земли* – с. 806, высказывания исторических деятелей: *Париж стоит мессы* – с. 590, цитаты из произведений художественной литературы: *А был ли мальчик?* – с. 450), однако все единицы даны сплошным массивом. Объём представленного материала – 2000 идиом (около 5 000 значений).

Представляется важным, что словарь отражает тенденции развития языка. Например, здесь учтены случаи диахронического эллипсиса пословиц: *не вырубишь топором* – с. 866 (Ср.: *Что написано пером, не вырубишь топором*), *новая метла* – с. 469 (Ср.: *Новая метла по-новому метёт*); перехода из отрицательной формы в положительную: *Яйца курицу учат* – с. 1002 (Ср.: *Яйца курицу не учат*); грамматического варьирования идиом: *перетягивание каната* – с. 594 (Ср.: *перетягивать канат*), *гадание на кофейной*

[24] Первый опыт полной фиксации подобных единиц [Бондаренко, 2013].

гуще – с. 131 (Ср.: *гадать на кофейной гуще*); расширение состава идиомы *встречать хлебом-солью* – с. 938 оправдано частотой употребления в речи (Ср.: *хлеб-соль*,). Этот опыт следует использовать при фразеографическом описании языка писателя, когда составитель выбирает, какую ФЕ сделать заголовочной, здесь важен посыл от речи к языку, а не наоборот, как в большинстве словарей.

Принцип расположения материала: фразеологизмы распределяются в алфавитном порядке по первой букве опорного компонента в соответствии с принятой авторами за основу иерархией частей речи (от существительного до междометия). Такой порядок, на наш взгляд, усложняет поиск и заставляет подчас обращаться к указателю, благодаря которому можно найти идиому по любому из её компонентов.

Словарная статья, наряду с такими традиционными элементами, как исходная форма идиомы, пометы, толкование значения, контекстуальное употребление идиом, содержит и факультативные зоны: информацию о произношении отдельных компонентов, зона приблизительных эквивалентов, зона нестандартных употреблений.

Пометы, используемые в этом словаре, четырёх типов. Отдельные из помет нетрадиционны для отечественной фразеографии, разделение стилистических помет на собственно стилистические (в узком смысле) и дискурсивные отражает прагматический потенциал данных идиом.

Назовём их и приведём примеры их употребления:

1) временные указывают на период активного использования описываемой идиомы: устар. (*Врачу, исцелися сам* – с. 119, *ломать шапку* – с. 977), совет.[25] (*красный день календаря* – 219, *честное пионерское* – с. 605);

2) стилистические: высок. (*пыль веков* – с. 679, *пасть смертью храбрых* – с. 798), нейтр. (*слово в слово* – с. 790, *тихий / мёртвый час* – с. 957), снижен. (*грести под себя* – с. 187, *ползать на брюхе* – с. 70), груб. (*не надо ля-ля* – с. 446, *Убери руки, а то протянешь ноги* – с. 725), неприл.;

[25] Наиболее полно советизмы представлены в [Мокиенко, 1998].

3) дискурсивные пометы показывают сферу употребления идиомы и тип текстов, где она употребляется: книжн. (*святее папы римского* – с. 589, *смесь французского с нижегородским* – с. 798), журн. (*становой хребет* – с. 943, *делать погоду* – с. 618), жарг. (*не дружить с головой* – с. 158, *мокрое дело* – с. 212), прост. (*будьте-нате* – с. 71, *глаз не казать* – с. 137), совидеол. (*Россия – родина слонов* – с. 702), народн. (*С глаз долой – из сердца вон* – с. 139, *Федот, да не тот* – с. 922);

4) регистровые пометы: эвф. (*чудак на букву «м»* – с. 972, *не к ночи будь помянут* – с. 546), дисф.

Толкование значения идиом, по словам составителей, учитывает образную составляющую единиц: «толкование включает интерпретацию не только собственно актуального значения (значения в узком смысле), но и образного компонента идиомы – метафоры, на основе которой сформировалось значение» [Баранов, 2015: 5]. Зону толкований отличает особый, предложенный и обоснованный редакторами в предисловии метаязык. Кроме того, семантизации идиом помогает зона приблизительных эквивалентов, которая включает простые эквиваленты, позволяющие передать значение идиомы.

Иллюстративная зона, обязательный элемент каждой словарной статьи, заслуживает особого комментария. Составители привлекали фрагменты из произведений литературы и публицистики с 60-х XX в. по настоящее время, содержащиеся в собственной картотеке, а также контексты из Национального корпуса русского языка и различных подкорпусов. Важен посыл авторов-составителей при расположении иллюстраций: «1) от литературных примеров к публицистике и речевому общению; 2) от примеров, представляющих базовые формы идиомы в словарном входе… к небазовым» [Баранов, 2015: 19].

Как справедливо отмечают редакторы АСРФ, «Хорошее словарное описание – совмещающее принципы нормативности и дескриптивности – должно отражать нестандартные употребления фразеологизмов, поскольку это показывает потенциал функционирования фразеологической системы и творческий аспект речевой деятельности носителя языка» [Баранов, 2015: 11]. Этим и объясняется наличие зоны нестандартных употреблений, где представлены интересные примеры функционирования идиом, в том числе

в трансформированном виде. Часть словарных статей содержит справочную зону, где дан грамматический, культурно-исторический, прагматический комментарий.

Проанализированный материал позволяет сделать следующий вывод, что с течением времени увеличивался словник словаря: от 500 единиц в словаре «Фразеологизмы в русской речи» (ФРР) до 2000 единиц в АСРФ. Принципы расположения ФЕ в словаре различны: 1) алфавитный – размещение в алфавитном порядке по первому компоненту (ФСРЯ), 2) стержневой (алфавитно-гнездовой) – по алфавиту опорных (стержневых, ключевых, гнездовых) компонентов (ФРР), 3) идеографический – группировка единиц с учётом определённых понятий (БФСРЯ) [Лексикография… 2009: 488]. Обычно составители учитывают положительный опыт прошлого лексикографии и делают шаг вперёд: в зависимости от целевых установок составителя словаря меняются элементы словарной статьи, что приводит к увеличению её лингвистической информативности (например, вводятся отражающие дискурсивное употребление пометы, включается историко-этимологический или лингвокультурологический комментарий и т.д.), вырабатывается новый метаязык фразеографии, отвечающий потребностям современной науки.

§ 2. Лексикографическая параметризация русских пословиц

Русская паремиология в течение многих лет является объектом лексикографирования. Начиная с XVIII в. русские пословицы становятся объектом словарного описания. Поскольку термины *пословица* и *поговорка* исследователями не разграничивались, то в словарях фиксировались различные выразительные изречения устного народного творчества, в том числе загадки, скороговорки, приметы, присловья, прибаутки и т.п. Отечественная, как и зарубежная (прежде всего – славянская) паремиологическая традиция, была заложена в XIX в., а одним из главных принципов стала энциклопедичность: «…максимальная репрезентативность материала, весьма разнородного по источникам» [Котова, 2010: 17]. К XIX в. относится появление словарей В.И. Даля, М.И. Михельсона, П.К. Симони, И.М. Снегирёва. В XX в. были опубликованы словари пословиц и поговорок, составленные В.П. Аникиным,

А.М. Жигулёвым, В.П. Жуковым, В.И. Зиминым, М.А. Рыбниковой, А.И. Соболевым, А.С. Спириным и др. В первое десятилетие XXI в. увидели свет следующие словари: «Словарь языка русских пословиц и поговорок конца XVII – первой половины XVIII века» К.Р. Галиуллина, Д.А. Мартьянова (2006), паремиологическая трилогия «Большой словарь русских поговорок» (2008), «Большой словарь русских сравнений» (2008), «Большой словарь русских пословиц» (2010) В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой, «Народная мудрость в русских пословицах» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной (2011). Наиболее значимым по количеству представленного материала является «Большой словарь русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой (около 70 тыс. пословиц). М.Ю. Котова отмечает, что в последнее десятилетие возрос интерес к созданию двуязычных и многоязычных словарей пословиц [Котова, 2010: 17], что позволяет говорить о выделении пословиц из числа других паремиологических жанров.

Несмотря на обширный список паремиографических источников, существует необходимость в описании теории паремиографии: «Детальная разработка специальных принципов метаязыкового описания пословицы настоятельно необходима. Идеальным подходом явилось бы сочетание лексикографического представления значения пословицы и её смысла с сопровождением последнего текстовыми иллюстрациями» [Иванова, 2004: 53–54]. В свете составления словарей языка писателя обозначенный подход кажется наиболее убедительным и информативным.

Подробную классификацию расположения пословиц в словаре предложил Г.Л. Пермяков в статье «Классификация пословичных изречений» (1988): им выделены следующие типы классификации: 1) алфавитная – размещение по первому слову в алфавитном порядке; 2) лексическая / энциклопедическая – по опорным (стержневым) словам; 3) монографическая – группировка единиц в хронологическом порядке или с учётом территориальной характеристики; 4) генетическая – в соответствии с происхождением паремии; 5) тематическая – распределение пословиц с учётом общности их семантики [Пермяков, 1988: 11–13]. Нельзя не отметить и точку зрения Л.Б. Савенковой: группировка пословиц возможна в зависимости от цели составителя – просветительской и научной [Савенкова, 2002: 41–42].

В отечественной лексикографии описание паремий осуществлялось по следующим направлениям: по тематическому принципу [Даль, 1996; Зимин, Спирин, 2006; Мокиенко, Никитина, 2011], в алфавитном порядке [Аникин, 1988; Жуков, 1967; Михельсон, 1997; Снегирёв, 1995], по монографическому типу [Пословицы… 1961], по стержневому принципу [Мокиенко, Никитина, 2001; БСРП, 2010]. Обзор русских собраний пословиц и поговорок дореволюционного времени содержится в книге И.И. Иллюстрова «Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках» (1915), а также в сборнике А.М. Жигулёва «Русские пословицы и поговорки» (1969) и своде «Русские пословицы и поговорки», составленном под редакцией В.П. Аникина (1988).

В соответствии с тематическим принципом паремии располагаются по принципу семантической общности, которая «происходит в силу сходства или общности функций обозначаемых словами предметов и процессов в одном и том же или разных языках. Подобные группы слов объединяются по чисто номинативной, а не сигнификативной стороне слова» [Уфимцева, 2004: 133]. Таким образом, паремии, составляющие тематическую группу, содержат представления народа о материальной культуре, природе и животном мире, ценностных ориентирах и расширяют культурологическую информацию о репрезентуемом объекте. Тематический принцип расположения паремий «не лишён серьёзного недостатка – субъективности отнесения пословицы к конкретной теме» [Савенкова, 2002: 46].

Н.Н. Семененко, изучая паремии в свете лингвокогнитивистики, называет следующие причины, приводящие к разночтениям в отнесении этих единиц к той или иной тематической группе:

1) пословицы – это поликонцептуальные единицы, смысловая структура которых, в отличие от фразеологизмов, связана не с одним ключевым концептом, а сразу с несколькими, причем иерархия и актуализация данных концептов прямо зависят от дискурсивных установок;

2) в основе умозаключения, выраженного в пословице, лежит фреймовая структура, задающая ситуативное смысловое ядро высказывания, а фрейм, как известно, является сложно структурированной ментальной единицей, отдельные уровни которой актив-

но вступают в интегративные связи с другими единицами и их структурными элементами [Алефиренко, 2008а: 85];

3) прагматическая значимость паремий, которая складывается, в первую очередь, из оценки характеризуемой в пословице ситуации, может существенно менять выражаемый смысл даже в пределах аналогичных контекстов, поскольку она учитывает абсолютно все дискурсивные критерии, влияющие на восприятие паремии [Семененко, 2009: 25].

Сборник «Пословицы русского народа» В.И. Даля (1862) является до сих пор самым авторитетным собранием малых жанров фольклора, включающим не только пословицы и поговорки, но и другие виды народных речений: присловья, загадки, приметы, скороговорки, прибаутки, функционирование которых относится к концу XVIII – XIX в. (около 30 тыс. единиц). Собранный паремиологический материал распределяется по 179 разделам, названным одним словом («Царь», «Вселенная», «Грамота»); двумя словами: антонимами («Молодость – Старость», «Радость – Горе», «Хорошо – Худо»), синонимами («Верное – Надёжное», «Учение – Наука»), реже – тремя словами, связанными ассоциативно или парадигматически («Начальство – Приказ – Послушание», «Добро – Милость – Зло»). При тематическом принципе паремиографирования одна и та же пословица может попасть в разные группы. Например, паремия *Щей горшок, да сам большой* находится в двух разных тематических группах «Двор – Дом – Хозяйство», «Умеренность – Жадность», на первый взгляд не связанных друг с другом, однако представление о человеке, живущем в богатом доме, может быть связано с такой чертой, как жадность. По убедительному наблюдению В.М. Мокиенко, «авторитет собрания В.И. Даля способствовал и тому, что доминирующим принципом организации такого материала в большинстве последующих словарей и сборников русских пословиц стал принцип тематический» [Мокиенко, 2010: 6]. Впоследствии по тематическому принципу были составлены многие сборники, в последние десятилетия – «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Зимина и А.С. Спирина (1996), «Народная мудрость» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (2011).

Объяснительный словарь «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Зимина и А.С. Спирина, по точному наблюдению

Л.Б. Савенковой, «помогает составить лингвокультурный портрет русского народа, передать его взгляд на многие социально и культурно (в том числе и этнически) значимые вещи, добавить штрихи к наивной картине мира, сложившейся в русском сознании» [Савенкова, 2002: 48]. Корпус словаря составляет около 40 тыс. единиц, вплетённых в канву повествования-объяснения и разделённых на 47 глав в соответствии с антропоцентрическим принципом. В предисловии отмечается: «В пословицах и поговорках нашла отражение вся многогранная жизнь народа, все сферы деятельности человека со сложностями бытия и его противоречиями. Центральной фигурой в них всегда выступает человек в своих различных проявлениях» – во всём своём блеске и во всех своих неприглядностях» [Зимин, 1996: 3].

Словарные статьи в сборнике «Народная мудрость» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной организованы по тематическому принципу. Разделение пословиц на группы составители объясняют в предисловии: «Тематические доминанты являются эффективной реакцией на самые актуальные проблемы нашей жизни, её болевые точки и идеалы» [Мокиенко, 2011: 11]. Всего в словаре выделены 24 бинарные оппозиции, «т.е. большинство из них описывается в виде антонимических или взаимно дополняющих пар – обозначений» [Мокиенко, 2011: 15]: «Богатство и бедность», «Война и мир», «Добро и зло», внутри которых – подрубрики. Например, гендерная оппозиция «Мужчина и женщина» включает следующие подрубрики: «Молодость и старость», «Юноша – девушка», «Старик – старуха», «Ум, смекалка», «Характер, поведение, привычки», «Труд», «Социальный статус, положение в семье» [Мокиенко, 2011: 298–311]. В тематических группах пословицы расположены в алфавитном порядке.

Расположение в алфавитном порядке предполагает классификацию по первым буквам паремии. «Неоспоримым достоинством алфавитной системы является её простота» [Пермяков, 1988: 12]. Однако неоднократно учёные отмечали [Мокиенко, 2001, 2010; Савенкова, 2002], что расположение паремий в словаре по алфавиту затрудняет поиск единицы. Прежде всего, это связано с наличием у неё вариантов: такой порядок следования паремий «излишне формализован и заставляет описывать близкие, а иногда и тождественные варианты пословицы и поговорки в разных мес-

тах» [Мокиенко, 2001: 7]. Алфавитный принцип организации материала положен в основу словарей, созданных как в XIX в. (И. Снегирев «Русские народные пословицы и поговорки»), так и в XX в. (словари М.И. Михельсона, «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова, сборник «Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор» В.П. Аникина).

Монографический принцип предполагает объединение паремий по пространственной или хронологической общности их собирания или по составителю. По монографическому типу построен сборник «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XX вв.» (1961).

Терминологические разногласия (параллельно сосуществующие термины *стержневое слово, стержневой компонент, фразеологическое гнездо*) подтверждают тезис, высказанный В.М. Мокиенко в предисловии «Большого словаря русских пословиц» относительно отсутствия в отечественной лексикографии сформировавшейся теории создания словарей, организованных по стержневому принципу, когда среди пословиц и поговорок выбирается первое знаменательное слово (чаще – имя существительное), в котором сконцентрирован основной смысл единицы. Несмотря на существующую европейскую (тезаурус немецкой паремиологии К.Ф.В. Вандера) и отечественную лексикографическую традицию («Англо-русский фразеологический словарь» А.В. Кунина), стержневой принцип не использовался при подаче материала в сборниках русских пословиц и поговорок. Выбранный стержневой принцип позволяет читателю быстрее найти необходимую пословицу, что подтверждает мнение Е.И. Селиверстовой: «Благодаря принципу объединения паремий вокруг каждого из её компонентов исследователь получает интересную картину, позволяющую увидеть, как отдельные фрагменты пословицы становятся постоянными выразителями определённого семантического фрагмента, неким кодом, сближающим разные семантические сферы» [Селиверстова, 2017: 59].

БСРП – первый в русской лексикографии паремиографический сборник, построенный по стержневому типу. На наш взгляд, наиболее оправданным является расположение паремиологического материала по стержневому компоненту, что облегчает поиск нужной единицы. Этот словарь отличает и объём материала – око-

ло 70 000 пословиц, что в два раза превосходит словарь В.И. Даля «Пословицы русского народа». В основу БСРП положена картотека Петербургского фразеологического семинара, насчитывающая около 500 000 карточек. Составителями привлекались различные словари, в том числе диалектные; всего же список источников включает 345 наименований (БСРП, 2010: 1019 – 1024). Словарная статья БСРП включает следующие компоненты: стержневое слово (сначала даётся в начальной, при необходимости – в исходной форме), пословица во всех зафиксированных формах с указанием лексикографического источника (представленного в сокращённом виде), года его издания, номера страницы.

Обработка огромного паремиографического массива позволила составителям БСРП с максимальной достоверностью паспортизировать каждую словарную единицу. Так, например, диалектный материал, до этого лишь содержащийся в словаре «Русские пословицы и поговорки» М.А. Рыбниковой (1961), имел пометы, которые отражали лишь крупные единицы диалектного членения (севернорусское – среднерусское – южнорусское).

При составлении БСРП активно использовались материалы диалектных словарей, что нашло отражение и в системе географических (административных) помет, список которых приводится в начале словаря (БСРП, 2010: 10–12). Кроме территориальной (ареальной) характеристики в словарной статье представлена хронологическая характеристика, достигаемая имплицитно – «путём точной паспортизации источников, которые расположены в хронологическом порядке» (БСРП, 2010: 8): приводятся ссылки на паремиографию, начиная с XVIII в. и заканчивая началом XXI в. Хронологическая характеристика позволяет узнать, когда пословица была впервые зафиксирована в лексикографических источниках. Составители БСРП приводят значения диалектизмов, входящих в пословицу: в словарной статье, посвященной пословице *Что (Што) самый лисливый, то самый кусливый* – «*лисливый* – льстивый, *кусливый* – кусающийся, имеющий свойство, привычку кусаться», распространенных в смоленских говорах (БСРП: 486), имён собственных: Дмитрий Михайлович Пожарский при трактовке паремии *По милости боярской сам себе Пожарский* (БСРП: 535); села Матигоры – *Матигоры – воры: Богородицу украли, в огороде закопали* (БСРП: 519).

Как известно, наиболее сложным является определение значения пословиц. Е.В. Иванова, говоря о пословичной лексикографии, обращает внимание, что проблема «описания значения пословицы является одной из наиболее сложных в паремиологии» [Иванова, 2004: 52]. Автор обращается к точке зрения зарубежных исследователей. Так, П. Гржибек, Р. Сёрль, К. Янк указывают на невозможность семантизации пословицы вне контекста. А. Крикманн указывает на то, что в контексте паремия актуализируется и раскрывает свой семантический потенциал. Эту мысль развивает Л.Б. Савенкова, по мнению которой «паремия, рассматриваемая вне контекста, означивает не конкретную ситуацию, а её модель, выделяя обобщённые черты, которые составляют стабильный набор признаков, могущий выявляться в неограниченном количестве реальных жизненных положений» [Савенкова, 2002: 37].

В отечественной и зарубежной паремиографии при трактовке значения традиционно используют три подхода: 1) дефиниция, объясняющая значение пословицы, 2) описание ситуаций, в которых пословица может употребляться, 3) отсутствие объяснения. При этом не исключается представление пословицы в контекстуальном употреблении [Иванова, 2006: 28].

Несмотря на то что в настоящее время паремиологи могут использовать для интерпретации русских пословиц и поговорок около 30 словарей, изданных в период с XIX по XXI вв., лишь немногие составители словарей пословиц и поговорок определяли своей задачей включение семантизации. Ценность собрания пословиц увеличивается, если оно содержит дефиницию.

В отечественной паремиографии одним из образцов корректной семантизации пословично-поговорочного материала является «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова [Жуков, 1967], хотя составитель предлагает толкование далеко не всех единиц: в толковании, по мысли В.П. Жукова, нуждаются те пословицы, которые употребляются в переносном смысле. В обозначенном словаре обычно не даётся дефиниций для безобразных пословиц (по его терминологии – поговорок), а для образных (по его терминологии – пословиц) даётся. Кроме того, стоит остановиться на принципах толкования пословиц, предложенных В.П. Жуковым и используемых в «Словаре русских пословиц и поговорок». Учитывая синтаксический строй пословиц, составитель предлагает

толкование путём «подобное подобным», т.е. через предложение. Исключение составляет семантизация единиц, представляющих собой разделительные предложения с отношениями несовместимости, сложноподчинённые предложения и предложения со сказуемым-императивом. Здесь В.П. Жуков придерживается следующего принципа: «…с помощью сложного предложения можно передать смысл простого предложения, посредством же простых предложений часто совершенно недопустимо передавать смысловое содержание сложного предложения» [Жуков, 1967: 14].

Фиксирование наиболее употребительных паремий в художественном и публицистическом тексте XIX и XX вв., выявление особенностей употребления пословиц и поговорок, раскрытие их смысла – таковы цели «Словаря пословиц и поговорок» В.П. Жукова, где приведено около 1000 паремий в контекстных употреблениях.

В словаре «Фразеологизмы в русской речи» А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко содержится лишь небольшое количество паремий, приводится их значение. Например: *Тише воды, ниже травы* (с. 116-117), *Взялся за гуж, не говори, что не дюж* (с. 188-189), *У семи нянек дитя без глазу* (с. 464-465), *Паршивая овца всё стадо портит* (с. 466-468), *Своя рубашка ближе к телу* (с. 591-593) и др. Составители словаря показывают потенциал паремии, её контекстуальное употребление в текстах разных стилей и жанров, способность к варьированию.

В БСРП семантизация пословиц также единична. Например: *Без весу глаз не выколют* – «Без причины не накажут» (с. 115), *Люди обживчивы* – «Обживаются всюду» (с. 507), *Поставлю на порог да укажу семь дорог* – «В чужом доме не следует устанавливать свои порядки» (с. 698) и т.п.

В отечественной паремиографической, как и фразеографической, традиции словарная статья нередко содержит историко-этимологический или лингвокультурологический комментарий, иногда составители словарей приводят толкование отдельного компонента паремии, что помогает понять её значение. Так, В.И. Даль в сборнике «Пословицы русского народа» комментирует отдельный компонент. Словарь «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Зимина и А.С. Спирина содержит исторический, лексический, этимологический комментарий, с помощью которого составители

раскрывают семантику единицы, трактуют непонятные читателю слова, тем самым выполняют герменевтическую функцию.

Некоторые словарные статьи в БСРП сопровождены историко-этимологическим комментарием; ценным, например, является комментарий, содержащий ссылку на первоисточник пословицы: *Добрые молодцы по неволе не ездят* (сказка «Марья Моревна») [БСРП: 547], *Молодых будить – черепья бить* (из свадебного обряда: «когда разбивают глиняную посуду, а невеста должна убирать черепки») [БСРП: 548], а также указание на автора пословицы: *Как кликнешь, так и откликнется* – В.И. Лукин [БСРП: 410], *Легковерный скоро в обман пасть может* – А.Д. Кантемир [БСРП: 613], *Чёрта крести, а чёрт в воду лезет* – М.А. Матинский [БСРП: 991], *Всё пропьём, но флот не опозорим* – В. Конецкий [БСРП: 944] и др. БСРП, по замыслу составителей, «даёт концентрированный материал для историко-этимологических и текстологических исследований нашего пословичного наследия» [Мокиенко, 2010а: 8].

Лексикографическое описание ФЕ, как и других языковых единиц, может варьироваться и зависит от запросов пользователей, а также от современного состояния языка. Н.В. Размахнина, называя два способа представления материала в практической лексикографии начала XXI в. – декларативный и процедурный, отмечает, что в первом случае «автор-составитель словаря просто декларирует норму, описание идёт от дефиниции к контексту», а во втором – «значения описываются от контекста к дефиниции» [Размахнина, 2003: 5]. Продолжая идеи А.М. Бабкина, Г.В. Колшанского, А.В. Кунина о важной роли контекста при интерпретации языковых фактов, исследователь подчёркивает значимость контекста для фразеографических изданий, где «иллюстративный пример должен содержать необходимую и достаточную для его адекватной интерпретации семиотическую информацию» [Размахнина, 2003: 7], а большинство фразеологических изданий лишь доказывает этот тезис.

Таким образом, составление новых словарей должно учитывать положительный опыт лексикографии и находиться в русле тенденций развития современной лингвистики, отвечать её вызовам и доказывать теоретические положения.

§ 3. Отражение крылатых единиц в лексикографии. Язык Л.Н. Толстого как объект крылатографии

Начиная со 2-й половины XIX века КЕ вызывают пристальный интерес у отечественных лексикографов и фиксируются в словарях. Так, в 1883 г. В Вятке был издан «Сборник замечательных изречений, цитат, поговорок и т.п. различных времён и народов с историческим и сравнительным объяснением» И.И. Редникова, в 1890 г. вышла книга С.В. Максимова «Крылатые слова», к началу XX в. относится выход сборник М.И. Михельсона «Русская мысль и речь Своё и чужое. Опыт русской фразеологии», включающий как русские («своё»), так и иноязычные («чужое») ФЕ. Советский период был отмечен словарными опытами С.Г. Займовского (1930), Н.С. и М.Г. Ашукиных (1955), А.М. Бабкина и В.В. Шендецова (1966).

Несмотря на наличие перечисленных лексикографических изданий, метаязык данного типа словарей сформировался относительно недавно. На этот факт указывает Л.П. Дядечко, конкретизируя отдельные элементы: набор и характер параметров, методы разработки. Среди причин – отсутствие исследований, посвящённых лексикографическому описание крылатики, а также её периферийное положение по сравнению с другими единицами фразеологии [Дядечко, 2006: 188].

По наблюдениям С.Г. Шулежковой, 1980-2000-е гг. отличает востребованность КЕ, в связи с чем увеличивается интерес к словарям и справочным изданиям, содержащим эти единицы. Свою точку зрения исследователь-крылатолог подтверждает, приводя многочисленные примеры и классифицируя их: специализированные словари, имеющие источники, двуязычные, лингвострановедческие, энциклопедические, толковые словари и словари, фиксирующие новые КЕ [Шулежкова, 2008: 9].

Б.С. Шварцкопф в программной статье «Основные параметры описания крылатых выражений современного русского литературного языка» предлагает проводить параметризацию КВ по трём критериям: (обще)известность источника, синтаксическая структура, двуплановость семантической структуры – «содержание контекста-источника и данного контекста», однако «степень осознан-

ности этой двуплановости может быть различной» [Шварцкопф, 1990].

Согласно концепции Л.П. Дядечко, словарное описание крылатики должно базироваться на положении о том, что КЕ сочетает одновременно два контекста – исходный и вторичный [Дядечко, 2002], поэтому словарная статья должна содержать три блока: 1) текст – источник; 2) узуальные признаки КЕ; 3) иллюстративная часть – вторичные тексты [Дядечко, 2006: 190].

Среди работ последних лет по объёму представленного материала, лексикографической параметризации выделяется «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка» В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой (БСКСВРЯ), включающий КВ различного происхождения, в том числе заимствованные.

В свете изучения языка писателя как источника образования КЕ можно выделить две группы лексикографических изданий: 1) словари крылатых слов и выражений, фиксирующие различные КЕ, в том числе из языка А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого и др.; 2) словари КЕ, восходящих к текстам отдельного автора. Проанализируем словари в соответствии с данной классификацией.

Как известно, язык писателя является одним из активных источников крылатики, наряду с Библией, синтетическими видами искусства, чем можно объяснить появление нового типа словарей, к которым относятся следующие: «Словарь крылатых выражений А.С. Пушкина» В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко (1999), «“Горе от ума” А.С. Грибоедова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения» (2009), «Большой словарь крылатых выражений А.С. Грибоедова (“Горе от ума”) В.М. Мокиенко, О.П. Семенец, К.П. Сидоренко (2009), «Басни Ивана Андреевича Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения» В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко (2013).

Выбор авторов объясняется фактором частотности и функциональности: здесь важное место занимает прагматический показатель. Кроме того, существует и другое объяснение, которое дают составители в предисловии к «Словарю крылатых выражений Пушкина», содержащее возможный ответ на этот вопрос: «Двой-

ная ипостась Пушкина – русская европейскость и европейская русскость – не только многое объясняет в судьбе творчества поэта, но и проявляется во всех сторонах этого творчества, в том числе и в обогащении языковых средств, на основе чего возникают крылатые слова и выражения» [Мокиенко, 1999: 6].

Язык А.С. Пушкина стал источником почти 2000 тыс. интертекстем, именно на столько, по мнению составителей «Словаря крылатых выражений Пушкина» В.М. Мокиенко и К.П. Сидоренко, был обогащён русский язык. Пушкина начали цитировать ещё при жизни, но самым популярным источником среди его произведений является роман в стихах «Евгений Онегин». Так, картотека, собранная К.П. Сидоренко и положенная в основу словаря «Цитаты из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина в текстах разного жанра», составляет 3 тыс. иллюстраций за 160 лет. В основу «Словаря крылатых выражений Пушкина» положен принцип интертекстуальной динамики: показано 20 тыс. употреблений крылатых единиц-пушкинизмов в текстах разных стилей, жанров и времени создания. Составители показали активность функционирование КЕ в текстах разных стилей, их варьирование в контекстуальном употреблении, наличие иллюстративной части признаком полноценного словаря.

Язык Л.Н. Толстого обогатил эптологический корпус русского языка, что находит отражение в словарях разных лет [Ломакина, 2010; Шулежкова, 2013]. Так, впервые крылатизмы *власть тьмы*, *непротивление злу, непротивленка* были включены М.И. Михельсоном в издание «Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии». По данным словаря «Крылатые слова» Н.С. Ашукина и М.Г. Ашукиной, благодаря Л.Н. Толстому в языке появилось 18 КВ: *Было гладко на бумаге, – // Да забыли про овраги, // А по ним ходить!* (с. 18), *В искусстве всё чуть-чуть* (с. 412), *Власть тьмы* (с. 53), *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему* (с. 418), *Всё смешалось в доме Облонских* (с. 65), *Дубина народной войны* (с. 106), *Живой труп* (с. 121), *Изюминка* (с. 148), *Каратаев, каратаевщина* (с.161), *Не могу молчать* (с. 228), *Николай Палкин* (с. 236), *Образуется* (с. 244), *Он пугает, а мне не страшно* (с. 248), *От ней все качества* (с. 253), *Писали, не гуляли* (с. 264),

Плоды просвещения (с. 265), *Туда умного не надо, // Вы пошлитека Реада, // А я посмотрю* (с. 348), *Чем люди живы* (с. 377) [Ашукин, 1988].

Составители «Большого словаря крылатых слов и выражений русского языка» В.П. Берков, В.М. Мокиенко и С.Г. Шулежкова дополняют список крылатых единиц, источником которых являются тексты Л.Н. Толстого: *Анна Каренина* (1: 60), *Арзамасский ужас* (1: 67), *Война и мир* (1: 194), *Кавказский пленник* (1: 468), *Музыка – стенография чувств* (1: 639), *Не виновата я!* (2: 45), *Непротивленец, непротивленка* (2: 70), *Непротивление злу насилием* (2: 70).

С.Г. Шулежкова в статье «*Непротивление злу насилием* и *не могу молчать* (крылатые выражения Л. Н. Толстого)», посвящённой анализу КВ, появившихся в тексте или получивших второе рождение благодаря Л.Н. Толстому, называет и другие словари, где приводятся КВ из языка писателя: в «Русско-норвежском словаре крылатых слов» В.П. Беркова и «Русско-английском словаре крылатых слов» И. Уолш и В.П. Беркова зафиксировано 10 КЕ, в энциклопедии «Современные крылатые слова» (2000) Е.А. Грушко и Ю.М. Медведев приводят лишь 8 КЕ Л. Толстого, в книге «Крылатые слова» (2001) из серии «Золотые страницы», вышедшей в 2001 г. в Минске, отмечено 11 толстовских КЕ» [Шулежкова, 2013: 228].

Отдельного словаря, где бы рассматривались КЕ языка Л.Н. Толстого и рецепции этих КЕ в современном языке, не существует. Составители современных крылатографических изданий, как и словарей прошлого, включили лишь некоторые КЕ, восходящие к творчеству Л.Н. Толстого, что позволяет наметить перспективу, связанную с созданием авторского словаря, фиксирующего КВ, возникшие или получившие второе рождение благодаря писателю, где также следует отразить функционирование их в текстах различных стилей и жанров с учётом тенденций к варьированию.

Глава 2. Язык писателя как предмет лексикографии. Описание фразеологических средств языка в авторском словаре

Одним из направлений изучения языка писателя является составление словарей его языка. Писательская (авторская) лексикография имеет богатую историю. К настоящему времени обозначено четыре периода её развития: 1 – 1860-е – 1910-е гг., 2 – 1920-е – 1950-е гг., 3 – 1960-е – 1980-е гг., 4 – с 1990-х гг. Каждый из выделенных О.И. Фоняковой [Фонякова, 1993] и уточнённых Л.Л. Шестаковой [Шестакова, 2011] периодов характеризуется выработкой методологии отбора языкового материала, подготовкой и изданием словарей.

Создание «Словаря к стихотворениям Державина» Я. Гротом во 2-й половине XIX в. позволило говорить о появлении этой отрасли лексикографии. Однако нельзя не признать и тот факт, что возникновение писательской лексикографии предвосхитило развитие в XIX в. словарного дела в целом: переиздание «Словаря Академии Российской», публикации новых словарей «Словарь церковно-славянского и русского языка», «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, «Материалы для словаря древнерусского языка по памятникам письменности XI-XVII вв. И.И. Срезневского) [Шестакова, 2011: 147].

Выбор имени писателя, способы подачи материала в словаре, наконец, тип словаря нередко зависят от существующей научной парадигмы. В последние годы писательская лексикография получила новый импульс и теперь «предлагает не обычное, оформленное по законам и правилам лексикографии, прочтение авторских текстов» [Шестакова, 2011: 7].

Отечественная писательская лексикография ставит перед собой новые задачи, соответствующие междисциплинарности филологии первых десятилетий XXI в. По наблюдениям Л.Л. Шестаковой, одной из черт современной авторской лексикографии является серийность, т.е. создание серии словарей, характеризующих язык писателя разноаспектно, с учётом дифференциально-распределительной серии словарей (например, «Словарь языка Достоевского», «Словарь языка русской поэзии XX века») [Шестакова, 2011: 219].

В писательской лексикографии фразеологические ресурсы языка отражены следующим образом: 1) словари, в словарных статьях которых наряду с лексемами уделяется внимание фразеологизмам и паремиям с данным (опорным или стержневым) словом. К этой группе относятся следующие: «Словарь к пьесам А.Н. Островского» Н.С. Ашукина, С.И. Ожегова, В.А. Филиппова (1993); «Словарь языка Василия Шукшина» В.С. Елистратова (2001); «Словарь языка басен Крылова» Р.С. Кимягаровой (2006); «Словарь языка Достоевского» под ред. Ю.Н. Караулова (2008-…); «Словарь языка и рифм поэзии Н. Рубцова» М.И. Сидоренко (2005) и др.; 2) отдельные словари, где составители стремятся зафиксировать все фразеологизмы и паремии, использованные писателем в отдельном произведении или в языке в целом. Назовём некоторые: «Фразеологический словарь драматургии А.Н. Островского» А.Г. Ломова (1988), «Фразеологизмы в творчестве Владимира Высоцкого» Н.С. Уварова (2007); «Фразеологизмы в повести В.П. Астафьева “Последний поклон”» Н.С. Уварова (2010); «Фразеологический словарь языка И.А. Бунина» А.И. Васильева (2011). Словари данного типа составляют особую группу как среди авторских, так и среди фразеологических словарей.

Остановимся на особенностях лексикографического описания фразеологизмов и паремий в языке отдельных писателей.

Среди авторских словарей выделяется «Словарь к пьесам А.Н. Островского» Н.С. Ашукина, С.И. Ожегова, В.А. Филиппова (1993): он адресован не лингвистам, а актёрам, режиссёрам, художникам и читателям – всем, кто взаимосвязан с наследием писателя. Это справочное издание призвано помочь понять драматургию А.Н. Островского, для чего в состав словарной статьи включается историко-бытовой и историко-театральный комментарий, где, наряду с лексическим материалом, приведены фразеологизмы. За пределами описываемого материала остались поговорки, пословицы, присловья, которые, по мнению составителей, должны рассматриваться отдельно [Ашукин, 1993: IV]. ФЕ, как и слова, располагаются «или в общем алфавите заглавных слов на начальное слово выражения или в алфавитном заглавных слов» [Ашукин, 1993: V].

РАЗУ'ТЬ ГЛАЗА' (фиг.) – смотреть хорошенько, внимательнее (букв. снять что-н. с глаз). **Погляди! Разуй глаза** (8², II, 2)[26] [Ашукин, 1993: 176].

Посыл, данный в заглавии, «Словаря языка Василия Шукшина» В.С. Елистратова (2001) оправдывает включение в словарь не только слов и фразеологизмов, но и паремий: *Баба с возу – коню легче* (с. 17), *Быть бы беде, да случились деньги в бедре* (с. 33), *Долго нищему собраться – только подпоясаться* (с. 84), *И хочется, и колется, и мамка не велит* (с. 130). Словарная статья имеет традиционную структуру: заголовочное слово или выражение, грамматические пометы, сведения о сочетаемости, стилистические пометы, толкование, иллюстративный материал, комментарий [Елистратов, 2001: 8]. Однако составитель словаря не разграничивает ФЕ и паремии, отмечая их лишь общепринятым знаком. Например:

♦ ДОЛГО НИЩЕМУ СОБРАТЬСЯ – ТОЛЬКО ПОДПОЯСАТЬСЯ. Шутл. О собирающемся в дорогу человеке, у которого мало вещей. *Простились утром, дома. Ивлев собрал барахлишко в чемодан, сел на него, посмотрел на Родионова. Тот усмехнулся. – Готов? – Долго нищему собраться – только подпоясаться* («Любавины»). – *Ты скажи так: ежели, скажи, у тебя чего худое на уме, то собирай манатки и… – Ему собраться – только подпоясаться! – встрял в разговор молчавший до этого времени старик* («Калина красная») [Елистратов, 2001: 84].

В «Словарь языка басен Крылова» (2006) включает пословицы, которые «не толкуются, а только иллюстрируются цитатами» [Кимягарова, 2006: 25]. В качестве источника отнесения единиц к пословицам его составитель использовала работу В. Киневича «Библиографические и исторические примечания к басням Крылова» (1878). Пословицы приводятся в конце словарной статьи, после всех остальных типов фразеологизмов. Например:

Плевать (1), несов. ♦ *В посл.* **Не плюй в колодезь, пригодится воды напиться.** Читатель – истину любя, Примолвлю к

[26] Здесь и далее в параграфе словарная статья приводится точно, с сохранением шрифта.

басне я, и то не от себя – Не попусту в народе говорится: Не плюй в колодезь, пригодится Воды напиться. **Лев и Мышь** [Кимягарова, 2006: 494].

Другим примером может послужить «Словарь языка Достоевского», в предисловии которого сказано, что язык данного писателя отличает активное использование паремий, которые, наряду со словами и ФЕ, составляют идиоглоссу – «тезаурусообразующую единицу, или единицу когнитивного плана» [Караулов, 2008: X]. Так, в словарной статье *Бог* составители приводят 9 паремий: *Вот бог, а вот порог*; *В животе и смерти бог волен; Страшен сон, да милостив бог; За богом молитва, а за царём не пропадают! Заставь иного человека богу молиться, и он лоб расшибёт; Всякий за себя, а бог за остальных; Всё от бога и у бога; Бодливой корове бог рог не даёт; Бог располагает* (Словарь, 2008: 221) в 12 контекстуальных употреблениях, однако не раскрывают значение этих единиц.

Составитель «Словаря языка и рифм поэзии Н. Рубцова» (2005) М.И. Сидоренко решает «задачу не только дать толкование значениям слов и фразеологизмов (с указанием их частотности), охарактеризовать их функционально-стилистическую отмеченность и грамматические особенности, но и показать специфическую лексическую сочетаемость слов, чтобы оценить индивидуальную поэтическую манеру Н. Рубцова» [Сидоренко, 2005: 3]. Словарь состоит из нескольких частей: собственно словарь (лексический словник), а также небольшие разделы «Имена собственные», «Фразеологические единицы», «Тысяча самых частых слов», «Словарь рифм». Композиционная стройность, на наш взгляд, прибавляет ценность данному изданию, способствуя удобству работы со словарём, и возможности отдельно рассмотреть представленные единицы. Корпус ФЕ языка Рубцова составил 160 единиц, которые расположены в прямом алфавитном порядке. Словарная статья включает вокабулу – заголовочную единицу, указание на частотность употребления ФЕ, значение, иллюстративный материал с указанием источника рубцовского текста. Приведём в качестве примера словарную статью наиболее употребительной в языке Н. Рубцова ФЕ:

ВСЁ РАВНО (12). 1. *В любом случае, при любых условиях* (7). Всё равно туда придёшь! (98)

2. *Тем не менее, всё-таки* (5). Чаянно, нечаянно, Но всё равно отчаянно! (333) **Всё равно** (33, 70, 76, 89, 98, 111, 201, 264, 282, 317, 333).

Отдельные авторские словари отражают особенности употребления лишь фразеологических и / или паремиологических ресурсов языка. Проанализируем некоторые из словарей, изданных в последнее десятилетие. Так, словарь «Фразеологизмы в творчестве Владимира Высоцкого» Н.С. Уварова (2007) включает пословицы в общем фразеологическом массиве. Словарная статья имеет традиционный вид: заголовочное слово, инвариант фразеологизма с обозначением факультативных элементов, возможных лексических замен, актуализаторы (слова, сопутствующие авторским фразеоупотреблениям), пометы, семантизацию, иллюстративный материал с указанием произведения и ссылкой на издание. Например, на букву *Б* приведены следующие словарные статьи: *Семь бед – один ответ: Коль семь бед – один ответ, За восемь бед один ответ* (с. 20), *Первый блин комом: Комом все блины мои, а не только первый* (с. 24), *Бог не выдаст, свинья не съест: Бог, меня не выдашь, тогда свинья меня не съест; Не выдаст чёрт, не съест свинья* (с. 26), *Дело мастера боится: Мастер дела не боится* (с. 30), *Не зная броду, не лезь в воду: Не зная броду* (с. 36), *Бумага всё стерпит: Не выдержит бумага* (с. 40). Приведём одну из перечисленных словарных статей:

БОИТСЯ ○ **ДЕЛО МАСТЕРА БОИТСЯ**. *Разг. Экспрес*. О человеке, в умелых руках которого любое дело спорится.

Мастер дела не боится. *ТФЕ. Игра*. ♦ *Эх, недаром говорится: Мастер дела не боится, – Пусть боится дело это Ваню – мастера паркета* (Песня Вани перед студентами; II, 273) [Уваров, 2007: 30].

Как видно из примера, составитель словаря не разграничивает ФЕ и пословицы, в словарной статье использует как общепринятую традиционную систему помет (*Разг. Экспрес*.), так и специальные пометы для указания инвариантных (*ИФЕ*) и трансформи-

рованных фразеологических единиц (*ТФЕ*). Кроме того, ошибочным представляется выбор стержневого компонента: в качестве заголовочного следовало бы вынести компонент *мастер*.

Остановимся на принципах подачи материала во «Фразеологическом словаре языка И.А. Бунина» (2011), составленного А.И. Васильевым. ФЕ, пословицы, поговорки и КВ приводятся в общем словарном массиве в алфавитном порядке по первому компоненту. Словарная статья включает следующее: 1) название фразеологизма (указывается, если это пословица, поговорка, крылатое выражение), 2) стилистическую помету, 3) значения, 4) цитаты-иллюстрации, 5) историческую справку, объясняющую как происхождение единицы, так и значения отдельных компонентов, семантика которых может быть непонятна читателю [Васильев, 2011: 16]. Например:

БЕЗ ДЕЛОВ ЖИТЬ – В ОПОРКАХ БЫТЬ, *посл., диал. – праздная жизнь оставит без средств к существованию*. Здравствуйте, Вукол Матвеевич. («Матвеевич! Как вам это нравится!») дело есть («без обиняков стараешься приступить»). – дельце-с? Что ж, слава богу! Без делов жить – в опорках быть! (Мелкопоместные, т. II, с. 389) [Васильев, 2011: 27].

До настоящего времени в отечественной авторской лексикографии отдельно не создавались паремиологические словари языка писателей. Нам известен лишь один анонс подобного словаря [Баскакова, 2009].

Подготовка «Словаря пословиц и поговорок в произведениях русских писателей-народников», проанонсированного Н.Н. Баскаковой в 2009 г., является одним из этапов изучения языка писателей А.Н. Левитова и Н.Н. Златовратского, которые используют паремии как в нетрансформированном, так и в трансформированном виде. Паремиографический материал располагается по тематическому принципу, который, по мысли составителя, «является оптимальным для пословиц, т.к. позволяет представить концептосферы художественного текста» [Баскакова, 2009: 49]. Названы основные тематические группы: «народ», «община», «Бог», «труд», «пьянство». Внутри тематических групп паремии располагаются по стержневому слову, которым в словаре считается глав-

ное существительное, если существительное отсутствует, то – прилагательное, глагол, причастие, числительное или местоимение. В свою очередь, стержневые компоненты располагаются по алфавиту.

Словарная статья состоит из следующих элементов: заголовочная паремия и её нормативные варианты, экспрессивно-стилистическая характеристика, словарная дефиниция, иллюстративная часть из произведений А.Н. Левитова и Н.Н. Златовратского, также фиксируются трансформированные паремии. При необходимости статью дополняет комментарий. Справочный аппарат будет включать покомпонентный указатель с алфавитным перечнем знаменательных слов, входящих в состав паремии.

Рассмотрим пример словарной статьи анонсируемого словаря [Баскакова, 2009: 50]:

КОСА

***НАШЛА КОСА НА КАМЕНЬ**. Один другому ни в чём не хочет уступить.*

***Нашла дока на доку**. Разг.*

– Замена компонентов **коса** и **камень** на компонент **дока** подчёркивает равенство в силе, опыте сталкивающихся характеров.

***Дока на доку** как тут **нашла**, все мы видели и все дивились этому, а бабы так и смеялись немало. Феклушка-то и полюби владимирца-то…*[Левитов, 1956: 443]

***Налетела коса на камень**. И налетела коса на камень:*

– Ты со мной не смей так говорить… Слушай ухом, а не брюхом об чем говорят… Молодо-зелено так-то разговаривать! [Златовратский, 1988: 530].

Как видим, в основу анонсируемого словаря положен функциональный принцип, который позволяет увидеть потенциал паремии в художественном тексте, изучить особенности употребления паремий и «оценить художественное мастерство писателей, проявляющееся в творческом применении паремий» [Баскакова, 2009: 50].

Проведённый анализ авторской лексикографии показывает, что составители не всегда разграничивают пословицы в анализи-

руемом фразеологическом фонде, иногда не приводят значение рассматриваемой единицы, не анализируют особенности употребления. Паремиографические издания позволяют читателю адекватнее воспринять текст и дополняют сведения не только об особенностях языка писателя, но и о потенциале русской паремиологии: вариативности, семантике, синтагматике. Чаще всего составители не видят своей задачей представления всего фонда фразеосредств, представляя лишь единичное употребление ФЕ или пословицы.

Глава 3. Представление языка Л.Н. Толстого в авторском словаре: обзор словарей и описание лексикографических анонсов

Несмотря на многостороннее и продолжительное изучение наследия Л.Н. Толстого, до настоящего времени не существует словаря языка этого писателя. Вместе с тем предпринимались некоторые попытки лексикографического описания языка Л.Н. Толстого (например, «Частотный словарь романа Л.Н. Толстого «Война и мир», «Словарь-конкорданс нетранслитерированных французских элементов романа Л.Н. Толстого “Война и мир”» Е.А. Маймескул, «Лев Толстой в языке и речи: Словарь инноваций (лексика, фразеология, афористика)» Ю.В. Архангельской), обозначены принципы составления и структура «Частотного жанрово-стилистического словаря фразеологии Л.Н. Толстого», проанонсирован проект словаря ранних произведений писателя, «Словарь галлицизмов в романе Л.Н. Толстого “Война и мир”», «Словарь концептов Л.Н. Толстого как писателя-билингва». В «Материалах к концептуарию Л.Н. Толстого» охарактеризованы индивидуально-авторские концепты, что важно для представления языковой личности писателя. Охарактеризуем вышедший словарь и лексикографические анонсы, где материалом описания служат фразеоресурсы языка.

Словарь Ю.В. Архангельской «Лев Толстой в языке и речи» относится к авторской лексикографии. По словам составителя, основной массив составляют инновации – «индивидуально-авторские новообразования, т.е. слова и выражения, которые впервые

употребил тот или иной автор» [Архангельская, 2016: 4]. Ю.В. Архангельская объединяет в словарь речевые и языковые инновации Л.Н. Толстого. Для удобства материал разделён на четыре раздела, в каждом из которых – отдельная группа единиц: 1) камерные (семейные) инновации Л.Н. Толстого; 2) общеупотребительные инновации Л.Н. Толстого; 3) устойчивые высказывания о Л.Н. Толстом; 4) избранные афоризмы Л.Н. Толстого. С точки зрения описания фразеологического материала в большей степени интересны первый и второй раздел, где собран обширный материал. Принцип организации – алфавитный, зона толкований содержит функционально-стилистические и эмоционально-оценочные пометы. Например:

ДО ПОСЛЕДНЕГО ЗВОНКА. Эвфем. До смерти.

Я выздоравливаю, но еще слаб, а главное, хочется еще сделать многое **до последнего звонка** [Из письма Л.Н. Толстого к О.К. Клодт, 15 (28) июля 1902 г. ПСС, т. 73, с. 268].

«Частотный жанрово-стилистический словарь фразеологии Л.Н. Толстого» (составитель – Ю.В. Архангельская) создан при помощи специальной компьютерной программы. Цель – «дать достаточно полные сведения о количественном составе в произведениях Л.Н. Толстого, что предполагает полную инвентаризацию и систематизацию ФЕ в относительно замкнутой системе (ограниченной текстами) с учетом жанрово-стилистической ее дифференциации» [Архангельская, 2008: 6]. В словаре фиксируются все ФЕ, в том числе и иноязычные, оформленные в нетранслитерированном виде. Параметризация проходит по следующим признакам: 1) начальная форма ФЕ; 2) контекстуальное употребление; 3) варианты (если есть), 4) структурный тип; 5) сфера использования (стилистическая характеристика ФЕ); 6) название произведения; 7) год создания произведения; 8) номер жанровой группы; 9) название жанровой группы, к которой относится данное произведение или текст (1 – художественные произведения; 2 – публицистические произведения; 3 – учебно-методические тексты; 4 – эпистолярные тексты; 5 – дневниковые тексты); 10) жанр произведения.

Структура словаря трёхчастна: 1) алфавитно-частотный список ФЕ; 2) частотный список ФЕ; 3) статистическая структура словаря.

Пример заполнения электронной карточки (индивидуально-авторские варианты узуальных ФЕ, как и индивидуально-авторские ФЕ, обозначаются знаком *) выглядит следующим образом (см.: [Архангельская, 2008: 10]):

Старая [пожилая*] дева [девушка]

1) единица в начальной форме: старая [пожилая*] дева [девушка];

2) парадигматическая форма ФЕ (единица в контексте): «…Но про рыженькую, которую по-настоящему звали Любовью Сергеевной и которая была пожилая девушка, жившая по каким-то семейным отношениям в доме Нехлюдовых, он говорил мне с одушевлением»;

3) вариант: пожилая девушка;

4) тип по структуре: фразема;

5) сфера использования: разговорная ФЕ;

6) название произведения: «Юность»;

7) год создания произведения: 1857;

8) номер жанровой группы: 1;

9) название жанровой группы: художественные произведения;

10) жанр произведения: повесть;

11) том (по 90-томному собранию произведений Л. Н. Толстого): 2

12) страница: 139;

13) примечания: индивидуально-авторский вариант.

«Словарь галлицизмов в романе Л.Н. Толстого “Война и мир”», по замыслу составителя М.Р. Очкасовой, может служить ключом к пониманию языковой личности писателя, поскольку «словарная статья нацелена на то, чтобы показать место определённой лексемы или словосочетания в лексико-фразеологической системе, образуемой текстом романа» [Очкасова, 2005: 223]. Словарная статья включает: 1) заглавное слово, словосочетание, ФЕ; 2) словарную дефиницию; 3) контекст функционирования в романе; 4) семантизацию, которая содержит определение смыслового содержания в контексте, коннотацию. Таким образом, благодаря

подобному описанию можно представить анализируемые галлицизмы в языковой системе: особенности сочетаемости, системные отношения.

Другой словарный проект М.Р. Очкасовой «Словарь концептов Л.Н. Толстого как писателя-билингва» посвящён структурированию концептуальной картины мира Л.Н. Толстого, для чего предполагается изучение отдельных ее элементов: общества, категории ценностей, окружающего мира, личностей современников и т.п. Обозначенные разделы состоят из двух частей: описательной и иллюстративной. Первая часть предполагает описание языковых единиц и характеристику их взаимоотношений в пределах лексико-семантической группы, вторая – включает фрагменты текстов, где функционируют обозначенные элементы, создающие концептуальную картину мира писателя.

Представленные лексикографические разработки фразеологии языка Л.Н. Толстого отличаются разнообразием в выборе метаязыка, что, в первую очередь, обусловлено целью словаря, а также принципами отбора материала. Следовательно, разнится и информативный потенциал словарных опытов. Так, «Частотный жанрово-стилистический словарь фразеологии Л.Н. Толстого», составленный Ю.В. Архангельской, содержит статистические данные об употреблении ФЕ в конкретном произведении, в определенном жанре, а также сведения о частотности использования писателем любой ФЕ, имеющейся в базе данных. Кроме того, словарь дополняет сведения о тенденциях фразеоупотребления со 2-й половины XIX до начала XX в., служит для характеристики фразеологии языка не только Л.Н. Толстого, но и других художников слова в синхронном и диахронном аспектах.

В лексикографических анонсах М.Р. Очкасовой ФЕ выступают одним из элементов словарного описания, наряду со словами и словосочетаниями, что помогает представить языковую личность Л.Н. Толстого в её структурной организации. Несомненно, словари дифференциального типа, к каким относится «Словарь галлицизмов в романе Л.Н. Толстого “Война и мир”», являются составляющим элементом в создании словаря языка писателя. «Словарь концептов Л.Н. Толстого как писателя-билингва», хотя и является авторским, но отражает языковые особенности двуязычного тезауруса писателя.

Глава 4. «ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЯЗЫКА Л.Н. ТОЛСТОГО»: ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ СЛОВНИКА, ПОСТРОЕНИЕ СЛОВАРЯ, ТРУДНОСТИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ, СТРУКТУРА СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

Подготовка «Фразеологического словаря Л.Н. Толстого» может стать одним из первых этапов создания словаря языка Л.Н. Толстого, поскольку фразеология языка этого писателя является значимой частью всего фразеологического фонда русского языка и отличается многообразием типов, вариантностью форм, созданием окказиональных фразеологизмов, а в целом характеризует язык определённого времени. ФЕ, будучи единицами когнитивного уровня, отражают особенности языковой личности великого писателя и являются одним из путей понимания всего творческого наследия Л.Н. Толстого.

Язык Л.Н. Толстого даёт богатый материал, иллюстрирующий потенциальные возможности как нетрансформированного, так и трансформированного использования ФЕ, на основании чего в корпус «Фразеологического словаря Л.Н. Толстого» включаются не только распространенные в литературном языке ФЕ, пословицы, КЕ, но и различные примеры их «нестандартного» употребления (термин А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского). Особый интерес для исследователей языка представляют камерная (авторская) фразеология, а также окказиональные ФЕ, позволяющие показать особенности авторского понимания и переосмысления фразеологического материала. Как было отмечено нами выше, современная фразеография развивается не просто в констатирующем, а в прагматическом векторе: в современных словарях учтён динамический характер развития фразеологии, представлена сфера их употребления.

О направлениях работы, связанных с подготовкой «Фразеологического словаря языка Л.Н. Толстого», нами было сказано ранее (см.: [Ломакина, 2007; Ломакина, 2008]). Приёмом сплошной выборки был установлен фразеологический корпус единиц, используемых писателем в текстах различных стилей и жанров. Например, жанр народных драм и народных рассказов демонстрирует разговорную «стихию»: содержит преимущественно разговор-

ные и просторечные ФЕ, различные жанры паремий, что позволяет представить разговорный язык 2-й половины XIX в. Популярность французского языка и хорошее знание писателем иностранных языков обусловило включение в тексты ФЕ-ИВ, что позволило выделить сквозные единицы, встречающиеся в различных текстах. Дневники, репрезентующие авторское мировидение, философские взгляды Л.Н. Толстого, изобилуют КВ, представленными как на русском, так и на иностранных языках.

С учётом разнородности фразеологического состава языка Л.Н. Толстого, многотысячного объёма примеров контекстуального употребления – иллюстративного материала, а также руководствуясь простотой поиска интересующей единицы, мы сочли оправданным и целесообразным внутри «Фразеологического словаря языка Л.Н. Толстого» отдельно представить ФЕ, включая паремии и КВ, употребляемые писателем, в виде специальных разделов и подразделов, что отражается и в словарных статьях при помощи помет (Посл.; Примета; Франц.; КВ; Пушкинизм и др.):

I. Собственно ФЕ.

II. Паремии: пословицы, приметы, присловья и т.п.

III. Крылатика:

1. БФЕ.

2. Остальные КВ.

IV. Камерные ФЕ.

V. ФЕ-ИВ.

При составлении «Фразеологического словаря языка Л.Н. Толстого» мы опираемся на положительный опыт теории лексикографии, на традиции как отечественных, так и зарубежных фразеографов. Однако перед составителями различных фразеологических словарей стоит ряд нерешенных и дискуссионных вопросов. Несомненно, главными из них являются следующие: что включать в словник и какой принцип построения словарной статьи выбрать. Во многом ответы на эти вопросы лежат в плоскости задач, которые приходится решать фразеографам. При работе над данным словарём обозначились некоторые проблемы. Назовём их.

Источником отбора материала послужило «Полное собрание сочинений» (ПСС) Л.Н. Толстого в 90 т., изданное в 1928-1958 гг. Это издание содержит ряд погрешностей технического плана, в некоторых случаях требуется расшифровка текстов, уточнение

написания некоторых слов. К сожалению, работа над созданием ПСС Л.Н. Толстого в 100 т. начата сравнительно недавно: с 2000 по начало 2015 г. подготовлены и вышли из печати следующие тома: т. 1, 2, 4, 19, 21, 25 кн. 1 (URL: http://www.feb-web.ru/feb/tolstoy/default.asp?/feb/tolstoy/texts/pss100/t00.html). От аутентичности некоторых цитат зависит правильность заголовочной единицы, в частности паремии. Иногда при многочисленном переписывании в текст закрадывались описки, которые не были исправлены и в ПСС (1928–1958): *Доброта завяжет крепче долга / дома* (?) (Дневники, 1884 г.), *Скотины / Скопил – таракана да жуколица; а посуды – крест да пуговицы* («Записки христианина»).

Словник «Фразеологического словаря языка Л.Н. Толстого» составлен с опорой на существующие лексикографические источники, с учётом которых происходила верификация полученного фразеологического корпуса.

Словарная статья – ведущий жанр лексикографии, основная структурная единица словаря. Традиционно словарная статья включает заголовочную единицу и её описание [Дубичинский, 2008: 56], имеет компактное, синтаксически организуемое пространство – занимает абзац [Берков, 2004: 18].

Словарная статья «Фразеологического словаря языка Л.Н. Толстого» включает так называемую языковую и речевую зоны и состоит из следующих элементов: стержневой элемент, заголовочная единица (лемма, вокабула), экспрессивно-стилистическая помета (если есть), словарная дефиниция, иллюстративная часть, информативный комментарий. Используются различные шрифтовые выделения и символы.

Особое место занимают единицы, не включённые в общеизвестные словари, обладающие признаками ФЕ / паремии; при исследовании языка писателя их фиксация обязательна. В том случае, если описываемая единица уже содержится в лексикографических источниках, словарь называется с указанием страницы, т.е. происходит чёткая паспортизация. Используется специальное графическое обозначение **v**.

Распределение материала производится по стержневому принципу. Выбранный стержневой принцип позволяет читателю быстрее найти необходимую единицу. Стержневые компоненты располагаются в алфавитном порядке. Например, при описании

паремий: **КАКОЙ ПАЛЕЦ НИ УКУСИ, ВСЁ БОЛЬНО.** См. **ПАЛЕЦ**; **ПЕТУХИ КРИЧАТ РАНО К ВЕСЁЛОЙ НОЧИ.** См. **ПЕТУХ.** В том случае, если в ФЕ нельзя выделить стержневое слово (при сочинительной связи компонентов), то по первому знаменательному слову: **НИ ТО НИ СЁ**. См. **ТО**. При лексикографическом описании ФЕ-ИВ используется алфавитный порядок: **A BON ENTENDEUR – SALUT!** Франц. Благо тому, кто умеет слушать! **ALL IS RIGHT, WHAT IS RIGHT**. Англ. Посл. Все хорошо, что хорошо. ФЕ с одной фразеолексемой (например, **ВЫЦАРАПАТЬ ГЛАЗА, ПОДНИМАТЬ / ПОДНЯТЬ ГЛАЗА**) объединены в пределах словарной статьи **ГЛАЗ**, так как соматизмы, наряду с зоонимами, названиями стихий, цветами и т.п., являются наиболее продуктивными, благодаря чему словарная статья становится более информативной.

ФЕ-омонимы приводятся в отдельных словарных статьях и сопровождаются индексами: **ЗА ГЛАЗА¹**, **ЗА ГЛАЗА²**. Все значения многозначных ФЕ даются только в том случае, если они используются писателем.

При лексикографической обработке фразеологических ресурсов языка одной из проблем, связанных с интерпретацией обрабатываемого материала, является вопрос вариантности анализируемых единиц, для которых, в отличие от слова, варьирование частотно. Давая определение фразеологических вариантов, отечественные лингвисты подчеркивают тождественность их значения и образной основы, относительную стабильность синтаксической структуры и различия в компонентном составе и/или морфологических характеристиках компонентов.

Очевидно, что для выявления всего многообразия вариантов важна точная паспортизация единиц, которая позволит разделить синтагматические и парадигматические изменения, увидеть всё многообразие существующих вариантов, это докажет динамический характер фразеологии. Кроме того, важно выбрать типологию вариантов, систему знаков, так как «<…> при таком подходе отражается реальная жизнь фразеологизма, описываются все его речевые потенции и специфика употребления в конкретном языке» [Мелерович, 1997: 4]. Вместе с тем фразеотворчество опирается на структурно-семантические модели, которые свойственны тому или иному языку.

На начальном этапе мы проводили проверку правильности заголовочной единицы. Вопрос о выборе исходной формы заголовочной единицы был поднят А.И. Молотковым [Молотков, 1967]. Обычно выбор заголовочной единицы опирается на данные словарей, где эта единица была зафиксирована. Однако даже в авторитетных изданиях («Пословицы русского народа» В.И. Даля; «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова; «Фразеологический словарь русского литературного языка к. XVIII – н. XX» под ред. А.И. Фёдорова; «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка» В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой и др.) одновременно могут приводиться два параллельно существующих варианта. Поэтому составитель, руководствуясь контекстуальным употреблением, решает, какую единицу выбрать в качестве заголовочной. Например, паремиографическое описание нескольких паремий в «Словаре пословиц и поговорок языка Л.Н. Толстого» будет отличаться от более распространенного: заголовочной паремией станет *Яйца курицу учат* для иллюстрации следующего примера:

Но графиня оттолкнула дочь и подошла к графу.

– Mon cher, ты распорядись, как надо... Я ведь не знаю этого, – сказала она, виновато опуская глаза.

*– **Яйца... яйца курицу учат...** – сквозь счастливые слезы проговорил граф и обнял жену, которая рада была скрыть на его груди свое пристыженное лицо* («Война и мир», т. III, ч. 2, гл. XVI; 11: 172).

Здесь мы опираемся не только на паспортизацию единицы (фиксация в качестве основной паремии *Яйца курицу учат* [АСРФ 2015: 1002], параллельная фиксация единиц *Яйца курицу учат* и *Яйца курицу не учат* [Пермяков, 1988: 157]), но и на авторское употребление пословицы, являющейся единицей паремиологического пространства писателя.

Руководствуясь авторитетным паремиографическим источником [Жуков, 1967: 315-316] и контекстуальным употреблением пословицы, приходится поступать аналогично и при выборе заголовочной паремии *Овчинка стоит выделки*, которая дважды употребляется Л.Н. Толстым в романе «Анна Каренина»:

*– И он неодобрительно покачал головой, как бы сильно сомневаясь в том, чтоб эта **овчинка стоила выделки**.*

Он оглядел шкафы и полки с книгами и с тем же сомнением, как и насчет вальдшнепов, презрительно улыбнулся и неодобрительно покачал головой, никак уже не допуская, чтоб эта ***овчинка могла стоить выделки*** («Анна Каренина», ч. 2, гл. XVI; 18: 177).

Для определения типологии вариантов в качестве рабочей мы используем классификацию, предложенную А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко. Данная типология составлена с учётом языковых реалий – примеров речевого употребления, поэтому является наиболее адаптированной для фразеографического описания языка писателя. Для указания на преобразование используется обозначение ***Вариант***, которое располагается по центру строки и отделяет нетрансформированные единицы от трансформов, при этом указывается тип трансформации.

Семантизацию описываемого фразеологического корпуса наиболее точно помогают привести словари (особенно «Словарь пословиц и поговорок» В.П. Жукова). Б.А. Ларин отмечал необходимость тщательной разработки словарной статьи, говорил о толкованиях, которые не являются просто повтором общеизвестного значения [Ларин, 2003: 651-652], для чего следует учитывать авторскую самодефиницию – особый способ раскрытия смыслового содержания ФЕ, паремий, КВ в тексте, к чему Л.Н. Толстой прибегает в некоторых случаях (об этом подробнее – гл. 2).

В.П. Жуков справедливо отметил: «Жизнь пословицы по существу обнаруживается лишь в контексте, в речевом употреблении. В изолированном виде – вне контекста – пословицы почти не реализуются» [Жуков, 1967: 21]. Поэтому проблематичной представляется семантизация паремий, используемых Л.Н. Толстым без контекста (например, китайские пословицы *Бог не поможет, коли упустишь. Дегтярная бочка только на деготь*, *Когда пить захотелось, некогда колодца рыть*, приведённые в дневниках писателя).

Рукодствуясь положительным опытом составителей «Словаря автобиографической трилогии М. Горького, толкование мы проводили в зависимости от того, как определяются ФЕ:

1) субстантивно: **ШУТ ГОРОХОВЫЙ**. Экспрес. Нелепо, старомодно, безвкусно, смешно одетый человек. *С женою-то его рядом поставьте: то-то* ***шут гороховый*** («Война и мир», т. II, ч. 3, гл. XV; 10: 200);

2) предикативно: **УДАРЯТЬ / УДАРИТЬ ПО РУКАМ**. Разг. Договориться о чём-то, заключить сделку. Федор Иваныч. *Сосватал, сосватал, и* ***по рукам ударили****. Только не пили* («Плоды просвещения», д. 3, явл. 9);

3) адвербиально: **НЕ БЛИЖНИЙ СВЕТ**. Прост. Не близко, достаточно далеко. Акулина. *Что плохое загадывать. Рано ещё. Тоже* ***не ближний свет****. Пока что…* («От ней все качества», д. 1, явл. 1);

4) атрибутивно: **НИ ЖИВ НИ МЁРТВ**. Сильно напуган. *Он любил слышать за собой этот дикий крик пьяных голосов: «пошёл! пошёл!» тогда как уж и так нельзя было ехать шибче; любил вытянуть больно по шее мужика, который и так* ***ни жив, ни мёртв*** *сторонился от него* («Война и мир», т. II, ч. 5, гл. XVI);

5) как самостоятельные предложения (ФЕ-УФ): **ШАПКАМИ ЗАКИДАЕМ**. Прост. Пренебр. Быстро и легко победим. – *Да, это: мы* ***шапками закидаем****, мы нашли то, чего ищет Европа! Всё это я знаю, но, извините меня, вы знаете ли все, что сделано в Европе по вопросу об устройстве рабочих?* («Анна Каренина», ч. 3, гл. XXVII).

В отличие от общеязыковых словарей, но в соответствии с фразеографической традицией грамматические пометы отсутствуют. Иллюстративная часть состоит из примеров контекстуального употребления с учётом хронологии творчества писателя и сопровождается точной паспортизацией по цитируемому источнику (ПСС). Иллюстративный материал приводится курсивом.

Каждую из словарных статей сопровождает справочный аппарат, содержащий ссылку на лексикографический источник с указанием номера страницы. Важным элементом справочного аппарата является информативный комментарий.

О.Н. Иванищева обращает внимание на тенденцию введения в словарные статьи различного типа словарей дополнительных сведений: энциклопедических, культурно-исторических этнолингвистических [Иванищева, 2005: 31-32], что находится в русле поставленной Б.А. Лариным задачи «расширить и пополнить узкофилологическую обработку материала… экскурсами реально-энциклопедического характера, привлечением данных истории материальной культуры, хозяйства, общественного строя и истории мировоззрений русского средневековья» [Ларин, 1977: 120].

Информативный комментарий, прежде всего, может включать этимологический анализ, который «решает следующие основные задачи: 1) определение исконного или заимствованного характера фразеологизма; 2) установление времени появления его в русском языке; 3) реконструкция его исходной формы и структурно-семантического характера и 4) выяснение образа, положенного в основу фразеологического оборота, если он появился в языке как метафорическое название» [Зимин, 2003: 53].

Скрупулёзное изучение истории устойчивых оборотов позволило В.М. Мокиенко разработать алгоритм поэтапного историко-этимологического анализа ФЕ и паремий, который позволяет «произвести отсев однозначно сомнительных интерпретаций либо обосновать сомнительность в истинности освященных традицией «этнографических» толкований» [Мокиенко, 2010: 120]. Историко-этимологический анализ включает следующие этапы: 1) фиксацию всех вариантов и их лингвогеографическое описание в пределах одного языка; 2) сопоставление собранного материала с языковыми фактами родственных языков, «позволяющее… определить, имеют ли они генетические или типологические истоки»; 3) сопоставление результатов исследования с хронологической регистрацией конкретных единиц в конкретных языках и диалектах; 4) изучение лингвистических фактов на фоне культурологических, этнографических, мифологических для расшифровки фразеологического этимона; 5) сравнение лингвистической интерпретации с экстралингвистической и выявление на основе собранного материала исходного образа – этимона [Мокиенко, 2010: 103]. Такое всестороннее рассмотрение устойчивых словосочетаний в их исторических и межъязыковых связях дало ему возможность опровергнуть многие существовавшие версии об исконности оборота, традиционно связывавшегося с русскими реалиями, или, наоборот, продемонстрировать национальную специфику калькированного выражения.

Историко-этимологический комментарий необходим и при описании КВ, «которые, проходя этап стабилизации, формируют собственные структурно-семантические признаки на базе прототипических» [Дядечко, 2006: 195]. По мысли Л.П. Дядечко, такая информация может быть различной в зависимости от источника КВ. Например, должна обрисовать ситуацию, при которой было

сделано высказывание каким-то историческим лицом, т.е. проанализировать коммуникативное намерение говорящего. В случае обращения к фрагменту из авторской речи или к реплике персонажа необходимо привести бóльшую по объему цитату для представления заложенного смыслового содержания. При лексикографическом описании имени собственного определить, что легло в основу номинации. Кроме текстовых пояснений Л.П. Дядечко предлагает, использовать аудиовизуальный ряд, что возможно лишь при создании компьютерного варианта словаря.

Другим видом информативного комментария может стать лингвокультурологический анализ, один из этапов историко-этимологического анализа ФЕ, когда лексикографы обращаются к культурологическим, этнографическим, мифологическим и другим фактам, наряду с лингвистическими, для расшифровки фразеологического этимона. Лингвокультурологический анализ ФЕ, одним из теоретиков которого является В.Н. Телия, показал, «что формирование и употребление идиом протекает в более широком контексте, чем внутренние законы развития языка, а именно – в контексте антропологической парадигмы, рассматривающей, в частности, включённость языковой личности в культуру как её субъекта» [Телия, 2006: 778]. Цель лингвокультурологического анализа – «выявить во фразеологизмах как языковых знаках репертуар воплощенных в их содержание и форму культурных смыслов, выделить те средства и способы, на основе которых возможна интерпретация фразеологизмов в контексте культуры, и на этой основе определить их роль как знаков “языка” культуры» [Телия, 2006: 778].

Таким образом, лингвокультурологический анализ ФЕ опирается не только на идеи лингвокультурологии, получившей развитие в конце XX – начале XXI в., но и на этимологические данные.

Как показывают наши наблюдения, обычно составители фразеологических словарей включают в словарные статьи подобный комментарий. Так, например, многие из словарных статей собраний М.И. Михельсона «Ходячие и меткие слова: Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний)» и «Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии» содержат этимологический комментарий. Несмотря на простоту некоторых фор-

мулировок, «до сих пор ещё подавляющее число историко-этимологических толкований этой области нашего языка прямо восходит к собранию М.И. Михельсона» [Мокиенко, 2004: 10]. В ФСРЯ и ФСРЛЯ этимологический комментарий сопровождает лишь некоторые фразеологизмы-идиомы (*тёртый калач, египетская казнь, варфоломеевская ночь, таскать каштаны из огня* и др.). Источником этимологического анализа чаще всего являются общеизвестные словари, ссылка на которые даётся в конце словарной статьи.

Опираясь на существующие фразеографические издания, включающие лингвокультурологический анализ (см., например: Бирих, 2001; БФСРЯ, 2006), необходимо выработать новый алгоритм при составлении авторских словарей с учетом тенденций современной лексикографии. Исходя из иллюстративного материала, составитель должен определиться, какие словарные статьи будут включать историко-этимологическую справку. На наш взгляд, нет смысла слепо переносить данные из общеизвестных фразеологических словарей.

В языке Л.Н. Толстого особое место занимает камерная фразеология: *анковский пирог, отправиться в большое путешествие, пятый хомут, муаровый жилет, зеленая палочка, муравейное братство, комната под сводами, архитектор виноват, вырезушчатая перегородка* и т.п. «Идентификация себя в социальном пространстве обнаруживается и проявляется в процессе речевой коммуникации. Коммуникант очерчивает “свой круг”, отграничивая себя от другого по какому-либо “идентификационному фактору”: возрасту, этнической, социальной или гендерной принадлежности и т.п.» [Карабулатова, 2011: 82]. К этому способу идентификации можно отнести *камерную (авторскую) фразеологию* – устойчивые обороты, возникающие и функционирующие в узком кругу лиц, в пределах семьи [Руднев, 1979: 75].

Несомненно, словарные статьи, посвященные описанию камерных ФЕ, должны включать информативный комментарий. Поскольку автором камерных ФЕ был сам писатель или члены его семьи, то при создании словарной статьи необходимо привлекать не только текстологию Л.Н. Толстого, но и воспоминания, переписку членов семьи, единомышленников. Все это позволит решить ряд лексикографических задач: толковать значение (семан-

тизация нередко происходит в контексте), подготовить историко-этимологическую справку.

Представим примеры словарных статей, посвящённых анализу камерной фразеологии:

АРЗАМАССКИЙ УЖАС. О тяжёлом душевном состоянии, пограничном между жизнью и смертью.

*И вдруг **арзамасский ужас** шевельнулся во мне. /…/ То была ночь пострашнее арзамасской; душа мучительно разрывалась с телом. Я живу, жил, я должен жить, и вдруг смерть, уничтожение всего. Зачем же жизнь? Умереть? Убить себя сейчас же? Боюсь. Дожидаться смерти, когда придёт? Боюсь ещё хуже* («Записки сумасшедшего»; 26: 472).

* Появление этого фразеологизма связано с пребыванием Л.Н. Толстого в г. Арзамасе, где во время сна писатель был охвачен необъяснимым чувством ужаса, страха, тоски: «*Я второй день мучаюсь беспокойством. Третьего дня в ночь я ночевал в Арзамасе, и со мной было что-то необыкновенное. Было 2 часа ночи, я устал страшно, хотелось спать и ничего не болело. Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас такие, каких я никогда не испытывал*» (Письмо С.А. Толстой, 4 сентября 1869 г.; 83: 167).

БОЛЬШОЙ СВЕТ. О народе.

*Получил Ваш привет от М.Я. Пущиной и, кроме того, знаю, что вы, несчастная, – слушаете мое ужасное сочинение. Право, это не слова: я истинно считаю это сочинение вовсе не заслуживающим тех разговоров, которые о нем идут в вашем обществе. Надеюсь, что она будет полезна для тех, для **«большого света»**, для которого я писал ее, но вам она совсем не нужна* (Письмо А.А. Толстой, 20 января 1887; 64: 6).

* Во время написания драмы «Власть тьмы» Л. Н. Толстой проявлял большой интерес к русскому народу, его характеру, образу жизни, состоянию духа. Писатель употребляет фразеологизм *большой свет* в противоположном смысле, применительно к народу, а не великосветскому обществу.

В том случае, если требуется объяснить трансформации ФЕ, информативный комментарий может включать сведения о том,

почему, например, писатель включил в состав ФЕ определение (см. примеры словарных статей в настоящей главе)

Кроме камерных ФЕ, особый интерес и определённую сложность при словарном описании представляют паремии, не зафиксированные в лексикографических источниках. Так, например, в уста Митрича, героя драмы «Власть тьмы», писатель вкладывает услышанную от солдата, по свидетельству В.Г. Черткова, паремию *В рот тебе ситного пирога с горохом*:

Никита (крестится). *И что же это в самом деле?* (Бросает веревку.)

Митрич. *Чего?*

Никита (поднимается). *Не велишь бояться людей*?

Митрич. *Есть чего бояться, дерьма-то. Ты их в бане-то погляди, все из одного теста, у одного потолще брюхо, а то потоньше, только и различки в них. Бона кого бояться!* ***В рот им ситного пирога с горохом****!*

Никита, Митрич, Матрёна (выходит из двора).

Матрёна (кличет). *Что, идёшь, что ль?*

Никита. *Ох! Да и лучше так-то. Иду!* (Идёт ко двору.)

Для придания реплике экспрессии и с целью эмоциональной выразительности Толстой использует эту паремию, ставшую характерной речевой деталью Митрича. Однако ни в одном паремиографическом словаре она не приводится, следовательно, информативная часть в данной словарной статье отсутствует. В таких случаях стоит обратиться к справочной литературе и по возможности привести зафиксированные в источниках паремии, которые помогут при подготовке информативного комментария. Если опираться на мифологическую теорию происхождения пословиц и поговорок (Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня), то данная паремия имеет языческий характер и носит оттенок заклинания. Как отмечает В.И. Даль, *Пироги бывают: с горохом, с кашею, с грибами (гороховик, крупеник, грибник), с мясом, рыбой (кулебяка) и пр.* В России существовала традиции печь пироги с горохом в постные нерыбные дни, а сытный пирог с горохом был излюбленной и доступной едой крестьян и солдат пореформенной России.

Представим словарную статью паремиологической части словаря, содержащую информативный комментарий.

ЦАРСТВО
ЦАРСТВО
НА НЕБЕ *ЦАРСТВО* ГОСПОДНЕЕ,
А НА ЗЕМЛЕ ЦАРСТВО ГОСПОДСКОЕ

Посл. Говорится о противопоставлении духовного и материального, о власти богатых на земле.

Тяготит меня, как всегда, и особенно здесь роскошь жизни среди бедноты народа. Здесь мужики говорят: ***на небе царство господнее, а на земле царство господское****. А здесь роскошь особенно велика, и это словечко засело мне в голову и усиливает сознание постыдности моей жизни* (Письмо В.Г. Черткову, 25 августа 1910 г.; 89: 209).

Вариант

ЦАРСТВО ГОСПОДСКОЕ – эллипсис.

Ездил верхом и вид этого ***царства господского*** *так мучает меня, что подумываю о том, чтобы убежать, скрыться* (Дневник для самого себя, 20 августа 1910 г.; 58: 134).

Очень тяжела роскошь – ***царство господское*** *и ужасная бедность – курных изб* (Дневники, 26 августа 1910 г.; 58: 97).

∗ В 1910 г. Л.Н. Толстой от крестьян услышал эту пословицу, ставшую любимой. Возникновение данной паремии опирается на христианское вероучение и связано с политическим строем, господствовавшим в России. В основе данной паремии лежит антитеза, противопоставляющая два мира: мир Господа и господ.

Таким образом, информативный комментарий является факультативным элементом словарной статьи «Фразеологического словаря языка Л.Н. Толстого», а тип комментария и расположение паремии выбираются в зависимости от описываемой единицы.

В связи с этим структура словарной статьи может быть различной, что зависит от ряда факторов: источника описываемой единицы с учётом происхождения, наличия её в общеизвестных словарях, в случае описания трансформированной единицы – типа варьирования.

«Фразеологический словарь языка Л.Н. Толстого» призван упорядочить ФЕ, паремии, КВ, используемые писателем, назвать рекуррентные языковые единицы, выявить особенности жанрового и дискурсивного использования их писателем, изучить языковую

индивидуальность, охарактеризовать ИКМ, представить масштаб словесного творчества Л.Н. Толстого. Этот словарь расширит данные об истории русского литературного языка XIX в., отразит существующие тогда литературные нормы, выявит языковые предпочтения писателя, что необходимо в связи с работой над «Словарём русского языка XIX в.». «Фразеологический словарь языка Л.Н. Толстого» можно использовать и в учебных целях: в процессе преподавания фразеологии как части курса «Современный русский язык».

Выводы к разделу 4

К настоящему времени стоит признать, что фразеография прочно закрепилась в отечественной лингвистике. Каждый период развития привносит изменения в объект фразеографии и способ описания. Условно обозначенный нами как четвёртый период развития фразеографии (конец XX – начало XXI в.) отличает активное создание различных типов фразеологических словарей, изменение объектов словарного описания и метаязыка словаря в целом. Всё это отражает смену научных ориентиров и тенденции современной лингвистики. Сформировалось и научное направление, которое изначально именовалось как писательская, а впоследствии авторская лексикография, целью которой является комплексное описание языка конкретного человека, чаще – элитарной языковой личности, в словарях различных типов, являющихся частью словарной серии.

Также стоит констатировать, что лексикография накопила большой и необычайно полезный опыт в представлении фразеоресурсов языка, который, безусловно, должен учитываться при создании новых словарей. Фиксация вариантности ФЕ, паремий, КВ кажется нам необходимой, так как известно, что это естественное явление для данных языковых единиц. Не стоит отказываться от инноваций при решении задач, посвященных выработке метаязыка конкретного словаря, что подтверждают приведенные нами примеры.

Принципы расположения материала во фразеологических словарях, паремиографических изданиях и словарях крылатых вы-

ражений частично совпадают, в основном преобладает алфавитный порядок и расположение по стержневому компоненту. Семантизация является обязательной для словарного описания ФЕ и КВ, а в словарях пословиц – факультативным элементом. Современные фразеография и крылатография призваны показать динамические процессы в области фразеологии, что необходимо учитывать и в процессе представления материала в авторском словаре, где зафиксирован весь фразеофонд языка писателя.

Поскольку словарь служит источником для дальнейших лингвистических исследований (Л.В. Щерба), «Фразеологический словарь Л.Н.Толстого» может стать одним из первых этапов создания словаря языка Л.Н. Толстого. Кроме того, создание «Фразеологического словаря Л.Н. Толстого» позволит рассмотреть динамическое развитие не только всего фразеологического корпуса, но и конкретных ФЕ, а также охарактеризовать языковую личность писателя в целом. Приём сплошной выборки помогает представить фонд ФЕ, паремий и КВ наиболее полно, упорядоченно, дополнить сведения о языке XIX в. Вместе с тем критерии отбора ряда единиц зависят от позиции составителя и цели создания словаря: для характеристики языковой личности несущественную роль играют так называемые служебные ФЕ, ФЕ-терминосочетания и др. Выбор формы заголовочных единиц объясняется речевым использованием, а не языковой, распространённой в лексикографии традицией. Стержневой принцип расположения материала упрощает «чтение» словаря: поиск интересующей единицы идёт быстрее. Кроме того, наличие в конце словаря перечня описанного фразеологического корпуса также способствует удобству работы с ним.

Распределение фразеологического материала по разделам (например, паремии, КВ, устойчивые сравнения) объясняется разнородностью состава фразеологии языка Л.Н. Толстого. Структура словарной статьи носит традиционный характер. Опора на существующие фразеографические издания в большинстве случаев помогает сформировать область значения, однако при формулировке области значения необходимо учитывать контекстуально обусловленное значение, а также авторскую самодефиницию (в том числе в спорных случаях: например, при объяснении значений камерной фразеологии). Иллюстративная часть включает примеры из тек-

стов различных стилей и жанров, контекстуальные примеры иллюстративного материала приводятся в хронологическом порядке, что позволяет увидеть, как менялись авторские предпочтения, для какого периода творчества характерно употребление данной единицы, как выражался творческий потенциал писателя при создании трансформов. При наличии вариантов ФЕ приводятся все зафиксированные варианты с определением их типов и иллюстрацией примеров. Информативный комментарий является факультативным элементом словарной статьи и содержит сведения биографического, лингвокультурологического, историко-этимологического характера. Словарную статью венчает перечисление зафиксировавших единицу лексикографических изданий с точным указанием издания и номера страницы, что позволяет получить сведения о времени лексикографической фиксации и сделать вывод о влиянии писателя на факт вхождения единицы в литературный язык.

Работа по созданию словарей пословиц языка писателя может получить новый импульс: следующим этапом для лексикографов должно стать составление сводного словаря паремий, крылатики, используемых русскими писателями, который позволит не только увидеть особенности авторского языка, выявить основные тенденции использования пословиц и поговорок в «кресте реальности» (термин В.Н. Телия), т.е. в синхронии и диахронии, но и уточнить характер употребления той или иной единицы, констатировать время и место появления нового варианта. Дискурсивное описание паремий, КВ, несомненно, будет опираться на существующие паремиографические и крылатографические сборники. Отдельно стоит рассмотреть ИВ, для чего следует создать, опираясь на немногочисленные словари этого вида, общий фонд ИВ с включением единиц, появившихся в XX – начале XXI в.

Раздел 5

ФРАЗЕОЛОГИЯ Л.Н. ТОЛСТОГО: СОВРЕМЕННЫЕ РЕЦЕПЦИИ

Глава 1. Толстовская крылатика в современных публицистических текстах

Современная публицистика представляет собой модель «постмодернистской культурной парадигмы» [Наумова, 2007: 3]. Для публицистических текстов характерны смешение различных черт стилевых и жанровых черт, гетерогенности (термин В.Г. Костомарова), функционирование интертекстуальных единиц (прежде всего – КВ), «обилие разнообразных приёмов, употребление готовых форм, за которыми стоят обширные фоновые знания» [Макарова, 2016: 4].

Руководствуясь принципом интертекстуальной динамики, покажем, какие из толстовских КВ наиболее активно употребляются в современной Интернет-публицистике, какие из обозначенных единиц обладают бóльшим трансформационном потенциалом. Данные наблюдения могут быть полезны для «Словаря языка Л.Н. Толстого».

В современной Интернет-публицистике инвариант КВ *Было гладко на бумаге, – // Да забыли про овраги, // А по ним ходить!* не используется, употребляются его комплексные варианты, сочетающие инверсию и импликацию.

Ситуативно обусловлен заголовок статьи «*Гладко будет на бумаге?*» (URL: http://www.publish.ru/articles/200705_4411903), где КВ становится вопросительным предложением и приобретает буквальное значение: по мнению автора, затраты на хорошую бумагу окупятся благодаря читательскому спросу и продаже рекламного места.

Подзаголовок «*Гладко было на бумаге…*» статьи, опубликованной в сетевом еженедельнике «Демоскоп Weekly» (URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0659/tema01.php), актуализирует КВ: речь идёт о том, как нарушаются права женщин при выплате материальных пособий. Как и в предыдущем случае, значение КВ буквализируется, показано, что закон, существующий на бумаге, не работает.

Заголовок репортажа «*Гладко на бумаге*» (URL: http://www.vsp.ru/pisma/2008/07/03/407889?call_context=embed) представляет собой пример импликации: для автора важно, как проходит реализация опубликованного проекта планировки Октябрьского округа Иркутска. Несмотря на похвалу в адрес разработчиков, проект является реализацией точечной застройки, что отрицательно сказывается на облике города.

Как и в предыдущих примерах, КВ *Всё смешалось в доме Облонских* выступает в качестве сильной позиции текста – в названии статьи «Сирия: всё смешалось в доме Облонских» (URL: http://www.rusichi-center.ru/e/3174496-siriya-vsyo-smeshalos-v-dome-oblonskih): такое употребление обусловлено контекстуально, поскольку автор характеризует политически неясную смену сирийской власти в результате борьбы различных группировок.

По подобной модели построен заголовок «Иран: всё смешалось в доме Облонских» (URL: http://kv-journal.su/content/iran-vsyo-smeshalos-v-dome-oblonskih). В статье речь идёт о проблемах по реализации иранской ядерной программы, связанных с позицией стран – антагонистов РФ и США. Выбор данного заголовка вербализует сему ‘беспорядочно, вперемешку друг с другом’, которая характеризует сложившуюся ситуацию. Стоит отметить, что в данной статье автор активно использует фразеологию как одно из экспрессивно-выразительных и текстообразующих средств. Так, последнее предложение статьи включает несколько КВ: *Будем надеяться, что этот* ***гордиев узел*** *политики всё-таки развяжут, а не станут* ***рубить*** (ср.: *разрубить гордиев узел; рубить сук, на котором сидишь*).

Примеры использования КЕ *В искусстве всё чуть-чуть* единичны:

– Любой фотограф – эгоист, он фотографирует собственное впечатление, то, что привлекло его внимание, вызвало какие-

то ассоциации, – резюмировал Шутов. – Фотография – это ***искусство чуть-чуть****, не надо навязывать зрителю что-то явное и определённое. Пусть он сам догадывается и додумывает. Ещё Леонардо Да Винчи говорил своим ученикам: «Нужно писать не то, что видите вы, а то, что видит зритель». И если вы будете придерживаться этого «золотого правила», то непременно добьётесь успеха в искусстве фотографии* (URL: http://vesti.sarov.net/?id=27017).

В данном контексте КВ претерпевает комплексное преобразование: импликация сопровождает грамматическую трансформацию с изменением категориального значения единицы. Кроме того, автор использует фразеологизм-актуализатор *золотое правило*.

КВ *Не могу молчать*, возникшее от названия одноимённой толстовской статьи, полной морализаторства, в современной отечественной публицистике встречается чаще всего в жанре интервью. Например: Андрей Дементьев: «*Я* ***не могу молчать****, когда преследуют дружбу, когда человека могут наказывать за его позицию*» (URL: http://www.tver.kp.ru/daily/26107/3002950/). Анализ подобных примеров показывает позицию говорящего по какому-либо животрепещущему вопросу, КВ нередко включает личное местоимение *я*.

Приведём примеры, помогающие раскрыть значение КВ и содержащие авторскую дефиницию:

*Нередко в литературу приходят люди, которые испытали «толстовское» чувство: «****Не могу молчать****!»* (URL: http://www.trud.ru/article/31-03-2006/102473_dusha--material_xrupkij.html)

*Пишут все: генеральный директор ЛОГОВАЗа выпустил пухлый криминальный роман; бывший губернатор Валентин Федоров-Сахалинский сочиняет романсы; пишут охранники, работники спецслужб – видимо, состояние «****не могу молчать****» в России носит какой-то трансцендентный характер (URL: http://www.trud.ru/article/31-05-2000/6870_sergej_chuprinin_eta_rabota--dlja_ivana_kality.html).*

Единичны примеры употребление КЕ *Дубина народной войны*, что обусловлено, на наш взгляд, метафоричностью единицы, её тематической отнесённостью к текстам военной тематики. Например, в одноимённой статье (URL: http://www.stoletie.ru/russkiiy_proekt/dubina_narodnoj_vojny_2012-04-05.htm) КВ высту-

пает в качестве сильной позиции текста, что обусловлено содержанием статьи, в которой говорится о необходимости поиска информации об участниках Отечественной войны 1812 г.

Как и в предыдущем примере, использование рассматриваемого КВ в статье «LES PARTISANS!» (URL: http://www.sovsekretno.ru/articles/id/4195) тематически обусловлено: в материале поднимается вопрос о развенчании мифов об Отечественной войне 1812 г.

Название статьи «Дубина общественного возмущения» представляет собой пример субституции. Кроме того, в статье содержится пример употребления данного КВ в составе сравнительного оборота:

Употребление даже такого сильного средства, как ***дубина народной войны****, имеет внятное временное ограничение – «и гвоздит ею до тех пор, пока в душе его чувство оскорбления и мести не заменяется презрением и жалостью»* (URL: http://izvestia.ru/news/564880).

В процессе употребления КВ *плоды просвещения* публицисты расширяют состав за счёт обыгрывания образных компонентов. Кроме того, во втором контексте наблюдаем включение КВ в сравнительный оборот:

То есть если новое ПМЖ собралось воевать с Россией (или пусть не воевать, а просто ожесточилось), значит, дозволительно соответствовать новым жизненным обстоятельствам. Таковы ***плоды просвещения****, а также* ***молодости****. Заметим попутно, что либо методика опроса ВЦИОМа не ловила ещё один, диалектический, вариант, либо даже просвещённые респонденты к нему не прибегали* (URL: http://expert.ru/expert/2014/49/emigrantyi/)

На Москву тут смотрят, как на учёного соседа по даче, встретив которого за прополкой морковки начинают спрашивать о высоких материях. Считается, что Москва искушена в вопросах не только политики, но и литературы и культуры, а в регионах испокон веку принято сверять по ней свой курс. Все, что ни пишется, а потом печатается, – это исключительно в Москве. Потом, ***словно плоды просвещения и цивилизации*** *– аборигенам, завозят в провинцию. А провинция, привыкшая свято верить написанному и вообще слову, питает им свой ум* (URL: http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent

=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%EB%EE%E4%FB%20%EF%F0%EE%F1%E2%E5%F9%E5%ED%E8%FF&docid=14909&sid=5).

Тезаурусообразующее для языка Л.Н. Толстого КВ *Непротивление злу насилием* и в современных контекстах вербализует значение «принцип, правило, закон жизни для конкретного человека и всего человечества, лишь при котором возможно христианское жизнепонимание, праведная жизнь, полная любви, справедливости»:

Хотя у меня тоже большие претензии к государственному устройству. Умом я, наверное, понимаю, что другой формы существования общества сегодня нет. Мне просто кажется, что государство могло бы быть устроено более совершенно. – «Непротивление злу» – это и ваш принцип жизни? – Скорее всего, да. Я сторонник ненасилия. Считаю, что надо стараться прямо и открыто противопоставить насилию свое мнение, свой авторитет, свои возможности (URL: http://www.trud.ru/article/04-09-2003/61471_moj_prapraded_byl_neispravimyj_idealist.html).

КВ *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему* является самым частотным, однако почти во всех случаях употребления автор материала апеллирует к автору, используя формальный способ экспликации коммуникативного намерения [Ломакина, 2014] и графическую маркированность – кавычки, что не позволяет полно представить функциональный, в том числе трансформационный потенциал КВ.

Аналогичным образом употребляется КЕ *Музыка – стенография чувств*, поэтому рассмотрение контекстов не представляет интереса для проводимого анализа: несмотря на частотность, не встретились примеры трансформации КВ, КВ употреблено в качестве цитаты.

Проведённый анализ употребления толстовской крылатики в Интернет-публицистике показал, что «широким функциональным и трансформационным потенциалом обладают КВ *Было гладко на бумаге*, *Всё смешалось в доме Облонских*, *Дубина народной войны*, *Не могу молчать, Плоды просвещения*. Некоторые КВ *Музыка – стенография чувств*, *Все счастливые семьи похожи друг на друга,*

каждая несчастливая семья несчастлива по-своему, используются в качестве цитат без изменения плана содержания и плана. Ряд КВ не используется, что позволяет говорить об их нахождении на периферии фонда крылатики» [Ломакина, 2016: 217].

Глава 2. Реализация текстообразующего потенциала толстовской крылатики в Интернет-дискурсе

Появление Интернет-дискурса и новых языковых жанров (например, Интернет-мемов, веб-сайтов, форумов), распространённых в сети, обусловило необходимость выявления и описания языковых особенностей текстов, функционирующих в сети: «обстоятельное филологическое комментирование… разнородного интернетовского “массового творчества” позволило бы вскрыть социолингвистическую его мотивацию, продемонстрировать разнообразие типов трансформаций» [Мелерович, 2011: 256].

Предмет изучения Интернет-дискурса – полимодальный текст, представляющий собой 2D или 3D-проекцию, «текст в тексте», поэтому следует исследовать как вербальное наполнение и визуальный / аудиовизуальный ряд, так и скрытые смыслы.

Одним из частотных средств наполнения вербального компонента Интернет-мемов является фразеология. Актуальность анализа вербальной составляющей обусловлена установкой современной лингвистики на изучение функционального потенциала фразеологии, в том числе в Интернет-дискурсе. Исследования, проведённые нами, доказали состоятельность гипотезы о популярности крылатики в Рунете [Ломакина, 2017]: авторы чаще используют КВ по сравнению с идиомами и пословицами, из-за того, что они «выступают в роли особого кода – кода национальной культуры» [Душенко, 1999: 53].

Для понимания смыслового наполнения вербального компонента Интернет-мемов и его форм – комиксов, демотиваторов, плакатов, карикатур – важное значение имеет пресуппозиция. Точная верификация КВ, лежащих в основе вербальной составляющей, и понимание значения единицы ведёт к достижению коммуникативной задачи автора, зашифровавшего в Интернет-меме текст.

Проследим, как толстовская крылатика реализует текстообразующий потенциал в различных формах Интернет-мема. Поиск Интернет-материала, включающего КВ, опирался на общие данные о наиболее частотных КВ в различных функциональных разновидностях языка.

Хотя язык Л.Н. Толстого обогатил фонд крылатики всего тремя десятками КВ, источником образования мемов явились следующие единицы из романа «Анна Каренина»: *Всё смешалось в доме Облонских*, *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему* и *Всё образуется*.

Значение КВ *Всё смешалось в доме Облонских* «О большой путанице, неразберихе, сумятице» (БСКСВРЯ, т. 1: 229) иллюстрирует изображение (рис. 1), однако не буквализирует его: изображение перевёрнутого дома укладывается в представление о путанице, неразберихе. Пояснение к картинке *Визуализируем произведения классиков* представляет собой метаязыковой комментарий (подробнее см.: [Ломакина, 2017]), который отражает авторскую интенцию и упрощает для читателя восприятие демотиватора.

Рис. 1

Рис. 2

Языковое наполнение комикса *Кони, люди смешались в доме Облонских* (рис. 2) представляет собой контаминацию рассматриваемого выражения и КЕ *Смешались в кучу кони, люди*, источником которого является стихотворение М.Ю. Лермонтова «Бородино». Благодаря контаминации автор создаёт комический эффект, картинка же второстепенна.

В демотиваторе (рис. 3) слоган *Все счастливые семьи счастливы одинаково, каждая несчастливая семья несчастлива по-*

своему представляет собой комплексный вариант первой части КВ *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему*, построенной по модели бессоюзного сложного предложения, а в качестве комментария используется вторая часть КВ. Таким образом, слоган напрямую связан с иллюстративным рядом (примеры счастливых семей известных людей), а КЕ реализует значение «Семейная жизнь», т.е. получает дополнительный семантический оттенок, в отличие от инварианта «О перипетиях семейной жизни» (БСКСВРЯ, т. 1: 221).

Рис. 3

Рис. 4

Рунет содержит ряд примеров, когда КВ становится претекстом для другого текста. КВ *Всё образуется* со значением «Всё уладится, всё будет хорошо» (БСКСВРЯ, т. 1: 228) стала претекстом для песни А. Галича «Всё наладится» (1966) и песни Земфиры «А, может быть, в Питер, и всё образуется» (2013).

А. Галич выбирает в качестве рефрена стихотворения семантизацию данного КВ:

Всё наладится, образуется,
Никаких тревог не останется.

Эти строки стали Интернет-мемом (рис. 4), иллюстрация построена по принципу противопоставления цветовых символов радуги (что предполагает все цвета спектра, жизнь во всей полноте) и серого неба (наглядный пример серой жизни, предполагающей отсутствие радости и жизненных удовольствий). Как показывают наблюдения, авторы мемов иронично относятся к одной из черт русского национального характера – вере в лучшее, в светлое бу-

дущее. Объясним и выбор фона в мотиваторе: голубой цвет символизирует небо.

В песне Земфиры город, именуемый без помпезности, как бы по-свойски, выступает символом благополучия, местом, где можно забыть о жизненных проблемах и неурядицах:

А, может быть, в Питер, и всё образуется?

И дышится легче, и легче танцуется.

В качестве визуального ряда (рис. 5) представлен один из образов-символов Санкт-Петербурга – разводной мост над Невой.

Рис. 5

Рис. 6

Примечательно, что текст этой песни стал основой комикса (рис. 6), в котором мы наблюдаем субституцию именного компонента *Питер – Усть-Орда* на основе антонимии, благодаря чему автор достигает комического эффекта. Усть-Орда – город в Иркутской области, что для пользователя ассоциируется с далёким, забытым уголком, куда не хочется ехать.

Интернет-мемы, будучи современным примером сетевой коммуникации, доказывают потенциальные возможности крылатики как яркого средства языка. Знание фонда КВ и владение им помогает как при порождении, так и для более точного понимания текстов этого жанра. Представленные КВ, выступающие в качестве вербального компонента, чаще используются в трансформированном виде, что позволяет говорить о незамкнутости крылатики как подсистемы фразеологии. Превалирование крылатики над идиоматикой и паремиологией объясняется грамматическими и семантическими особенностями КВ.

Выводы к разделу 5

Язык, будучи явлением социальным, отражает процессы, происходящие в современном обществе. Появление Интернет-коммуникации и новых жанров обусловило необходимость лингвистического описания Интернет-дискурса, т.е. массива всех текстов в пространстве сети. Интернет, как и любое виртуальное средство общения, обладает постоянными признаками, среди которых можно выделить следующие: анонимность; выбор автором «маски», максимально удобной в рамках данной коммуникативной ситуации; невозможность использования параязыковых средств и, как следствие, недостаточность информации об авторе текста; уход от эмоционального компонента общения. Вместе с тем сеть является одним из видов представления публицистических текстов. Следствием эпохи информационных технологий стал Интернет-текст, являющийся предметом изучения лингвистов.

Как показали представленные примеры, толстовская крылатика реализует функциональный потенциал в Интернет-языке, поскольку КВ часто употребляются в заглавии, сильной позиции публицистического текста, и лежат в основе вербального компонента многих Интернет-мемов.

Описание функционального потенциала КВ позволяет установить их место в крылатике – в составе ядра и периферии. Проанализированный материал показал, что наиболее популярными в публицистических Интернет-текстах являются следующие КЕ: *Было гладко на бумаге*, *Всё смешалось в доме Облонских*, *Дубина народной войны*, *Не могу молчать, Плоды просвещения*. КВ *Всё смешалось в доме Облонских*, *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему* и *Всё образуется* реализуют текстообразующую функцию в Интернет-мемах. КВ, которые используются единично или вообще не используются, находятся на периферии фонда крылатики. Преимущественно толстовские КВ употребляются в трансформированном виде. КВ *Всё образуется* стала претекстом для песни А. Галича «Всё наладится» и песни Земфиры «А, может быть, в Питер, и всё образуется», что нашло отражение в вербальном компоненте Интернет-мемов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Смена общегуманитарной парадигмы отразилась и на направлениях лингвистического исследования: текст стал объектом интегрированного, комплексного анализа, использующего достижения различных наук – от фольклористики до лингвистики текста. Антропоцентрический подход актуализировал изучение особенностей ЯЛ, в основу которого положен анализ существующих текстов.

Язык писателя служит авторитетным источником для изучения русского литературного языка XIX – начала XX в. Языковые единицы, используемые писателям, не только выполняют номинативную, эстетическую, кумулятивную функции, но и помогают воссоздать «языковой вкус эпохи» (термин В.Г. Костомарова).

Изучение роли фразеологии в языке Л.Н. Толстого носило, как правило, фрагментарный характер, в связи с чем возникла необходимость в многоаспектном описании – от формирования фразеологического корпуса через интерпретацию к лексикографическому описанию. Фразеология языка Л.Н. Толстого представляет собой многоплановый объект лингвистического исследования, так как она является значимой частью всего фразеологического фонда русского языка и характеризуется многообразием типов, вариантностью форм, примером фразеологизации ряда ФЕ, в т.ч. КЕ.

Насыщенность анализируемых текстов ФЕ, представленными как в трансформированном виде, так и в неизменном составе, выполняющими разные функции, свидетельствует о важной роли этих фразеоресурсов русского и иностранных языков в индивидуальном стиле Л.Н. Толстого, говорить о фразеологии как неотъемлемой черте ЯЛ писателя, а также отнести ЯЛ Л.Н. Толстого в соответствии с классификацией О.Б. Сиротининой к элитарному типу. Диахронический и синхронический анализ языка Л.Н. Толстого дополняет сведения о русском языке XIX – начала XX в., позволяя представить нормативную форму ФЕ, определить языковые

предпочтения на фоне других писателей, показать трансформационный потенциал фразеологии в определённый период.

В фольклоре писатель видел основу литературы, отражение мировоззрения народа, его системы ценностей. Как видно из примеров, писатель с удивительным мастерством использовал такие единицы в речи, чем добивался яркости и сочности языка. Тексты Л.Н. Толстого насыщены характерными для русского языка XIX в. не только БФЕ, но и цитатами, намеками на религиозные тексты от Ветхого и Нового Заветов до молитв. Если в художественном произведении это продиктовано замыслом писателя, идейной направленностью, смысловым содержанием, то в письмах перед нами Л.Н. Толстой предстает не как художник, а скорее как человек, использующий БФЕ в первую очередь для отражения своей духовной сущности, религиозных воззрений. Использование различных фразеологических средств в качестве сильной позиции позволяет писателю сформировать «рамку» текстов разных стилей и жанров.

Выделение и описание функционирования тезаурусообразующей фразеологии расширило представления о ЯЛ Л.Н. Толстого. Так, через язык – выбор ФЕ – можно доказать справедливость постулатов о философских и религиозных взглядах писателя: на смену светскости, стремлению к идеалу после духовного кризиса приходит рефлексия, поиск царства Божьего, стремление к всеобщему счастью.

Прагмалингвистический подход позволил в данном исследовании выделить способы экспликации коммуникативного намерения Л.Н. Толстого при употреблении различных по происхождению ФЕ, в том числе в трансформированном виде. Наличие кодовых переключений на фразеологическом уровне характеризует высокий уровень владения фразеологией и паремиологией иностранных языков.

Реализация значений ФЕ, как и слов, наиболее ярко проявляется к контексте, который помогает в паспортизации и лексикографическом описании фразеологического фонда Л.Н. Толстого.

Выработка метаязыка «Фразеологического словаря языка Л.Н. Толстого» находится в русле современной писательской лексикографии. Данный словарь представляет палитру писательских

предпочтений и раскрывает мастерство Л.Н. Толстого при употреблении ФЕ.

Толстовская крылатика обладает богатым функциональным потенциалом, что доказывают представленные примеры Интернет-публицистики и Интернет-мемов. Наиболее частотными в публицистических Интернет-текстах и вербальной части мемов были такие КВ, как *Было гладко на бумаге*, *Всё смешалось в доме Облонских*, *Дубина народной войны*, *Не могу молчать, Плоды просвещения*, *Всё смешалось в доме Облонских*, *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему* и *Всё образуется.* Преимущественно толстовские крылемы употребляются в трансформированном виде.

Перспективой данного исследования является полноценное описание фразеологической системы языка писателя, под которой, опираясь на теорию В.Л. Архангельского, мы понимаем способ организации материала, обладающий следующими связанными между собой дифференциальными признаками:

1) использование в большей степени ФЕ литературного языка, в меньшей – авторских единиц;

2) множественность, т.е. наличие фразеологических гнёзд с определёнными вершинными компонентами-лексемами;

3) наличие отношений между ФЕ в пределах контекста;

4) изменчивость качества фразеологической системы с течением времени.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Толстой, Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л.Н. Толстой. – М., 1928-1958.

Научные и учебные издания

Абакумов, С.И. Устойчивые сочетания слов / С.И. Абакумов // Русский язык в школе. – 1936. – № 1. – С. 18-25.

Абакумова, О.Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации / О.Б. Абакумова. – СПб.: Алеф-Пресс, 2012. – 354 с.

Абрамец, И.В. О процессе редукции пословиц / И.В. Абрамец // Материалы XXV научной конференции профессорско-преподавательского состава СамГУ им. А. Навои (20-25 марта 1968 г.). Секция фразеологии. Актуальные вопросы фразеологии / Министерство высшего и среднего специального образования Узбекской ССР, Самаркандский государственный университет им. Алишера Навои; отв. ред. Ю.Ю. Авалиани; ред.: Л.И. Ройзензон, А.М. Бушуй. – Самарканд: [б. и.], 1968. – С. 99-105.

Абрамец, И.В. О разных типах контаминации. (В связи с проблемой «Фразеологизм и слово») / И.В. Абрамец, Л.И. Ройзензон // Труды Самарканд. гос. ун-та. Вопросы фразеологии. Вып. 178. – Самарканд: [б. и.], 1970. – С. 273-283.

Абрамец, И.В. О фразеологической контаминации в русском языке / И.В. Абрамец, Л.И. Ройзензон // Русский язык в школе. – 1969. – № 3. – С. 104–107.

Авдеева, О.И. Синтагматика модально-междометных фразеологизмов-синонимов в повестях и рассказах Л.Н. Толстого / О.И. Авдеева // XXII Толстовские чтения. – Тула: Тульский гос. педагогический университет, 1995. – С. 77-78.

Аврасин, В.М. Заметки о фразеологической контаминации и смежных явлениях / В.М. Аврасин // Динамика фразеологического состава языка: тезисы международной научной конференции. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 1999. – С. 3-4.

Адамия, З.К. Библейские фразеологизмы в русском, английском и грузинском языках / З.К. Адамия // Фразеология в многоязычном обществе: сборник статей международной фразеологической конференции «EUROPHRAS». 19-22 августа 2013 г. Т. 2. – Казань: К(П) ФУ, 2013. – С. 62-68.

Александрова, О.В. Изучение языка как важнейшей составляющей филологической науки / О.В. Александрова // Филологические науки. – 2007. – № 3. – С. 1-18.

Алексеенко, М.А. Негативен ли образ женщины в языке? / М.А. Алексеенко // Слово в словаре и дискурсе: сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. – М.: «Издательство Элпис», 2006. – С. 22-30.

Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 1999. – 273 с.

Алефиренко, Н.Ф. Фразеологическое значение: природа, сущность, структура / Н.Ф. Алефиренко // Грани слова: сборник научных статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. – М.: Изд-во «ЭЛПИС», 2005. – С. 21-27.

Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Элпис, 2008. – 272 с.

Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма / Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2008а. – 152 с.

Алефиренко, Н.Ф. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия): монография. 2-е изд., испр. и доп. / Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2004. – 296 с.

Алещенко, Е.И. Русская поэтическая фразеология (на материале произведений В.М. Гаршина и Н.С. Лескова): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.И. Алещенко. – Волгоград, 1998. – 197 с.

Алёшина, Л.В. Словарь авторских новообразований в контексте современной отечественной лексикографии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Л.В. Алёшина. – Орел, 2002. – 547 с.

Альдингер, О.П. Имя собственное в составе «Пословиц русского народа» В.И. Даля: статистический аспект / О.П. Альдингер // Седьмые Поливановские чтения. – Смоленск: СГПУ, 2005. – Ч. III. – С. 3-11.

Альдингер, О.П. Фразеономастическая картина мира в «Пословицах русского народа В.И. Даля»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О.П. Альдингер. – Смоленск, 2006. – 24 с.

Альтман, М.С. У Льва Толстого / М.С. Альтман. – Тула: Приокское книжное издательство, 1980. – 209 с.

Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1963. – 208 с.

Антонова, С.М. Прецедентная языковая личность – когнитивный сценарий креативной компетенции языковой личности / С.М. Антонова // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2005. – № 6 (51). – С. 136-145.

Апресян, Ю.Д. Лексикографическая концепция Нового большого англо-русского словаря / Ю.Д. Апресян // Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. – Т. 1. – М., 1993. – С. 6-17.

Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка / И.В. Арнольд. – Л.: Высшая школа, 1984. – 334 с.

Артёменко, Е.П. Изобразительная роль речевых средств в драме Л. Н. Толстого «Власть тьмы»: авторефер. дис. … канд. филол. наук / Е.П. Артеменко. – М., 1962. – 22 с.

Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.

Архангельська, А.М. Ономасіологічна парадигма 'чоловік' у чеській та українській мовах: автореф. дис... д-ра філол. наук / А.М. Архангельська. – Київ, 2008. – 41 с.

Архангельская, Ю.В. Афористика Л.Н. Толстого: проблема авторства / Ю.В. Архангельская // Фразеология: вчера, сегодня, завтра: межвузовский сборник научных трудов в честь 70-летия д-ра филологических наук, профессора В.Т. Бондаренко. – Тула: [б. и.], 2011. – С. 59-62.

Архангельская, Ю.В. Окказиональные семантические преобразования библейских выражений в текстах Л.Н. Толстого / Ю.В. Архангельская // XXIV Международные Толстовские чтения. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 1998. – С. 165-166.

Архангельская, Ю.В. Особенности использования иноязычных нетранслитерированных фразеологических единиц в текстах Л.Н. Толстого / Ю.В. Архангельская // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения): материалы Международного научного симпозиума / отв. ред. В.И. Макаров. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. – С. 101-103.

Архангельская, Ю.В. Фразеологическая единица как один из факторов текстообразования в дискурсе Л.Н. Толстого / Ю.В. Архангельская // Толстовский сборник – 2012. Творческое наследие Л.Н. Толстого в контексте развития современной цивилизации: материалы XXXIII Междунар. Толстовских чтений. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2012. – С. 244-247.

Архангельская, Ю.В. Фразеология в дискурсе Л.Н. Толстого / Ю.В. Архангельская. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2008. – 210 с.

Архангельская, Ю.В. Фразеология в языке Л.Н. Толстого: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю.В. Архангельская. – Тула, 2005. – 204 с.

Архангельский, В.Л. О лингвистической проблематике Толстовских чтений / В.Л. Архангельский // Лев Толстой. Проблемы языка и стиля: доклады и сообщения IX и XI Толстовских чтений. – Тула: [б. и.], 1971. – С. 5-11.

Архангельский, В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке / В.Л. Архангельский. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1964. – 315 с.

Ахманова, О.С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / О.С. Ахманова, И.В. Гюббенет // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С. 47-54.

Аюпова, С.Б. Категории пространства и времени в языковой художественной картине мира (на материале художественной прозы И.С. Тургенева): автореф. дис. … д-ра филологических наук / С.Б. Аюпова. – Уфа, 2012. – 51 с.

Бабаева, Л.В. Имена собственные в пословицах и поговорках / Л.В. Бабаева // Ономастика Поволжья – 3. Материалы III конференции по ономастике Поволжья. – Уфа: [б. и.], 1973. – С. 402-406.

Бабкин, А.М. Идиоматика (фразеология) в языке и в словаре / А.М. Бабкин // Современная русская лексикография. – Л.: Наука, 1979. – С. 4-19.

Бабкин, А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии / А.М. Бабкин. – М.; Л.: Наука, 1964. – 76 с.

Бабкин, А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники / А.М. Бабкин. – Л.: Наука, 1970. – 263 с.

Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка: монография / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996. – 104 с.

Багатурова, Е.Г. Фразеологические единицы как внутренние факторы текстообразования в романе Л. Толстого «Воскресение» / Е.Г. Батурова // Язык и стиль Л.Н. Толстого – Тула: Тульский гос. пед. ин-т, 1992. – С. 3-19.

Баженова, О.А. Синкретизм функций фразеологических единиц в повестях и рассказах Л.Н. Толстого 1852–1856 годов / О.А. Баженова // XXIV Международные Толстовские чтения. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 1998. – С. 166-168.

Байрамова, Л.К. Пословицы в «Аксиологическом фразеологическом словаре русского языка: словаре ценностей и антиценностей» / Л.К. Байрамова // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Филологические науки. – 2014. – № 77. – С. 10-12.

Байрамукова, А.И. Метапоэтика и металингвистика «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля как толково-энциклопедического феномена: дис. ... канд. филологических наук: 10.02.01 / А.И. Байрамукова. – Ставрополь, 2008. – 255 с.

Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Иностранная литература, 1961. – 387 с.

Баранов, А.Н. Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.

Баранов, А.Н. Предисловие. Словарное толкование идиом, их стилистические характеристики и особенности употребления.

О пользовании словарём // Академический словарь русской фразеологии / А.Н. Баранов, М.М. Вознесенская, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселёва, А.Д. Козеренко. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЛЕКСРУС, 2015. – С. 3-20.

Баскакова, Н.Н Фразеографическое описание паремиологического состава повествовательной прозы русских писателей-народников XIX в / Н.Н. Баскакова // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журнал РАН / под ред. М.Г. Абрамзона. – 2009. – Вып. 2 (24). – С. 49-51.

Баскакова, Н.Н. Фразеологические единицы в повествовательной структуре очерка А.И. Левитова «Не к руке» / Н.Н. Баскакова // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сборник статей по материалам международной научной конференции, посвящённой 1000-летию г. Ярославля: в 2 ч. – Ч. 1. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. – С. 254-260.

Баскакова, Н.Н. Фразеологические единицы в художественной прозе русских писателей-народников: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.Н. Баскакова. – Иваново, 2010. – 23 с.

Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.

Безкоровайная, Г.Т. Английская лексема gentleman и русская дворянин (барин) в художественном тексте XIX века / Г.Т. Безкоровайная // Язык и литература в научном диалоге. Специальный выпуск: Интегративные процессы в филологии: сборник научных статей / отв. ред И.Ф. Килина. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2016. – С. 6-12.

Беликов, В.И. Паремии как объект лексикографии / В.И. Беликов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4-8 июня 2008 г.). – Вып. 7 (14). – М.: РГГУ, 2008. – С. 45-49.

Бельчиков, Ю.А. О лексикографических изданиях адресной направленности / Ю.А. Бельчиков, Г.Я. Солганик // Облик слова: сб. статей. – М.: Русские словари, 1997. – С. 41-47.

Берков, В.П. Двуязычная лексикография: учебник. 2-е изд., перераб. и доп / В.П. Берков. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 236 с.

Бичурина, Г.И. Многозначные фразеологизмы в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» / Г.И. Бичурина // XXII Толстовские чтения. – Тула: Тульский гос. педагогический университет, 1995. – С. 76-77.

Блинова, Е.В. Окказиональное отфразеологическое слово- и фразеотворчество в художественном тексте: на материале художественной литературе XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.В. Блинова. – Кострома, 2005. – 217 с.

Богомолов, А.Ю. Языковая личность персонажа в аспекте психопоэтики (На материале романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.Ю. Богомолов. – Череповец, 2005. – 207 с.

Бойко, О.В. Приёмы реализации экспрессии устойчивых словесных комплексов в сатирико-юмористических жанрах: в сопоставлении с украинским языком: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / О.В. Бойко. – Днепропетровск, 1981. – 24 с.

Бойченко, В.В. Индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / В.В. Бойченко. – СПб., 1993. – 16 с.

Болдырев, Н.Н. Антропоцентричность языка с позиций разных культур / Н.Н. Болдырев // Материалы III Междунар. науч. конф. «Филология и культура»: в 3 ч. – Ч. 1. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 15-20.

Болотнова, Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н.С. Болотнова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 384 с.

Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. – 4-е изд. / Н.С. Болотнова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 520 с.

Бондаренко, В.Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи / В.Т. Бондаренко. – Тула: Изд.-во Тульского гос. пед. университета им. Л.Н. Толстого, 1995. – 151 с.

Бондаренко, В.Т. О варьировании пословично-поговорочных выражений в речи / В.Т. Бондаренко // Русский язык в школе. – 2009. – № 5. – С. 88-92.

Бондаренко, В.Т. О грамматической трансформации устойчивых фраз в русской речи / В.Т. Бондаренко // ФИЛОLOGOS. – 2009а. – № 1. – С. 55-63.

Бондаренко, В.Т. О лексическом варьировании пословично-поговорочных выражений в свете фразеологической переходности / В.Т. Бондаренко // Переходные явления в области лексики и фразеологии русского и других славянских языков (Вторые Жуковские чтения): материалы Международного научного симпозиума. 21 – 23 мая 2001 г / отв. ред. В.И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2001. – С. 10-11.

Бондаренко, В.Т. О трансформации устойчивых фраз по признаку утверждения – отрицания / В.Т. Бондаренко // Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д.ф.н., проф. А.М. Мелерович (Кострома, 20-22 марта 2008 г.) – М.: ООО «Издательство “Элпис”», 2008. – С. 192–197.

Борисова, Е.Н. Использование фразеологических средств в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» / Е.Н. Борисова // Русский язык в школе. – 1960. – № 6. – С. 38-43.

Бредис, М.А. Определения пословицы в отечественной лингвистике / М.А. Бредис // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2015. – № 4. – С. 12-17.

Бредис, М.А. Отражение морально-этических норм в паремиях о деньгах и богатстве (на материале русских, латышских, латгальских, литовских, немецких и английских пословиц) / М.А. Бредис // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: тр. и матер. междунар. конф. (Казань, 31 окт. – 3 нояб. 2016 г.): в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – Т. 1. – С. 68-74.

Бредис, М.А. Представления о денежных отношениях в пословицах (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / М.А. Бредис. – М., 2017. – 23 с.

Брысина, Е.В. Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Е.В. Брысина. – Волгоград, 2003. – 543 с.

Будагов, Р.А. Человек и его язык / Р.А. Будагов. – М.: МГУ, 1974. – 263 с.

Бурдина, И.Ю. Народные рассказы в жанровой системе Л.Н. Толстого 80-х годов / И.Ю. Бурдина // Толстовский сборник: Этика и эстетика. Вопросы поэтики. Творческие связи и традиции: межвуз. сб. науч. тр. – Тула: Тул. гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1992. – С. 67-77.

Бушуй, А.М. Лексикографическая и библиографическая репрезентация фразеологии: дис. … д-ра филологических наук: 10.02.19 / А.М. Бушуй. – Самарканд, 1982. – 455 с.

Бытева, Т.И. К уточнению некоторых лексикографических понятий / Т.И. Бытева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 9: Филология. – С. 13-17.

Вакуров, В.Н. Основы стилистики фразеологических единиц (на материале советского фельетона) / В.Н. Вакуров. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 175 с.

Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2001. – 304 с.

Вендина, Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т.И. Вендина. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.

Виноградов, В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / отв. ред. Н.Ю. Шведова / В.В. Виноградов. – М.: Толк, 1994. – 1138 с.

Виноградов, В.В. О грамматической омонимии в современном русском языке / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике; сост.: М.В. Ляпон, Н.Ю. Шведова; АН СССР, Отд-ние лит-ры и языка. – М.: Наука, 1975. – С. 13-32.

Виноградов, В.В. О языке Л.Н. Толстого (50-60-е годы) / В.В. Виноградов // Л. Н. Толстой / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.: Изд-во АН СССР, 1939. – С. 117–220.

Виноградов, В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656 с.

Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 140-161.

Виноградов, В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В.В. Виноградов // В.В. Вино-

градов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 162-189.

Винокур, Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика / Г.О. Винокур. – М.: Наука, 1990. – 452 с.

Владимирова Т.Е. Русский дискурс в межкультурной коммуникации: Экзистенциально-онтологический подход. Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: URSS, 2018. – 320 с.

Воркачев, С.Г. Концепт любви в русском языковом сознании / С.Г. Воркачев // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 189-208.

Воронцова, Е.П. Соотношение денотативной и сигнификативной информации при реализации картины мира лексико-семантическими средствами (На материале фр. яз.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Е.П. Воронцова. – М., 1987. – 26 с.

Вострикова, Т.И. Антропонимы в «Пословицах русского народа» В.И. Даля: к возможности лексикографического описания / Т.И. Вострикова // Актуальные проблемы современной лексикографии. Словарная работа в школе и вузе: материалы Всерос. науч. конф., Астрахань, 24-26 сент. 1998 г. / Астрах. пед. ун-т; науч. ред. А.Н. Тихонов. – Астрахань: Изд-во Астрах пед. ун-та, 1999. – С. 115-119.

Вражнова, И.Г. Идиоматика в когнитивном и лингвокультурологическом аспекте (на материале фразеологических единиц с компонентами семантического поля «Вода» в русском и английском языках): дис. ... канд. филол. наук / И.Г. Вражнова. – Саратов, 2004. – 237 с.

Высочина, Ю.Л. Интертекстуальность прозы Татьяны Толстой (на материале романа «Кысь»): Дис.... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю.Л. Высочина. – Челябинск, 2007 – 164 с.

Гак, В.Г. Лексикография / В.Г. Гак // Языкознание: большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 258-259.

Гак, В.Г. Лингвистические словари и экстралингвистическая информация / В.Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1987. – № 2. – С. 3-16.

Гак, В.Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии (учебная и общая лексикография в историческом аспекте) /

В.Г. Гак // Актуальные проблемы учебной лексикографии. – М.: Русский язык, 1977. – С. 11-27.

Гак, В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) / В.Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 55-65.

Гак, В.Г. Словарь / В.Г. Гак // Языкознание: большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 462-464.

Гак, В.Г. Словарь В.И. Даля в свете типологии словарей / В.Г. Гак // Вопросы языкознания. – 2001. – № 3. – С. 3-12.

Галкина-Федорук, Е.М. О языке и стиле Л.Н. Толстого / Е.М. Галкина-Федорук // Русский язык в школе. – 1960. – № 6. – С. 1-5.

Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотипное / И.Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с. (Лингвистическое наследие XX века.)

Гарипова, Г.Ш. Языковая личность персонажа: общее и различное в категоризации вежливости: на материале оригинала и перевода романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» на английский язык: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Г.Ш. Гарипова. – Казань, 2011. – 155 с.

Гвоздарёв, Ю.А. Библейские выражения в русской фразеологии / Ю.А. Гвоздарёв // Ядерно-периферийные отношения в области лексики и фразеологии (на материале русского языка): тез. докл. респ. конф. – Новгород, Изд-во Новгородского гос. пед. ин-та, 1991. – С. 58-60.

Гвоздарёв, Ю.А. Вариантность фразеологических единиц в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» / Ю.А. Гвоздарёв // Лев Толстой. Проблемы языка и стиля. Доклады и сообщения IX и XI Толстовских чтений. – Тула: [б. и.], 1971. – С. 230-236.

Гвоздарёв, Ю.А. Основы русского фразообразования / Ю.А. Гвоздарёв. – Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2010. – 246 с.

Гвоздарёв, Ю.А. Фразеологические сочетания современного русского языка / Ю.А. Гвоздарёв. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1973. – 103 с.

Гвоздарёв, Ю.А. Функции фразеологических единиц в русской речи / Ю.А. Гвоздарёв // Фразеологическая номинация: Осо-

бенности семантики фразеологизмов. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. – С. 12-19.

Георгиева, С. Представление о мужчинах во фразеологии (на материале русского и болгарского языков) / С. Георгиева // Грани слова: сборник научных статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. – М., 2005. – С. 170-181.

Герд, А.С. К определению понятия «словарь» / А.С. Герд // Проблемы лексикографии: сб. ст. / под ред. А.С. Герда, В.В. Сергеева. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. – С. 191-203.

Гинзбург, Л.Я. О литературном герое / Л.Я. Гинзбург. – Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1979. – 222 с.

Гишкаева, Л.Н. Фразеологизмы как средство отражения национально-культурного своеобразия этнического сообщества (на примере испанского и русского языков) / Л.Н. Гишкаева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2012. – № 4. – С. 20-23.

Глухов, В.М. Опыт анализа семантики ФЕ в языке художественного произведения (на материале пьесы «Власть тьмы») / В.М. Глухов // Лев Толстой. Проблемы языка и стиля: доклады и сообщения IX и XI Толстовских чтений. – Тула: [б. и.], 1971. – С. 28-35.

Головин, Б.Н. Введение в языкознание / Б.Н. Головин. – М.: Высшая школа, 1966. – 329 с.

Горбаневский, М.В. Ономастика в художественной литературе: филологические этюды / М.В. Горбаневский. – М.: Изд-во УДН, 1988. – 88 с.

Городецкий, Б.Ю. Проблемы и методы современной лексикографии / Б.Ю. Городецкий // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. – М.: Прогресс, 1983. – С. 5-23.

Григораш, А.М. Фразеологические инновации в современной публицистике Украины (на материале русскоязычной и украиноязычной прессы 1990-х-2000-х годов): монография / А.М. Григораш. – К.: Знания Украины, 2008. – 439 с.

Григорьев, А.В. Русская библейская фразеология в контексте культуры / А.В. Григорьев. – М.: Индрик, 2006. – 360 с.

Григорьев, А.В. Русская библейская фразеология и раннехристианская богословская мысль / А.В. Григорьев // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 3. – С. 193-197.

Гринкова, Н.П. Лев Толстой и народный язык (на материале драмы «Власть тьмы») / Н.П. Гринкова // Русский язык в школе. – 1960. – № 6. – С. 48-53.

Гужанов, С.И. Фразеология как средство речевой характеристики персонажей в повести Л. Н. Толстого «Казаки» / С.И. Гужанов // Язык и стиль Л. Н. Толстого. – Тула: Тульский гос. пед. ин-т, 1992. – С. 60-64.

Гужанов, С.И. Ядерно-периферийные отношения в сфере порядка слов русских фразеологизмов / С.И. Гужанов // Ядерно-периферийные отношения в лексике и фразеологии. – Ч. 1. – Новгород: Изд-во Новгородского гос. пед. ин-та, 1991. – С. 69-70.

Гужанова, Т.С. Латинские и старославянские заимствования со структурой предложения в процессе формирования русской фразеологии: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.С. Гужанова. – Орел, 1992. – 22 с.

Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.

Гусев, С.С. Проблема понимания в философии / С.С. Гусев, Г.Л. Тульчинский. – М.: Политиздат, 1985. – 192 с.

Гуськов, С.Н. «Круг чтения». Редакции литературных источников / С.Н. Гуськов // XXIV Международные Толстовские чтения: материалы пленарных заседаний науч. сессии, науч.-практ. конф. «Содружество поколений», Всероссийского семинара «Изучение наследия Л.Н. Толстого в школе и вузе». – Тула: Издательство ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 1998. – С. 32–34.

Гюббенет, И.В. К вопросу о «глобальном» вертикальном контексте / И.В. Гюббенет // Вопросы языкознания. – 1980. – № 6. – С. 97-102.

Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ.; Т.А. ван Дейк; сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 308 с.

Демешкина, Т.А. Гендерная диалектология и словари как ее источник / Т.А. Демешкина, М.А. Толстова // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 12. – С. 83-105.

Демьянков, В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ / В.З. Демьянков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 172 с.

Денисов, П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания / П.Н. Денисов. – М.: Русский язык, 1980. – 251 с.

Дёвкин В.Д. Немецкая лексикография: учеб. пособие для вузов / В.Д. Дёвкин. – М.: Высшая школа, 2005. – 670 с.

Дёвкин, В.Д. Очерки по лексикографии / В.Д. Дёвкин. – М.: Прометей, 2000. – 395 с.

Диброва, Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке / Е.И. Диброва. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1979. – 192 с.

Диброва, Е.И. Текстема / Е.И. Диброва // Словарь языка Михаила Шолохова. – М.: Азбуковник, 2005. – С. 27-28.

Диброва, Е.И. Текстема и её конвенциональность / Е.И. Диброва // Текст. Структура и семантика: доклады XI Международной конференции: в 2 т. – Т. 1. – М.: СпортАкадемПресс, 2007. – С. 22-32.

Дидковская, В.Г. Синтагматические свойства фразеологических сочетаний в русском языке: учебное пособие к спецкурсу / В.Г. Дидковская. – Новгород: Изд-во НГПИ, 1992. – 63 с.

Динова, Я.В. Окказиональная модификация фразеологических единиц при помощи замены компонентов (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Я.В. Динова. – М., 2013. – 24 с.

Добровольский, Д.О. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка / Д.О. Добровольский, Ю.Н. Караулов. – М.: Редакция АСМ, «Помовский и партнеры», 1994. – С. 97-114.

Добрыднева, Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии / Е.А. Добрыднева. – Волгоград: Перемена, 2000. – 224 с.

Долинин, К.А. Текст и произведение / К.А. Долинин // Русский текст: Российско-американский журнал по русской филологии. – 1994. – № 2. – С. 7-17.

Доронина, Е.Г. Фразеологическая картина мира в творчестве А. Платонова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.Г. Доронина. – Челябинск, 2004. – 23 с.

Дубичинский, В.В. Лексикография русского языка: учеб. пособие / В.В. Дубичинский. – М.: Наука: Флинта, 2008. – 432 с.

Дубровина, К.Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре / К.Н. Дубровина. – Москва: Флинта, Наука, 2012. – 264 с.

Дымарский, М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX и XX вв.). 2-е изд., испр. и доп / М.Я. Дымарский. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 328 с.

Душенко, К.В. Крылатые слова и цитатный канон культуры / К.В. Душенко // Культурология: Дайджест. – М.: РАН ИНИОН, 1999. – С. 39-65.

Дядечко, Л.П. 250 крылатых слов и выражений Н.В. Гоголя: русско-украинский толковый словарь. 250 крылатых слов и выражений Н.В. Гоголя: украинско-русский толковый словарь / Л.П. Дядечко, О.В. Петренко, Ю.Ф. Прадид. – Симферополь: издатель ФЛП Лемешко К.А., 2012. – 584 с., 236 с. – (Книга-«перевертыш»).

Дядечко, Л.П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность / Л.П. Дядечко. – К.: ИПЦ «Киевский университет», 2002. – 296 с.

Дядечко, Л.П. «Крылатый слова звук», или Русская эптология: учебное пособие / Л.П. Дядечко. – К.: Киев. нац. ун-т им. Т.Г. Шевченка, 2006а. – 336 с.

Дядечко, Л.П. Основные принципы современной эптографии / Л.П. Дядечко // Славянские языки в свете культуры. – М.: ООО «А Темп», 2006б. – С. 188-204.

Ерёменко, И.А. Фразеология писем Л. Н. Толстого: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / И.А. Ерёменко. – Л., 1988. – 23 с.

Ермакова, Е.Н. Фразо- и словообразование в сфере фразеологии: автореф. дис. … докт. филол. наук: 10.02.01 / Е.Н. Ермакова. – Тюмень, 2008. – 42 с.

Ермакова, Е.Н. Импликация как форма движения от фразеологизма к слову / Е.Н. Ермакова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 20. – С. 54-59.

Есин, А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учебное пособие. – 3-е изд / А.Б. Есин. – М.: Флинта, Наука, 2000. – 248 с.

Жуков, А.В. Очерки по фразеологической семантике / А.В. Жуков. – Великий Новгород, НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2008. – 159 с.

Жуков, В.П. [Предисловие] / В.П. Жуков // Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – С. 3-30.

Жуков, В.П. Русская фразеология / В.П. Жуков. – М.: Высшая школа, 1986. – 308 с.

Жуков, В.П. Семантика фразеологических оборотов: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / В.П. Жуков. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.

Жуков, В.П. Фразеологическая синонимия и словарь фразеологических синонимов // В.П. Жуков, М.И. Сидоренко, В.Т. Шкляров. Словарь фразеологических синонимов русского языка: Около 730 синоним. рядов / под ред. В.П. Жукова. – М.: Рус. язык, 1987. – С. 3-18.

Жукова, М.Е. О «новой» русской фразеографии / М.Е. Жукова // А.В. Жуков. Очерки по фразеологической семантике. – Великий Новгород, 2008. – С. 138-146.

Зайденшнур, Э.Е. Пословицы и поговорки в произведениях, дневниках и письмах Толстого» / Э.Е. Зайденшнур // Лев Толстой: в 2 кн / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Кн. 1. (Лит. наследство; Т. 69). – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 561-636.

Захарченко, Е.Г. Особенности семантики пословичных собственных имён / Е.Г. Захарченко // Семантика языковых единиц: доклады V Международной конференции. – М.: Изд-во «Физкультура, образование и наука», 1996. – С. 138-139.

Зимин, В.И. Оценка и эмотивность как основные прагматические компоненты ФЕ / В.И. Зимин // Фразеология-2000: материалы Всероссийской науч. конф. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2000. – С. 13-14.

Зимин, В.И. Синхронная этимология фразеологизмов, пословиц и поговорок / В.И. Зимин // Русская словесность. – 2003. – № 4. – С. 55-58.

Зиновьева, Е.И. Лингвокультурографический аспект изучения русских паремий (на материале пословиц с компонентом вода) / Е.И. Зиновьева, А.Е. Маточкина // Русский язык как иностранный и методика его преподавания. – 2017. – № 28. – С. 29-34.

Зиновьева, Е.И. Теоретические проблемы лингвокультурологического и лингвокультурографического описания русских паремий / Е.И. Зиновьева // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: материалы IV Конгресса «РОПРЯЛ», проходящего в рамках I Педагогического форума «Русский язык в современной школе». – СПб.: «РОПРЯЛ», 2014. – С. 47-51.

Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 351 с.

Зыкова, Е.И. Крылатые выражения в произведениях В. Войновича: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.И. Зыкова. – СПб., 1997. – 261 с.

Зыкова, И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / И.В. Зыкова. – М., 2014. – 510 с.

Иванищева, О.Н. Лексикографирование культуры в двуязычном словаре. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / О.Н. Иванищева. – СПб., 2005. – 410 с.

Іваноў, Я.Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. – XX ст.: тлумачальны слоўнік / Я.Я. Іваноў. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2011. – 164 с.

Иванова, Е.В. Мир в английских и русских пословицах / Е.В. Иванова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 280 с.

Иванова, Е.В. Проблемы пословичной лексикографии / Е.В. Иванова // Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии (Третьи Жуковские чтения): материалы Междунар. научного симпозиума 21-22 мая 2004. – Великий Новгород, 2004. – С. 52-54.

Ивашко, Л.А. Очерки русской диалектной фразеологии / Л.А. Ивашко. – Л.: ЛГУ, 1981. – 91 с.

Ильин, Д.Д. Речевые партии и речевые отношения некоторых действующих лиц в комедии Л.Н. Толстого «Плоды просве-

щения» / Д.Д. Ильин // Вопросы теории и истории русского языка. – Ташкент [б. и.], 1967. – С. 29-41.

Инструкция словаря автобиографической трилогии М. Горького // Словарь автобиографической трилогии М. Горького: в 6 вып. с прил. Словаря имён собственных. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – С. 8-52.

История русской лексикографии / отв. ред. Ф.П. Сороколетов. – СПб.: Наука, 2001. – 610 с.

Каган, М.С. Эстетика как философская наука / М.С. Каган. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 544 с.

Казанский, Н. Исповедь как литературный жанр / Н. Казанский // Вестник истории, литературы, искусства / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук; гл. ред. Г.М. Бонгард-Левин. – М.: Собрание, 2009. – Т. 6. – С. 73-90. – Библиогр.: с. 85-90.

Каламбет, Е.В. Лексикографический текст как объект исследования антропоцентрической лингвистики / Е.В. Каламбет // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т.1. – С.78–80.

Карабулатова, И.С. Современная транскультура в эпоху глобализации: проблемы толерантности, межкультурной коммуникации и эффективного взаимодействия / И.С. Карабулатова, Н.И. Камал, А.А. Ал-Саати, Б.З. Ахметова, М.А. Ал-Мулла, А.С. Карабулатова, С.Д. Галиуллина, Ю.Н. Эбзеева, Н.В. Дубинина, Л.И. Ким, Г.М. Ракишева, М.З.Сейдина, К.Н. Котик, И.С. Коберси / под ред. И.С. Карабулатовой. – Москва – Манама – Уфа – Кокшетау – Ростов-на-Дону – Бейрут: Изд-во Уфимского гос. нефтяного технического ун-та, 2017. – 255 с.

Карабулатова, И.С. Языковая личность в пространстве межкультурных коммуникаций / И.С. Карабулатова // Вестник Кемеровск. гос. ун-та искусств и культуры. – 2011. – № 16. – С. 77-85.

Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Караулов, Ю.Н. Опыт типологизации авторских словарей / Ю.Н. Караулов, Е.Л. Гинзбург // Русская авторская лексикография

XIX-XX веков: антология / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; отв. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 4-16.

Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е / Ю.Н. Караулов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.

Караулов, Ю.Н. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении / Ю.Н. Караулов, Е.Л. Гинзбург // Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А-В / Российская академия наук; Институт русского языка им. В.В. Виноградова; гл. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. – М.: Азбуковник, 2008. – С. 870-909.

Карлик, Н.А. Афористика Л.Н. Толстого: сборник мудрых мыслей «Круг чтения»: монография / Н.А. Карлик. – СПб.: ГПА, 2012. – 225 с.

Карпова, О.М. Английская лексикография: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / О.М. Карпова. – М.: Академия, 2010. – 176 с.

Касавин, И.Т. Контекстуализм как методологическая программа / И.Т. Касавин // Эпистемология & философия науки. Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. – 2005. – Т. VI. – № 4. – С. 5-17.

Киселёва, Л.А. Вопросы теории речевого воздействия / Л.А. Киселёва. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1978. – 178 с.

Кобозева, И.М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности / И.М. Кобозева, В.З. Демьянков // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 7-22.

Ковалёв, В.А. Особенности народных рассказов Л.Н. Толстого / В.А. Ковалёв // Проблемы типологии реализма. – Свердловск: [б. и.], 1976. Вып. 9. Проблемы типологии реализма. – С. 124-125.

Коваль, В.И. Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики / В.И. Коваль. – Гомель: УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2007. – 175 с.

Ковшова, М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. 2-е изд / М.Л. Ковшова. – М.: УРСС, 2013. – 456 с.

Кодухов, В.И. Контекст как лингвистическое понятие // Языковые единицы и контекст: сб. науч. трудов / под ред. В.И. Кодухова. – Л.: ЛГПИ, 1973. – С. 7-32.

Кожевникова, Н.А. Стиль Чехова / Н.А. Кожевникова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. – 487 с.

Кожина, М.Н. Стилистика русского языка: учебник / М.Н. Кожина. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.

Козырев, В.А. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. – 571 с.

Козырев, В.А. Русская лексикография / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.

Козырев, В.А. Современные ориентации отечественной лексикографии / В.А. Козырев, В.Д. Черняк // Вопросы лексикографии. – 2014а. – № 1. – С. 5-15.

Колесов, В.В. Афористика Древней Руси / В.В. Колесов // Мудрое слово Древней Руси (XI – XVII вв.). – М.: Советская Россия, 1989. – С. 5-22.

Колобова, Е.А. Фразеологическая контаминация: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.А. Колобова. – Иваново, 2011. – 24 с.

Колшанский, Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский / отв. ред. Ю.С. Степанов. – Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 152 с. (Лингвистическое наследие XX века.)

Кондратьева, Т.Н. Собственные имена в месяцесловах, пословицах, поговорках, загадках, заговорах и сказках русского народа / Т.Н. Кондратьева / науч. ред. М.О. Новак. – Казань, 2004. – 340 с.

Кондратьева, Т.Н. Собственные имена в пословицах, поговорках и загадках русского народа / Т.Н. Кондратьева // Вопросы грамматики и лексикологии русского языка. – Казань, 1964. – С. 98-138.

Копыленко, М.М. Устарелые фразеосочетания в романе «Анна Каренина» / М.М. Копыленко // Лев Толстой. Проблемы языка и стиля: доклады и сообщения IX и XI Толстовских чтений. – Тула: [б. и.], 1971. – С. 216-229.

Костомаров, В.Г. Единицы семиотической системы русского языка как предмет описания и усвоения / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова // Материалы IX Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы: доклады и сообщения рос. ученых. – М.: [б. и.], 1999. – С. 252-260.

Котова, М.Ю. Лекции по сопоставительной славянской паремиологии: учеб. пособие для магистрантов / М.Ю. Котова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. – 170 с.

Котовская, С.С. Введение в лингвистическую прагматику [Электронный ресурс]: учеб. пособие / С.С. Котовская. – Минск: БГУ, 2012. – 83 с.

Крикманн, А. Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы / А. Крикманн // Паремиологический сборник: пословица, загадка (структура, смысл, текст) – М.: Наука, 1978. – С. 82-104.

Крюкова, Н.А. Распространение компонентного состава фразеологических единиц русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.А. Крюкова. – Иваново, 2007. – 172 с.

Крылова, М.В. О языке пьесы Л.Н. Толстого «Власть тьмы» / М.В. Крылова // Ташкентский государственный университет им. В.И. Ленина. Научные труды. Вып. 211. Языкознание. – Ташкент: [б. и.], 1963. – С. 202-210.

Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н.А. Кузьмина. – М.: КомКнига, 2007. – 272 с.

Кузьмина, Н.А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса / Н.А. Кузьмина // Медиаскоп. – 2011. – № 1. – С. 1-13.

Кузьмицкая, Е.В. Прецедентные феномены в творчестве М.А. Кузмина: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.В. Кузьмицкая. – СПб., 2006. – 206 с.

Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1996. – 381 с.

Кунин, А.В. Основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.В. Кунин. – М., 1964. – 48 с.

Кухаренко, В.А. Интерпретация текста. Изд. 2-е, перераб / В.А. Кухаренко. – М.: Просвещение, 1988. – 191 с.

Кухаренко, В.А. Семантическая структура ключевых и тематических слов целого художественного текста / В.А. Кухаренко // Лексическое значение в системе языка и в тексте: сб. науч. трудов / отв. ред.: И.В. Сентенберг. – Волгоград, 1985. – С. 95-104.

Лаврушина, Е.В. Фразеология как компонент идиостиля И.С. Тургенева и проблема сохранения этого компонента в иноязычных переводах произведений писателя: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.В. Лаврушина. – М., 1999. – 16 с.

Ларин, Б.А. О работе над новыми словарями / Б.А. Ларин // Ларин Б.А. Филологическое наследие: сб. статей. – СПб.: СПбГУ, 2003. – С. 649-655.

Ларин, Б.А. Очерки по фразеологии. О систематизации и методах исследования фразеологии. О систематизации и методах исследования фразеологии / Б.А. Ларин // Учёные записки Ленинградского ун-та. – 1956. – № 198. Серия филологическая. – Вып. 24. – С. 200-225.

Лаухакангас, О. Пословицы в дискуссионных интернет-форумах / О. Лаухагангас // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О.В. Ломакиной. – М.: Ленанд, 2015. – С. 101-119.

Лебединская, В.А. Избранное / отв. ред. Н.Б. Усачева / В.А. Лебединская. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. – 155 с.

Лебединская, В.А. Семантика процессуальных фразеологизмов: учебное пособие / В.А. Лебединская, Н.Б. Усачева. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 1999. – 186 с.

Левин, Ю.И. Провербиальное пространство / Ю.И. Левин // Паремиологические исследования: сб. статей / сост. и ред. Г.Л. Пермяков. – М.: Глав. ред. вост. лит-ры, 1984. – С. 108-126.

Левитская, Н.А. Изучение поздних произведений Л.Н. Толстого на уроках литературы (материалы к уроку по повести «Посмертные записки Фёдора Кузмича») / Н.А. Левитская, О.В. Ломакина // Русская словесность. – 2007. – № 1. – С. 25-27.

Леденёва, В.В. Заметки о языковом облике начала XX века / Леденёва В.В // Вестник Московского государственного областного университета. – 2010. – № 2. – С. 78-81.

Лексикография русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / А.С. Герд, Л.А. Ивашко, И.С. Лутовинова и др.; под ред. Д.М. Поцепни / Учебно-методический комплекс по курсу «Лексикография русского языка». – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 672 с.

Леонтьев, А.А. Иноязычные вкрапления в русскую речь / А.А. Леонтьев // Вопросы культуры речи. – М.: Наука, 1966. – С. 60-68.

Лисицына, О.Л. Паремиологическое пространство «Азбуки» и «Новой азбуки» Л.Н. Толстого / О.Л. Лисицына // XXIV Международные Толстовские чтения. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 1998. – С. 177-179.

Листрова-Правда, Ю.Т. Библейские и иные текстовые реминисценции в русской литературной речи / Ю.Т. Листрова-Правда // Вестник ВГУ. Серия «Филология и журналистика». – 2004. – № 2. – С. 78-84.

Листрова-Правда, Ю.Т. Иноязычные вкрапления-библеизмы в русской литературной речи XIX-XX вв / Ю.Т. Листрова-Правда // Вестник ВГУ, серия 1. – 2001. – № 1. – С. 119-139.

Листрова-Правда, Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века / под ред. А.М. Ломова / Ю.Т. Листрова-Правда. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. – 142 с.

Литвинникова, О.И. Функциональный потенциал ФЕ в современном художественном тексте / О.И. Литвинникова // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме. Четвёртые Жуковские чтения. – Великий Новгород: [б. и.], 2009. – С. 135-137.

Ломакина, О.В. Историко-этимологическая справка в авторском словаре / О.В. Ломакина // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журн. РАН / под ред. М.Г. Абрамзона. – 2014. – № 3 (45). – С. 335-337.

Ломакина, О.В. О некоторых особенностях функционирования библейских фразеологизмов в языке Л.Н. Толстого / О.В. Ломакина // Национальное и интернациональное в славянской фра-

зеологии. XV Международный съезд славистов. 20-27 августа 2013 г., Минск, Беларусь / Harry Walter, Valerij M. Mokienko (Hrsg.). – Greifswald, 2013. – С. 97-100.

Ломакина, О.В. От языкового символа – к символике художественного текста / О.В. Ломакина // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». – 2017. – Т. 8. – № 3. – С. 205-207.

Ломакина, О.В. Особенности употребления крылатого выражения-галлицизма *медовый месяц* в современной российской публицистике (на материале Национального корпуса русского языка) / О.В. Ломакина, А.С. Макарова // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2013. – № 7 (136). – Т. 1. Ноябрь. – С. 52-56.

Ломакина, О.В. Паремии в контексте: способы экспликации коммуникативного намерения (на материале текстологии Л.Н. Толстого) / О.В. Ломакина // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Филологические науки. – 2014. – № 77. – С. 177-180.

Ломакина, О.В. Писательский метаязыковой комментарий и его роль в понимании текста (на примере произведений русской литературы XIX в.) / О.В. Ломакина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – № 1. – С. 130-137.

Ломакина, О.В. Принципы отбора материала при составлении «Фразеологического словаря Л.Н. Толстого» / О.В. Ломакина // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе: Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д.ф.н., проф. А.М. Мелерович (Кострома, 20-22 марта 2008 г.) – М.: ООО «Издательство Элпис», 2008. – С. 507-509.

Ломакина, О.В. Проблемы изучения языковой личности Л.Н. Толстого в когнитивном аспекте / О.В. Ломакина // Текст и языковая личность: материалы V Всероссийской научной конференции с международным участием (26-27 октября 2007 г.) / под ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск: Изд-во ЦНТИ, 2007. – С. 206-209.

Ломакина, О.В. Рецензия на книгу: Академический словарь русской фразеологии / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольско-

го / О.В. Ломакина // Вопросы лексикографии. – 2015. – № 1 (7). – С. 98-103.

Ломакина, О.В. Роль крылатики в Интернет-дискурсе: к постановке проблемы / О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко // Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке: Междисциплинарные парадигмы: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 14-15 ноября 2017 г. – М.: РУДН, 2017. – С. 247-254.

Ломакина, О.В. Роль фразеологизмов в создании концептосферы художественного произведения (на материале народных драм Л.Н. Толстого) / О.В. Ломакина // Известия Тульского государственного университета. Серия: Язык и литература в мировом сообществе. Вып. 9. Лингвокультурологические аспекты изучения русского языка. – Тула: Изд-во Тульского гос. ун-та, 2006а. – С. 99-105.

Ломакина, О.В. Текстология Л.Н. Толстого как источник крылатых единиц / О.В. Ломакина // И вновь продолжается бой…: сб. науч. ст., посвященный юбилею д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой / гл. ред. В.М. Мокиенко; чл. редкол. Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – Магнитогорск, 2010. – С. 139-142.

Ломакина, О.В. Типы использования крылатых выражений в письмах Л.Н. Толстого / О.В. Ломакина // XXIV Международные Толстовские чтения. – Тула: Издательство ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 1998. – С. 184-186.

Ломакина, О.В. Фразеологизмы и пословицы как смысловые доминанты художественного текста (на материале произведений Л.Н. Толстого) / О.В. Ломакина // Вопросы филологии. – 2011. – №. 2. – С. 67-72.

Ломакина, О.В. Фразеология народных драм Л.Н. Толстого: состав и особенности употребления: дис. … канд. филол. наук. 10.02.01 / О.В. Ломакина. – Белгород, 2006. – 177 с.

Ломакина, О.В. Фразеология в языке Л.Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 / О.В. Ломакина СПб., 2015. – 390 с.

Ломакина, О.В. Фразеология романа «Анна Каренина» Л.Н. Толстого / О.В. Ломакина // XXIII Международные Толстов-

ские чтения. – Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 1997. – С. 95-97.

Ломакина, О.В. Функционирование галлицизмов во фразеологии языка Л.Н. Толстого: из опыта описания тезаурусообразующих единиц (на примере *Fais ce que dois, advienne que pourra* и *Dans le doute abstiens toi*) / О.В. Ломакина // Филология и человек. – 2016. – № 3. – С. 129-137.

Ломакина, О.В. Функционирование паремий в языке Л.Н. Толстого / О.В. Ломакина // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О.В. Ломакиной. – М.: Ленанд, 2015. – С. 120-136.

Ломакина, О.В. Экспрессивно-стилистические свойства ФЕ в письмах Л.Н. Толстого / О.В. Ломакина // Лингвистические исследования: межвузовский сборник научных трудов. ТГПУ – Тула, 1998а. – С.153–157. Рукопись деп. в ИНИОН РАН 21 мая 1998 г., № 53575.

Ломакина, О.В. Язык Л.Н. Толстого как источник крылатики: из опыта анализа современного употребления крылатых выражений в современной публицистике (на материале интернет-статей) // Новая экономика и региональная наука. – 2016. – № 2 (5). – С. 213-217.

Ломов, А.Г. Фразеология в творческой лаборатории писателя (на материале драматических произведений А.Н. Островского): дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 / А.Г. Ломов. – Елец, 1998. – 272 с.

Ломов, А.Г. Фразеология пьес А.Н. Островского / А.Г. Ломов. – Самарканд: Зарафшон, 1995. – 163 с.

Лотман, Ю.М. Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века / Ю.М. Лотман. – Таллинн, 1992. – Т. 2. – 387 с.

Лукин, В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум / В.А. Лукин. – М.: Изд-во «Ось-89», 2005. – 560 с.

Лурия, А.Р. Основные проблемы нейролингвистики / А.Р. Лурия. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – 253 с.

Маймескул, Е.А. Словарь-конкорданс нетранслитерированных французских элементов романа Л.Н. Толстого «Война и мир» // Маймескул Е.А. Французский язык в художественной прозе Л.Н. Толстого: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Е.А. Маймескул. – Киев, 1982. – Т. 2. – С. 2-146.

Маймин, Е.А. Лев Толстой / Е.А. Маймин. – М.: Наука, 1984. – 192 с.

Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

Макарова, А.С. Окказиональные преобразования крылатых выражений в современной французской и российской публицистике / А.С. Макарова // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: международная конференция (V Бодуэновские чтения): труды и материалы / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. – Казань, 2015. – С. 206-208.

Макарова, А.С. Особенности функционирования крылатых выражений-галлицизмов в современной французской и российской публицистике: автореф. дис. …. канд. филол. наук: 10.02.20 / А.С. Макарова. – М., 2016. – 22 с.

Максимчук, Н.А. Фразеоним как функциональная ономастическая единица / Н.А. Максимчук // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» / сост. М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпова. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 170-171.

Максимчук, Н.А. Фразеонимы в системе ономастических единиц / Н.А. Максимчук // Русский язык в современном обществе: проблемы преподавания: сб. научных статей по материалам докладов и сообщений конференции. – Смоленск: Изд-во ВПВО ВС РФ, 2006. – С. 81-87.

Малишевская, Д.Ч. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «Мужчина / Женщина») / Д.Ч. Малишевская // Фразеология в контексте культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – С. 180-184.

Маркелова, Т.В. Социализация ценностных отношений языковыми средствами / Т.В. Маркелова // Русский язык: исторические судьбы и современность: международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова,

филологический факультет, 13-16 марта 2001 г.): труды и материалы / сост. М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С. 108-109.

Маслова, В.А. К вопросу о мужском и женском языках и о вербальном поведении мужчины и женщины / В.А. Маслова // Уполномоченное образование – путь в третье тысячелетие: мат-лы междунар. научно-практич. конф. – Киев, 2000. – С. 9-12.

Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

Маслова, В.А. Универсальное и индивидуальное в языковой картине мира / В.А. Маслова // Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы докл. III Междунар. науч. конф. под эгидой МАПРЯЛ, Минск, 7-9 апр. 2005 г.: в 3 ч. – Ч. 1 / отв. ред. А.В. Зубов, С.М. Прохорова. – Мн: МГЛУ, 2005. – С. 13-14.

Мелерович, А.М. Введение / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко // Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. – М.: Русские словари, 1997. – С. 3-35.

Мелерович, А.М. Из наблюдений над использованием фразеологизмов в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» / А.М. Мелерович // Материалы XII Толстовских чтений: Республиканский сборник: проблемы языка и стиля Л.Н. Толстого. – Тула: Тульский гос. педагогический институт им. Л.Н. Толстого, 1974. – С. 85-93.

Мелерович, А.М. Опыт фразеографической систематизации употреблений фразеологизмов в русской поэзии / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журн. РАН / под ред. М.Г. Абрамзона. – 2009. – Вып. 2 (24). – С. 810-815.

Мелерович, А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка: учебное пособие по спецкурсу / А.М. Мелерович. – Ярославль: Изд-во ЯГПИ, 1979. – 79 с.

Мелерович, А.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 484 с.

Мелерович, А.М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст): монография / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – 456 с.

Мелерович, А.М. Художественный образ и языковая личность (о речевом портрете Базарова в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети») / А.М. Мелерович // Текст. Структура и семантика: доклады IX Международной конференции. – М.: СпортАкадемПресс, 2004. – С. 185-187.

Мигранова, Л.Ш. Фразеология романа «Анна Каренина» как фрагмент языковой картины мира Л.Н. Толстого: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Л.Ш. Мигранова. – Уфа, 2010. – 301 с.

Мидер, В. Пословицы как способ создания пророческого дискурса (на материале речей Мартина Лютера Кинга о правах человека) / В. Мидер // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О.В. Ломакиной. – М.: Ленанд, 2015. – С. 137-154.

Мишинцева, И.Ю. Переключения кодов в художественных произведениях: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / И.Ю. Мишинцева. – Ярославль, 2011. – 24 с.

Мокиенко, В.М. Аспекты исследования славянской паремиологии / В.М. Мокиенко // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О.В. Ломакиной. – М.: Ленанд, 2015. – С. 5-47.

Мокиенко, В.М. Большой словарь русских пословиц (опыт составления) / В.М. Мокиенко // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журнал РАН / под ред. М.Г. Абрамзона. – 2009. – Вып. 2 (24). – С. 5-18.

Мокиенко, В.М. Гендерное равновесие в возрастной характеристике мужчины и женщины (гендерная пара старый хрыч – старая хрычовка) / В.М. Мокиенко // Jezyk. Czlowiek. Dyskurs. – Szczecin, 2007. – S. 123-133.

Мокиенко, В.М. Историческая фразеология славянских языков / В.М. Мокиенко // Теорија дијахронијске лингвистике. – Београд, 2010. – С. 103-129.

Мокиенко, В.М. Культурологические и историко-этимологические комментарии в паремиологическом тезаурусе / В.М. Мокиенко // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – № 12. – С. 121-134.

Мокиенко, В.М. О словаре псковских пословиц и поговорок / В.М. Мокиенко // Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб.: Норинт, 2001. – С. 5-11.

Мокиенко, В.М. От автора / В.М. Мокиенко // А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник. – СПб., 1998. – С. 5-14.

Мокиенко, В.М. Параметры славянской паремиографии / В.М. Мокиенко // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2014. – № 77. – С. 31-34.

Мокиенко, В.М. Предисловие / В.М. Мокиенко // В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. Большой словарь русских пословиц. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – С. 4-9.

Мокиенко, В.М. Проблемы славянской паремиологии (лингвистические аспекты) / В.М. Мокиенко // Славянская фразеология и паремиология в XX веке: сборник научных статей / под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко. – Минск: Зсицер Колас, 2010. – С. 167-188.

Мокиенко, В.М. Русская мысль и речь М.И. Михельсона и современная фразеография / В.М. Мокиенко // Проблемы фразеологической и лексической семантики: материалы Международной научной конференции (Кострома, 18-20 марта 2004 г.). – М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2004. – С. 7-16.

Мокиенко, В.М. Русские интертекстемы как отражение русской культуры / В.М. Мокиенко // Мир русского слова и русское слово в мире: материалы XI Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Варна, 17-23 сентября 2007 г. Т. 2. – Sofia: Heron Press, 2007. – С. 224-231.

Мокиенко, В.М. Славянская фразеология: учеб. пособие / В.М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1980. – 207 с.; 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1989. – 287 с.

Молотков, А.И. Основы фразеологии русского языка / А.И. Молотков. – Л.: Наука, 1977. – 283 с.

Молотков, А.И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания / А.И. Молотков // Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1978. – С. 7-23.

Морковкин, В.В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию / В.В. Морковкин // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: сб. статей. – М.: Наука, 1988. – С. 131-136.

Мотылёва, Т.С. Толстой читает Гете / Т.С. Мотылёва. – Тула: Приокское книжное издательство, 1982. – С. 1-30.

Мякшева, О.В. Истоки эталонной языковой личности / О.В. Мякишева // Текст, контекст, интертекст: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции «XII Виноградовские чтения». Т. 1: Русский язык. Зарубежная филология / отв. ред.: Е.Ф. Киров, Н.Л. Огуречникова. – М.: МГПУ, 2012. – С. 47-52.

Назарян, А.Г. Фразеология современного французского языка. 2-е изд. перераб. и доп / А.Г. Назарян. – М.: Высшая школа, 1987. – 288 с.

Наймушина, Т.А. Пословицы и поговорки в художественном тексте: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.А. Наймушина. – Л., 1984. – 210 с.

Наумова, Е.О. Прецедентные тексты как инструмент креативности в современной публицистике: монография / Е.О. Наумова. – М.: МГУП, 2007. – 172 с.

Начисчионе, А. Некоторые окказиональные изменения фразеологических единиц в произведениях Дж. Чосера / А. Начисчионе // Вопросы английской филологии; ред. А. Гениушас. – Рига: ЛГУ им. Петра Стучки, 1973. – С. 23-48.

Ничипорчик, Е.В. К вопросу об «авторстве» паремий (гендерный аспект) / Е.В. Ничипорчик // Славянская фразеология и паремиология в XX веке: сборник научных статей / под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко. – Минск: Зсицер Колас, 2010. – С. 197-202.

Николаева, Е.К. Вариантность пословиц в новом большом словаре русских пословиц / Е.К. Николаева // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе: международная научно-

практическая конференция, посвященная юбилею д.ф.н., проф. А.М. Мелерович (Кострома, 20-22 марта 2008 г.) – М.: ООО «Издательство Элпис», 2008. – С. 509-512.

Николаева, Т.М. Обобщенное, конкретное и неопределенное в паремии / Т.М. Николаева // Малые формы фольклора: сб. ст. памяти Г.Л. Пермякова / под ред. Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова и др. – М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1995. – С. 311-324.

Николина, Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. завед / Н.А. Николина. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.

Новиков, Л.А. Значение как эстетическая категория языка / Л.А. Новиков // Новиков Л.А. Избранные труды. Т. II: Эстетические аспекты языка. Miscellanea. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – С. 37-55.

Огнева, Е.А. Когнитивно-сопоставительное моделирование концептосферы художественного текста (на материале перевода русской прозы на французский и английский языки): автореф. дис. … д-ра филол. наук / Е.А. Огнева. – Белгород, 2010. – 42 с.

Ожегов, С.И. О структуре фразеологии / С.И. Ожегов // Лексикографический сборник. Вып. II. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1957. – С. 31-53.

Озерова, Е.Г. Русский лирикопрозаический текст: дискурсивно-когнитивный аспект / Е.Г. Озерова. – Белгород: Изд-во НИУ «БелГУ», 2012. – 276 с.

Онипенко, Н.К. Три параметра лингвистической интерпретации текста / Н.К. Онипенко // Текст. Интертекст. Культура: сборник докладов международной научной конференции (Москва, 4-7 апреля 2001 года) / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; ред.-сост.: В.П. Григорьев, Н.А. Фатеева. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 9-24.

Опульская, Л.Д. Примечания / Л.Д. Опульская // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 20 т. – Т. 10: Повести и рассказы 1872–1886; Народные рассказы / примеч. Л. Опульской. – М.: Терра, 1997. – С. 338-361.

Основин, В.В. Драматургия Л.Н. Толстого: учеб. пособие для филологических специальностей / В.В. Основин. – М.: Высшая школа, 1982. – 176 с.

Очкасова, М.Р. О «Словаре галлицизмов в романе Л.Н. Толстого “Война и мир”» / М.Р. Очкасова // Лексика, лексикография, терминография в русской, американской и других культурах: материалы VI Междунар. школы-семинара (Иваново, 12-14 сентября 2005 г.). – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. – С. 223-224.

Очкасова, М.Р. О «Словаре концептов Л.Н. Толстого как писателя-билингва» / М.Р. Очкасова // Современная лексикография: глобальные проблемы и национальные решения: материалы VII Междунар. школы-семинара (Иваново, 12-14 сентября 2007 г.). – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007. – С. 57-59.

Павлова, Н.А. Предисловие / Н.А. Павлова // Словарь фразеологических синонимов современного русского языка / под ред. Н.А. Павловой. – М.: Флинта: Наука, 2010. – С. 3.

Панасенко, Е.Г. Фразеологические единицы с модальным значением в романе «Война и мир» / Е.Г. Панасенко // Лев Толстой. Проблемы языка и стиля: доклады и сообщения IX и XI Толстовских чтений. – Тула: [б. и.], 1971. – С. 260-262.

Паремиологический сборник. – М.: Наука, 1978. – 325 с.

Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О.В. Ломакиной. – М.: Ленанд, 2015. – 304 с.

Пермяков, Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда / Г.Л. Пермяков // Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1988. – С. 80-106.

Пермяков, Г.Л. О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений / Г.Л. Пермяков // Паремиологический сборник. – М.: Наука, 1978. – С. 105-135.

Пермяков, Г.Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков. – М.: Наука, 1988. – 237 с.

Пономаренко, Л.А. Калькирование как вид влияния одного языка на другой (на материале английских калек с русского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук / Л.А. Пономаренко. – Киев, 1965. – 16 с.

Пономаренко, Л.А. Устойчивые лексемосцепления контактирующих языков: автореф. дис… д-ра филол. наук / Л.А. Пономаренко. – Тбилиси, 1978. – 61 с.

Попов, В.В. О традициях и новаторстве в раннем творчестве Толстого (Лексика и фразеология) / В.В. Попов // Толстовский сборник. – Тула: [б. и.], 1962. – С. 182-194.

Попов, Р.Н. Народная речь в пьесе «Власть тьмы» / Р.Н. Попов // Лев Толстой. Проблемы языка и стиля: доклады и сообщения IX и XI Толстовских чтений. – Тула: [б. и.], 1971. – С. 127-140.

Попов, Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов: методы исследования фразеологического состава языка / Р.Н. Попов. – Орёл: ООО «Горизонт», 2010. – 274 с.

Попова, А.Р. Словарное представление лексико-фразеологического комплекса / А.Р. Попова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 75. Т. 2. – С. 161-165.

Попова, Е.Ю. Художественные функции фразеологизмов (на материале романа И.А. Гончарова «Обрыв»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.Ю. Попова. – М., 1998. – 16 с.

Потебня, А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня / ред. коллегия: М.Ф. Овсянников (пред.) и др.; сост., вступит. статья и примеч. И.В. Иваньо и А.И. Колодиной. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.

Проскуряков, М.Р. Концептуальная структура текста: лексико-фразеологическая и композиционно-стилистическая экспликация: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 / М.Р. Проскуряков. – СПб., 2000. – 38 с.

Прохватилова, О.А. Выразительные средства современной православной проповеди / О.А. Прохватилова // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. – 2011. – № 1 (13). – С. 7-13.

Радченко, Е.В. Соотношение значения и смысла в языковой единице (на материале процессуальных фразеологизмов) / Е.В. Радченко // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятые Жуковские чтения): материалы Междунар. научн. симпоз. к 90-летию со дня рождения Власа Платоновича Жукова:

в 2 т. – Т. 1 / сост., отв. ред. В.И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2011. – С. 129-132.

Размахнина, Н.В. Опыт реконструкции дискурса на основе иллюстративных авторских примеров в английских фразеографических источниках: дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.В. Размахнина. – Иркутск, 2003. – 180 с.

Ревзина, О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта. дис. в форме научного доклада … д-ра филол. наук / О.Г. Ревзи-на. – М., 1998. – 86 с.

Ремчукова, Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики. Изд. стереотип / Е.Н. Ремчукова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 224 с.

Рогалёва, Е.И. Современная учебная фразеография: теория и практика / Е.И. Рогалёва. – Псков: ООО ЛОГОС Плюс, 2014. – 344 с.

Ройзензон, Л.И. Лекции по общей и русской фразеологии / Л.И. Ройзензон. – Самарканд, 1973. – 223 с.

Руднев, А.П. О понятии «камерная фразеология» (на материале фразеологии семьи Л.Н. Толстого) / А.П. Руднев // Проблемы русской фразеологии. – Тула: Тульский гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1979. – С. 75-82.

Русская авторская лексикография XIX-XX веков: Антология / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; отв. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. – М.: Азбуковник, 2003. – 512 с.

Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития: материалы международной научно-практической конференции (Казань, 17-19 октября 2013 г.) / Казан. ун-т; Ин-т филологии и искусств; каф. рус. яз. и метод. преп.; под общ. ред. Н.Н. Фаттаховой. – Казань: Изд-во «Печать-Сервис XXI век», 2013. – 362 с.

Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения / науч. ред. Т.Г. Никитина. – Псков: ПГПУ, 2008. – 238 с.

Саввина, Е.Н. О трансформации клишированных выражений в речи / Е.Н. Савина // Паремиологические исследования. – М.: Наука, 1984. – С. 200-222.

Савенкова, Л.Б. Выражение авторской позиции посредством паремий в романе «Тихий Дон» / Л.Б. Савенкова // Проблемы изучения языка и стиля Шолохова: межвуз. сб. / отв. ред. Г.Ф. Гаврилова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. гос. пед. ун-та, 2000. – С. 31-36.

Савенкова, Л.Б. Паремии на страницах романа «Они сражались за Родину»: текстовое и надтекстовое восприятие / Л.Б. Савенкова // Шолоховские чтения. Войны России в изображении М.А. Шолохова: сб. ст. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1996. – С. 202-211.

Савенкова, Л.Б. Паремиологическое пространство романа Л.Н. Толстого «Война и мир» / Л.Б. Савенкова // XXII Толстовские чтения. – Тула: Тульский гос. педагогический университет, 1995. – С. 89-90.

Савенкова, Л.Б. Паремия в художественных текстах разных жанров / Л.Б. Савенкова // Функционирование языка в различных речевых жанрах (Лиманчик – 97): материалы Всерос. науч. конф. – Ростов-на-Дону: УПЛ Ростов. ун-та, 1997. – Вып. 4. – С. 20-22.

Савенкова, Л.Б. Пословицы как отражение жизненной философии персонажей в драме Л.Н. Толстого «Власть тьмы» / Л.Б. Савенкова // Язык и стиль Л.Н. Толстого: сб. ст. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ин-та, 1992. – С. 126–-35.

Савенкова, Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2002. – 240 с.

Савенкова, Л.Б. Русские паремии как функционирующая система: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 / Л.Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону, 2002а. – 48 с.

Савицкий, В.М. Основы общей теории идиоматики / В.М. Савицкий. – М.: Гнозис, 2006. – 208 с.

Сафонова, Т.В. Имплицирование устойчивых фраз в русской речи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.В. Сафонова. – Тула, 2012. – 210 с.

Свирин, А.Н. Проект словаря ранних произведений / А.Н. Свирин // Язык классической литературы: доклады международной конференции / М.И. Щербакова (ред.). – Ч. 1. – М.: [б. и.], 2007. – С. 226-231.

Селиванов, Г.А. Фразеология батальных сцен в романе «Война и мир» / Г.А. Селиванов // Лев Толстой. Проблемы языка и стиля: доклады и сообщения IX и XI Толстовских чтений. – Тула: [б. и.], 1971. – С. 190-197.

Селиверстова, Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / Е.И. Селиверстова; науч. ред. В.М. Мокиенко. – 2-е изд. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 296 с.

Семененко, Н.Н. Когнитивно-прагматическая парадигма паремиологической семантики (на материале русского языка): дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 / Н.Н. Семененко. – Белгород, 2012. – 418 с.

Семененко, Н.Н. Русская пословица: функции, семантика, системность: монография / Н.Н. Семененко, Г.М. Шипицына. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 172 с.

Семененко, Н.Н. Русская пословица как предмет лингвокультурологического анализа / Н.Н. Семененко // Фразеология-2000: материалы всероссийской науч. конф. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2000. – С. 101-103.

Семененко, Н.Н. Тематический принцип паремиографии в свете современной лингвокогнитивистики / Н.Н. Семененко // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журнал РАН. – 2009. – Вып. 2 (24). – С. 23-27.

Сидоренко, К.П. Интертекстовые интерпретаторы в «Словаре крылатых выражений Пушкина» / К.П. Сидоренко // Слово. Фраза. Текст: сборник научных статей к 60-летию проф. М.А. Алексеенко. – М.: Азбуковник, 2002. – С. 317-330.

Сидоренко, К.П. Интертекстовые связи пушкинского слова / К.П. Сидоренко. – СПб.: Изд. РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – 253 с.

Сидоренко, К.П. Цитаты из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина в текстах разного жанра / К.П. Сидоренко. – СПб.: Образование, 1998. – 318 с.

Сидорков, С.В. Пословично-поговорочные паремии как фактор структурно-смысловой организации дискурса / С.В. Сидорков. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНнц ВШ, 2003. – 214 с.

Сидоркова, Г.Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевого действия: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / Г.Д. Сидоркова. – Краснодар, 1999. – 53 с.

Сиротинина, О.Б. Элитарная речевая культура / О.Б. Сиротинина // Хорошая речь. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – С. 228-225.

Скнарёв, Д.С. Языковые средства создания образа в рекламном дискурсе: семантический, прагматический, маркетинговый аспекты: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 / Д.С. Скнарёв. – М., 2015. – 42 с.

Сложеникина, Ю.В. К вопросу о метаязыке теории вариантности / Ю.В. Сложеникина // Филологические науки. – 2005. – № 2. – С. 50-58.

Солнцев, В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы / В.М. Солнцев // Вопросы языкознания. – 1984. – № 2. – С. 31-42.

Солодуб, Ю.П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования / Ю.П. Солодуб // Филологические науки. – 1990. – № 6. – С. 55-65.

Солодухо, Э.М. Теория фразеологического сближения: На материале языков славянской, германской и романской групп. Изд. 2-е, доп / Э.М. Солодухо. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 304 с.

Структурно-грамматические свойства русских фразеологизмов: коллективная монография. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2002. – 263 с.

Сулак, С.К. К вопросу о дидактическом значении компьютерной лексикографии как области прикладной лингвистики / С.К. Сулак // Вопросы прикладной лингвистики. – 2010. – № 3. – С. 140-145.

Супрун, А.Е. Вероятностный характер языка и описание грамматической системы / А.Е. Супрун // Грамматическое описание славянских языков. – М.: Наука, 1974. – С. 12-22.

Супрун, А. О языковой характеристике действующих лиц комедии Л. Н. Толстого «Плоды просвещения» / А. Супрун // Киргизский госуд. заочн. пед. ин-т. Учёные записки. – Вып. 2. – 1956. – С. 223-232.

Супрун, А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А.И. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17-29.

Сычёва, Е.Н. Поэтическая фразеология и афористика Ф.И. Тютчева: структурно-семантический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.Н. Сычёва. – Калининград, 2015. – 260 с.

Табанакова, В.Д. Типология словарей сегодня / В.Д. Табанакова, Н.А. Сивакова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2003. – № 4. – С. 114-119.

Тагиев, М.Т. Глагольная фразеология русского языка / М.Т. Тагиев. – Баку: МААРИФ, 1966. – 251 с.

Тагиев, М.Т. Глагольная фразеология современного русского языка. Опыт исследования фразеологических единиц по окружению / М.Т. Тагиев. – Баку: МААРИФ, 1970. – 252 с.

Телия, В.Н. Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов / В.Н. Телия // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. – Вып. 2. – Тула: [б. и.], 1972. – С. 30-69.

Телия, В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – С. 13-24.

Телия, В.Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа / В.Н. Телия // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление / отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – С. 776-782.

Телия, В.Н. Предисловие / В.Н. Телия // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / под ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – С. 6-14.

Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.

Телия, В.Н. Семантическая теория и словарь: значение фразеологизмов и принципы его фразеографирования / В.Н. Телия // Фразеологические словари и компьютерная фразеография: тезисы сообщений школы-семинара (13-17 ноября 1990 г.). – Орел: ОГПИ, 1990. – С. 29-31.

Теория и история славянской лексикографии: научные материалы к XIV съезду славистов. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2008. – 468 с.

Терских, М.В. Реклама как интертекстуальный феномен: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М.В. Терских. – Омск, 2003. – 198 с.

Теплякова, А. О функциях крылатых слов в речи / А. Теплякова // Фразеология во времени и пространстве / науч. ред. Х. Вальтер, В.М. Мокиенко, А.В. Савченко. – Greifswald – СПб.: [б/и], 2012. – С. 149-151.

Тимофеев, Л.И. Теория литературы. Основы науки о литературе / Л.И. Тимофеев. – М.: Учпедгиз, 1945. – 328 с.

Тимохин, В.В. Семантика и структура повторов в текстах рассказов и повестей А.П. Чехова / В.В. Тимохин // Текст. Структура и семантика: доклады XII Международной конференции: в 2 т. – Т. 1. – М.: ТВТ Дивизион, 2009. – С. 222-226.

Тихонов, А.Н. Предисловие. Пословицы, поговорки и другие изречения русского народа / А.Н. Тимохин // Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа: объяснительный словарь. – М.: Сюита, 1996. – С. 3-12.

Толстая, С.М. Семантические категории языка культуры: очерки по славянской этнолингвистике / С.М. Толстая. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 368 с.

Толстой, Н.И. Язык и культура (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) / Н.И. Толстой // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция, Москва, 20–23 мая 1991 г.: доклады. – М.: ИРЯЗ, 1991. Ч. 1. – С. 5-22.

Торсуева, И.Г. Контекст / И.Г. Торсуева // Языкознание. большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 238-239.

Третьякова, И.Ю. Окказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / И.Ю. Третьякова. – Ярославль, 2011. – 379 с.: ил.

Трещалина, И.В. Языковая личность персонажа в прозе в прозе А.П. Чехова конца 80-х – начала 90-х годов (лексико-семанти-ческий аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.В. Трещалина. – Тверь, 1998. – 167 с.

Умарходжаев, М.И. Основы фразеографии / М.И. Умарходжаев. – Ташкент: Фан, 1983. – 133 с.

Умарходжаев, М.И. Очерки по современной фразеографии / М.И. Умарходжаев. – Ташкент: Фан, 1977. – 103 с.

Умарходжаев, М.И. Современные проблемы фразеографии / М.И. Умарходжаев // Вопросы языкознания. – 1979. – № 5. – С. 48-55.

Уфимцева, А.А. Опыт изучения лексики как системы / А.А. Уфимцева. – М.: УРСС, 2004. – 286 с.

Уфимцева, Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание. Формирование и функционирование: сб. ст / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: Институт языкознания РАН, 1998. – С. 135-171.

Фархутдинова, Ф.Ф. Роль паремий в лингвокультурологических исследованиях / Ф.Ф. Фархутдинова // Фразеология-2000. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2000. – С. 100-101.

Фатеева, Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н.А. Фатеева. – М.: КомКнига, 2007. – 280 с.

Фесенко, О.П. Фразеология эпистолярных текстов А.С. Пушкина в семантическом, стилистическом и функциональном аспектах: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / О.П. Фесенко. – Тюмень, 2003. – 22 с.

Фёдоров, А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в / А.И. Фёдоров. – Новосибирск: Изд-во «Наука». Сибирское отделение, 1973. – 170 с.

Фокина, М.А. Фразеология в русской повествовательной прозе XIX – XX вв.: научная монография / М.А. Фокина. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – 378 с.

Фокина, О.В. Источники интертекстуальных связей в средствах массовой информации: На примере современных газет: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О.В. Фокина. – М., 2006. – 307 с.

Фонякова, О.И. Имя собственное в художественном тексте / О.И. Фонякова. – Л.: [б. и.], 1990. – 104 с.

Фонякова, О.И. Очерк развития писательской лексикографии в отечественном языкознании (1883-1990) / О.И. Фонякова // Из истории науки о языке: межвуз. сб. памяти проф. Ю. С. Маслова. – СПб.: [б. и.], 1993. – С. 113–134.

Фразеография в Машинном фонде русского языка / отв. ред. В.Н. Телия; АН СССР; Науч. совет по лексикологии и лексикографии, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1990. – 205 с.

Фразеологические словари и компьютерная фразеология: тезисы сообщений школы–семинара (3–7 ноября 1990 г.). – Орел: ОГПИ, 1990. – 127 с.

Фролова, О.Е. Мир, стоящий за текстом: Референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста / О.Е. Фролова. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 320 с.

Хаймс, Д. Этнография речи / Д. Хаймс // Новое в лингвистике. Вып. 7. – М.: Прогресс, 1975. – С. 299-319.

Хайруллина, Р.Х. Картина мира в русской фразеологии / Р.Х. Хайруллина. – М.: Прометей, 1996. – 147 с.

Хачмафова, З.Р. Женский художественный дискурс в аспекте когнитивной лингвистики / З.Р. Хачмафова // Известия Сочинского государственного университета. – 2013. – № 1-1. – С. 200-204.

Хисамова, Г.Г. Персонаж художественного текста как языковая личность / Г.Г. Хисамова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 774-777.

Хисамова, Г.Г. Функции диалога в художественном тексте / Г.Г. Хисамова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 6 (2). – С. 245-247.

Цапникова, В.М. Фразеология романа Л.Н. Толстого «Война и мир» / В.М. Цапникова // Толстовский сборник № 3. – Тула: [б. и.], 1967. – С. 209-224.

Цой, А.С. Теоретические проблемы антропоцентрической лексикографии / А.С. Цой // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. – 2007. – № 2. – С. 247-255.

Чахоян, Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка: учеб. пособие. (Б-ка филолога) / Л.П. Чахоян. – М.: Высшая школа, 1979. – 168 с.

Чепасова, А.М. Практические и теоретические проблемы фразеографии / А.М. Чепасова // Frazeografia słowiańska. Teoria i praktyka, tradycje, teraźniejszość, przyszłość. – Opole: Universytet Opolski, 2000. – С. 21-22.

Чепасова, А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учебное пособие / А.М. Чепасова. – Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1974. – 99 с.

Чепасова, А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов: учебное пособие к спецкурсу / А.М. Чепасова. – Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1983. – 93 с.

Чепасова, А.М. Фразеография – зеркало фразеологии / А.М. Чепасова // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журн. РАН / под ред. М.Г. Абрамзона. – 2011. – Вып. 3 (33). – С. 256-263.

Чернявская, В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность / В.Е. Чернявская // Стиль. – 2007. – № 6. – С. 11-26.

Чувакин, А.А. К построению филологической теории коммуникации: статья первая / А.А. Чувакин // Филология и человек. – 2011. – № 4. – С. 7-18.

Чуриков, С.А. Крылатые выражения А.В. Кольцова в современном русском дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук / С.А. Чуриков. – Воронеж, 2011. – 24 с.

Чурилина, Л.Н. Лексическая структура художественного текста (коммуникативный и антропоцентрический аспекты) / Л.Н. Чурилина. – Магнитогорск: [б. и.], 2000. – 102 с.

Чурилина, Л.Н. «Языковая личность» в художественном тексте / Л.Н. Чурилина. – М.: Изд-во: Флинта, 2006. – 240 с.

Шанский, Н.М. К изучению в школе языка романа Л.Н. Толстого «Война и мир» / Н.М. Шанский // Л.Н. Толстой. К 125-летию со дня рождения: Материал в помощь учителю / под общ. ред. В.В. Голубкова. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1953. – С. 58-96.

Шанский, Н.М. О языке романа Л.Н. Толстого «Война и мир» / Н.М. Шанский // Русский язык в школе. – 1953а. – № 4. – С. 19-31.

Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – СПб.: Специальная литература, 1996. – 192 с.

Шаталова, С.А. Лингвистические основы афористики и афоризмы в художественных текстах Ф.М. Достоевского: На материале романов «Бесы» и «Подросток»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С.А. Шаталова. – М., 2000. – 256 с.

Шатух, М.Г. Фразеологизмы, их типы и варианты в драматических произведениях Л.Н. Толстого / М.Г. Шатух // Материалы Толстовских чтений. – Тула: [б. и.], 1974. – С. 94-102.

Шварцкопф, Б.С. Диапазон варьирования фразеологической единицы и норма / Б.С. Шварцкопф // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: материалы межвузовского симпозиума. Ноябрь 1968 г. – Тула: Тульский гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1968. – С. 128-132.

Шварцкопф, Б.С. Основные параметры описания крылатых выражений современного русского литературного языка / Б.С. Шварцкопф // Фразеография в Машинном фонде русского языка / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1990. – С. 110-118.

Шевченко, Г.И. Фразеологические кальки с греческого и латинского в русском языке. автореф. дис. … канд. филол. наук / Г.И. Шевченко. – Минск, 1986. – 17 с.

Шепелёва, З.С. Художественное мастерство Л.Н. Толстого (Роман «Война и мир») / З.С. Шепелёва. – Кострома: [б. и.], 1954. – 76 с.

Шестакова, Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность / Л.Л. Шестакова. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 464 с.

Шилина, С.А. Дискурс русской языковой личности советской и постсоветской эпох / С.А. Шилина // Текст в культурном, историческом, языковом пространстве: материалы Международной заочной научно-практической конференции. – 2017а. – С. 510-515.

Шилина, С.А. Дискурсивные технологии в социологических исследованиях языковой личности (Пётр Николаевич Киричёк) /

С.А. Шилина // Научный журнал «Дискурс». – 2018. – № 1 (15). – С. 180-191.

Шилина, С.А. Нарративное интервью как метод социологического исследования языковой личности / С.А. Шилина // Проблемы научной мысли. – 2017б. – Т. 1. – № 6. – С. 88-116.

Шилина, С.А. Социолингвистические аспекты русской языковой личности советской эпохи как отражение социокультурных процессов в дискурсе / С.А. Шилина // Одиннадцатые Поливановские чтения: сборник статей по материалам докладов и сообщений Международной научной конференции (Смоленск, 4-5 октября 2016 года). – Смоленск: СмолГУ, 2016. – С. 289-296.

Шилина, С.А. Языковая игра в аспекте социолингвистических исследований эмоциональности языковой личности Ивана Грозного / С.А. Шилина // Проблемы научной мысли. – 2017в. – Т. 1. – № 1. – С. 426-430.

Шилина, С.А. Языковая личность Ивана IV (на материале документов XVI-XVII веков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С.А. Шилина. – Брянск, 2003. – 235 с.

Шихова, Т.М. К вопросу о соотношении понятий «фразеологическое значение» и «контекст» / Т.М. Шихова // Вестник Поморского ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 5. – С. 93-102.

Шихова, Т.М. Интернациональная фразеология в диахроническом и синхроническом аспектах: учебное пособие / Т.М. Шихова. – Архангельск: Поморский университет, 2005. – 219 с.

Шкуран, О.В. Десакрализация понятия «Библия» в русскоязычных медиаресурсах / О.В. Шкуран // Слово и фразеологизм: взаимосвязь мышления, языка и культуры: сборник статей к 90-летию профессора А.М. Чепасовой / под ред. И.А. Голованова. – Челябинск: ЮУрГГПУ, 2017. – С. 158-165.

Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие / С.Г. Шулежкова. – М.: Азбуковник, 2002. – 288 с.

Шулежкова, С.Г. Непротивление злу насилием и не могу молчать (крылатые выражения Л.Н. Толстого) / С.Г. Шулежкова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2013. – № 1 (39). – С. 225-240.

Шулежкова, С.Г. От земли обетованной к небесам обетованным (очерки о судьбах библейских крылатых выражений) / С.Г. Шулежкова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 260 с.

Щерба, Л.В. Избранные работы по русскому языку / ред. М.И. Матусевич; Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз / Л.В. Щерба. – М.: Учпедгиз, 1957. – 186, [2] с.

Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 427 с.

Щербакова, А.В. Лексико-фразеологические средства создания языковой игры в художественной прозе авторов «Сатирикона» (на материале произведений А. Аверченко, Н. Тэффи, С. Черного): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.В. Щербакова. – Кострома, 2007. – 198 с.

Щербачук, Л.Ф. Загальномовна та індивідуально авторська фразеологія в художніх текстах (на матеріалі творів О. Гончара): автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.01 / Л.Ф. Щербачук. – Дніпропетровск, 2000. – 20 с.

Эткинд, А. Новый историзм, русская версия / А. Эткинд // НЛО. – 2001. – № 47. – С. 7-40.

Юдина, Н.В. Речевой паспорт региональной языковой личности: социально-дискурсивный аспект (на материале Владимирской области) / Н.В. Юдина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 639. – С. 292-302.

Яковлев, А.И. Интертекст в романе А. Белого «Петербург»: структура, семантика, функционирование: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.И. Яковлев. – Ярославль, 2011. – 262 с.

Grzybek, P. Foundations of semiotic proverb study / P. Grzybek // Wise word. Essays on the proverb / ed. by W. Mieder. – N.Y., 1994. – P. 31-71.

Krikmann, A. Proverb semantics studies in Structure, Logic, and Metaphor / A. Krikmann / ed. by W. Mieder – Vermont, 2009. – 312 p.

Mieder, W. Proverbs: A Handbook / W. Mieder. – Westport: Greenwood Press, CT, 2004. – 305 p.

Scala Naturae. Festschrift in honour of Arvo Krikmann. – Tartu: ELM Scholarly Press, 2014. – 442 p.

Академический словарь русской фразеологии // А.Н. Баранов, М.М. Вознесенская, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселёва, А.Д. Козеренко. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЛЕКСРУС, 2015. – 1168 с.

Алексеенко, М.А. Словарь отфразеологической лексики современного русского языка / М.А. Алексеенко, Т.П. Белоусова, О.И. Литвинникова. – М.: Азбуковник, 2003. – 400 с.

Аникин, В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор / В.П. Аникин. – М.: Учпедгиз, 1957. – 240 с.

Архангельская, Ю.В. Лев Толстой в языке и речи: словарь инноваций (лексика, фразеология, афористика) / Ю.В. Архангельская. – Тула: ТППО, 2016. – 325 с.

Ашукин, Н.С. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М.: Художественная литература, 1987. – 528 с.

Ашукин, Н.С. Словарь к пьесам А.Н. Островского / Н.С. Ашукин, С.И. Ожегов, В.А. Филиппов. – М.: Веста, 1993. – 248 с.

Бабкин, А.М. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся русском языке без перевода: в 3 т. – 2-е изд., испр. / А.М. Бабкин, В.В. Шендецов. – СПБ.: «КВОТАМ», 1994. – Т. 1-3.

Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2 т. / под ред. С.Г. Шулежковой / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universitat, 2009. – Т. 1-2. – *БСКСВРЯ.*

Бирих, А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл.ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998. – 1536 с.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / под ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с. – *БФСРЯ.*

Бондаренко, В.Т. Ответные реплики в русской диалогической речи: словарь / В.Т. Бондаренко. – Тула: [б. и.], 2013. – 339 с.

Васильев, А.И. Фразеологический словарь языка И.А. Бунина / А.И. Васильев. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2011. – 391 с.

Галиуллин, К.Р. Словарь языка русских пословиц и поговорок конца XVII – первой половины XVIII века: сборник пословиц Петровской галереи / К.Р. Галиуллин, Д.А. Мартьянов. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – 188 с.

Даль, В.И. Пословицы русского народа: Сборник: в 2 т / В.И. Даль. – М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1996. – Т. 1-2.

Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1-4 / В. Даль. – М. ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. – *ТСД*.

Добровольский, Д.О. Ассоциативный словарь русского языка / Д.О. Добровольский, Ю.Н. Караулов. – М.: Помовский и партнёры, 1994. – 116 с.

Елистратов, В.С. Словарь языка Василия Шукшина / В.С. Елистратов. – М.: Азбуковник. Русские словари, 2001. – 432 с.

Жигулёв, А.М. Русские народные пословицы и поговорки / А.М. Жигулёв. – М.: Наука, 1969. – 448 с.

Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 535 с.

Жуков, В.П. Словарь фразеологических синонимов русского языка / В.П. Жуков, М.И. Сидоренко, В.Т. Шкляров. – М.: Русский язык, 1987. – 448 с.

Зимин, В.И. Пословицы и поговорки русского народа: объяснительный словарь / В.И. Зимин, А.С. Спирин. – М.: Сюита, 1996. – 544 с.

Иллюстров, И.И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках / И.И. Иллюстров. – М.: Товарищество Скоропечатни А.А. Левенсон, 1915. – 480 с.

Кимягарова, Р.С. Словарь языка басен Крылова / Р.С. Кимягарова. – М.: ООО «Издательство “Русские словари”», 2006. – 928 с.

Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева; редкол.: Л.Г. Андреев,

Н.И. Балашов, А.Г. Бочаров и др. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – 752 с.

Ломов, А.Г. Фразеологический словарь драматургии А.Н. Островского / А.Г. Ломов. – Ташкент, Укитувчи, 1988. – Вып. 1. – 327 с.

Мелерович, А.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – М.: Русские словари, 1997. – 864 с. – *ФРР*.

Михельсон, М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. / М.И. Михельсон. – М.: ТЕРРА, 1997. – Т. 1-2.

Михельсон, М.И. Ходячие и меткие слова: сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний) / М.И. Михельсон. – М.: ТЕРРА, 1997. – 624 с.

Мокиенко, В.М. Басни Ивана Андреевича Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения: словарь-справочник / под общ. ред. К.П. Сидоренко / В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко. – СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2013. – 682 с.

Мокиенко, В.М. Большой словарь крылатых выражений А.С. Грибоедова. («Горе от ума») / под общ. ред. К. П. Сидоренко / В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. – 800 с.

Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 784 с.

Мокиенко, В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с. – *БСРП*.

Мокиенко, В.М. Большой словарь русских сравнений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.

Мокиенко, В.М. Народная мудрость / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. – 416 с.

Мокиенко, В.М. Словарь крылатых выражений Пушкина / В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Фолио-Пресс, 1998. – 752 с. – *СКВП*.

Мокиенко, В.М. Толковый словарь библейских выражений и слов / В.М. Мокиенко, Г.А. Лилич, О.И. Трофимкина. – М.: Астрель, 2010. – 639 с.

Николаюк, Н.Г. Библейское слово в нашей речи: словарь-справочник / Н.Г. Николаюк. – СПб.: Светлячок, 1998. – 448 с.

Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX вв / изд. подг. М.Я. Мельц, В.В. Митрофанова, Г.Г. Шаповалова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 289 с.

Рыбникова, М.А. Русские пословицы и поговорки / М.А. Рыбникова. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 230 с.

Сидоренко, М.И. Словарь языка и рифм Н. Рубцова / М.И. Сидоренко. – Череповец: Издательство «Порт-Апрель», 2005. – 440 с.

Симони, П.К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. Вып. I-II / П.К. Симони. – СПб., 1899. – I – XIX + 216 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981-1984. – Т. 1-4. – *МАС.*

Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А-В / Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова; гл. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. – М.: Азбуковник, 2008. – 964 с.

Снегирев, И. Русские народные пословицы и поговорки / И. Снегирев. – М.: ТЕРРА, 1995. – 352 с.

Соболев, А.И. Народные пословицы и поговорки / А.И. Соболев. – М.: Московский рабочий, 1955. – 155 с.

Уваров, Н.С. Фразеологизмы в повести В.П. Астафьева «Последний поклон»: словарь фразоупотреблений: в 2 ч. / Н.С. Уваров. – Куйбышев: [б. и.], 2010. – Ч. 1: А – О. – 360 с.; Ч. 2: П – Я. – 377 с.

Уваров, Н.С. Фразеологизмы в творчестве Владимира Высоцкого / Н.С. Уваров. – Омск ОмГПУ, ООО «Издательские дом “Наука”», 2007. – 536 с.

Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т / сост. А.И. Фёдоров. – М.: Цитадель, 1997. – Т. 1 – 2. – *ФСРЛЯ.*

Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с. – *ФСРЯ*.

Фразеологический словарь русского языка / сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. – М.: Русский язык, 2003. – 336 с. – *ФСРЯТ*.

Частотный словарь романа Л.Н. Толстого «Война и мир» / сост. З.Н. Великодворская, Г.С. Галкина, Г.В. Куперман, В.М. Цапникова. – Тула: Тульский государственный педагогический институт, 1978. – 381 с.

Языкознание: большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

Walter, H. Russich – Deutsch – Spanisches Wörterbuch aktueller Sprichwörter./ H. Walter, V. Mokienko, M. Riiz-Zorrilla Cruzate– Greifswald, 2009. – 305 p.

Интернет-источники

URL: http://www.demotivatory.ru
URL: http://www.yandex.ru

Научное издание

Ольга Валентиновна Ломакина

ФРАЗЕОЛОГИЯ В ТЕКСТЕ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ИДИОСТИЛЬ

Редактор *И.Л. Панкратова*
Технический редактор *Н.А. Ясько*
Компьютерная верстка *М.Н. Заикиной*
Дизайн обложки *Ю.Н. Ефремовой*

Тематический план изданий
учебной и научной литературы 2018 г., № 54

Подписано в печать 25.10.2018 г. Формат 60×84/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,5. Тираж 500 экз. Заказ 856

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. (495) 952-04-41